

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2024. Т. 20. № 1

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 1

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2024

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 1

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (ФГБОУ ВО ИРНИТУ). 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия

Издательство: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет». 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А, Россия

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 1

Editorial board

- Editor-in-Chief** - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder and Publisher: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University" (INRTU).
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia

Publishers: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University" (INRTU).
83A, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Кичигин Д.Е., Шергин Д.Л., Иванов Г.Л. Древности озера Хубсугул (Монголия): по материалам разведочных работ Б.Э. Петри в 1923 г. К 140-летию со дня рождения основателя Иркутской школы археологии	8
Аржанов А.Ю., Неделькин Е.В., Афонин А.С. Материалы к истории земледелия в округе раннесредневекового Херсона	33
Ивлиев А.Л. Нумизматические находки на раннесредневековых памятниках Приморского края России	48
Суслова О.В. Деятельность Ф.Э. Карантониса во главе Иркутского отдела охраны памятников искусства, старины и природы (1924–1934 гг.)	65

ИСТОРИЯ

Звездина А.А., Ланцова И.В. Теоретическая нагруженность исторического факта	77
Орлова И.В. Обеспечение гражданской медицины Восточно-Сибирского региона в XIX веке низшими медицинскими чинами	86
Калихман А.Д. Появление Яна Черского в Сибири и Иркутске: обзор и анализ литературных версий	97
Твердюкова Е.Д. Преподавание отечественной истории в низшей школе Российской империи в начале XX в.	108
Рогозный П.Г. Судьба иконы в революционной России: от открытия древнерусской живописи до эпохи «иконоборчества»	121
Наумов И.В. Александр Васильевич Колчак – военный моряк, исследователь Арктики и «Верховный правитель России»	134
Воронцов Д.В. «В разгар Гражданской войны»: Опыт реорганизации войск на территории востока России с осени 1919 г. по конец 1920 г.	148
Бакшеев А.И., Рогачев А.Г. «Содержательность обсуждения текущего положения»: Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.)	161

РЕЦЕНЗИЯ

Измозик В.С. Проблемы российской цензуры	171
Пученков А.С. Рожденные революцией	176

ПЕРСОНАЛИЯ

Новиков П.А., Корчевина Л.В., Петрушин Ю.А. Мудрый руководитель, талантливый историк, прекрасный человек. Впечатления ровесников и учеников о И.В. Наумове	180
---	-----

*На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова*

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kichigin D.E., Shergin D.L., Ivanov G.L. Antiquities of Lake Khubsugul (Mongolia): based on materials from exploring by B.E. Petri in 1923. To the 140th anniversary of the birth of the founder of the Irkutsk School of Archaeology.....	8
Arzhanov A.Yu., Nedelkin E.V., Afonin A.S. Materials to the history of agriculture in the surroundings of Early Medieval Cherson	33
Ivliev A.L. Numismatic findings in early medieval sites of Primorski Territory of Russia.....	48
Suslova O.V. Activities of P.E. Karantonis at the head of the Irkutsk Department for the Protection of Sites of Art, Antiquity and Nature (1924-1934)	65

HISTORY

Zvezdina A.A., Lantsova I.V. Theoretical load of a historical fact	77
Orlova I.V. Providing civil medicine in the East Siberian region by lower medical ranks in the 19th century	86
Kalikhman A.D. The appearance of Jan Chersky in Siberia and Irkutsk: review and analysis of literary versions.....	97
Tverdyukova E.D. Teaching Russian history in primary school of the Russian Empire at the beginning of the 20 century	108
Rogozny P.G. The fate of the icon in Revolutionary Russia: From the discovery of ancient Russian painting to the era of “iconoclasm”	121
Naumov I.V. Alexander Vasil’evich Kolchak - Marine, Arctic explorer and “Supreme Ruler of Russia”	134
Vorontsov D.V. “In the midst of the Civil War”: Experience of reorganization of troops in the East of Russia from the autumn of 1919 to the end of 1920	148
Baksheev A.I., Rogachev A.G. «The content of the discussion of the current situation»: First Congress of Siberian Soviets (December, 3-9, 1925).....	161

REVIEW

Izmozik V.S. Problems of Russian Censorship	171
Puchenkov A.S. Born by revolution	176

PERSONALIA

Novikov P.A., Korchevina L.V., Petrushin Yu.A. A wise leader, a talented historian, a wonderful person. Impressions of peers and students about I.V. Naumov.....	180
---	-----

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 1

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 1

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 902
EDN: EBFQDW
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-8-32

**Древности озера Хубсугул (Монголия):
по материалам разведочных работ Б.Э. Петри в 1923 г.
К 140-летию со дня рождения основателя Иркутской школы археологии**

Д.Е. Кичигин¹, Д.Л. Шергин^{2,3}, Г.Л. Иванов³

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

³ Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В 2024 г. исполняется 140 лет со Дня рождения основателя Иркутской школы археологии, профессора Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри. В 1923–1924 гг. он совершил несколько научных экспедиций в Северную Монголию. В поисках стоянок неолитического человека, подобных Улан-Хаде на Байкале, в 1923 г. им был обследован восточный берег озера Косогол (Хубсугул). Результаты этой экспедиции были кратко описаны Б.Э. Петри в небольшой работе «Древности озера Косогола (Монголия)» в 1926 г. На основе современных карт установлены разведочные маршруты этой экспедиции и местонахождения 9 из 10 пунктов сбора подъемного материала. Собранные Б.Э. Петри находки, представленные в основном фрагментами керамических сосудов и предметами из камня, сегодня хранятся в фондах Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского, составляя в общей сложности 5 коллекций (№ 759, 760, 763, 764, 766) с 8 местонахождений (Алаксыр, Далбай, Анчикатан, Морин-Тоскул, Ноин-Гол, Шошул, Тана и Ханга). Среди фрагментов керамики выделяются группы с сетчатой, шнуровой, рубчатой, вафельной и гладкой поверхностью. Орнамент представлен налепными валиками, «жемчужинами», оттисками отступающих орнаментов и прочерченными линиями. В коллекции из камня: отщепы и пластины с ретушью и без следов дальнейшей обработки, лыжевидные сколы, клиновидные и призматические нуклеусы, орудия (наконечники стрел, скребло, скребки, резцы и комбинированные орудия). На основании сравнительно-типологического анализа археологического материала установлено, что практически вся коллекция с восточного берега Хубсугула, собранная Б.Э. Петри в 1923 г., находит прямые аналогии в материалах стоянок и погребений Прибайкалья и датируется в пределах конца VII тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э.

Ключевые слова: Б.Э. Петри, Хубсугул, Прибайкалье, неолит, бронзовый век, стоянка, фрагменты керамических сосудов, нуклеус, скребок, призматическая пластина

Для цитирования: Кичигин Д.Е., Шергин Д.Л., Иванов Г.Л. Древности озера Хубсугул (Монголия): по материалам разведочных работ Б.Э. Петри в 1923 г. К 140-летию со дня рождения основателя Иркутской школы археологии // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 8–32. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-8-32>. EDN: EBFQDW.

Archaeology

Original article

**Antiquities of Lake Khubsugul (Mongolia):
based on materials from exploring by B.E. Petri in 1923
To the 140th anniversary of the birth of the founder
of the Irkutsk School of Archaeology**

Dmitrii E. Kichigin¹, Dmitrii. L. Shergin^{2,3}, Grigorii L. Ivanov³

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

© Кичигин Д.Е., Шергин Д.Л., Иванов Г.Л., 2024

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³ N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, Irkutsk, Russia

Abstract. In 2024 marks the 140th birthday of the founder of the Irkutsk School of Archaeology, professor of the Irkutsk University B.E. Petri. In 1923-1924 he made several scientific expeditions to the Northern Mongolia. In search of sites of Neolithic man, similar to Ulan-Khada on Baikal, in 1923 he had surveyed the eastern shore of Lake Kosogol (Khubsugul). The results of this expedition were briefly described by B.E. Petri in a small work «Ancient Lake Kosogol (Mongolia)» in 1926. On the basis of modern maps, the exploration routes of this expedition and the locations of 9 out of 10 pick-up points have been established. The finds collected by B.E. Petri, presented mainly fragments of ceramic vessels and objects made of stone, are now stored in the funds of the Irkutsk Regional Museum of Local History named after N.N. Muraviev-Amursky, making up a total of 5 collections (759, 760, 763, 764, 766) from 8 locations (Alaksyr, Dalbai, Anchikatan, Morin-Toskul, Noyn-Gol, Shoshul, Tana and Khanga). Among the fragments of ceramics, groups with mesh, cord, ribbed, waffle and smooth surfaces stand out. The ornament is represented by molded ridges, “pearls”, impressions of receding ornaments and drawn lines. The stone collection includes: flakes and blades with retouching and without traces of further processing, ski-shaped spalls, wedge-shaped and prismatic cores, tools (arrowheads, end-scrapers, side-scrapers, burins and combined tools). Based on the comparative and typological analysis of archaeological material, it was found that almost the entire collection from the eastern shore of Lake Khubsugul, collected by B.E. Petri in 1923, finds direct analogies in the materials of the sites and the burial grounds on Lake Baikal and dates back to the end of 7-year of the summer millennium BC - the middle of the 1st thousand.

Keywords: B.E. Petri, Lake Khubsugul, Baikal region, Neolithic, Bronze Age, site, fragments of ceramic vessels, core, scraper, prismatic plate

For citation: Kichigin D.E., Shergin D.L., Ivanov G.L. (2024) Antiquities of Lake Khubsugul (Mongolia): based on materials from exploring by B.E. Petri in 1923. To the 140th anniversary of the birth of the founder of the Irkutsk School of Archaeology. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 8-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-8-32>. EDN: EBFQDW.

Введение

Период 1920-х гг. можно назвать временем бурного развития археологической науки в Прибайкалье. Были открыты десятки археологических объектов, собраны многочисленные коллекции, созданы теоретические наработки. Характерной особенностью археологических исследований того времени был широкий территориальный охват – экспедиции прошли не только по территории сегодняшних Иркутской области и Республики Бурятия, входящих в понятие «Байкальская Сибирь», а также вышли за пределы границ СССР, а именно на территорию Монгольской Народной Республики (Соболева, 2017).

Главным организатором проведения археологических работ на многих направлениях был профессор Иркутского госуниверситета Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937).

Первые археологические исследования на побережье озера Хубсугул (Косогол/Ховсгол) состоялись в сентябре 1923 г., когда была осуществлена давняя мечта Б.Э. Петри – проведение разведки на берегах северного монгольского озера, имеющего естественное сообщение с озером Байкал, где им уже был открыт ряд интереснейших стоянок региона. В результате монгольской экспедиции были

выявлены более десятка местонахождений археологического материала и погребальных комплексов. Однако, наряду с многочисленными коллекциями 1920-х гг., находки с восточного берега Хубсугула в полной мере так и не были введены в научный оборот.

Статья посвящена одной из экспедиций Б.Э. Петри, проводимой им в 1923 г. на восточном побережье Хубсугула, и сравнительному анализу коллекций археологического материала с двух районов – Прихубсугулье и Прибайкалье.

История исследования

В сентябре 1923 г., минуя Мондинский перевал, небольшая экспедиция во главе с профессором Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри впервые вступила на берега северного монгольского озера. В целях рекогносцировки было принято решение проехать озеро с севера (Турт/Ханх) на юг (Хатгал) на пароходе, наблюдая побережье в бинокль и отмечая на карте все перспективные места в плане обнаружения стоянок неолитического человека (рис. 1).

По результатам этого заезда работу экспедиции было решено сосредоточить на восточном побережье озера, которое показалось первооткрыва-

Рис. 1. Карта-схема археологического обследования Б.Э. Петри в 1923 г. (основа взята с карты масштабом 1:500000)
Fig. 1. Scheme-map of the archaeological survey of B.E. Petri in 1923 (based on a map with a scale of 1:500000)

телю ряда стоянок байкальского побережья (Улан-Хада, Мандерхан, Песчаная и др.) наиболее перспективным. Работа экспедиции впоследствии была разбита на два заезда, соответствующих, на первый взгляд (рис. 1), двум одинаковым по расстоянию участкам (на деле протяженность маршрутов практически вдвое отличалась). Первый из них проходил по маршруту «залив Хилин¹ (Хилэнг) – Хатхыл (Хатгал)» (около 90 км), второй – по маршруту «Далбай (устье р. Далбайн гол) – Тоя (устье р. Тойн гол)» (около 50 км). Срединная часть восточного берега (около 40 км), характеризующаяся крутыми обрывистыми берегами и малым количеством закрытых бухт, в итоге осталась неисследованной.

Отправной точкой первого заезда был залив Хилин (Хилэнг), куда участники экспедиции вместе с лодкой и снаряжением были доставлены пароходом. Отсюда на лодке они двинулись на юг к Хатхылу (Хатгал). Протяженность этого маршрута составила более 90 км (рис. 1). Из всех пунктов первого заезда, которые посетили участники экспедиции, Б.Э. Петри отмечает только три – бухта Кексыр, залив Алаксыр и долина одноименной реки (Алагциар гол), степь в районе истока р. Эггин-гол (Эгийн гол).

В бухте Кексыр каких-либо находок сделано не было, в том числе по результатам раскопочных работ. Только в глубине бухты, у тракта, ими обнаружен один керексур – по сути, первый археологический объект, обнаруженный экспедицией Б.Э. Петри в 1923 г. и, надо заметить, не вызвавший у него, как мы видим из повествования, какого-либо интереса.

В заливе Алаксыр экспедиция совершила продолжительную остановку. В глубине долины одноименной реки (Алагциар гол), на обоих берегах выше устья руч. Сагса (Сагса), Б.Э. Петри было обнаружено огромное пространство, занятое керексурами. Самые выразительные из них были зарисованы, обмерены и описаны. Однако наибольший восторг по результатам остановки в местности Алаксыр вызвал единственный фрагмент керами-

ки, найденный на западном приустьевом берегу р. Алагциар гол – «первое вещественное свидетельство пребывания человека каменного периода на берегах Косокола» (Петри, 1926. С. 7).

Третий пункт четкой географической привязки не имеет. Отметим лишь, что после упоминания отрицательных результатов осмотра бухт юго-восточной части озера, включая район истока р. Эггин-гол, Б.Э. Петри указывает на нахождение в степи бронзового наконечника стрелы. Рисунок этой находки автор приводит в своей работе (Петри, 1926. С. 7. Рис. 1).

Первый заезд экспедиции по маршруту «залив Хилин (Хилэнг) – Хатхыл (Хатгал)» для профессора Иркутского госуниверситета Б.Э. Петри, открывшего ряд интереснейших объектов в Прибайкалье (Петри, 1914; Петри, 1921; Петри, 1922), завершился, надо признать, тотальным разочарованием. Это чувствуется по самому описанию этого заезда и заверению ученого, в котором сочетаются полная уверенность в пребывании неолитического человека на Косоколе (Хубсугул) с категорическим отрицанием самой возможности сохранения следов его деятельности:

«Возможно и даже несомненно, что здесь обитал неолитический человек, но физико-географические условия здесь таковы, что надежд на сохранность остатков его индустрии нет» (Петри, 1926. С. 7).

Вернувшись в Хатхыл (Хатгал), экспедиция Б.Э. Петри пополнила запасы и вновь отправилась в путь (на пароходе). На этот раз они высадились в бухте Далбай (приустьевой участок р. Далбайн гол), оставив вне разведки срединный отрезок восточного побережья, протяженностью около 40 км – с довольно крутыми обрывистыми берегами и малым количеством закрытых бухт.

Протяженность второго маршрута «Далбай (устье р. Далбайн гол) – Тоя (устье р. Тойн гол)» составила около 50 км. Однако результаты этого (второго) заезда сильно отличались от результатов первого заезда. Практически в каждой бухте – Далбай (Далбайн), Анчикатан (Анжист), Морин-Тоскул (Тусхал), Ноин-Гол (Ноён-гол), Шошул (Шогнул), Тана (Таанын) и Тоя (Тойн) – участниками экспедиции были собраны значительные коллекции археологического материала. В своей работе Б.Э. Петри также отметил пункты, в которых, по его

¹ Здесь и далее приводится название топонима согласно работе Б.Э. Петри «Древности озера Косокола (Монголия)», 1926 г. В скобках – название топонима на современных картах.

мнению, обязательно должны присутствовать следы доисторического человека, но к их общему разочарованию таковых обнаружить не удалось – местности Сыпсын (р. Сэвсуулийн гол) и Турук (р. Тураг гол).

Достигнув окрестностей Турта (Ханха), работу экспедиции было решено свернуть. Западный берег озера, и без того менее перспективный, по результатам обследования восточного берега казался совсем не интересным. Единственное место, которое отметил Б.Э. Петри (видимо, по результатам проработки картографического материала) – бухта Хотон, обследование которой, по предположению ученого, «...быть может и даст кое-какие археологические результаты» (Петри, 1926. С. 4–5).

Таким образом, по результатам проведения археологической разведки Б.Э. Петри в 1923 г. по восточному побережью Косогола (Хубсугул) следует сделать следующие выводы:

1. На восточном побережье озера, включая район истока р. Эггин-гол (Эгийн-Гол), с учетом двух заездов (маршрутов) экспедиции, общей протяженностью около 140 км, было выявлено 10 пунктов нахождения археологического материала и 2 пункта погребальных комплексов – керексуров (местности Кексыр и Алаксыр).

2. Археологические коллекции представлены исключительно подъемными сборами. Несмотря на все желание Б.Э. Петри выявить культурный слой, сделать это по результатам раскопочных работ в местностях Кексыр, Далбай (р. Далбайн гол) и остальных бухтах восточного побережья, к сожалению, не удалось. Более того, каких-либо перспектив дальнейших раскопочных работ сам ученый уже не представлял: «... надежда найти на Косоголе когда-нибудь культурный слой для меня навсегда потеряна» (Петри, 1926. С. 8).

3. Подавляющее большинство предметов, собранных на дюнных стоянках восточного берега, за исключением черепков «культуры курумчинских кузнецов», Б.Э. Петри относил к «Байкальской неолитической провинции» и датировал их верхним (поздним) неолитом, оперируя такими признаками как «микрولитичность орудий, совершенство кремневой техники, черепки, покрытые штрихами (следы стеблей травы), черепки, покрытые отпечатками тканей, появление бронзовых импортных вещей» (Петри, 1926. С. 13–14).

Надо признать, что, несмотря на, казалось бы, скромные результаты разведочных работ Б.Э. Петри в 1923 г., сегодня его материалы, с учетом произошедших за последние 100 лет раскопок в Прибайкалье, вызывают совершенно другой интерес.

Археологические материалы

Опираясь на современные карты, из 10 пунктов сбора Б.Э. Петри археологического материала более-менее достоверно удалось установить местонахождение 9 пунктов. Местонахождение бронзового наконечника стрелы «...типично минусинского характера...», обнаруженного где-то «... на степи...» (Петри, 1926. С. 7), установить не представлялось возможным. В материалах Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского (далее – ИОКМ) этот предмет не значится (не сохранился до настоящего времени).

Общее количество находок, собранных Б.Э. Петри на восточном берегу Хубсугула, по сохранившимся (сегодняшним) коллекциям ИОКМ составляет 561 предмет, из которых 288 (51,34 %) – фрагменты керамики, 271 (48,31 %) – предметы из камня, 1 (0,18 %) – фрагмент изделия из кости и 1 (0,18 %) – изделие из бронзы (табл. 1).

Большинство фрагментов керамики (60,76 % от числа керамики), к сожалению, имеет шероховатую поверхность, что обусловлено длительным пребыванием этих предметов в супесчаных, постоянно перевеиваемых почвах. Как следствие, эти фрагменты керамики уже не несут какой-либо информации о конструктивных особенностях сосудов, характере внешней поверхности стенок и орнаментации – их следует отнести к категории недиагностируемых фрагментов. Из 288 фрагментов керамики только со 113 фрагментов (39,24 %) можно было снять показатели технического декора и орнамента (табл. 2).

Описание археологических материалов с местонахождений восточного берега Хубсугула приводится с юга на север, в исторической последовательности – по мере того, как они были открыты Б.Э. Петри и описаны (перечислены) в его работе (Петри, 1926).

Местонахождение Алаксыр расположено на берегу одноименной бухты озера, в месте впаде-

Таблица 1. Количественный состав археологического материала со стоянок восточного берега Хубсугула по результатам разведки Б.Э. Петри в 1923 г. (по материалам ИОКМ, 2023 г.)

Table 1. Quantitative composition of archaeological material from sites on the eastern bank of Lake Khubsugul based on the results of exploration by B.E. Petri in 1923 (based on IRMLH materials, 2023)

№ по КО	Название местонахождения по публикации Б.Э. Петри/ по описям ИОКМ/ на современных картах	Общее кол-во находок	Изделия из керамики		Изделия из камня				Изделия из кости	Изделия из металла
			Всего фрагментов	Диагностируемые	Всего предметов	Отщепы, сколы (без ретуши)	Изделия и их фрагменты	Нуклеусы		
759	местность Шошул / бухта Шошул / приустьевой участок р. Шогнуул гол	263	178	17	85	17	68			
760	бухта Далбай / бухта Домбай / приустьевой участок р. Далбайн гол	134	62	28	71		71			1
763-1-12	бухта Анчикатан / Анчикатан / приустьевой участок Анжист гол	9	5		4	3	1			
763-13	залив Алаксыр / Алкасыр / приустьевой участок р. Алаг-циар гол	1	1							
763-14-31	бухта Тана / р. Тана, правый берег / приустьевой участок р. Таанын гол	13	7	7	6		6			
763-32-50	бухта Тана / р. Тана, левый берег / приустьевой участок р. Таанын гол	23	13	3	10		10			
763-51-60	бухта Ханга / побережье Ханха (Турт)	4			4	3	1			
763-61-94	бухта Морин-Тоскул / Марин-Тоскул/ приустьевой участок р. Тухал гол	49	12		37	10	27			
764	местность Ноин-Гол / бухта Ноин-Гол / приустьевой участок р. Ноён гол	58	6	5	51	13	36	2	1	
766-2	устье реки Тоя / р. Тоя, от устья – левый берег; песчаный выдув / приустьевой участок р. Тойн гол	2			2		1	1		
766-3-7	бухта Тана / бухта Тана, правый берег р. Тана / приустьевой участок р. Таанын гол	5	4	3	1	1				
	Всего:	561	288	63	271	47	221	3	1	1
	в %	100	51,34	11,23	48,31	8,38	39,4	0,54	0,18	0,18

Таблица 2. Количественный состав фрагментов керамики со стоянок восточного берега Хубсугула по результатам разведки Б.Э. Петри в 1923 г. (по материалам ИОКМ, 2023 г.)

Table 2. Quantitative composition of ceramic fragments from sites on the eastern bank of Lake Khubsugul based on the results of exploration by B.E. Petri in 1923 (based on IRMLH materials, 2023)

№	Местонахождение по публикации Б.Э. Петри (Петри, 1926)	Всего фрагментов	Недиагностируемые фрагменты	Сетчатая	Шнуровая	Рубчатая	Вафельная	Гладкостенная	Орнамент («отступающая лопаточка», «жемчужины» и др.)	Диагностируемые фрагменты
1	Алаксыр	1	1							
2	Далбай	62	34	1	10	9/2*		3/2	5/3	28
3	Анчикатан	5	4					1		1
4	Морин-Тоскул	12	12							
5	Ноин-Гол	6	1		1	2			2/2	5
6	Шошул	178	112/13	19	11	2/1	5/1	6/2	23/3	66
7	Тана	24	11/1	1				7/2	5	13
Всего:		288	175/14	21	22	13	5	17	35	113
в %		100	60,76	18,58**	19,47	11,50	4,43	15,04	30,97	39,24

Примечания: * – в числителе – общее количество фрагментов, в знаменателе – количество венчиков от общего количества;

** – процентное соотношение приводится от числа диагностируемых фрагментов.

ния в нее р. Алагциар гол. На левом приустьевом берегу этой реки на дюнах найден 1 недиагностируемый фрагмент керамики (№ по КО 763–13).

Местонахождение Далбай находится на берегу одноименной бухты озера, в месте впадения в нее р. Далбайн гол. Здесь на площади «...в несколько десятков десятин...» собрано 134 находки (Петри, 1926. С. 8), из которых 62 – фрагменты керамики, 71 – предметы из камня и 1 – изделие из металла (№ по КО 760).

В коллекции керамики из 62 фрагментов 34 являются недиагностируемыми. По характеру внешней поверхности сосудов выделяются группы керамики с гладкой (3 экз.), рубчатой (9 экз.), шнуровой (10 экз.) и сетчатой (1 экз.) поверхностью. У 5 фрагментов керамики с орнаментом определить характер внешней поверхности не представляется возможным. Из 28 диагностируемых фрагментов 7 являются фрагментами венчиков от разных сосудов.

В составе керамики с гладкой поверхностью отмечено 2 апплицируемых фрагмента венчика от

сосуда простой закрытой формы без орнамента, венчик прямоугольной в сечении формы (рис. 2.5); фрагмент тулова с прочерченными линиями (рис. 2.7).

Керамика с рубчатой поверхностью представлена 9 фрагментами, возможно, от одного сосуда. Горшок закрытой формы, венчик прямоугольной в сечении формы слегка отогнут наружу. В верхней части сосуд орнаментирован двумя параллельными горизонтальными рядами «жемчужин». По внутреннему краю венчика нанесены парные угловые оттиски (рис. 2.4).

Керамика с оттисками шнура представлена 10 фрагментами, на двух из которых отмечены параллельные прочерченные линии (рис. 2.10). Сам шнур тонкий, на ряде фрагментов отмечено наложение оттисков друг на друга.

Сетчатая керамика представлена одним фрагментом тулова сосуда без орнамента. Сама сетка мелкаячешуйчатая с очень маленькими узелками, до 1,5–2,0 мм (рис. 2.9).

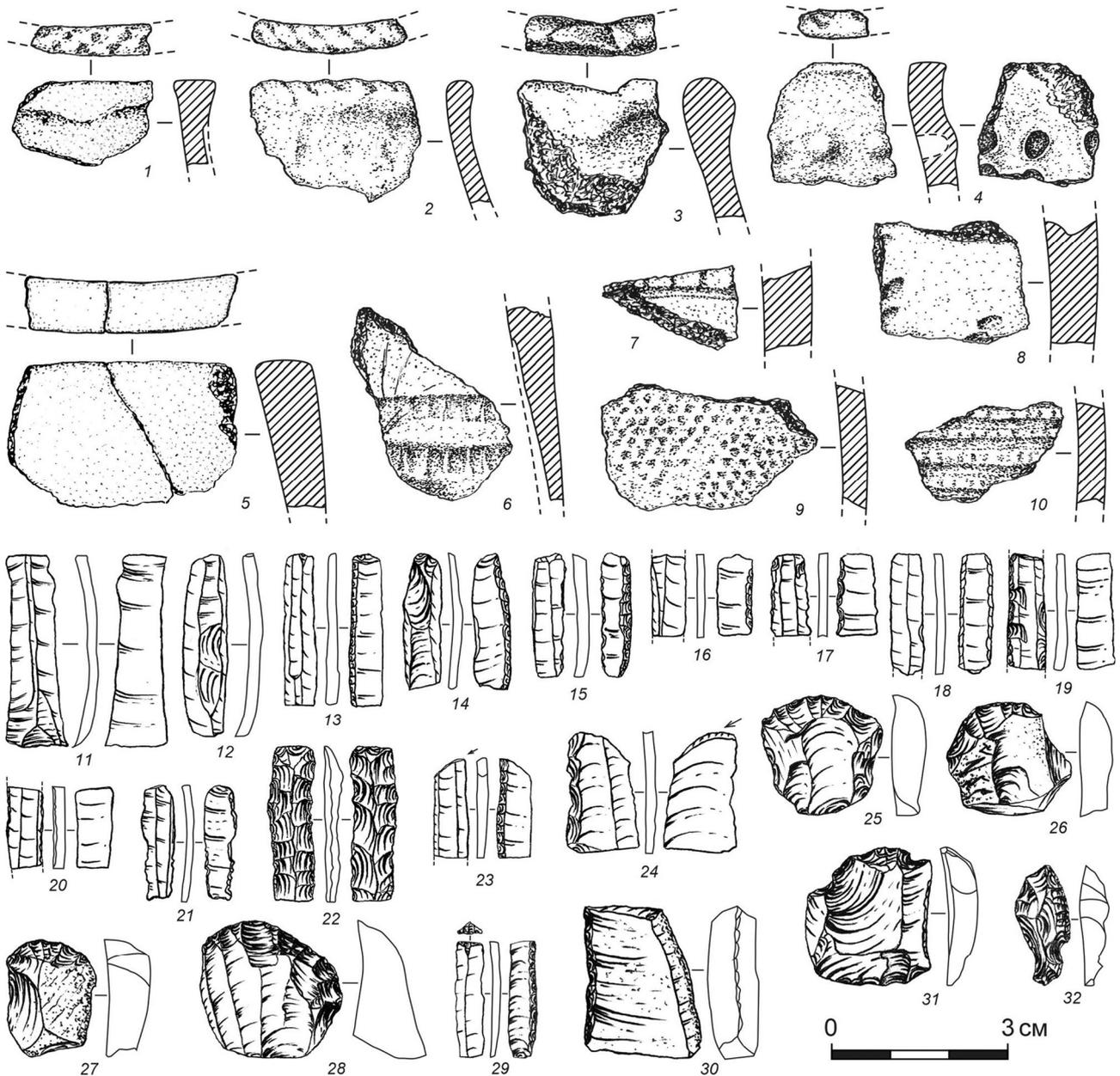

Рис. 2. Местонахождение Далбай, коллекция № 760: 1–10 – фрагменты керамических сосудов;
 11–32 – изделия из камня и их фрагменты

Fig. 2. Site Dalbai, collection No. 760: 1-10 - fragments of ceramic vessels; 11-32 - stone artefacts and their fragments

Среди других фрагментов керамики без установления характера внешней поверхности сосуда следует отметить:

– фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик овальной в сечении формы слегка отогнут наружу, по срезу нанесены косопоставленные оттиски зубчатого штампа (рис. 2.2);

– фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик прямой (подгрибовидной) в сечении формы слегка отогнут наружу, по срезу нанесены косопоставленные оттиски зубчатого штампа (рис. 2.1);

– фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик овальной в сечении формы слегка отогнут наружу, по срезу нанесены глубокие треугольные в профиле оттиски, придающие венчику волнообразную форму (рис. 2.3);

– фрагмент тулова сосуда с парными, овальными по форме оттисками (рис. 2.8);

– фрагмент тулова сосуда с двумя параллельными рядами прямоугольных оттисков, выполненных в накольчато-отступающей технике (рис. 2.6).

Коллекция подъемного материала из камня состоит из 71 предмета. Подавляющее количество

находок представлено остатками микропластинчатого расщепления, в основном из микрокварцитового субстрата темно-серого цвета, а также кремня, яшмы и халцедона.

Призматические пластины. Большая часть изделий без подработки, пластины тонкие с ровными краями и субпараллельной огранкой – 51 экз. (рис. 2.11–12). Пластины с подработкой оформлены краевой ретушью с вентральной стороны по одному из маргиналов – 5 экз. (рис. 2.13–17). Одна пластина оформлена краевой ретушью по обоим маргиналам с вентральной стороны (рис. 2.18) и две – с дорсальной стороны по одному из маргиналов (рис. 2.19–20). Одно изделие имеет сильную степень сработанности маргиналов (рис. 2.21). Среди пластин выделяется вкладыш из черного кремня, обработанный с двух сторон захватывающей ретушью (рис. 2.22).

Резцы. В коллекции представлено два трансверсальных резчика, имеющих в одном случае диагональный скол справа налево (рис. 2.23), изготовлен из медиального сегмента призматической пластины. Головка резца оформлена острым углом, край с вентральной стороны ретуширован по всей длине тела. Во втором случае диагональный скол слева направо (рис. 2.24), выполнен на проксимальном сегменте халцедоновой пластины. Головка резца оформлена тупым углом, края ретушированы по всей длине тела.

Скребки. К скребкам мы отнесли орудия морфологически выраженные, с выпуклым концевым контуром лезвия. Таких скребков всего три (рис. 2.25–27). У всех трех скребков лезвие оформлено на дистальном конце с дорсального фаса крутой притупляющей ретушью. Длина орудий не более 2 см, что позволяет их отнести к микроскребкам.

Комбинированные орудия. Первое орудие изготовлено из нуклеуса (рис. 2.28). Изделие можно описать как концевой скребок. Лезвие сформировано с дистального конца фронта нуклеуса. Наличие фронта, ребра, ударной площадки, негативы снятия пластин – позволяют предположить, что прежде изделие использовалось как нуклеус. Второе изделие представлено концевым скребком на ретушированной с вентральной стороны по левому маргиналу призматической пластине (рис. 2.29).

Лезвие прямое, оформлено на дистальном конце пластины.

Отщепы с ретушью. Представлены тремя экземплярами с разнообразной морфологией рабочего края (лезвия) (рис. 2.30–32). Общим признаком является оформление рабочей части локальной краевой ретушью. Орудия представляют собой пластинчатые сколы с нерегулярной краевой ретушью с дорсальной стороны по продольному краю (краям).

Кремневый наконечник стрелы «американского типа» и бронзовый нож, найденные на стоянке и опубликованные Б.Э. Петри (Петри, 1926. Рис. 2, 3), в материалах ИОКМ не значатся – до сегодняшнего дня не сохранились. По коллекционной описи (№ 760) фигурирует совершенно другой по форме и размерам бронзовый нож, который в рамках статьи нами не рассматривается.

Местонахождение Анчикатан расположено на берегу одноименной бухты озера, в месте впадения в нее р. Анжист гол. Здесь на слабо раздутых дюнах собрано небольшое количество находок, из которых в материалах ИОКМ сохранилось только 9 предметов: 5 фрагментов керамики и 4 предмета из камня (№ по КО 763-1-12).

Среди фрагментов керамики только один принадлежит гладкостенному сосуду (без орнамента). Остальные четыре фрагмента толстостенные – с толщиной стенки до 1,3–1,6 см. Скорее всего последние являются фрагментами обмазки горна (?).

Каменный инвентарь местонахождения представлен микроскребком (рис. 3.12), имеющим параболический контур рабочего края, и тремя отщепами, один из которых имеет следы предыдущих снятий с вентральной стороны (рис. 3.13).

Местонахождение Морин-Тоскул находится на берегу одноименной бухты озера, в месте впадения в нее р. Тусхал гол. Здесь собрано 49 предметов, из которых 12 – недиагностируемые фрагменты керамики и 37 – предметы из камня (№ по КО 763-61-94).

Коллекция подъемного материала из камня включает в себя 37 предметов, представленных отщепами – 11 экз., один из которых имеет двухстороннюю краевую ретушь (рис. 3.10); призматическими микропластинами – 22 экз. (рис. 3.1–6);

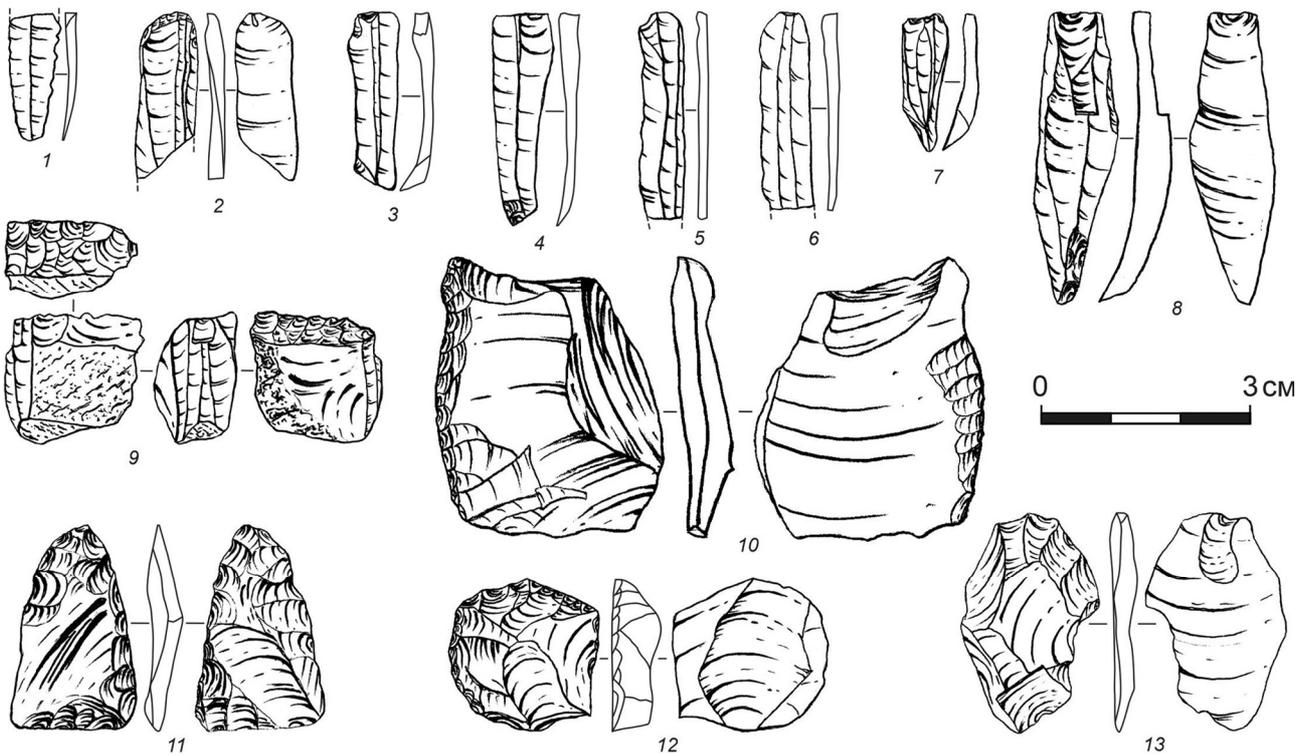

Рис. 3. Местонахождение Анчикатан (12, 13) и Морин-Тоскул (1-11), коллекция № 763: 1-13 – предметы из камня
Fig. 3. Sites Anchikatan (12, 13) and Morin-Toskul (1-11), collection No. 763: 1-13 - stone artefacts

лыжевидными сколами – 2 экз.; микронуклеусом и наконечником стрелы.

Лыжевидные сколы. В первом случае это крупный скол (длина 4,2 см, ширина 1,1 см) из микрокварцита черного цвета (рис. 3.8). На дорсальной поверхности имеются негативы предыдущих продольных снятий, в результате которых было образовано продольное ребро, благодаря которому скол приобрел острый трехгранный дистальный конец.

Во втором случае скол имеет длину 2,0 см, ширину 0,6 см (рис. 3.7). Это скол продольного подживления фронта клиновидного нуклеуса или подготовки площадки нуклеуса. На дорсальной стороне скола имеются негативы предыдущих снятий микропластин. Дистальный конец скола имеет острую трехгранную форму за счет захвата кия.

Микронуклеус из яшмы торцового принципа расщепления (рис. 3.9). Площадка оформлена множественными боковыми снятиями и скошена к левой латерали. На латералих и контрфронте имеются следы естественного расслоения.

Наконечник стрелы вытянутой подтреугольной формы с прямой базой (рис. 3.11).

Местонахождение Ноин-Гол расположено на берегу одноименной бухты озера, в месте впаде-

ния в нее р. Ноён гол. В северной части бухты «... приблизительно в середине между р. Шошул и Ноин-Гол несколько ближе к Ноин-Голу...» на выдуве собрано 58 предметов (Петри, 1926. С. 11), из которых 6 – фрагменты керамики, 51 – предметы из камня и 1 – изделие из кости (№ по КО 764).

В материалах ИОКМ в составе находок с местонахождения Ноин-Гол значится костяное острие, однако в работе Б.Э. Петри 1926 г. и описи 1923 г., составленной сразу по возвращению из экспедиции, оно не фигурирует. Поэтому отнесение его к материалам, собранным на стоянке Ноин-Гол, выглядит очень спорно, и в рамках данной статьи это изделие из кости не рассматривается.

Из 6 фрагментов керамики 1 – недиагностируемый, 1 – с отпечатками шнура, 2 – с рубчатой поверхностью (рис. 4.3) и 2 – фрагменты венчиков от разных сосудов с неустановленным характером внешней поверхности.

Первый фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик прямой в сечении формы слегка отогнут наружу. Сам срез венчика орнаментирован косо поставленными отпечатками гребенчатого орнамента (рис. 4.1).

Второй фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик грибовидной в сечении формы слег-

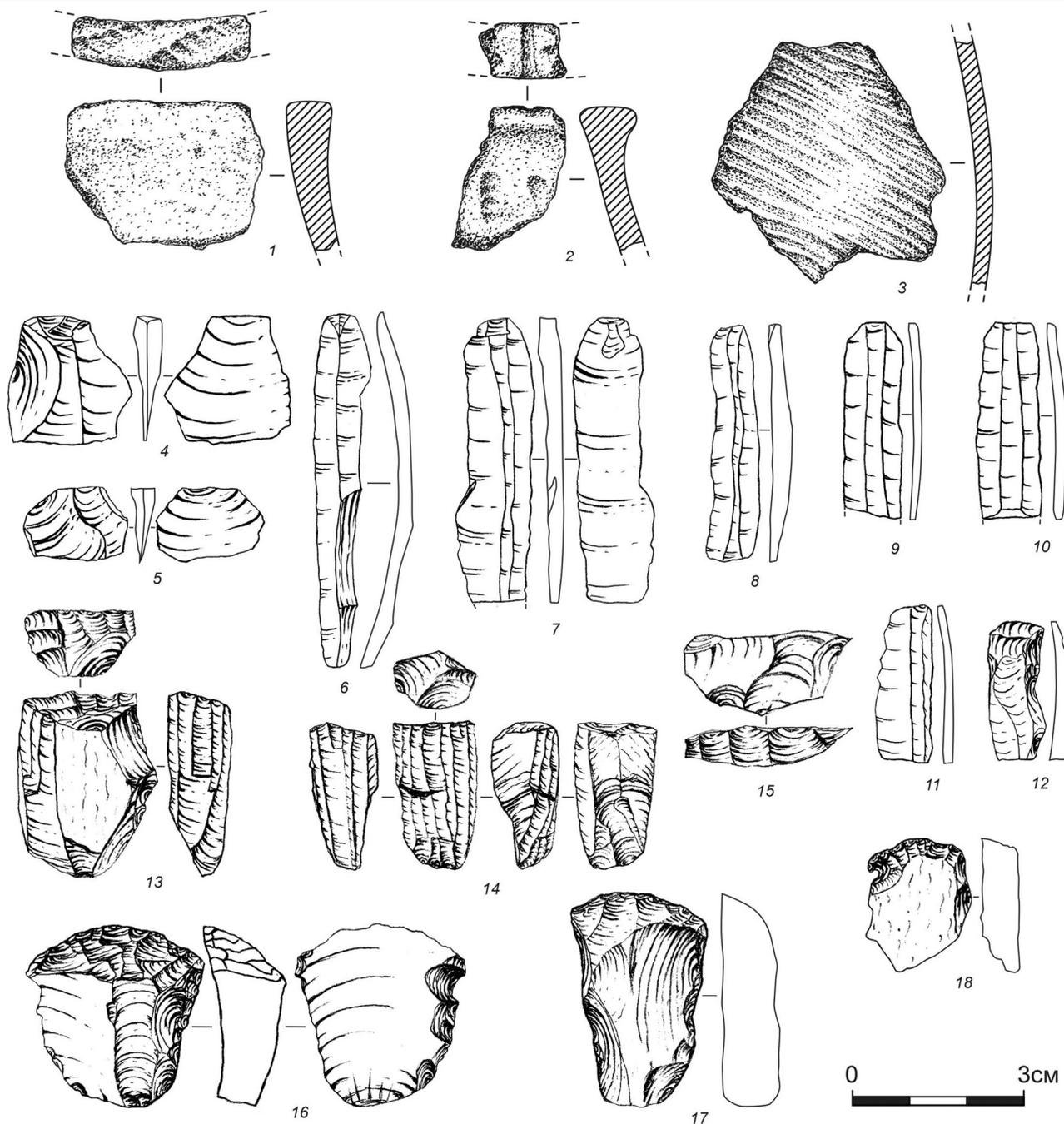

Рис. 4. Местонахождение Ноин-Гол, коллекция № 764: 1–3 – фрагменты керамических сосудов; 4–18 – изделия из камня и их фрагменты

Fig. 4. Site Noin-Gol, collection No. 764: 1-3 - fragments of ceramic vessels; 4-18 - stone artefacts and their fragments

ка отогнут наружу. В 1,1–2,0 см ниже внешнего края венчика проходит ряд вертикально поставленных «личиночных» вдавлений (гребенчатых оттисков). Сам срез венчика орнаментирован, видимо, такими же поперечными вдавлениями (рис. 4.2).

Каменный инвентарь коллекции, собранный в бухте Ноин-Гол, представлен 51 предметом, среди которых 12 удлинённых отщепов (рис. 4.4–5), 33 призматические ровные пластины (рис. 4.6–12), подживляющий скол площадки нуклеуса

(рис. 4.15), 2 нуклеуса и 3 скребка.

Нуклеусы. В первом случае способ обработки характеризуется подготовкой клиновидно-торцового нуклеуса, представляющего собой скол с фассиальной обработкой, заходящей на правую латераль (рис. 4.13). Площадка оформлена поперечными с латерали сколами. Подживление проводилось повторными мелкими чешуйчатыми фронтальными сколами. Нуклеус представляет собой среднюю стадию сработанности.

Во втором случае нуклеус призматический, в профиль высокий (рис. 4.14). Однофронтальный, фронт не замкнут в сечении, овальный. Дистальный конец сужен за счет подработки со стороны контрфронта и в профиль имеет клиновидную форму. Площадка оформлена фронтальными сколами.

Скребки представлены тремя экземплярами. В первом случае скребок может быть охарактеризован как тесловидно-концевой с высоким рабочим краем (рис. 4.16). Лезвие расположено на дорсальном фасе, обушок ярко выражен. На двух концах лезвия выделены небольшие выступы «ушки». Для оформления «ушек» с вентральной стороны имеются выемки, образованные разнофасеточной ретушью. По правому маргиналу еще одно сопряженное с выступом («ушком») прямое лезвие, оформленное мелкой краевой ретушью.

Во втором случае скребок идентичен первому, но имеет более удлинённые пропорции (рис. 4.17). Кроме этого, левый продольный край орудия стесан тремя крупными сколами с вентральной стороны. Характерной чертой этих скребков является широкая лезвийная на дистальном конце с дорсальной стороны удлинённого скола. Обушковая часть всегда заужена.

Третий скребок выполнен на небольшом пластинчатом сколе. Лезвие полукруглое, высокое, оформлено мелкой краевой ретушью (рис. 4.18).

Местонахождение Шошул находится на берегу одноименной бухты озера, в месте впадения в нее р. Шогнуул гол. Здесь на обширном выдуве, засыпанном «... свежими песчаными наносами...» (Петри, 1926. С. 11), собрано 263 предмета, из которых 178 – фрагменты керамики и 85 – предметы из камня (№ по КО 759).

В коллекции керамики из 178 фрагментов 112 являются недиагностируемыми, из которых 1 – фрагмент тулова со следами ремонта (просверленное отверстие) и 13 – фрагменты венчиков прямоугольной и овальной в сечении формы. По характеру внешней поверхности сосудов выделяются группы керамики с гладкой (6 экз.), рубчатой (2 экз.), вафельной (5 экз.), шнуровой (11 экз.) и сетчатой (19 экз.) поверхностью. У 23 фрагментов керамики с орнаментом определить характер внешней поверхности не представляется возможным.

В составе керамики с *гладкой* поверхностью: фрагмент венчика с прочерченной линией; фраг-

мент отслоившейся части венчика с тремя прочерченными линиями; фрагмент плоского дна; фрагмент «ушка» с двумя отверстиями от сосуда «дымокура» (рис. 5.7); фрагмент тулова с налипшим валиком; фрагмент тулова с волнистым прочерченным орнаментом (рис. 5.9).

Керамика с *рубчатой* поверхностью представлена 2 фрагментами, один из которых фрагмент венчика от сосуда простой закрытой формы. Венчик овальной в сечении формы. В 1,6–2,3 см ниже внешнего края венчика проходит ряд «жемчужин». Внутренняя поверхность венчика орнаментирована косо поставленными гребенчатыми оттисками (рис. 5.1).

Вафельная керамика представлена 5 фрагментами, орнаментированными «жемчужинами». Единственный фрагмент венчика принадлежит сосуду закрытой формы, сам венчик овальной в сечении формы слегка отогнут наружу. В 2,0–2,5 см ниже внешнего края венчика проходит ряд «жемчужин». Внутренняя поверхность венчика орнаментирована косо поставленными гребенчатыми оттисками (рис. 5.2).

Комплекс керамики со *шнуровой* поверхностью включает 11 фрагментов, 2 из которых с прочерченным орнаментом, 2 – фрагменты поддона с оттисками шнура и 1 со следами ремонта (просверленное отверстие).

Сетчатая керамика представлена 19 фрагментами с отпечатками сетки-плетенки, 12 из которых с мелкими ячейками и узелками (рис. 5.8), 7 – с крупными ячейками и узелками (рис. 5.14).

Среди других фрагментов керамики, характер внешней поверхности которых определить достаточно сложно, следует отметить:

– фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик прямой в сечении формы слегка отогнут наружу. В 2,0–2,5 см ниже внешнего края венчика проходит ряд «жемчужин». Внутренняя поверхность венчика орнаментирована косо поставленными гребенчатыми оттисками (рис. 5.3);

– фрагмент венчика от сосуда простой закрытой формы, венчик прямой в сечении формы. В 1,1–1,8 см ниже внешнего края венчика проходит ряд «жемчужин». Сам срез венчика орнаментирован наклонными гребенчатыми оттисками (рис. 5.4);

– фрагмент венчика от сосуда закрытой формы, венчик прямой в сечении формы слегка ото-

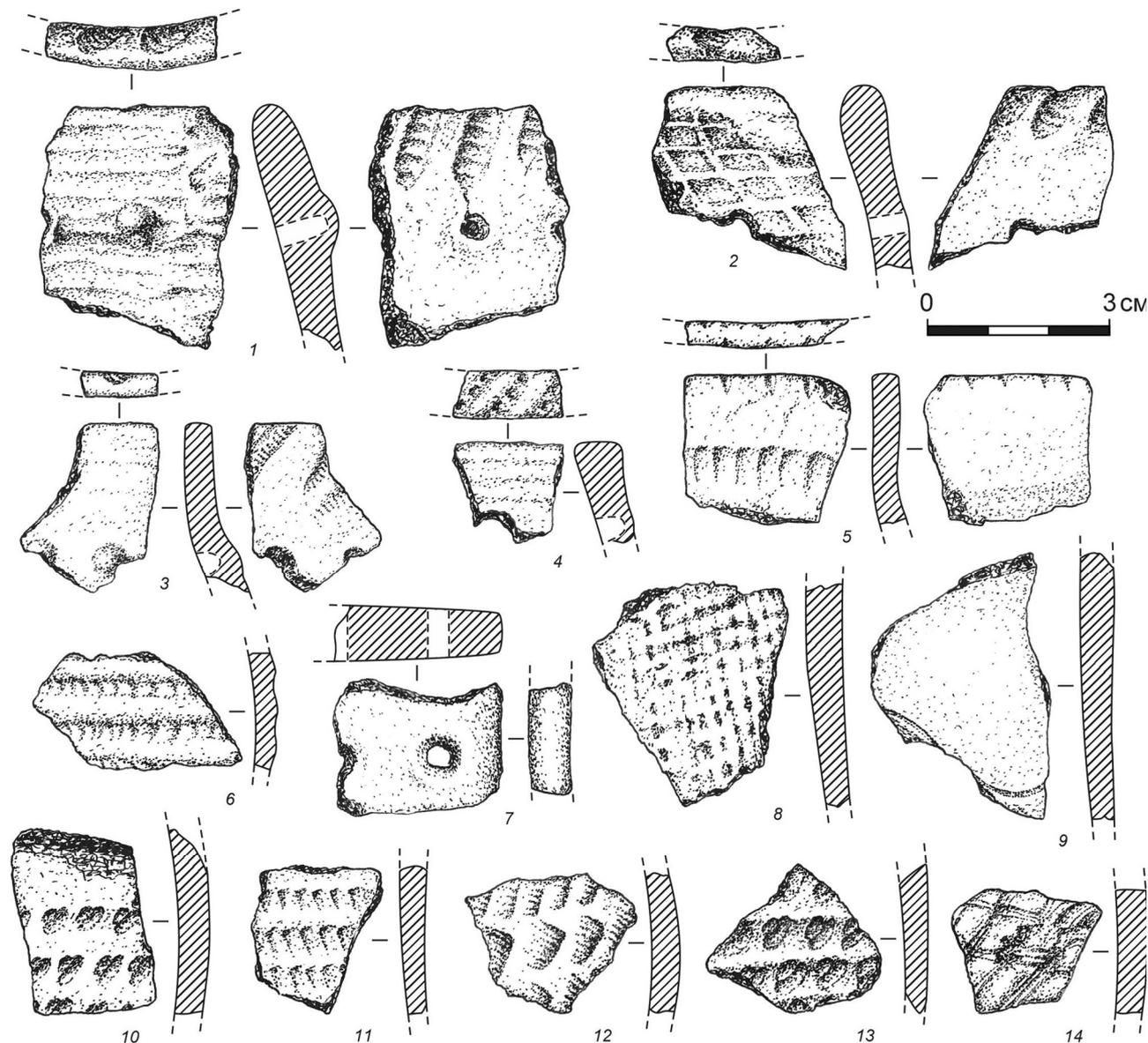

Рис. 5. Местонахождение Шошул, коллекция № 759: 1–14 – фрагменты керамических сосудов
Fig. 5. Site Shoshul, collection No. 759: 1-14 - fragments of ceramic vessels

гнут наружу. В 1,1–1,9 см от внешнего края венчика отмечен горизонтальный ряд овальных оттисков, выполненных в накольчато-отступающей технике. Внешний и внутренний края венчика орнаментированы неглубокими насечками (рис. 5.5);

– фрагменты керамики (2 экз.), орнаментированные рядами оттисков в накольчато-отступающей технике (рис. 5.6, 11);

– фрагменты керамики (2 экз.), украшенные рядами «миндалевидных» оттисков во вдавленно-отступающей технике (рис. 5.10, 13);

– фрагмент керамики, орнаментированный рядами угловатых гребенчатых оттисков во вдавленно-отступающей технике (рис. 5.12).

Коллекция из камня представлена 85 предметами, из которых одно крупное скребло дисковидной формы из плоской гальки (рис. 6.1), 19 – отщепы (рис. 6.2–3), из которых два с ретушью на дорсальной стороне (рис. 6.4–5), 65 – микропластины, пластинчатые сколы и их сегменты из микрокварцита, кремня и халцедона, длиной до 2,3 см и шириной до 0,6 см (рис. 6.6–24), из них семь с ретушью. Две пластины имеют краевую ретушь по одному из маргиналов с вентральной стороны (рис. 6.25–26), три – с дорсальной стороны (рис. 6.27–29), одна пластина оформлена краевой ретушью по обеим сторонам с вентральной стороны (рис. 6.30) и одна пластина имеет высокую степень работанности с обеих сторон (рис. 6.31).

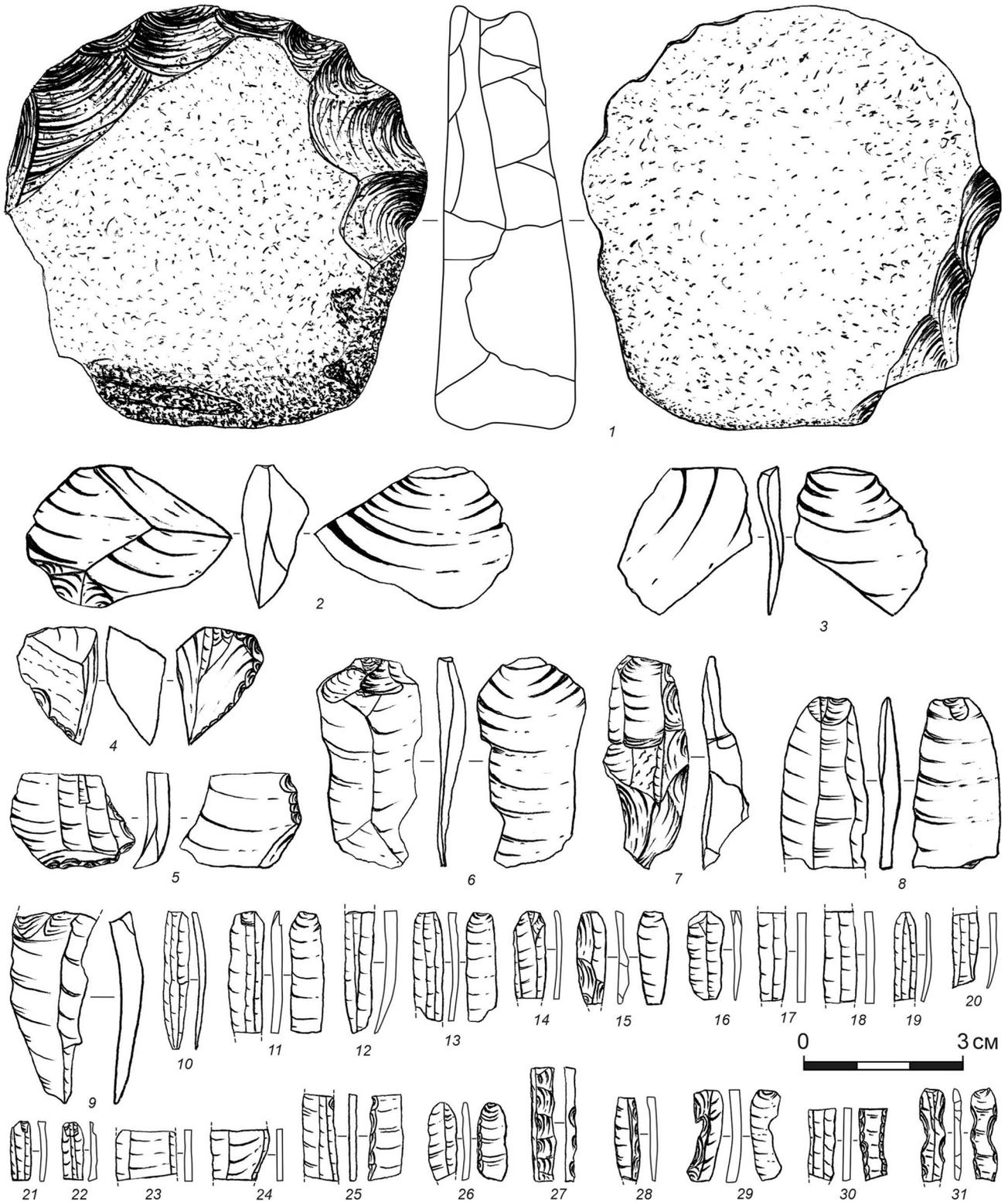

Рис. 6. Местонахождение Шошул, коллекция № 759: 1-31 – предметы из камня
 Fig. 6. Site Shoshul, collection No. 759: 1-31 - stone artefacts and their fragments

Следующий пункт сбора подъемного материала, который отмечает Б.Э. Петри, находится между «... бухтами Турук и Тана...», где «... имеется дюна слегка раздутая» (Петри, 1926. С. 12). Действительно, на современных картах между двумя этими

бухтами есть небольшой распадок, северный борт которого отмечен редколесьем и, возможно, именно в этом месте и был произведен сбор археологического материала. Сам автор открытия никакого топонима не приводит. В материалах

ИОКМ нет описи находок, отсылающей нас именно к этому пункту. Поэтому на данном этапе исследований за этим местонахождением можно закрепить рабочее название «Турок-Тана».

Местонахождение Тана расположено на берегу одноименной бухты озера, в месте впадения в нее р. Таанын гол. Здесь собрано значительное количество находок, по-видимому, из разных мест бухты. Согласно описям ИОКМ сбор подъемного материала осуществлялся по обоим берегам р. Таанын гол (№ по КО 763, 766).

Коллекция с левого берега состоит из 22 предметов, из которых 13 – фрагменты керамики и 10 – предметы из камня. В составе керамики: 10 недиагностируемых фрагментов, из которых 1 – фрагмент венчика прямой в сечении формы без орнамента; 2 фрагмента – с «жемчужинами»

(рис. 7.6) и 1 – с оттисками мелкоячеистой сетки-плетенки (рис. 7.5).

В коллекции изделий из камня: пластинчатый скол с краевой ретушью (рис. 8.10); 7 призматических пластин, боковой скребок и наконечник стрелы вытянутой треугольной формы с вогнутой базой (рис. 8.7).

Призматические пластины. Пять из них без обработки, имеют малые параметры, одна из которых имеет следующие показатели – 1,4 x 0,3 x 0,1 см (рис. 8.3), что позволяет отнести их к микропластинам. Две пластины имеют обработку в виде краевой ретуши с вентральной стороны (рис. 8.4, 8).

Боковой скребок сильно замыт (рис. 8.11). Лезвие оформлено мелкой краевой бифасиальной ретушью с вентральной стороны, дооформлено мелкой краевой ретушью с дорсальной стороны.

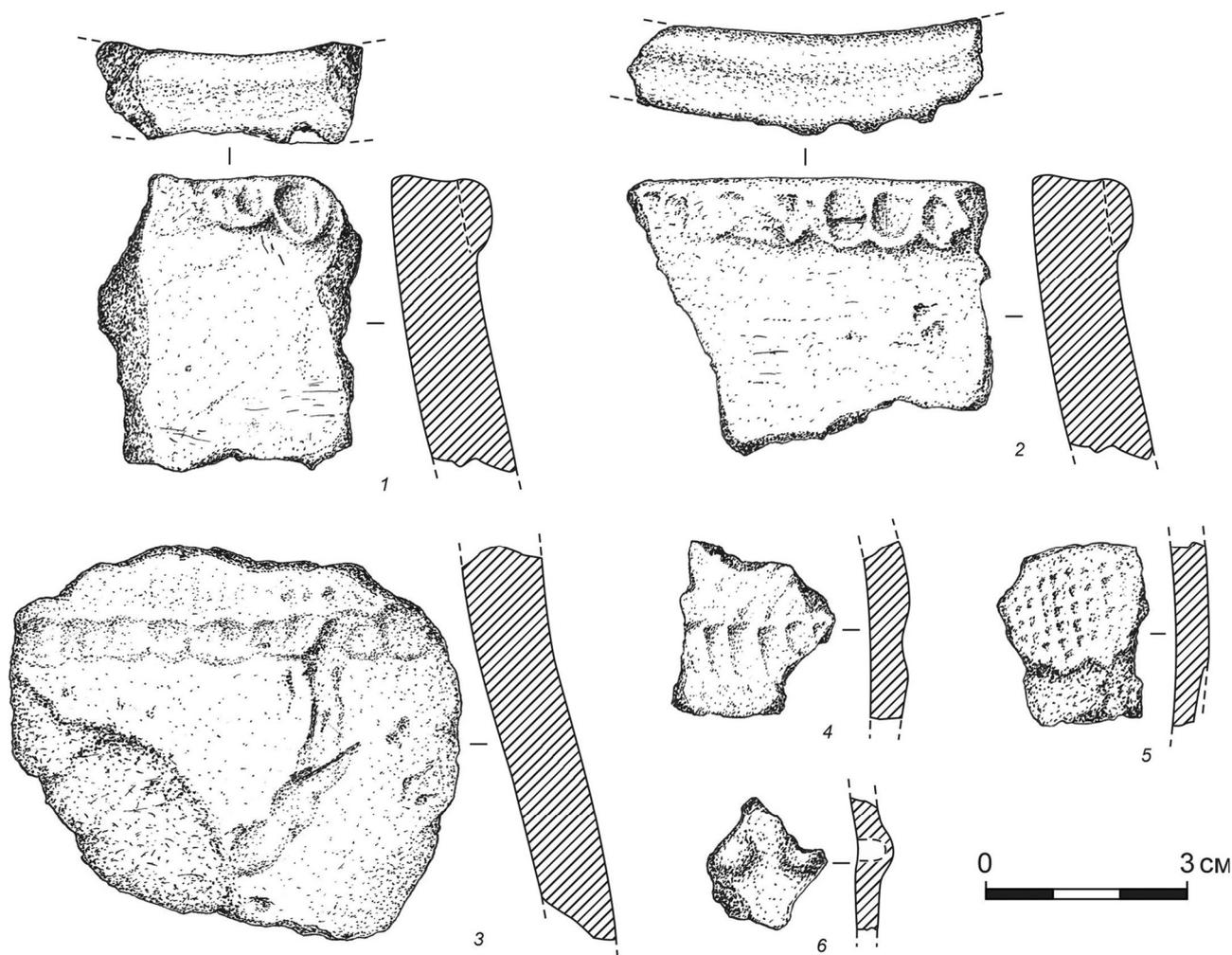

Рис. 7. Местонахождение Тана (фрагменты керамических сосудов), коллекции № 763, 766: 1–4 – Тана, правый берег; 5, 6 – Тана, левый берег

Fig. 7. Site Tana, collections No. 763, 766: 1-4 - site Tana, river's right bank; 5, 6 - site Tana, river's left bank

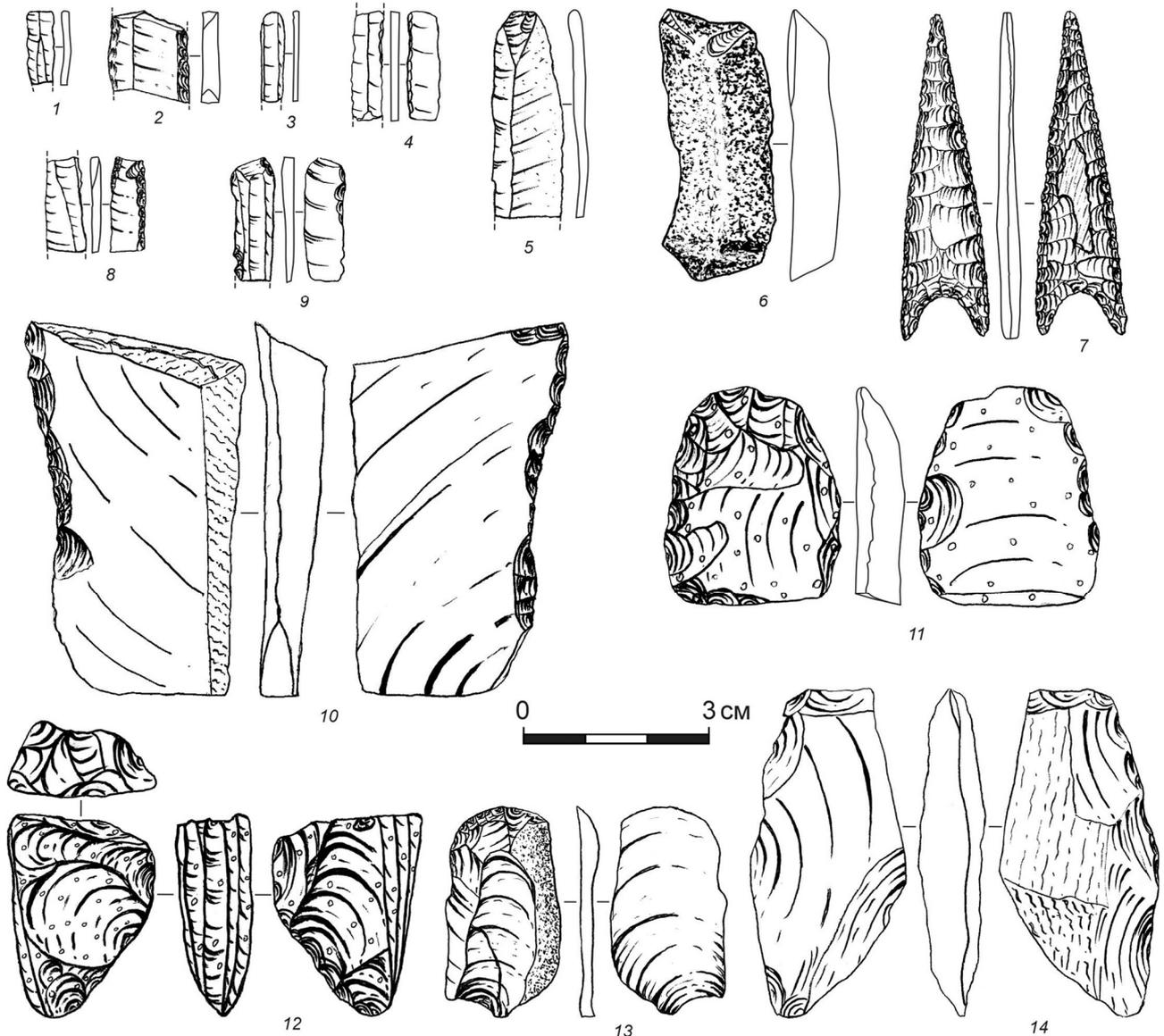

Рис. 8. Местонахождения Тана, Тоя и Ханга (изделия из камня), коллекции № 763, 766: 1, 2, 5, 6 – Тана, правый берег; 3, 4, 7, 8, 10, 11 – Тана, левый берег; 12, 13 – Тоя; 9, 14 – Ханга
Fig. 8. Sites Tana, Toya and Khanga (stone artefacts), collections No. 763, 766: 1, 2, 5, 6 - site Tana, river's right bank; 3, 4, 7, 8, 10, 11 - site Tana, river's left bank; 12, 13 - site Toya; 9, 14 - site Hanga

Коллекция с правого берега р. Таанын гол состоит из 18 предметов, из которых 11 – фрагменты керамики и 7 – предметы из камня. Среди фрагментов керамики: 1 – недиагностируемый; 3 – с оттисками отступающей лопатки (накольчато-отступающая техника) от двух сосудов (рис. 7.4) и 7 – от гладкостенного сосуда с наlepными валиками, отнесенного Б.Э. Петри к «культуре курумчинских кузнецов» (Петри, 1926. С. 13).

Сосуд гладкостенный закрытой формы, венчик прямой в сечении формы слегка отогнут наружу. Толщина стенок составляет 0,9–1,2 см. Внешняя поверхность венчика, непосредственно у среза, орнаментирована наlepным рассеченным вали-

ком. На границе тулова и устья – еще один горизонтальный наlepной валик с отходящими от него, свисающими дугой, валиками, от которых остались характерные следы-вмятины, т. н. шлейфы (рис. 7.1–3).

В составе изделий из камня один отщеп из серого микрокварцита и шесть пластин (рис. 8.1, 2, 5, 6), из которых одна представлена медиальным сегментом, края оформлены краевой ретушью с дорсального фаса (рис. 8.2).

Местонахождение Тоя находится на берегу бухты озера, в месте впадения в нее р. Тойн гол. Здесь собрано «... незначительное количество неолитической индустрии» (Петри, 1926. С. 13). По

материалам ИОКМ фигурирует всего два предмета из камня (№ по КО 766-2).

Первый из них – сильно корродированный клиновидный нуклеус с высоким фронтом (рис. 8.12), фронт скошен на левую латераль. Латерали оформлены крупными сколами с бифасиальной обработкой кия. Площадка оформлена поперечными с латерали и фронта короткими сколами. Второе изделие – концевой скребок на пластинчатом сколе с галечной коркой. Лезвие оформлено на дистальном конце с дорсальной стороны (рис. 8.13).

В материалах ИОКМ имеется еще одна опись находок с восточного побережья Хубсугула, соотносимая с разведочными работами Б.Э. Петри – бухта Ханга (№ по КО 763-51-60), побережье которой в настоящее время занимает сомнительный центр Ханх (Турт). Несмотря на то, что Б.Э. Петри ни о каких сборах археологического материала в этой бухте не упоминает, считаем целесообразным привести его описание.

Коллекция представлена четырьмя изделиями из камня, среди которых два невыразительных отщепы; крупный пластинчатый скол с галечной коркой на дорсальном фасе (рис. 8.14) и призматическая пластина с краевой локальной ретушью на вентральном фасе (рис. 8.9).

Обсуждение

Весь керамический материал, собранный Б.Э. Петри в 1923 г. на стоянках восточного берега Хубсугула, имеет прямые аналогии в материалах Прибайкалья. Более того, хубсугульская коллекция отражает практически весь спектр керамических традиций региона, большая часть из которых сегодня известна исследователям в качестве отдельных типов керамики, представленных в материалах стоянок и погребений Байкальской Сибири.

Фрагменты керамики с *оттисками сетки-плетенки* (рис. 2.9; рис. 5.8, 14; рис. 7.5) и шнура с прочерченными линиями – *керамика хайтинского типа* (рис. 2.10), обнаруженные на стоянках Далбай, Шошул и Тана, представляют самые ранние комплексы керамики эпохи голоцена Прибайкалья.

Сосуды с оттисками мелко- и крупноячеистой сетки-плетенки круглодонные, обычно простой закрытой формы. Среди основных элементов орнамента на них встречены круглые ямочки-

вдавления ниже венчика и, что намного реже, прочерченные линии в верхней части горшка (Кичигин, 2010; Новиков и др., 2023), составляющие разные мотивы орнамента.

Керамика с оттисками шнура хайтинского типа в основном представлена остродонными профилированными сосудами. В качестве основных элементов орнамента, украшающих верхнюю половину горшка, на ней встречены прочерченные линии и оттиски различных орнаментов во вдавленно-отступающей технике, создающие различные орнаментальные мотивы («елочка», «зигзаг» и др.) и композиции (Бердников, 2013; Горюнова, Новиков, 2017).

На территории Прибайкалья эти два типа керамики отмечены в нижних раннеолитических слоях многослойных объектов (Горелый Лес, Усть-Хайта, Холмушино-3, Бугульдейка I, Саган-Заба II, Улан-Хада, Тышкинэ II, Макарово I, Поповский Луг и др.) и стоянок со смешанными культурными слоями побережья Байкала, Приангарья, Верхней Лены и Тункинской долины (Свинин, 1971; Свинин, 1976; Ветров, Зубков, 1974; Аксенов, Лыхин, 1979; Савельев, 1989²; Горюнова, Лыхин, 1985; Грязнов, Комарова, 1992; Ветров, 2003; Цыденова, Хамзина, 2006; Кичигин, 2010; Бердников, 2013, Бердникова, Роговской и др., 2015; Горюнова, Новиков, 2017; Новиков и др., 2023). При этом на многослойных стратифицированных объектах оба типа керамики, как правило, встречены вместе в одних и тех же слоях – с разницей в количественном преобладании сосудов одного типа над другим.

В материалах погребений Прибайкалья сетчатая керамика отмечена в комплексах китайских захоронений четырех могильников Южного Приангарья и побережья Байкала: Китайский могильник, Локомотив, Шаманка II и Шаманский мыс (Конопацкий, 1982; Базалийский, 2012). Керамика хайтинского типа – пока только на могильнике Мыс Уюга западного побережья Байкала, в захоронениях (№ 1, 4, 5) уюгинской группы погребений (*курминской* – по О.И. Горюновой, *хиньской* – по А. Веберу) (Кичигин, 2014).

² Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Датировка обоих типов керамики – сетчатой и шнуровой хайтинского типа – в пределах Прибайкалья сводится к эпохе раннего неолита, что соответствует концу VII – началу V тыс. до н. э. Существование двух типов керамики в раннем неолите региона сегодня можно объяснить с позиций технико-технологических (Кичигин, 2016) и культурно-этнических различий.

Керамика с оттисками «отступающей лопатки», собранная на стоянках Далбай (рис. 2.1, 2, 6, 8), Ноин-Гол (рис. 4.1, 2), Шошул (рис. 5.5, 6, 10–13) и Тана (рис. 7.4), в Прибайкалье отмечена повсеместно в материалах многослойных (Саган-Заба II, Улан-Хада, Катун I, Окуневая IV и др.) и однослойных стоянок (Свинин, 1971; Свинин, 1976; Савельев, Медведев, 1973; Горюнова, Лыхин, 1985; Задонин, 1990; Грязнов, Комарова, 1992; Ветров, 2003; Цыденова, Хамзина, 2006; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Кичигин, 2010; Бердников, 2013; Харинский, Емельянова, Кичигин, 2015; Новиков и др., 2023; Шергин, 2023).

Такие элементы орнамента как оттиски отступающего орнамента с различными рабочими краями (округлый, треугольный, прямоугольный и т. д.), создающие разные вариации прямолинейных мотивов на керамике, в пределах Прибайкалья встречаются на сосудах, начиная с раннего неолита и заканчивая ранним железным веком. Однако наибольшее распространение такая орнаментация получила в среднем и позднем неолите, раннем бронзовом веке – *керамика усть-бельского, посольского, саган-забинского, северобайкальского типов керамики*. К сожалению, соотнести хубсугульские образцы с перечисленными выше керамическими традициями Прибайкалья не представляется возможным ввиду малых размеров фрагментов, не несущих информации о форме сосуда и венчика, характере внешней поверхности, зональности и других элементах орнамента.

Таким образом, фрагменты хубсугульской керамики с различными оттисками отступающих орнаментов на сегодняшний день следует датировать в широком хронологическом диапазоне – от среднего неолита до раннего железного века (V – сер. I тыс. до н. э.).

Рубчатая (и вафельная) керамика с «жемчужинами», отмеченная на стоянках Далбай

(рис. 2.4), Ноин-Гол (рис. 4.3), Шошул (рис. 5.1–4) и Тана (рис. 7.6), включая фрагмент «ушка» от сосуда-дымокура (рис. 5.7), на наш взгляд, составляет единый керамический комплекс, аналогии которого прослеживаются в материалах стоянок и глазковских погребений всего Прибайкалья (Окладников, 1955; Свинин, 1971; Свинин, 1976; Ветров, Зубков, 1974; Аксенов, Лыхин, 1979; Горюнова, 1984; Горюнова, Лыхин, 1985; Грязнов, Комарова, 1992; Абдулов, Тужик, 1995; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009; Гурулев, Максимович, 2016).

Сосуды с вафельной поверхностью известны в Прибайкалье – Южное Приангарье и побережье Байкала – в рамках двух керамических традиций: *керамика курлинского типа* (посл. треть II – сер. I тыс. до н. э.) и *керамика борисовского типа* (рубеж эр). Однако таких элементов орнамента, как «жемчужины», на них не встречено (Харинский, 2005; Кичигин, 2011). Поэтому фрагмент венчика с вафельным декором и «жемчужинами» со стоянки Шошул (рис. 5.2) следует отнести к комплексу рубчатой керамики.

Датировка рубчатой керамики с «жемчужинами» в пределах Прибайкалья сводится ко всему бронзовому веку (III – перв. треть I тыс. до н. э.). Не исключено, что на Северном Байкале подобная керамическая посуда – с «жемчужинами» и наlepными валиками – доживает до сер. I тыс. до н. э. (Горюнова, Лыхин, 1985; Харинский, Емельянова, Рыков, 2009).

Сосуды с оттисками шнура, украшенные наlepными валиками, на поддонах или с уплощенным дном, фрагментарно отмеченные на стоянке Шошул, в Прибайкалье известны как *керамика тышкинэ-сеногдинского типа* (Воробьева, Горюнова, 1996; Харинский, 2005; Кичигин, 2009; Кичигин, 2010).

В основном такая керамика отмечена при раскопках ранних плиточных могил Приольхонья и Южного Забайкалья, многослойных (Саган-Заба II, Улан-Хада, Берлога, Тышкинэ III, Катунь I и др.) и однослойных стоянок на всем побережье Байкала (Свинин, 1971; Свинин, 1976; Горюнова, 1983; Горюнова, Лыхин, 1985; Грязнов, Комарова, 1992; Цыбиктаров, 1998; Харинский, 2005; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Кичигин, 2009; Кичи-

гин, 2010; Харинский, Емельянова, Кичигин, 2015; Новиков и др., 2023).

В остальных районах Прибайкалья – верховья р. Иркут, южная часть долины р. Ангары и верховья р. Лены – она встречается гораздо реже. Ее появление на берегах Байкала в конце II – начале I тыс. до н. э. обусловлено распространением культуры плиточных могил Центральной Азии. Период бытования самой керамической традиции на байкальском побережье следует свести ко всему I тыс. до н. э.

Гладкостенная керамика с налипными расщепленными валиками со стоянки Тана (рис. 7.1–3), отнесенная Б.Э. Петри к «культуре курумчинских кузнецов», также имеет широкое распространение на территории Прибайкалья – *керамика елгинского типа* (Харинский, 2005). По сути, она отражает дальнейшее развитие тышкинэ-сеногдинской традиции, что выражено в сохранении форм сосудов и орнаментации налипными валиками, но отказом от шнуровой поверхности стенок.

В пределах Прибайкалья такая керамика встречена в верхних слоях многослойных объектов (Саган-Заба II, Улан-Хада, Катунь I и др.) и на стоянках со смешанными культурными слоями всего байкальского побережья, Южного Приангарья, Верхней Лены и Южного Забайкалья (Свинин, 1971; Свинин, 1976; Аксенов, Лыхин, 1979; Горюнова, Лыхин, 1985; Грязнов, Комарова, 1992; Харинский, 2005; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008; Кичигин, 2010; Харинский, Емельянова, Кичигин, 2015; Новиков и др., 2023). В погребальных комплексах – отмечена при раскопках поздних плиточных могил Приольхонья и Южного Забайкалья (Цыбиктаров, 1998), елгинских погребений Южного Приангарья и побережья Байкала (Горюнова, Пудовкина, 1995; Харинский, 2005).

Гладкостенная керамика с валиками становится доминирующей в Южном Забайкалье в сер. I тыс. до н. э., откуда она проникает на берега Байкала. С III в. до н. э. по IV в. н. э. в Прибайкалье доминирует елгинская погребальная традиция, с прекращением которой в сер. I тыс. н. э. орнаментация гладкостенных сосудов налипными валиками выходит из употребления (Харинский, 2005).

Таким образом, гладкостенную керамику, орнаментированную налипными валиками, на территории Прибайкалья следует датировать сер. I тыс.

до н. э. – сер. I тыс. н. э. – временем, предшествующим владычеству тюрков в степях Центральной Азии. Датировка этой керамической традиции тюркским временем – «культуру курумчинских кузнецов» Б.Э. Петри соотносил с курыканами – с позиций сегодняшних научных представлений не соответствует действительности.

Гладкостенную керамику с криволинейным прочерченным узором со стоянки Шошул (рис. 5.9) также следует отнести к елгинской керамической традиции, одной из разновидностей которой является *керамика сосновоостровского типа*. Это те же гладкостенные сосуды, на которых помимо налипных валиков присутствует прочерченный криволинейный (т. н. растительный) узор. Она имеет тот же ареал распространения в Прибайкалье, что и керамика елгинского типа, но ее датировка сводится к кон. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. (Харинский, 2005).

Изделия из камня (скребки, наконечники стрел, сколы с ретушью, нуклеусы и т. д.), собранные Б.Э. Петри на восточном берегу Хубсугула в 1923 г., находят широкие аналогии на памятниках Прибайкалья, причем вышеупомянутые предметы, исходя из условий их нахождения (подъемные сборы), имеют большой хронологический диапазон – от мезолита до железного века. Отличие проявляется лишь в субстрате, из которого изготовлена часть предметов: материал имеет темно-серый окрас и губчатую структуру камня, что скорее всего связано с расположением Хубсугула в окружении горных систем – Саяны и Хамар-Дабан.

Более явные аналогии можно провести по наконечнику стрелы с глубокими симметричными выемками, так называемого «американоидного» типа, со стоянки Далбай (Петри, 1926. С. 9. Рис. 2). Такие наконечники были выявлены в погребальных комплексах глазковской традиции на Верхней Лене (Окладников, 1955). К сожалению, данный предмет в фондах ИОКМ не числится.

Одним из вопросов, остающимся пока открытым, является вопрос о взаимодействии различных исторических сообществ, обитающих по берегам двух озер – Хубсугула и Байкала.

Скорее всего однозначно ответить на него не получится. Конечно, можно рассматривать побережье Хубсугула как периферию Байкальской Сибири, и наоборот – Прибайкалье как периферию

Северной Монголии. Среди явных маршрутов сообщения двух регионов являются Тункинская долина и долина Селенги с ее притоком Эгийн-Гол, вытекающим из Хубсугула.

Тункинская долина – казалось бы, самый кратчайший путь (около 200 км), но, надо признать, труднопроходим по причине ряда горных перевалов и ограниченного степного ландшафта, заключенного между двумя горными системами – Саяны и Хамар-Дабан. Более того, сама долина в археологическом плане изучена крайне слабо. Сегодня у нас нет сведений о наличии в этом районе погребальных комплексов эпохи неолита и раннего бронзового века, неизвестны курганы монгунтайгинского типа и керексуры, которых достаточно в Северном Прихубсугулье и даже в соседнем Окинском районе Бурятии (Харинский, Кичигин и др., 2022). Если Тункинская долина и заселялась в разные исторические периоды, то навряд ли она выступала в роли мощной культурной магистрали, соединяющей берега двух озер (!).

Долина Селенги с притоком Эгийн-Гол, вытекающим из Хубсугула, – более протяженный по сравнению с первым маршрутом, долгий путь (около 900 км), но не имеющий серьезных препятствий, пролегающий по бескрайним степным и лесостепным просторам Северной Монголии. Как мы знаем, именно по долине Селенги осуществлялось заселение берегов Байкала кочевыми народами (культура плиточных могил, тюркоязычные и монгольязычные племена). Многие поздние культурные тенденции, существовавшие в степи в разное время, выливались вместе с водами этой реки на берега Байкала. Поэтому именно этот маршрут можно было бы рассматривать в качестве основной культурной магистрали между двумя озерами.

Однако ответ на вопрос авторами статьи видится в другом. Возможно, оба района – Прихубсугулье и Прибайкалье – являлись перифериями одного культурного центра (района) и в равной степени испытывали влияние культурно-

исторических процессов, протекавших в Центральной Азии на протяжении тысячелетий.

Заключение

Археологические коллекции, собранные Б.Э. Петри в 1923 г. на Косополе (Хубсугул), находят прямые аналогии в материалах стоянок и погребений Байкальской Сибири и на основании сравнительно-типологического анализа датируются в пределах конца VII тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. Вопрос о взаимодействии древних сообществ, обитающих по берегам двух озер на протяжении тысячелетий, является дискуссионным и остается открытым.

Завершая свою работу, посвященную поездкам в Монголию в 1923–1924 гг., Б.Э. Петри писал: «Питаю надежду, что в недалеком будущем в Монголию специально для исследования ее доисторических памятников двинутся археологи и тогда мои предварительные разведки окажутся не бесполезными» (Петри, 1926. С. 31).

С 2006 г. на северо-восточном побережье Хубсугула археологические исследования, но уже в целях выявления и изучения погребальных комплексов, проводит профессор Иркутского государственного технического университета А.В. Харинский. За период 2007–2019 гг. усилиями археологов ИРНТУ (руководитель А.В. Харинский) и Монгольского государственного университета (руководитель Д. Эрдэнэбаатар) в Северном Прихубсугулье раскапывается ряд разновременных погребальных комплексов, датируемых в широком хронологическом срезе – от раннего бронзового века до монгольского периода (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006). Освещение результатов этих работ еще ждет своего опубликования.

Дело Б.Э. Петри – основателя *Иркутской школы археологии* – живет в работах его учеников разных поколений, ныне здравствующих и уже ушедших, по-своему внесших существенный вклад в развитие археологии Байкальской Сибири.

Список источников

Абдулов Т.А., Тужик Л.Л. Керамические комплексы местонахождений Курлинской бухты // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1995. С. 175–192.

Аксенов М.П., Лыхин Ю.П. Исследования могильника Усть-Ямный // Археологические открытия 1978 года. М. :

References

Abdulov T.A., Tuzhik L.L. (1995) Ceramic complexes of Kurla Bay localities. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikal Siberia in Antiquity*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 175–192. (In Russ.).

Aksenov M.P., Lykhin Yu.P. (1979) Studies of the Ust-Yamny burial ground. *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda*

Наука, 1979. 207 с.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2012. Вып. 9. С. 43–101. EDN: YFWGEN.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229. EDN: QBKEHV.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Уланов И.В., Лохов Д.Н., Соколова Н.Б., Клементьев А.М., Крутикова К.А., Абрашина М.Е. Местонахождение Еловка-Нуган I – первый мультислойчатый археологический объект голоценового возраста в Тункинской долине // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 14. С. 24–48. EDN: VODZAL.

Ветров В.М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее : материалы региональной научно-практической конференции. 12–15 ноября, 2003, Иркутск. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2003. С. 49–53.

Ветров В.М., Зубков В.С. Верхний комплекс Макарово I // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1974. Вып. 1. С. 146–159.

Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Особенности осадконакопления и периодизации позднего голоценовых культур Среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте исторической перспективе. Гуннский феномен : тез. докл. Междунар. конф. Улан-Удэ, 1996. Ч. 2. С. 11–13.

Горюнова О.И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука, 1983. С. 70–75. EDN: WWWKVC.

Горюнова О.И. Комплексы раннего бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1984. С. 57–59.

Горюнова О.И., Лыхин Ю.П. Археологические памятники п-ва Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и

= *Archaeological Discoveries of 1978*. Moscow: Nauka. 207 p. (In Russ.).

Bazaliiskii V.I. (2012) Burial complexes of late Mesolithic - Neolithic of Baikalian Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 9. P. 43-101. (In Russ.). EDN: YFWGEN.

Berdnikov I.M. (2013) Key aspects of historical and cultural procedures in south part of Middle Siberia during the Neolithic (based on pottery complexes). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Izvestia of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. No. 1 (2). P. 203-229. (In Russ.). EDN: QBKEHV.

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Rogovskoi E.O., Lipnina E.A., Ulanov I.V., Lohov D.N., Sokolova N.B., Klement'ev A.M., Krutikova K.A., Abrashina M.E. (2015) Elovka-Nugan I - the first multilayer archaeological site of Holocene age the Tunka Valley. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarchaeology. Etnologiya. Antropologiya = Izvestia of Irkutsk State University Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 14. P. 24-48. (In Russ.). EDN: VODZAL.

Vetrov V.M. (2003) Stratigraphy of the Popovsky Lug. On the question of the time of the origin of ceramic production on the Upper Lena. *Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchie, budushchee: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 12–15 noyabrya 2003 g. Irkutsk = Sociogenesis of North Asia: past, present, future. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. November 12-15, 2003, Irkutsk*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 49-53. (In Russ.).

Vetrov V.M., Zubkov V.S. (1974) Upper complex of Makarovo I. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 1. P. 146-159. (In Russ.).

Vorob'eva G.A., Goryunova O.I. (1996) Peculiarities of sedimentation and periodization of late Holocene cultures of Middle Baikal. *100 let gunnskoj arkheologii. Nomadizm – proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste istoricheskoi perspektive. Gunnskii fenomen: Tez. dokl. mezhdunar. konf. = 100 years of Hunnic Archeology. Nomadism past, present in the global context of historical perspective. Gunnskii fenomen: Tez. dokl. mezhdunar. Konf. Hunnic Phenomenon: Proceedings of the International Conference*. Ulan-Ude. Pt. 2. P. 11-13. (In Russ.).

Goryunova O.I. (1983) Bronze Age complex of the multilayered settlement Tyshkine III (on the issue of the Late Bronze Age on Baikal). *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya = In the footsteps of ancient cultures of Transbaikalia*. Novosibirsk: Nauka. P. 70-75. (In Russ.) EDN: WWWKVC.

Goryunova O.I. (1984) Early Bronze Age complexes of the multilayer settlement Tyshkine III. *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka = Archeology of the South of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka. P. 57-59. (In Russ.).

Goryunova O.I., Lykhin Yu.P. (1985) Archaeological sites of the Svyatoi Nos Peninsula (Lake Baikal). *Drevnee Zabaikal'e*

его культурные связи. Новосибирск : Наука, 1985. С. 130–147. EDN: NWZGFO.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе : сб. науч. статей. В 3 т. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2017. Т. 1. С. 137–140. EDN: UZTATQ.

Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1995. С. 154–174.

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии : сб. науч. тр. / отв. ред., проф. Г.И. Медведев. Иркутск : Изд-во Оттиск, 2008. С. 35–45.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала: сб. науч. тр. / отв. ред. В.М. Массон. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1992. С. 13–32.

Гурулев Д.А., Максимович Л.А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. научной конференции. Красноярск, 03–07 октября 2016 года. Красноярск : Изд-во СФУ, 2016. Т. 1. С. 185–194. EDN: XDQSTF.

Задонин О.В. К проблеме генетического соотношения комплексов мезолита и неолита севера Верхней Лены (по данным анализа поделочного сырья) // Палеоэтнология Сибири: тезисы докладов к XXX региональной археологической студенческой конференции. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. С. 117–118.

Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2009. С. 158–165. EDN: FXNQLJ.

Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2010. Вып. 8. С. 154–192. EDN: XWZRNJ.

i ego kul'turnye svyazi = Ancient Transbaikalia and its cultural connections. Novosibirsk: Nauka. P. 130-147. (In Russ.). EDN: NWZGFO.

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2017) Early Neolithic ceramics from settlements on the coast of Lake Baikal. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe. Sbornik nauchnykh statei: v 3 t. = Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul. Collection of scientific articles. In 3 vol.* Barnaul: Altai State University. Vol. 1. P. 137-140. (In Russ.). EDN: UZTATQ.

Goryunova O.I., Pudovkina E.A. (1995) Cemetery Yelga VII and its place in the periodization of the Iron Age of the Olkhon region. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti = Baikal Siberia in Antiquity.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 154-174. (In Russ.).

Goryunova O.I., Nomokonova T.Yu., Novikov A.G. (2008) Multilayer settlement Katun I - the basis for the periodization of the Paleometal era of the coast of the Chivyrkui-sky Bay of Lake Baikal. *Antropogen. Paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii: sb. nauch. tr. = Anthropogen. Paleoanthropology, Geoarchaeology, Ethnology of Asia. Collection of scientific works.* Irkutsk: Ottisk. P. 35-45. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Komarova M.N. (1992) Excavations of the multi-layered settlement of Ulan-Khada. *Drevnosti Baikala: sb. nauch. tr. = Antiquities of Baikal. Collection of scientific works.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 13-32. (In Russ.).

Gurulev D.A., Maksimovich L.A. (2016) The Bronze Age pottery of the northern Angara region. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Krasnoyarsk, 03–07 oktyabrya 2016 goda = Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Proceedings of VII International Scientific Conference. Krasnoyarsk, October 03–07, 2016.* Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Vol. 1. P. 185-194. (In Russ.). EDN: XDQSTF.

Zadonin O.V. (1990) On the problem of the genetic correlation of the complexes of the Mesolithic and Neolithic of the north of the Upper Lena (according to the analysis of the lithic source). *Paleoetnologiya Sibiri: tezisy докладов k XXX regional'noi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii = Paleoethnology of Siberia: abstracts for the XXX Regional Archaeological Student Conference.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 117-118. (In Russ.).

Kichigin D.E. (2009) Corded ceramics of the late Bronze Age - early Iron Age on the western coast of Lake Baikal. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: materialy 3-i Vseros. nauchno-prakticheskoi konf. (Irkutsk, 29 marta – 1 aprelya, 2009 g.). = Sociogenesis in Northern Asia. Proceedings of III All-Russian Scientific-Practical Conference (Irkutsk, March 29 – April 1, 2009).* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 158-165. (In Russ.). EDN: FXNQLJ.

Kichigin D.E. (2010) Site Krasny Yar II on the North-Western coast of Lake Baikal: results and perspectives. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 8. P. 154-192. (In Russ.). EDN: XWZRNJ.

Кичигин Д.Е. «Вафельная» керамика побережья озера Байкал // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 03–07 мая 2011 года). Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2011. Вып. 2. С. 183–193. EDN: WMKONX.

Кичигин Д.Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы V Междунар. науч. конф. (Кызыл, 15–19 сент. 2014 г. В 2 ч. Кызыл : Тувинский государственный университет, 2014. Ч. 1. С. 93–97. EDN: WMKOPB.

Кичигин Д.Е. Природа нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья: этнографические параллели // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 10–25. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-10-25. EDN: WAXMHF.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск : Наука, 1982. 176 с.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск : Изд-во Ин-та Археологии и этнографии СО РАН, 2008. 247 с. EDN: QPJVRV.

Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Вебер А.В. Многослойный геoarхеологический объект Саган-Заба II на Байкале: археология и палеоэкология. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2023. 278 с. DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. № 43. Ч. 3. Глазковское время. 377 с..

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914. Сер. 2. Вып. 3. С. 89–106.

Петри Б.Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале : сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркут. ун-та, 1921.Т. 1. Вып. 2. С. 56–65.

Петри Б.Э. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск : Изд-во конторы изд-ва «Красный Бурят-Монгол», 1922. 43 с.

Петри Б.Э. Древности озера Косогола (Монголия). Иркутск : Тип. изд-ва «Власть Труда», 1926. 33 с. Отдельный оттиск из бюллетеня № 1 Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Иркутский филиал. С. 92–100.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Про-

Kichigin D.E. (2011) "Waffle" pottery at the Baikal coast. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 03–07 maya 2011 goda) = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of International Scientific Conference (Irkutsk, May 03–07, 2011)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 183-193. (In Russ.). EDN: WMKONX.

Kichigin D.E. (2014) Neolithic burial at Cape Uyuga, coast of Lake Baikal. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy V Mezhdunar. nauch. konf., Kyzyl, 15-19 sent. 2014 g. V 2 ch. = Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of V International Scientific Conference, Kyzyl, September 15-19. 2014*. Kyzyl. Pt. 1. P. 93-97. (In Russ.). EDN: WMKOPB.

Kichigin D.E. (2016) Nature of cord and net threads on ancient pottery of Baikal region: ethnographic parallels. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 2. P. 10-25. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-10-25. EDN: WAXMHF.

Konopatsky A.K. (1982) Ancient cultures of Baikal (Olkhon Island). Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.).

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P. (2008) Burial complexes of the Neolithic - Early Bronze Age of Transbaikalia (formation of archetypes of primitive culture). Novosibirsk: Institute of Automation and Energy SB RAS. 248 p. (In Russ.). EDN: QPJVRV.

Novikov A.G., Vorob'eva G.A., Goryunova O.I., Weber A.W. (2023) Multilayer geoarхеологический сайт Саган-Заба II на Байкале: археология и палеоэкология. Иркутск: Иркутский государственный университет. 278 p. (In Russ.). DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR = Materials and research on archaeology of USSR*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. No. 43. Pt. 3. *Glazkovskoe vremya = Glazkovo time*. 377 p. (In Russ.).

Petri B.E. (1914) Second trip to the Baikal region. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii = Rep. Rus. com. for study Middle and Eastern Asia*. Ser. 2. Iss. 3. P. 89-106. (In Russ.).

Petri B.E. (1921) Neolithic colony in Peschanaya Bay on Lake Baikal: a collection of works by professors and teachers. Irkutsk: Irkutsk State University. T. 1. Iss. 2. P. 56-65. (In Russ.).

Petri B.E. (1922) The distant past of the Buryat region. Irkutsk: "Red Buryat Mongol". 43 p. (In Russ.).

Petri B.E. (1926) Antiquities of Lake Kosogol (Mongolia). Irkutsk: Printing house of the publishing house "Power of Labor. 33 p. (Separate imprint from bulletin 1 of the All-Union Oriental Scientific Association. Irkutsk branch). P. 92–100. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Medvedev G.I. (1973) The early ceramic complex of the multilayered settlement of Ust-Belaya. *Prob-*

блемы археологии Урала и Сибири : сб. статей, посвящ. памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 56–64.

Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Учен. зап. ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения, 1971. Вып. 4. Ч. 1. Вопросы истории Сибири. С. 61–77.

Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Известия ВСОГО СССР. 1976. Т. 69. С. 167–179.

Соболева Е.С. Монгольский этап экспедиций Бернгарда Эдуардовича Петри // Рериховское наследие : XVI Междунар. науч.-практ. конф., 90-летие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха (Санкт-Петербург, 07–09 октября 2016 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2017. С. 92–117. EDN: XBWITT.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005. Вып. 3. С. 198–215. EDN: WAKARF.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 15–51. EDN: VJKBQR.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2009. Вып. 7. С. 86–132. EDN: WEASXR.

Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М.А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–75. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-50-75. EDN: AKXMAB.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д. Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии : российско-монгольский сб. науч. трудов. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2006. С. 115–125.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. 286 с.

lemy arkheologii Urala i Sibiri: sb. statei, posvyashch. pamyati V.N. Chernetsova = Problems of archeology of the Urals and Siberia. Collection of articles devoted to memory of V.N. Chernetsov. Moscow: Nauka. P. 56-64. (In Russ.).

Svinin V.V. (1971) On the results of archaeological research on Lake Baikal. *Uchen. zap. VSOGO SSSR = Scientific Notes of VSOGO USSR*. Irkutsk: Irkut. region Museum of Local Lore. Iss. 4. Pt. 1. *Voprosy istorii Sibiri = Questions of the History of Siberia*. P. 61-77. (In Russ.).

Svinin V.V. (1976) Periodization of the archaeological sites of Lake Baikal. *Izv. VSOGO SSSR = Izv. VSOGO USSR*. Vol. 69. P. 167-179. (In Russ.).

Soboleva E.S. (2017) Mongolian stage of the expeditions of Bernhard Eduardovich Petri. *Rerikhovskoe nasledie. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 90-letie severnogo marshruta Tsentral'noaziatskoi ekspeditsii N.K. Rerikha (Sankt-Peterburg, 07–09 oktyabrya 2016 goda) = Roerich's heritage. XVI International Scientific and Practical Conference, 90th anniversary of the northern route of the Central Asian expedition of N.K. Roerich. Saint-Petersburg, October 07–09, 2016*. St. Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg State Budgetary Institution of Culture "Museum-Institute of the Roerich Family". P. 92-117. (In Russ.). EDN: XBWITT.

Kharinskii A.V. (2005) Western coast of Lake Baikal in 1 millennium B.C. - 1 millennium A.C. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 3. P. 198-215. (In Russ.). EDN: WAKARF.

Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Kichigin D.E. (2015) Archaeological objects northwestern coast of Lake Baikal: based on expeditions in 1996, 1998 and 2015. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 15-51. (In Russ.). EDN: VJKBQR.

Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Rykov G.K. (2009) North-eastern coast of Lake Baikal in Bronze Age (upon the data of living sites). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 7. P. 86-132. (In Russ.). EDN: WEASXR.

Kharinskii A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Portnyagin M.A. (2022) Kurgans of the ancient population of the Oka plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 50-75. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-50-75. EDN: AKXMAB.

Kharinskii A.V., Ozheredov Yu.I., Erdenebaatar D. (2006) The Northern Shore of Lake Hubsugul in the Paleometal Age. *Ekologo-geograficheskie, arkheologicheskie i sotsioetnograficheskie issledovaniya v Yuzhnoi Sibiri i Zapadnoi Mongolii: rossiisko-mongol'skii sbornik nauchnykh trudov = Ecological-geographic, archeological and socio-ethnographic studies in Southern Siberia and Western Mongolia. Russian-Mongolian collection of scientific works*. Barnaul: Altai State University. P. 115-125. (In Russ.).

Tsybiktarov A.D. (1998) The culture of tile graves in Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryat State University. 286 p. (In Russ.).

Цыденова Н.В., Хамзина Е.А. Керамические материалы посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2006. Вып. 4. С. 323–332. EDN: WEASMX.

Шергин Д.Л. Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 8–32. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-8-32. EDN: RBOYFK.

Tsydenova N.V., Khamzina E.A. (2006) Ceramic data of Posol'skaia site. Correlations and variants of interpretation. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 4. P. 323-332. (In Russ.). EDN: WEASMX.

Shergin D.L. (2023) Posol'sky-type ceramics of the upper Lena basin (based on the data of Popovsky lug and Makarovo I sites). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 8-32. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-8-32. EDN: RBOYFK.

Информация об авторах

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: kichkok@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Шергин Дмитрий Леонидович,

старший преподаватель кафедры истории и методики Педагогического института, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия; старший научный сотрудник научно-фондового отдела, Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия, e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2629-9576>

Иванов Григорий Леонидович,

заведующий сектором научно-фондового отдела, Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия, e-mail: ivanov85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-7372>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 31 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 27 февраля 2024 г.; принята к публикации 4 марта 2024 г.

Information about the authors

Dmitrii. E. Kichigin,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the department of history and philosophy, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: kichkok@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Dmitrii L. Shergin,

Senior Lecturer of the Department of History and Methods of Pedagogical Institute, Irkutsk State University, 9, Sukhbaatar St., Irkutsk 664011, Russia; Senior Researcher of the Scientific Research and Stock Department, N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, 13, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia, e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2629-9576>

Grigori L. Ivanov,

Head of sector of museum funds, N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, 13, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia, e-mail: ivanov85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-7372>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 31, 2024; approved after reviewing February 27, 2024; accepted for publication March 4, 2024.

Научная статья
УДК 903.18(292.471)"08/10"
EDN: FYKNVD
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-33-47

Материалы к истории земледелия в округе раннесредневекового Херсона

А.Ю. Аржанов¹, Е.В. Неделькин¹, А.С. Афонин²

¹ Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь, Россия

² ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются результаты карпологического анализа образцов, отобранных при исследовании постройки на территории средневекового поселения округа Херсонеса-Херсона. Памятник расположен в южной части Гераклейского полуострова (г. Севастополь) в среднем течении балки Бермана на ее северном склоне. Выявлен объект археологического наследия в 2018 г., его площадь 0,73 га. Расчищенная постройка локализуется на одной из верхних террас в центральной части поселения. Существование сооружения укладывается в пределы IX–XI вв. Оно имеет два строительных периода. При этом завершение первого этапа функционирования связано с его гибелью в результате пожара на рубеже IX–X вв. В это время в помещении находились продовольственные запасы. По результатам анализа отобранных образцов из прослойки сгоревших растительных остатков установлено, что основной их объем образован соломой, мякиной и зернами пшеницы мягкой. В небольшом количестве присутствуют зерна ржи и ячменя, а также семена сорных растений. Все это может указывать на зерноводство, как значимую отрасль сельскохозяйственной деятельности жителей данного поселения. В классических зернохранилищах мякина и солома не являются основным компонентом, если речь не идет о плёнчатых пшеницах. А так как пшеница мягкая принадлежит к голозерным видам, то сооружение скорее всего не являлось долговременным зернохранилищем, а использовалось для кратковременного хранения урожая. Такое преобладание остатков соломы и мякины может говорить о ранних этапах очистки урожая в данном месте, либо о хранении отходов обмолота в качестве корма для скота. Также представляется возможным предположить, что наличие такого объема соломы может свидетельствовать о том, что крыша помещения конца первого этапа функционирования была соломенной, а в результате пожара с последующим обрушением ее вовнутрь стебли смешались с заготовленными припасами.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Гераклейский полуостров, средневековый Херсон, сельскохозяйственная округа, зерноводство, поселение, постройка, археоботаника, растительные макроостатки, культурные злаки

Благодарности: часть работы выполнена на базе Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006, А.С. Афонин). Авторы выражают благодарность С.М. Слепченко за помощь в подготовке образцов для дальнейшего исследования.

Для цитирования: Аржанов А.Ю., Неделькин Е.В., Афонин А.С. Материалы к истории земледелия в округе раннесредневекового Херсона // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 33–47. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-33-47>. EDN: FYKNVD.

Archaeology

Original article

Materials to the history of agriculture in the surroundings of Early Medieval Cherson

Aleksey Yu. Arzhanov¹, Evgeniy V. Nedelkin¹, Alexey S. Afonin²

¹ State Museum-Preserve "Tauric Chersonese", Sevastopol, Russia

² Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia

Abstract. The authors discuss the results of carpological analysis of samples selected during the study of a building on the ter-

ritory of a medieval settlement in the Chersonesos-Cherson's surroundings. The archaeological resource is located in the southern part of the Heracles Peninsula (Sevastopol) in the middle reaches of the Berman's Gully on its northern slope. This archaeological site was discovered in 2018, its area is 0,73 hectares. The excavated building is located on one of the upper terraces in the central part of the settlement. The existence of the structure fits within the 9th–11th centuries. The building has two construction periods. At the same time, the completion of the first stage of the structure's functioning is associated with its death as a result of a fire at the turn of the 9th–10th centuries. At this time, there were food supplies in the room. Based on the results of the analysis of selected samples from the layer of burnt plant residues, it was established that the main volume of them was formed by straw, chaff and grains of soft wheat. There are small quantities of rye and barley grains, as well as weed plants seeds. All this may indicate grain growing as a significant branch of agricultural activity for the inhabitants of this settlement. In classical granaries, chaff and straw are not the main components that are why the structure most likely was not a long-term storage granary, but were used for short-term storage of crops. Such a predominance of straw and chaff remains may indicate the early stages of wheat threshing in a given area or the storage of threshing waste as feed for livestock. It can also be assumed that the presence of such a volume of straw may indicate that the roof of the room at the end of the first stage of operation was thatched, and as a result of a fire with its subsequent collapse, the straw was mixed with stored supplies.

Keywords: South-Western Crimea, Heracles Peninsula, Medieval Cherson, agricultural district, grain growing, settlement, construction, archaeobotany, plant macro-remains, cereal crops

Acknowledgements: part of the work was carried out on the basis of the Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FWRZ-2021-0006, A.S. Afonin). The authors express their gratitude to S.M. Slepchenko for his assistance in preparing samples for further research.

For citation: Arzhanov A.Yu., Nedelkin E.V., Afonin A.S. (2024) Materials to the history of agriculture in the surroundings of Early Medieval Cherson. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 33-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-33-47>. EDN: FYKNVD.

Реконструкция палеоэкологической ситуации и способов хозяйствования в определенном регионе в разные исторические периоды является весьма перспективным направлением междисциплинарных исследований. Вместе с тем для полноты картины необходим большой набор данных, чем при традиционном культурно-историческом подходе. Помимо анализа материальных остатков – предметов быта и орудий труда, необходимо также учитывать растительные, животные и антропологические остатки. Учитывать геологическую и почвенную составляющую, сочетать традиционные археологические методы с неразрушающими естественнонаучными, такими как геофизика. Междисциплинарный подход к комплексному анализу археологических объектов требует привлечения в процесс большого числа специалистов различных направлений. Не всегда это возможно в условиях повседневной археологической деятельности, особенно на этапе разведок и первичного выявления памятников археологии. Тем не менее стремиться к полноте анализа необходимо. В рамках работ Гераклеийской экспедиции Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», исследующей памятники ближней округи Херсонеса-Херсона, стремление к

комплексному анализу прослеживается на протяжении большей части истории экспедиции. Геофизические работы на ближней и дальней хоре Херсонеса проводятся с 70-х гг. XX века по сей день (Николаенко и др., 2020. С. 53¹; Шакуро, Панченко, 2018), в последние годы дополняясь лазерным сканированием рельефа (Аржанов, Кучинин, Панченко, 2019). Также археология Херсонеса и его округи, хотя и эпизодически, но достаточно давно сопровождается изысканиями в области палеоэтноботаники (Николаенко, Янушевич, 1981; Пашкевич, 1991²; Пашкевич, 2006; Рабинович, Седикова, Хеннеберг, 2009; Тюрин, Чухина, Филиппенко, 2021; Янушевич, 1976; Янушевич, 1986).

В настоящей работе мы попытаемся дополнить существующие сведения о сельском хозяйстве средневекового Херсонеса-Херсона, используя данные, полученные в результате археологических разведок на Гераклеийском полуострове, в ходе ко-

¹ Николаенко Г.М., Смекалова Т.Н., Терехин Э.А., Пасуманский А.Е. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. СПб. : Алтейя, 2020. Т. I. 292 с. EDN: OUGHCH.

² Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Каталог 2. Препр. Киев : Институт археологии АН Украины, 1991. 47 с.

торых было выявлено ранее не отмеченное исследователями средневековое поселение. Помимо шурфов, заложенных с целью определения границ памятника, нами была зачищена одна из построек, в которой были зафиксированы остатки сгоревших растений, что и послужило материалом для дальнейшего комплексного анализа.

Описываемое поселение округа средневекового Херсона было выявлено в 2018 г. Маршрут археологических разведок пролегал по северному склону балки Бермана, расположенной в южной части Гераклеяского полуострова (г. Севастополь). Данный микрорегион с самого начала исследований округа древнего города характеризовался как место концентрации археологических объектов. Наиболее ранним свидетельством такого рода можно считать наблюдения, сделанные П.С. Палласом еще в конце XVIII в. В частности, путешественник отмечал остатки многочисленных построек, расположенных на высотах склонов «богатой источниками долины ... в 9 верстах от Ахтиара и не более полутора верст от Георгиевского монастыря» (Паллас, 1999. С. 49). Первые масштабные археологические раскопки в балке Бермана организованы в 1928 г. директором Херсонесского музея К.Э. Гриневичем. В качестве одной из причин, побудившей начать работы именно здесь, исследователем называлась «топография места», отличительной чертой которого являлась высокая концентрация видимых строительных остатков (Гриневич, 1928. С. 37). Одной из причин, по которой сравнительно небольшая (около 4 км) балка активно застраивалась в разные исторические периоды, является ее насыщенность большим, по меркам Гераклеяского полуострова, количеством источников воды. В первой половине XX в. в балке Бермана отмечено шесть различных водных источников (колодцев, источников, водосборных галерей), причем один из них обустроен, по наблюдению автора гидрогеологического очерка А.С. Моисеева, «еще в глубокой древности» (Моисеев, 1932. С. 27). Также существует точка зрения, что от источников в балке Бермана шла одна из линий античного водопровода, питающего Херсонес (Ковалевская, Седикова, 2005. С. 74–75).

Рассматриваемое поселение, площадью 0,73 га, простирается по северному склону среднего течения балки Бермана на протяжении 250 м

(рис. 1). В составе памятника выявлены несколько пещер со следами антропогенного воздействия и ряд стен, истолкованных как остатки наземных сооружений. В центре предполагаемой территории поселения, на одной из верхних террас склона отмечена заплывшая яма со следами свежих вторжений. На одном из ее краев зафиксирован ряд камней, интерпретированных в качестве кладки. Было принято решение провести зачистку и проследить стратиграфию культурного слоя предполагаемой постройки. По результатам исследования стало ясно, что яма представляет собой относительно недавнее вторжение в вырубленное в материковой скале помещение, по периметру надстроенное одно- и двухслойными стенами. Однослойные участки стены (северо-восточный и юго-западный) – однолицевые, с выравниванием по внутреннему фасу, двухслойный участок (юго-восточный) – выравнен и по внутреннему и по внешнему фасам (рис. 2.1,2). Размеры открытого помещения – 4,0 × 3,5 м. Отклонение ориентации углов сооружения на 18° к востоку от оси юг – север дало основание предположить, что при его создании учитывался лишь рельеф склона, в отличие от построек эллинистического периода, чьи углы, в подавляющем большинстве, ориентированы по сторонам света с незначительными отклонениями. Окружающая скальный выруб стена сохранилась на немногим более 60 % периметра объекта, на протяжении 10 метров (кладка 1). Углы стен скруглены и сложены без перевязки. Вход в помещение, шириной 0,75–0,80 м, устроен в юго-восточной стене, следов оформления под деревянные дверные конструкции не зафиксировано. На скальном полу отмечены остатки каменной ступени.

Заполнение помещения было большей частью нарушено современными вторжениями, однако ближе к стенам и скальным бортам нам удалось зафиксировать стратиграфический разрез (рис. 2.2). В нем насчитывается 5 археологических слоев.

Первый поверхностный слой состоит из дерна и гумуссированного суглинка. Его мощность составляет 0,1–0,2 м. Материал представлен современным мусором, осколками снарядов времен Великой Отечественной войны, ружейными капсюлями периода Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.).

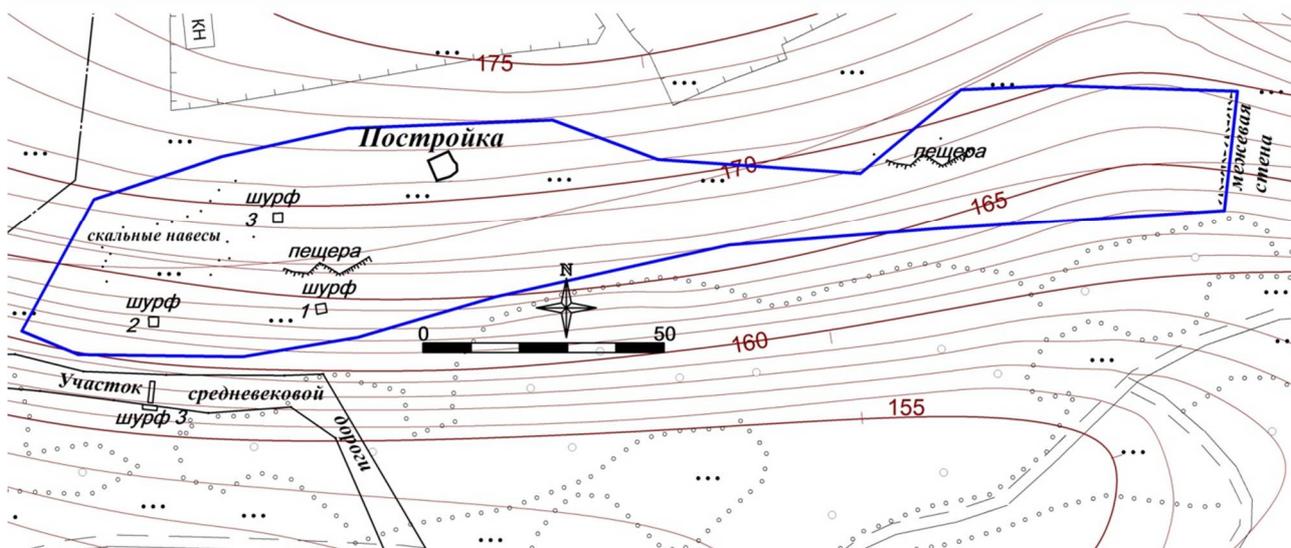
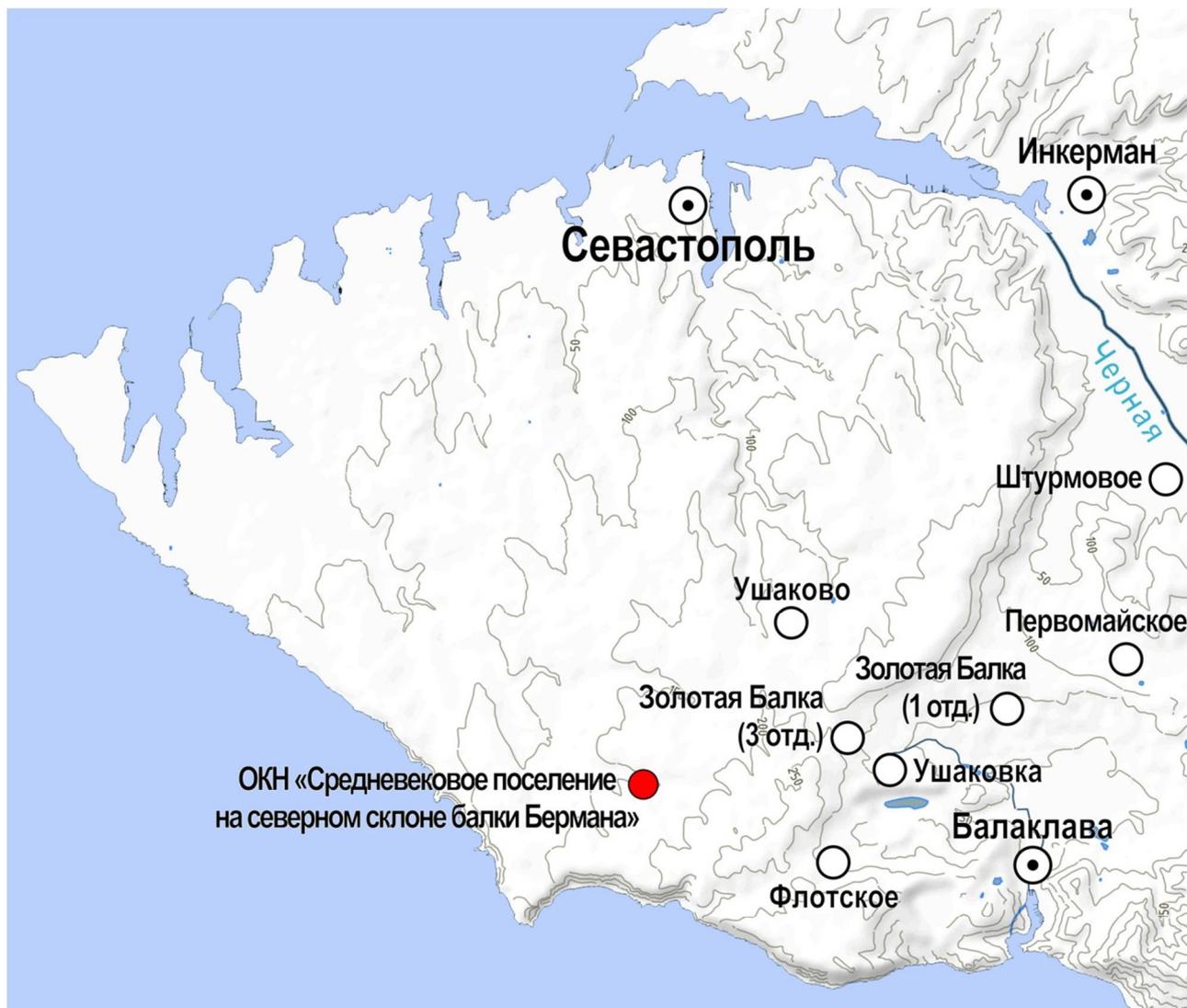

Рис. 1. План средневекового поселения на северном склоне балки Бермана (Гераклейский полуостров)
Fig. 1. Plan of a medieval settlement on the northern slope of the Berman's Gull (Heracles Peninsula)

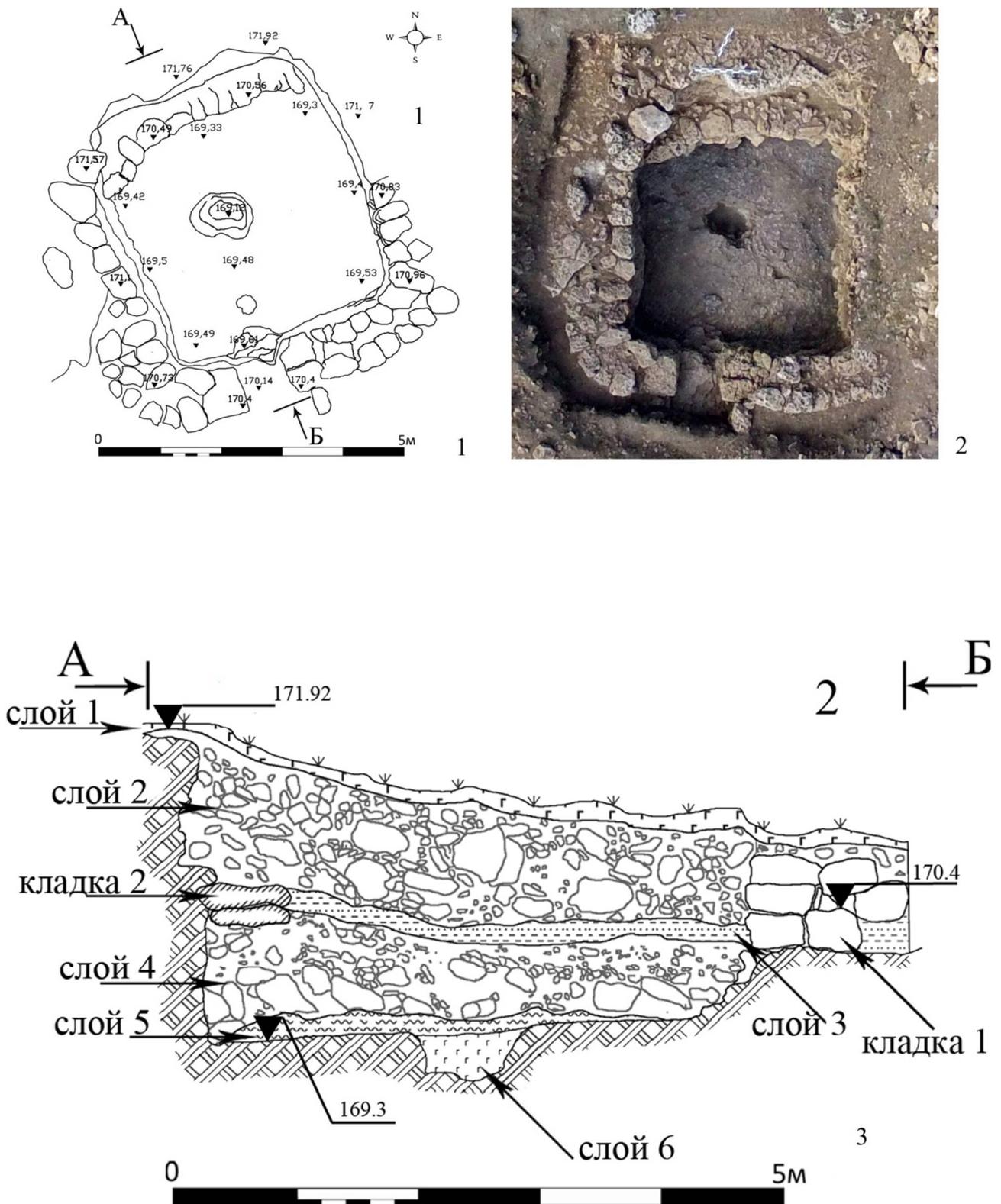

Рис. 2. Исследованная постройка: 1 – план; 2 – фото в плане; 3 – стратиграфический разрез
 Fig. 2. Researched construction: 1 - plan; 2 - photo in plan; 3 - stratigraphic section

Второй по порядку от дневной поверхности слой, мощностью 0,65–0,85 м, представляет собой каменный завал. Между камням – рыхлый намывной суглинок. Его образование мы связываем с частичным обрушением стен постройки после окончания ее использования. Керамический материал из данного слоя разнообразен, и скорее всего накапливался в течение продолжительного периода вместе со смывами грунта. Таким образом, археологические находки из второго слоя относятся не к непосредственно описываемой постройке, а характеризуют скорее общую археологическую ситуацию вокруг. Хронологические рамки керамики из этого горизонта укладываются в широкие пределы от позднеантичного времени (фрагменты краснолаковых сосудов) до XIII–XIV вв. (фрагменты глазурованной посуды).

Третий слой, залегающий ниже каменного завала, характеризует один из строительных периодов данного сооружения. Его мощность – 0,19–0,25 м, состоит из серовато-коричневого суглинка, рыхлого и золистого в верхней части, с уплотнением к нижнему краю. Золу верхнего края слоя мы объясняем результатом сгорания растительного материала, уплотнение у нижнего края – трамбовкой земляного пола помещения. На камнях стен заметны следы термического воздействия. Вдоль северно-западной поверхности скальной вырубки обустроена своеобразная каменная скамья (кладка 2), сложенная из плоских плит известняка.

Керамический материал из данного слоя малообразован и состоит преимущественно из небольших обломков стенок византийских глобулярных амфор с мелким зональным рифлением (причерноморского типа) и высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками и плоским дном. Крупный фрагмент стенки сосуда с линейно-арочным орнаментом зафиксирован нами перед входом в описываемое помещение. Достаточно представительной является коллекция нумизматических находок. Литая целая монета времени Романа III (1028–1034 гг.), сильно истертый фоллис Льва V (813–820 гг.), рубленая четвертина монеты второго правления Юстиниана II (705–711 гг.), рубленая половина не поддающегося атрибуции фоллиса, рубленая половина херсонесской монеты второй элевтерии найдены внутри постройки. Литая целая монета времени Романа IV (1068–

1071 гг.) и рубленая половина монеты боспорского царя Рескупорида V обнаружены перед входом в сооружение в слое каменного завала. В засыпи прохода найдена литая целая монета Константина VII. Столь широкая хронология монетных выпусков не свидетельствует о продолжительном периоде существования описываемого объекта. В целом присутствие разновременных монет в одном комплексе засвидетельствовано рядом средневековых херсонесских кладов (Алексеенко, 2005; Кропоткин, 1962. С. 34, № 217, 220). Очевидно, что истертые монеты ранних выпусков, равно как и рубленые монеты, выполняли функцию мелких разменных единиц. Исходя из этого, мы принимаем в качестве хронологических индикаторов и относим ко времени функционирования сооружения лишь хорошо сохранившиеся целые литые монеты Константина VII, Романа III, Романа IV. Из других датированных индивидуальных находок упомянем наконец стрелы, двурогий срезень с упором, конца IX–X вв., а также перстень, декорированный врезными линиями. Аналогии этому перстню датируются X–XII вв. Таким образом, по совокупности керамического материала, монетных и индивидуальных находок существование помещения второго строительного периода укладывается в пределы X–XI вв. (подробнее см.: Аржанов, 2021).

Ниже пола сооружения лежит четвертый слой – каменный завал. Его мощность от 0,5 до 0,8 м. Камни завала некрупные (средние размеры 0,4 × 0,4 м), без дополнительной обработки поверхности. Укладка бута неплотная, скорее всего это достаточно хаотичный наброс, заполняющий весь скальный выруб. Керамический материал скуден и в целом синхронен материалу из предшествующего слоя, связанного с функционированием помещения второго строительного периода. Исходя из этих данных, мы рассматриваем четвертый слой в качестве обратной засыпки котлована, которым явилось вырубленное в скальном основании помещение первого строительного периода.

На материковой скальной поверхности, под каменным завалом зафиксирован еще один, пятый слой. Его мощность составляет в среднем 0,2 м у северо-западной стены, постепенно понижаясь и истончаясь к стене юго-восточной. Слой состоит из сгоревших остатков растительного происхождения. К сожалению, другой археологический материал в

данной прослойке практически отсутствует, найдены лишь два небольших обломка черепичных соленов и один фрагмент стенки кухонного горшка. Индивидуальные находки отсутствуют и в пятом, и в перекрывающем его, четвертом слое. Данное обстоятельство затрудняет датировку первого строительного периода описываемой постройки. Однако к этому хотелось бы добавить важное стратиграфическое наблюдение: камни обратной засыпки (слой 4) не отделены от слоя сгоревшей органики никакими другими прослойками, а крупные камни местами пробивали пятый слой до скалы (рис. 3). Эта ситуация дает нам основания предполагать, что конец первого строительного периода, выразившийся в пожаре, не отделен по времени от начала второго строительного периода, в котором пол помещения был поднят над скальной поверхностью путем обратной засыпки. Таким образом, слой сгоревших растительных остатков можно на основании стратиграфической ситуации датировать началом X в. или, возможно, самым концом IX в.

Из слоя сгоревшей органики на полу помещения были отобраны несколько образцов для последующего анализа (рис. 4). Забор анализов осуществлялся в два этапа. На первом этапе были взяты пробы из северо-западного сектора помещения. Анализ материала был выполнен И.Б. Просянкиной. Состав выборки следующий: обугленные семена пшеницы, мелкие семена злака типа проса, одиночные семена эспарцета, мелкие семена сорных растений, раковины моллюсков (2 видов), обугленные волокна растительного происхождения (грубая ткань, циновка и пр.). Количественно в отобранных образцах преобладают семена пшеницы. Важным и интересным фактом данной выборки можно считать наличие волокон растительного происхождения. Данный факт дает нам основания предполагать, что семена культурных растений, которые находились в месте забора образцов, были в мешках или насыпаны на некую ткань, расстеленную на скальном полу помещения.

На втором этапе, пробы брались при разборе восточной стратиграфической колонки, одна в северо-восточном углу помещения, где слой сгоревшей органики имел максимальную толщину, и в юго-восточном, где мощность слоя была минимальна. Анализ данных проб представлен в настоящей статье.

Для разделения материала на фракции и удобства разбора сначала были удалены крупные остатки, камни и спекшиеся частицы, затем образцы были просеяны через колонку сит с диаметром ячеек 2,5–1–0,5 мм. Просеивание осуществляли очень бережно, чтобы минимизировать повреждение обугленных частиц. В результате просеивания получили 5 размерных фракций: 1 – крупные остатки, представленные в основном камнями и спекшимися частицами; 2 – фрагментами соломы, мякны, крупными семенами растений и минеральными частицами; 3 – средними по размеру фрагментами мякны и семенами, а также песчинками среднего размера; 4 – мелкие частицы мякны и песчинки; 5 – пылеватая фракция в виде угольной пыли и пепла. В последующем разделенные фракции разбирали и сортировали вручную с использованием стереомикроскопа «Микромед MC-5-ZOOM LED» на малом увеличении. Определение растительных остатков проводилось по атласу (Кац и др., 1965³; Neef et al., 2012⁴) и имеющейся эталонной коллекции семян. В виду того, что значительная часть образцов представлена карбонизированными остатками соломы и мякны, которые невозможно пересчитать, общий состав был измерен в миллилитрах, а детальный состав карпоидов в единицах. Результаты анализа приведены в соответствующих таблицах (табл. 1, 2).

Образец 1 представлен небольшим количеством минеральной части (песок, камни) – 12,4 % и большим количеством сгоревших растительных остатков – 87,6 %. Из этих 87,6 % на долю угольной пыли приходится 38,8 %, на долю фрагментов соломы – 30,5 %, мякны – 11,3 % и 7 % на долю карпоидов (рис. 5.1).

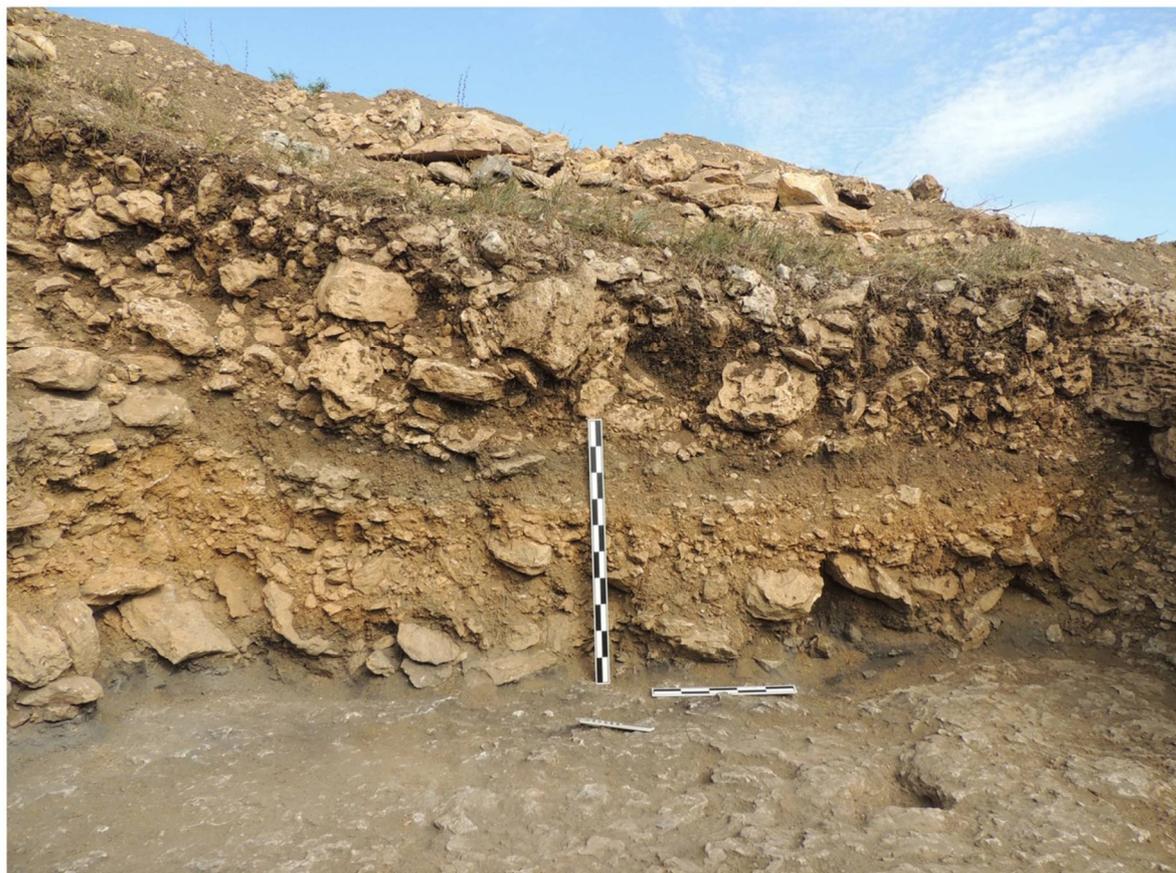
В образце 2 больше половины – 60,5 % составляет пепел. 39,1 % приходится на аморфные конгломерации (шлак) различного размера, которые представлены обожженными до стекловидного состояния фрагментами, в некоторых из них просматриваются очертания растительных остатков,

³ Кац Н.Я., Кац С.В., Кипиани М.Г. Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М. : Наука, 1965. 367 с.

⁴ Neef R., Cappers R., Bekker R., Boulos L., Dinies M., Ertuğ Z., Keller N., Lahitte M., Meulenbeld G., Zhu Y.P. Digital Atlas of Economic Plants in Archaeology. Groningen: Barkhuis Publishing – Groningen University Library, 2012. 760 p.

1

2

Рис. 3. Исследованная постройка. Стратиграфия заполнения: 1 – северо-западный борт; 2 – северо-восточный борт
Fig. 3. Researched construction. Stratigraphy of the filling: 1 - northwestern wall; 2 - northeastern wall

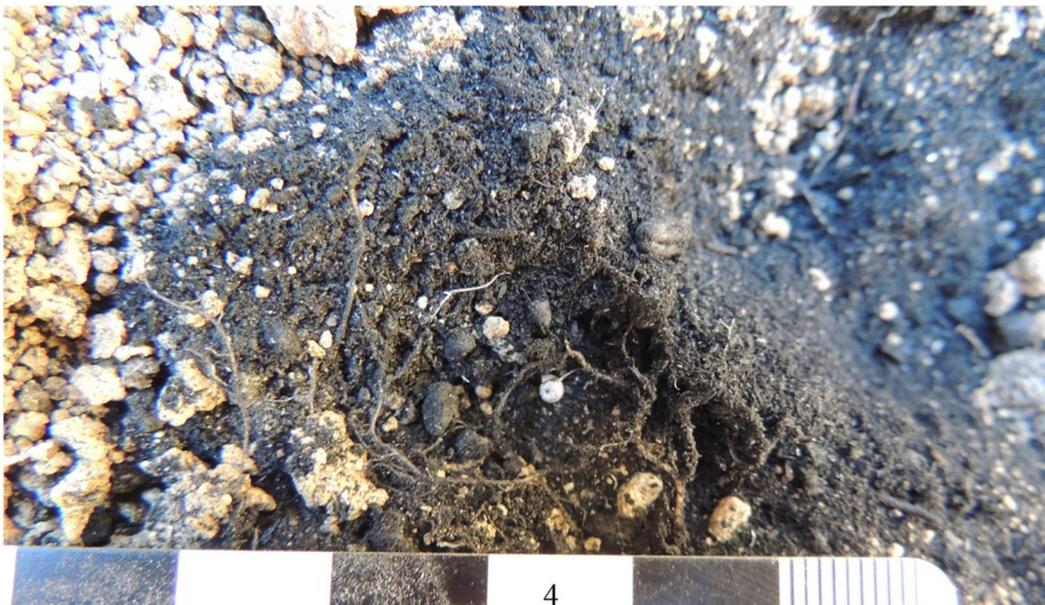

Рис. 4. Исследованная постройка. Слой сгоревших органических остатков: 1 – общее фото; 2, 3, 4 – скопления сгоревших растительных остатков in situ
Fig. 4. Researched construction. Layer of burnt vegetal remains: 1 - general photo; 2, 3, 4 - accumulations of burnt vegetal remains in situ

Таблица 1. Состав образца 1
Table 1. Composition of sample 1

Составляющие пробы	Кол-во	Ед. изм.
Угольная пыль	294	мл
Фрагменты соломы	231	мл
Минеральная часть	94	мл
Мякина	86	мл
Карпоиды:	53	мл
Пшеница мягкая (<i>Triticum aestivum</i> L.)	1162	шт.
Пшеница (<i>Triticum</i> sp.) фрагменты	103	шт.
Злаки дикоросы	67	шт.
Куколь обыкновенный (<i>Agrostemma githago</i> L.)	11	шт.
Рожь (<i>Secale cereale</i> L.)	8	шт.
Ячмень обыкновенный (<i>Hordeum vulgare</i> L.)	6	шт.
Капустные (<i>Brassicaceae</i>)	3	шт.
Гречишные (<i>Polygonaceae</i>)	2	шт.
Виноград (<i>Vitis</i> sp. L.)	1	шт.
Неслия метельчатая (<i>Neslia paniculata</i> (L.) Desv.)	1	шт.

Таблица 2. Состав образца 2
Table 2. Composition of sample 2

Составляющие пробы	Кол-во	Ед. изм.
Пепел (пыль)	510	мл
Шлак	330	мл
Карпоиды:	3	мл
Злаки культурные неопределимые	90	шт.
Мелкие фрагменты злаков	59	шт.
Аморфные угли	26	шт.
Ячмень обыкновенный (<i>Hordeum vulgare</i> L.)	23	шт.
Пшеница мягкая (<i>Triticum aestivum</i> L.)	19	шт.
Рожь (<i>Secale cereale</i> L.)	5	шт.
Хохлатка (<i>Corydalis</i> sp.)	1	шт.
Гвоздичные (<i>Caryophyllaceae</i>)	1	шт.
Бобовые (<i>Fabaceae</i>)	1	шт.

похожих на мякину, сгоревших до пепельного состояния. На долю сохранившихся карпоидов приходится 0,4 % (рис. 5.2).

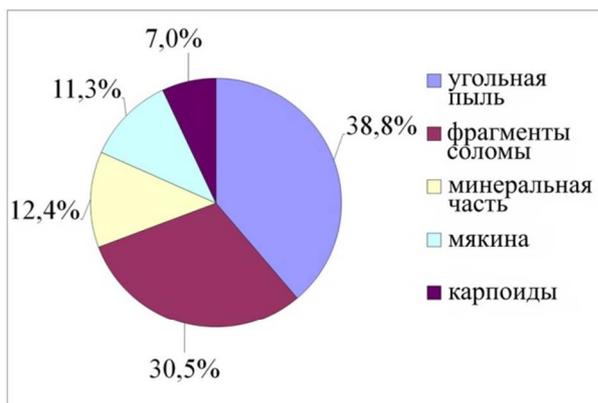
Собственно, карпологический анализ образца 1 показал, что большая доля приходится на зерна

пшеницы мягкой – 85,2 %. Также имеются фрагменты зерен пшеницы (7,6 %), скорее всего тоже мягкой. На другие культурные злаки, такие как рожь и ячмень приходится 0,6 % и 0,4 % соответственно. Стоит отметить наличие семян куколя 0,8 %, который является типичным сорняком посевов зерновых культур (рис. 5.3).

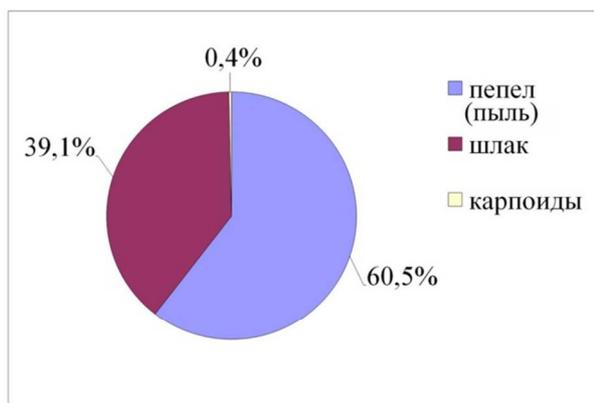
В образце 2 из уцелевших карпоидов 40 % составляют целые зерна культурных злаков и 26,2 % фрагментированных зерен злаков, которые, по всей видимости, относятся к пшенице, но из-за сильной деформации в результате карбонизации точное определение не представляется возможным. На долю ячменя приходится 10,2 %, пшеницы мягкой 8,4 % и ржи 2,2 %. На дикорастущие растения, в общем, приходится 1,2 % (рис. 5.4). Ввиду сильного сгорания образца 2 данные для интерпретации используются в меньшей степени.

Значительное количество мякины и фрагментов соломы в сочетании с зернами культурных злаков и семенами сорных растений может указывать на зерноводство как значимую отрасль сельскохозяйственной деятельности жителей данного микрорегиона в рассматриваемый период. В классических зернохранилищах мякина и солома не являются основным компонентом, если речь не идет о пленчатых пшеницах (Лебедева, 2019). А так как пшеница мягкая принадлежит к голозерным видам, то сооружение скорее всего не являлось долговременным зернохранилищем, а использовалось для кратковременного хранения урожая. Такое преобладание остатков соломы и мякины может говорить о ранних этапах очистки урожая в данном месте (Сергеев, Лебедева, 2017), либо о хранении отходов обмолота в качестве корма для скота. Также представляется возможным предположить, что наличие такого объема соломы с одновременным отсутствием в культурных напластованиях какого-либо значительного количества черепицы, может свидетельствовать о том, что крыша помещения конца первого строительного периода была соломенной, а в результате пожара с последующим обрушением ее внутрь, стебли смешались с заготовленными припасами.

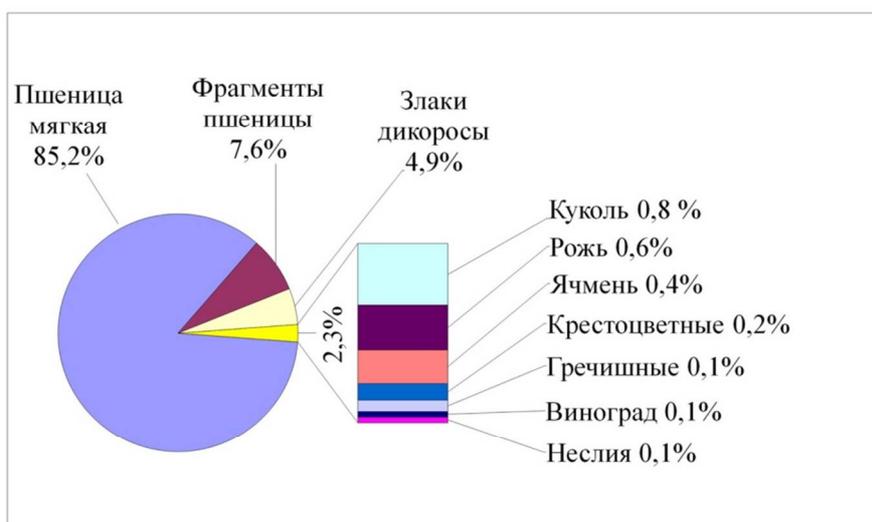
Интересно сравнить наши данные с другими синхронными выборками средневекового Херсона и его ближайшей округи. Таких немного, но они есть. Так, в работе Г.А. Пашкевич «Современное

1

2

3

4

Рис. 5. Результаты анализа проб, отобранных на втором этапе: 1 – общий состав образца 1; 2 – общий состав образца 2; 3 – карпологический анализ образца 1; 4 – карпологический анализ образца 2

Fig. 5. Results of the analysis of samples taken at the second stage: 1 - general composition of sample 1; 2 - general composition of sample 2; 3 - carpological analysis of sample 1; 4 - carpological analysis of sample 2

состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса» (Пашкевич, 2006) приведены, в числе прочих результаты анализа выборок с пола одного из помещений IX–X вв. комплекса сооружений в балке Бермана (табл. 3), а также из помещений X в. городского квартала в юго-восточной части византийского Херсона (табл. 4).

Таблица 3. Состав находок из раскопок укрепленного поселения в балке Бермана (надел 347) в 2005 г. по Г.А. Пашкевич. Помещение 10
Table 3. Composition of finds from excavations of a fortified settlement in the Berman's Gully (plot 347) in 2005 according to G.A. Pashkevich. Room 10

Культурные растения		Ед. изм.
пшеница двузернянка	<i>Triticum dicoccon</i>	1
пшеница мягкая	<i>Triticum aestivum s.l.</i>	4
ячмень пленчатый	<i>Hordeum vulgare</i>	4
овес не определенный до вида	<i>Avena sp.</i>	1
рожь обыкновенная	<i>Secale cereale</i>	2
малина	<i>Rubus idaeus</i>	1
Сорняки		
клевер, не определенный до вида	<i>Trifolium sp</i>	1
молочай солнцегляд	<i>Euphorbia helioscopia</i>	1

Выборка из помещения комплекса сооружений в балке Бермана невелика, но представляет интерес из-за географической близости к рассматриваемому объекту (расстояние между местами отбора проб около 1,3 км). Выборка из городского квартала Херсонеса более представительна, так как собрана не в одном помещении, а в разных сооружениях в пределах городской усадьбы. Объединяющим моментом для всех мы бы отметили преобладание мягкой пшеницы, которая, очевидно, была основным злаком в местном земледелии. То, что пашенное земледелие существовало в ближней округе средневекового Херсона в IX–X вв., подтверждается не только анализом отобранных нами проб, но также и находками пахотных орудий соответствующего периода (Денисова, 2023). Вместе с этим анализ зоологического материала из раскопок свидетельствует о занятии проживавшего в округе города населения животноводством и охотой (Аржанов, 2021). Не подлежит сомнению и за-

Таблица 4. Состав находок в материалах южного района Херсонеса. Результаты 2002 и 2004 гг. по Г.А. Пашкевич

Table 4. Composition of finds in the materials of the Southern Region of Chersonesos. Results 2002 and 2004 by G.A. Pashkevich

	Места отбора образцов (№№ помещений)						
	20	23	25	26	30	34	двор
Зерновые							
пшеница однозернянка						8	
пшеница двузернянка			1			37	26
пшеница спельта						1	
пшеница мягкая		2	4	6	13	92	162
ячмень пленчатый		3		3	4	7	41
ячмень голозерный					6	18	34
рожь посевная			2	3	3	10	38
овес посевной		2	1				
просо посевное	4			2	13	3	3
фрагменты зерновок	2	1	21	10	50	37	365
Бобовые							
чечевица	1			1		2	6
горох посевной			1	1	2	4	
нут					1	2	
вика эрвлия	1					1	4
фрагменты бобовых	2			1		8	6
Орехи, фрукты							
виноград культурный				1	2	3	
маслина европейская	6		3	1			1
слива ?	2		1			1	4
орех грецкий, фрагменты скорлупы	3			5			17
орешник, фрагменты скорлупы	2		1		1	3	1
малина	18						

нятие виноградарством и виноделием, о чем свидетельствуют как остатки винодавильных площадок⁵, используемых в том числе и в X в., так и присутствие семян винограда в карпологических пробах.

Модель пространственного зонирования сельскохозяйственных угодий в рамках раннесредневековых поселений была нами предложена при анализе результатов археологических разведок в Южной части Гераклеийского полуострова (Аржанов, 2020b). Вкратце повторим основные тезисы этой модели: основным ядром, где располагались жилищно-хозяйственные комплексы средневеко-

вых поселений Гераклеийского полуострова, являлись склоны балок. Причем использовались как строительные остатки усадеб античного периода, так и собственные сооружения наземного и пещерного типов. В этой же зоне, на верхних и средних террасах склона, располагались известные на сегодняшний день винодельни рассматриваемого периода. Скорее всего по сторонам жилого ядра, также на склонах высаживались виноградники. Водоразделы между балками, где почвенный слой невелик, а ветра достаточно сильны, наиболее вероятно являлись зонами выпаса, об этом свидетельствуют расположенные в этих местах загоны для скота. Местом основного пашенного земледелия, которое бесспорно присутствовало в хозяйстве жителей округа средневекового Херсона мы предлагаем считать тальвеги балок, где почвенный слой обладает наибольшей мощностью, а склоны надежно защищают посадки от ветра.

⁵ Ближайшие винодавильные площадки, относимые нами к этому периоду, находятся в 296 м и в 429 м выше и ниже по балке соответственно (Аржанов, 2020а. С. 109. № 1, С. 111–112. № 7).

Список источников

Алексеевко Н.А. Денежное обращение округа византийского Херсона в VII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2005. Вып. XI. С. 437–451.

Аржанов А.Ю. Виноделие в ближней округе ранне-средневекового Херсона // Херсонесский сборник. 2020а. Вып. XXI. С. 108–133. EDN: QGMDMZ.

Аржанов А.Ю. Пространственная организация средневековых поселений Гераклеийского полуострова // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава, 25–29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь : Колорит, 2020b. С. 47–52.

Аржанов А.Ю. Средневековое поселение на северном склоне балки Бермана (Гераклеийский полуостров) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский Семинар (Севастополь–Балаклава, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь : Ариал, 2021. С. 53–62. EDN: QRQQWO.

Аржанов А.Ю., Кучинин А.А., Панченко В.В. Комплексный подход к методике археологических разведок на примере работ отдела междисциплинарных исследований Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Междуна-

References

Alekseenko N.A. (2005) Currency in neighbourhood of the Bizantine Chersonesos at the 7th Century. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. Iss. XI. P. 437–451. (In Russ.).

Arzhanov A.Yu. (2020a) The winemaking in Cherson's Close Environs during Early Medieval Age. *Khersonesskii sbornik = Chersonesos Collection*. Iss. XXI. P. 108–133. (In Russ.). EDN: QGMDMZ.

Arzhanov A.Yu. (2020b) The Spatial Organization of Mediaeval Settlements in the Gerakleiskii Peninsula. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar (Sevastopol'–Balaklava, 25–29 maia 2020 g.)*. *Materialy nauchnoi konferentsii = XII International Byzantine Seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ»: Empire and Polis. Proceedings of International Conference*. Simferopol': Kolorit. P. 47–52. (In Russ.).

Arzhanov A.Yu. (2021) A Mediaeval Settlement on the Northern Side of Bermana Ravine (Gerakleiskii Peninsula). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar (Sevastopol'–Balaklava, 29 maia – 3 iunია 2021 g.)*. *Materialy nauchnoi konferentsii = XIII International Byzantine Seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ»: Empire and Polis. Proceedings of International Conference*. Simferopol': Arial. P. 53–62. (In Russ.). EDN: QRQQWO.

Arzhanov A.Yu., Kuchinin A.A., Panchenko V.V. (2019) An integrated approach to the methodology of archaeological exploration using the example of the work of the Department of interdisciplinary research of the State Museum-Preserve "Tauric Chersonese". *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh: Materialy V Mezhdunarodnoy kon-*

родной конференции молодых ученых / отв. ред. В.Е.Родинкова. М. : ИА РАН, 2019. С. 224–226. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.224-226.

Гриневиц К.Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г.: предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса // Крым. 1928. № 2 (8). Вып. 2. С. 34–71.

Денисова Е.А. Пахотные орудия Херсонеса–Херсона (по археологическим данным из раскопок Херсонеса и его окружи) // Херсонесский сборник. 2023. Вып. XXIV. С. 122–133. EDN: VNMZDW.

Ковалевская Л.А., Седикова Л.В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии : сб. научн. тр. 2005. Вып. XI. С. 71–93.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Свод археологических источников. Вып. Е4-4. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 64 с.

Лебедева Е.Ю. Необычные «зерновые» скопления Болгарского городища – что в основе? // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 129–150. DOI: 10.24852/pa2019.4.30.129.150. EDN: WWYIBI.

Моисеев А.С. Гидрогеологический очерк г. Севастополя и его окрестностей. М.; Л. : Государственное научно-техническое геологоразведочное изд-во, 1932. 56 с.

Николаенко Г.М., Янушевич З.В. Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса // Краткие сообщения института археологии. М. : Наука, 1981. Вып. 168. С. 26–34.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с немецкого. М.: Наука, 1999. 246 с. (Науч. наследство; Т. 27).

Пашкевич Г.А. Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XV. Севастополь : Изд. дом «Максим» 2006. С. 165–180.

Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 196–274. EDN: TEMWTD.

Сергеев А.Ю., Лебедева Е.Ю. К вопросу о раннеаланском земледелии: находки культурных и сорных растений на укреплении Подкумское-2 (II–IV вв. н. э.) // Краткие сообщения института археологии. 2017. Вып. 249. Ч. II. С. 311–328. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-2.311-328.

ferentsii molodykh uchenykh = New Materials and Methods of Archaeological Studies: from Criticism of Sources to Generalization and Interpretation of Data. Materials of the V International Conference of Young Scientists. Moscow: Institute of Archaeology RAS. P. 224–225. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.224-226.

Grinevich K.E. (1928) Excavations of the Heracles Expedition of 1928: preliminary report describing the architectural complex. *Krym = Crimea*. No. 2 (8). Iss. 2. P. 34–71. (In Russ.).

Denisova E.A. (2023) Ploughing tools from Chersonesos–Cherson (based on archaeological findings from Chersonesos and its environs). *Khersonesskii sbornik = Chersonesos Collection*. Iss. XXIV. P. 122–133. (In Russ.). EDN: VNMZDW.

Kovalevskaya L.A., Sedikova L.V. (2005) On the Problem of Water-Supply of Chersonesos in the Late Antique Epoch. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. Iss. XI. P. 71–93. (In Russ.).

Kropotkin V.V. (1962) Byzantine Coin Hoards from the Territory of the USSR. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov = Archaeology of the USSR. A Corpus of Archaeological Sources*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Iss. E4-4. 64 p. (In Russ.).

Lebedeva E.Yu. (2019) Unusual “Grain” Accumulations in Bolgar Fortified Settlement – what is in Basis? *Povolzhskaya arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*. No. 4 (30). P. 129–150. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2019.4.30.129.150. EDN: WWYIBI.

Moiseev A.S. (1932) Hydrogeological sketch of the Sevastopol City and its environs. Moscow – Leningrad: State Scientific and Technical Geological and Dispensation Publishing House. 56 p. (In Russ.).

Nikolaenko G.M., Yanushevich Z.V. (1981) Cultural plants from the rural district of Chersonesos. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii = Brief Communications of the Institute of Archaeology*. Iss. 168. P. 26–34. (In Russ.).

Pallas P.S. (1999) Observations made during a trip to the southern governorships of the Russian state in 1793–1794. Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Pashkevich G.A. (2006) Modern condition of palaeoethnobotanical research in Chersonesos. *Khersonesskii sbornik = Chersonesos Collection*. Sevastopol: Izd. dom “Maksim” Iss. XV. P. 165–180. (In Russ.).

Rabinovitz A., Sedikova L.V., Khenneberg R. (2009) Daily life in a provincial Late Byzantine city: multidisciplinary research in the South Region of Chersonesos. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. Iss. XV. P. 196–274. (In Russ.). EDN: TEMWTD.

Sergeev A.Yu., Lebedeva E.Yu. (2017) Revisiting the issue of Early Alan agriculture: finds of domesticated and weedy plants at the Podkumskoye-2 fortification (the 2nd–4th centuries AD). *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii = Brief Communications of the Institute of Archaeology*. Iss. 249. Pt. II. P. 311–328. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-2.311-328.

Тюрин М.И., Чухина И.Г., Филиппенко А.А. Палеоботанические исследования на античном укреплении Масляная гора в округе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 4 (74). С. 61–91. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-61-91. EDN: BLMQRR.

Шакуро С.В., Панченко В.В. Исследования методами электроразведки и магнитометрии на хоре Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. 2018. Вып. XIX. С. 375–386. EDN: YLXTZB.

Янушевич З.В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев : Штиинца, 1976. 214 с.

Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоэтноботанические исследования. Кишинев : Штиинца, 1986. 90 с.

Информация об авторах

Аржанов Алексей Юрьевич,

заведующий отделом междисциплинарных исследований,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
299045, г. Севастополь, ул. Древняя, 1, Россия,
e-mail: aleksar71@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-8899-8789>

Неделькин Евгений Владимирович,

заведующий сектором Крепость Каламита отдела музеефикации памятников археологии,
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
299045, г. Севастополь, ул. Древняя, 1, Россия,
e-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3450-1415>

Афонин Алексей Сергеевич,

научный сотрудник сектора археологических и природных реконструкций,
ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН,
625008, г. Тюмень, ул. Червишеский тракт, 13, Россия,
e-mail: hawk_lex@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8815-7659>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 31 декабря 2023 г.; одобрена после рецензирования 26 января 2024 г.; принята к публикации 5 февраля 2024 г.

Tyurin M.I., Chukhina I.G., Filippenko A.A. (2021) Archaeobotanical Studies at the Ancient Fortress of Maslyanaya Gora in the Vicinity of Tauric Chersones. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. No. 4 (74). P. 61–91. (In Russ). DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-61-91. EDN: BLMQRR.

Shakuro S.V., Panchenko V.V. (2018) Geo-Electric and Magnetometric Surveys of the Sites in the Chora of Tauric Chersonese. *Khersonesskii sbornik = Chersonesos Collection*. Iss. XIX. P. 375–386. (In Russ.). EDN: YLXTZB.

Yanushevich Z.V. (1976) Cultivated Plants of the South-Western USSR on Palaeobotanic evidence. Kishinev: Shtiintsa. 214 p. (In Russ.).

Yanushevich Z.V. (1986) Cultural plants of the Northern Black Sea region. Paleoethnobotanical research. Kishinev: Shtiintsa. 90 p. (In Russ.).

Information about the authors

Aleksey Yu. Arzhanov,

Head of the Department of Interdisciplinary Research, State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”,
1, Drevnyaya St., Sevastopol 299045, Russia,
e-mail: aleksar71@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-8899-8789>

Evgeniy V. Nedelkin,

Head of the Sector Kalamita Fortress of the Department of Museification of Archaeological Sites,
State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”,
1, Drevnyaya St., Sevastopol 299045, Russia,
e-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3450-1415>

Alexey S. Afonin,

Researcher, Department of Archaeological and Environmental Reconstructions,
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS,
13, Chervishevskiy trakt St., Tyumen 625008, Russia,
e-mail: hawk_lex@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8815-7659>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 31, 2023; approved after reviewing January 26, 2024; accepted for publication February 5, 2024.

Научная статья
УДК 904(731.1+571.63)
EDN: GKJHNG
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-48-64

Нумизматические находки на раннесредневековых памятниках Приморского края России

А.Л. Ивлиев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Аннотация. В статье дается полная сводка нумизматических находок, сделанных в ходе археологических раскопок памятников VII–XI вв. в Приморском крае России. Находимые на памятниках мохэ и Бохая монеты относятся к одному типу – бронзовой монете «Кай-юань тунбао» династии Тан в Китае. Выпускавшиеся на протяжении VII–X вв. эти монеты подразделяются на варианты, относящиеся к раннему (621 г. – 20-е годы VIII в.), среднему (30-е годы VIII в. – начало 40-х годов IX в.) и позднему (846–907 гг.) периодам, что позволяет использовать их для относительно детальной датировки памятников. В ряде случаев – на селище Константиновское-1 и на Ауровском городище их находки подтверждают датировки жилищ временем не ранее государства Бохай (698–926 гг.). Малочисленность находок монет свидетельствует о неразвитости денежных отношений у племен мохэ и в Бохае. В последнем, по сведениям письменных источников, преобладал обмен на служившие деньгами натуральные продукты – зерно, ткани, меха. Бохайцы были знакомы с металлическими деньгами, пользовались монетами из Китая и Японии, но роль денежного обращения в стране была незначительной по сравнению с натуральным обменом. На общем фоне выделяются нумизматические материалы поселения Синие Скалы в Ольгинском районе, где монет найдено свыше двух десятков. Местонахождение этого памятника – близ морского побережья у устья реки Аввакумовка, наличие на нём находок глазурованной керамики печей юэяо из Южного Китая говорят об его особой роли на морском торговом пути.

Ключевые слова: Мохэ, государство Бохай, нумизматика, периодизация вариантов монеты «Кай-юань тунбао», городища, селища, могильники, поселение Синие Скалы, морской торговый путь, Приморский край

Для цитирования: Ивлиев А.Л. Нумизматические находки на раннесредневековых памятниках Приморского края России // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 48–64. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-48-64>. EDN: GKJHNG.

Archaeology

Original article

Numismatic findings in early medieval sites of Primorski Territory of Russia

Aleksandr L. Ivliev

Institute of the History, Archaeology and Ethnology of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Abstract. The paper gives whole report on numismatic findings made in the process of excavations of archaeological sites of VII-X cen. in Primorski Territory of Russia. All coins found in sites of *Mokhe* and *Bohai* belong to one type - bronze “Kai-yuan Tongbao” coin of Tang Dynasty in China. These coins issued during VII-XI cen. are divided into variants attributed to early (621 - 20s years of VIII c.), middle (30s years of VIII c. - beginning of 40s years of IX c.) and late (846-907) periods, it allows to use them for rather detailed dating of sites. In some cases - in Konstantinovka-1 settlement and in Aurovka fortress, their findings confirm dating of dwellings by the time not earlier than Bohai state (698-926). Small number of coin findings indicates lack of development of monetary relations at *Mokhe* tribes and in Bohai State. In the latter, according to written sources, exchange by natural products used as money such as grain, textile and furs prevailed. Bohai people were acquainted with metal money, they used coins of China and Japan, but the role of money circulation in the country was insignificant in comparison with natural exchange. Numismatic materials of the Siniye Skaly site in Olginskiy District, where more than 20 pieces of coins were found, stand out against a general

background. Location of this site near seashore and close to the mouth of Avvakumovka River, presence there of the glazed ceramics produced by *Yueyao* cils in South China indicate its' special role on the sea trade route.

Keywords: Mokhe, Bohai State, numismatics, periodization of variants of "Kai-yuan Tongbao" coins, town sites, settlement sites, ancient burial grounds, Siniye Skaly settlement, sea trade route, Primorski Territory

For citation: Ivliev A.L. (2024) Numismatic findings in early medieval sites of Primorski Territory of Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 48-64. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-48-64>. EDN: GKJHNG.

Введение

Нумизматические находки на археологических памятниках Приморского края не редки, но в основном они делались в ходе раскопок городищ и селищ, относящихся к чжурчжэньским империи Цзинь (1115–1234) и государству Восточное Ся (1215–1233) (Леньков, Артемьева, 2003. С. 55–62; Хорев, 2012. С. 297–338). Гораздо более редки находки монет на объектах раннего времени, хотя они отмечены даже на памятниках железного века. В данной работе рассмотрим находки на средневековых доцзиньских городищах, поселениях и могильниках племён мохэ и государства Бохай, а также их значение для уточнения и расширения наших знаний об этих памятниках.

Поскольку все нумизматические находки на средневековых памятниках доцзиньской эпохи ограничиваются танскими монетами «Кай-юань тунбао» (開元通寶), прежде описания самих находок следует остановиться на вопросе периодизации этих монет. Появившаяся в 621 г. в империи Тан монета «Кай-юань тунбао» открыла новую эпоху в денежной системе Китая. Её диаметр и масса соответствовали стандартам новой системы мер и весов. 10 выложенных в ряд монет диаметром в 1 цунь составляли 1 чи, а вес одной монеты в 1 цянь равнялся одной десятой ляна, вследствие чего цянь стал как весовой, так и денежной единицей (У Чэнло, 1984; Пэн Синьвэй, 1954. С. 175–179). Само название монеты и её оформление сохранялись на китайских деньгах вплоть до начала XX века. Монета «Кай-юань тунбао» выпускалась в империи Тан с перерывами на протяжении всего существования династии (до 907 г.), а затем и в отдельных государствах периода Пяти династий и десяти царств (907–960 гг.) (Hartill, 2005; Воробьев 1963; Чжу Хо, 1995. С. 64–68¹). Спе-

циалисты выделяют несколько вариантов этой монеты. Хотя хронология существования различных вариантов нуждается в дальнейшей разработке, однако общая тенденция эволюции внешнего вида этой монеты на протяжении танской эпохи представляется в разных работах более или менее одинаково. Здесь опишем её, полагаясь на книгу «Древние монеты» (古代货币) Чжао Мина и Ма Лицина (Чжао Мин, Ма Лицин, 1999). Авторы подразделяют выпуск монет «Кай-юань» на три периода: ранний период от 4-го года У-дэ (武德, 621 г.) до середины годов правления Кай-юань (開元 713–741 гг.) императора Сюань-цзуна (玄宗), то есть с 20-х годов VII века до 20-х годов VIII века; средний период – от позднего этапа годов Кай-юань императора Сюань-цзуна до годов Кай-чэн (開成, 836–840 гг.) императора Вэнь-цзуна (文宗), то есть, с 30-х годов VIII века до начала 40-х годов IX века; поздний период – с 6-го года Хуэй-чан (會昌, 846 г.) У-цзуна (武宗) до гибели Тан в 4-м году Тянь-ю (天祐, 907 г.) императора Ай-ди (哀帝), то есть с середины IX в. до начала X века. В ранний период выделяются монеты годов У-дэ, то есть, те, что выпускались в первые годы танской империи, монеты частных выпусков годов правления императора Гао-цзуна (高宗) и императрицы У Цзэтянь (武則天) (с середины VII века до начала VIII века), государственные выпуски времени Гао-цзуна.

Монеты первых выпусков отличались хорошим качеством отливки, высоким рельефом надписей, диаметром 24–25 мм. Характерными приметами иероглифов монет раннего периода являются широко раскрытый влево верхний элемент в графеме 甬 юн в иероглифе тун 通, три отдельные точки в графеме 通 этого же иероглифа, короткая верхняя и вытянутая влево с загибом вверх вторая черта иероглифа юань 元, две короткие горизонтальные черты, не касающиеся верти-

¹ Чжу Хо. Малый словарь по древним монетам. Пекин: Вэнью, 1998. 283 с. 朱活. 古钱小辞典. 北京: 文物出版社, 1998.

кальных, в графеме *бэй* 貝 иероглифа *бао* 寶 (рис. 1.1). Монеты частных выпусков отличались несколько меньшим диаметром (22–23 мм), при этом, они подражали стилю написания иероглифов на монетах годов У-дэ (рис. 1.2). На монетах времени императора Гао-цзуна при указанных выше признаках ранних монет на реверсе встречается выпуклая прямая линия (рис. 1.3).

Для среднего периода наиболее распространены монеты с полумесяцем на реверсе. Иероглифы их надписи «мягкие», тонкие и изящные, в целом они более тонкие и вытянутые по сравнению с предыдущим периодом. Верхняя горизонтальная черта *юань* длинная. Три точки у *тун* образуют слитную, или почти слитную извилистую линию, его верхний элемент крупный, уплощенный, его раскрытие влево маленькое. Иероглиф *бао* уменьшен, две горизонтальные черты в его графеме *бэй* длинные, соединяются с вертикальными чертами. Диаметр и масса (около 4 г) этих монет такие же, как у монет раннего периода (рис. 1.4).

К позднему периоду относятся монеты, выпущенные в 5-й год Хуэй-чан (会昌, 845 г.) с обозначением годов, либо мест выпуска на реверсе (рис. 1.5), а также монеты с парными изображениями полумесяцев на реверсе. Качество монет сильно снижается, они отличаются малым диаметром, тонкие, их сплав нечистый, сильно корродируют, нет большой разницы между государственными и частными отливками.

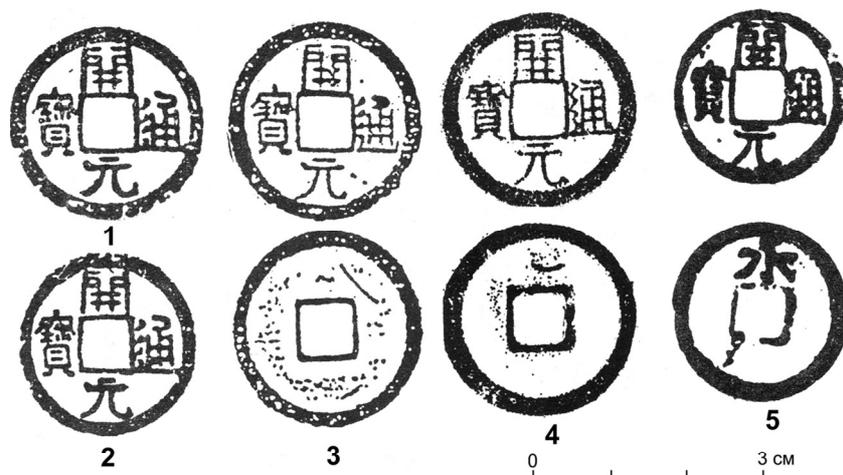

Рис. 1. Разновидности монеты «Кай-юань тунбао»: 1 – Монета годов У-дэ; 2 – монета частного выпуска раннего периода; 3 – монета времени правления Гао-цзуна; 4 – монета среднего периода Тан; 5 – монета годов Хуэй-чан (Чжао Мин, Ма Лицин, 1999. С. 167, 172. Рис. 64, 66)

Fig. 1. Variants of “Kai-yuan Tongbao” coin: 1 - coin of Wu-de years; 2 - private issue of the early period; 3 - coin of the reign of Gao-zong; 4 - coin of the middle period of Tang; 5 - coin of Hui-chang years (Zhao Ming, Ma Liqing, 1999. P. 167, 172, fig. 64, 66)

Монеты на памятниках мохэ и Бохая в Приморье

А. Городище Синельниково-1. Городище Синельниково-1 – памятник мохэ и бохайского времени в Октябрьском районе (рис. 2), представляет собой укрепление на труднодоступной плоской вершине Борисовского базальтового плато на правом берегу реки Раздольная. Открытое в 1983 г., городище раскапывалось российско-японской экспедицией под руководством В.И. Болдина в 1997–1999 гг. В 2015–2016 гг. работы на городище были продолжены совместной Российско-корейской экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (далее: ИИАЭ) и Государственного исследовательского института культурного наследия Республики Корея под руководством Н.А. Ключева, Юн Хён Чжун (2015) и Нам Хо Хёна (2016). В ходе последних исследований на раскопе № 4 в центральной части памятника, в дерновом слое был найден фрагмент монеты Кай-юань тунбао. На фрагменте сохранились только иероглиф *кай* и верхняя часть иероглифа *тун* (Ключев, Джи и др., 2018) (рис. 3).

Судя по малому диаметру (23,2 мм) и широко раскрытому влево верхнему элементу графемы *тун* в иероглифе *тун* 通, монета из Синельниково-1 должна относиться к частным или периферийным выпускам раннего периода династии Тан, т. е. к VII – первой трети VIII века. Она могла попасть сюда как во времена Бохая, так и раньше, когда здесь было мохэское укрепление.

Рис. 2. Археологические памятники мохэ и Бохай с нумизматическим материалом
 Fig. 2. Map of the sites of Mokhe and Bohai with numismatic material

Б. Краскинское городище. Находится в Хасанском районе, в 2 км южнее пос. Краскино на правом берегу р. Цукановка близ берега бухты Экспедиции. Открытое в 1958 году городище исследовалось раскопками на протяжении свыше тридцати лет, начиная с 1980 года, экспедициями ИИАЭ под руководством В.И. Болдина и Е.И. Гельман. Вскрыты значительные площади в северо-западной части памятника, где были обнаружены храмовые строения, печи для обжига черепицы, колодец, ограда храма, дороги, жилые кварталы с остатками жилищ. Кроме того, исследовались жилые кварталы и дороги в центральной части городища, а также остатки восточных ворот и фронтальная башня на южном участке восточной городской стены. Памят-

Рис. 3. Монета из раскопа 4 городища Синельниково-1.
 Фото и эстамп
 Fig. 3. Coin from the pit No. 4 of Sinelnikovo-1 fortress.
 Photo and rubbing

ник относится к государству Бохай и идентифицируется с городом Яньчжоу – конечным пунктом сухопутной части бохайской «дороги в Японию». Выявленные на раскопах пять строительных горизонтов относятся ко времени от начала VIII в. до первой половины X века. За всё время раскопок на памятнике встречены две монеты «Кай-юань тунбао».

Первая из них была найдена в 1997 г. в раскопе XV у северо-западного участка городской стены, недалеко от колодца, но выше его, во время разборки второго пласта (примерно, в 25–50 см от дневной поверхности) (Болдин, Гельман и др., 2001. С. 86; Болдин, 1998²). Этот уровень соответствует самому позднему галечному валу на вершине городской стены. Монета стандартных размеров диаметром 25,0–25,3 мм, массой 3,0 г. На реверсе в верхнем секторе есть обращенный рогам вверх полумесяц (рис. 4.1). Аналогичная монета есть в иллюстрированном описании монет Чжу Синьмао как подтип 25 «Кай-юань тунбао», вариант 10 (4) «Монеты с уплощенным устьем верхнего элемента в иероглифе *тун*, с обращенным вверх рогам полумесяцем с задраным вверх левым концом над отверстием на реверсе» (Чжу Синьмао, 2005. С. 143–144). Как указывалось выше, такие монеты относятся к среднему периоду Тан, с 30-х годов VIII века до 30-х годов IX века, что в целом не противоречит датировке горизонта, в котором встречен этот экземпляр.

Вторая монета происходит из восточного сектора раскопа XLVIII, в районе жилых кварталов в северо-западной части городища (рис. 4.2). Она была обнаружена в кв. ж-28, на уровне 13 пласта, в процессе выборки нижней части заполнения котлована 5. Котлован 5 представляет собой хозяйственную яму, которая устраивалась на одном и том же месте на протяжении 4-х строительных горизонтов. Нижние, самые ранние отложения, представлены довольно однородным слоем плотной серовато-коричневой супеси, насыщенной хозяйственными остатками. Именно в них и была найдена эта монета (Гельман и др., 2019. С. 189–

190; С. 291. Рис. 32). По иллюстрированному описанию монет Чжу Синьмао монета относится к варианту 14 «малые монеты» третьей разновидности подтипа 1 монет «Кай-юань». Монета отличается малым диаметром (23,3–23,4 мм), её масса 2,7 г. Как указывает Чжу, «малые монеты “Кай-юань” диаметром менее 23,5 мм, возможно, отливались частным образом среди народа, примешиваясь к деньгам, выпущенным государством, участвовали в обращении» (Чжу Синьмао, 2005. С. 45). В целом монеты подтипа 1 отнесены к монетам раннего периода Тан, т. е. преимущественно к VII веку. Таким образом, находка этой монеты не противоречит датировке VIII веком нижнего горизонта раскопа XLVIII.

В. Городище Николаевское-2. Находится на левом берегу р. Илия, в 0,5 км на СЗ от с. Николаевка Михайловского района (рис. 2). Городище раскапывалось в 1975–1977 гг. отрядом ИИАЭ под руководством В.И. Болдина. Раскопками выявлены три строительных горизонта, один из которых отнесен к раннему, а два других к позднему периодам существования Бохая. Найдены остатки жилищ, наземных построек и производственных площадок.

Монеты обнаружены в раскопах 1977 года. Одна из них найдена в центральной части городища, в раскопе XI, на уровне 3-го пласта (этим пластом культурный слой был выбран до материка)³. Две другие монеты были получены в ходе работ на раскопе X в восточной части памятника. Одна из них была в вырытой в материке яме 102, другая, в кв. Н-33, в третьем пласте близ материка⁴. Отчет о раскопках содержит фотографию одной из этих трёх монет, при этом указано только её происхождение из раскопа X (рис. 5). Рассчитанный по фотографии диаметр монеты 24 мм. По иллюстрированному описанию монет Чжу Синьмао эта монета ближе всего к монетам подтипа 1 с короткой первой чертой иероглифа «юань», которые он относит к раннему периоду выпуска этих монет (Чжу Синьмао, 2005. С. 21).

² Болдин В.И. О результатах полевых исследований на Краскинском городище, городище Синельниково 1 и в Алучинском районе Приморского края в 1997 году. Владивосток, 1998 // Архив Института археологии РАН. Р-1, № 21131. 177 л.

³ Болдин В.И. Отчет об археологических исследованиях на городище Николаевское I и Николаевское II в Михайловском районе Приморского края в 1977 г. Владивосток, 1978 // Архив Института археологии РАН. Р-1, № 6748. 177 л. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 54, 76.

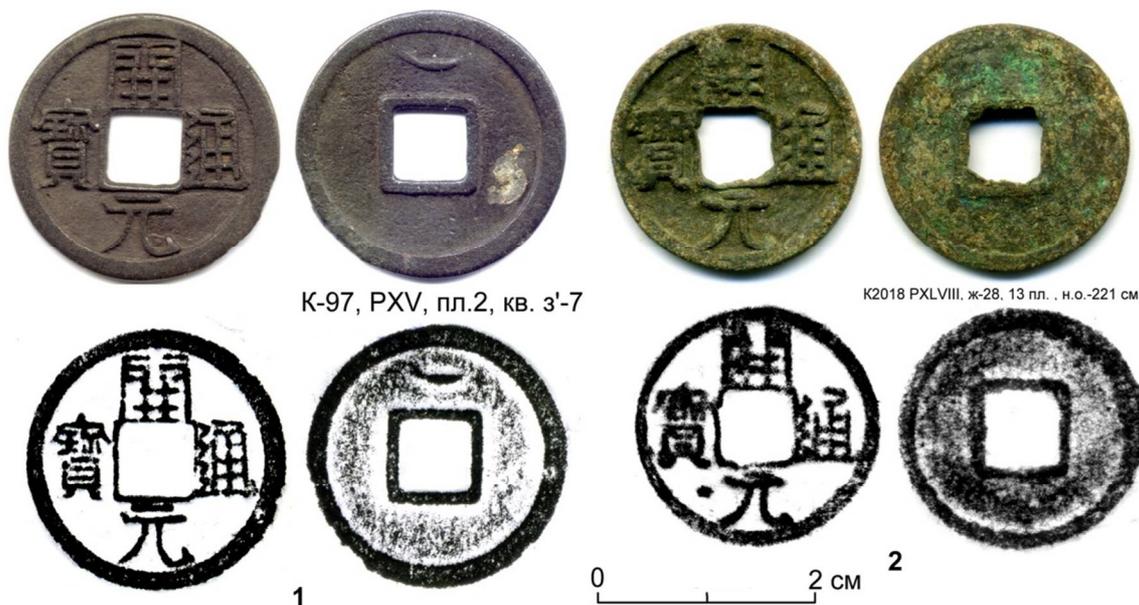

Рис. 4. Монеты Краскинского городища: 1 – из раскопа XV; 2 – из раскопа XLVIII. Фото и эстамп
 Fig. 4. Coins of Kraskino ancient town: 1 - from pit XV; 2 - from pit XLVIII. Photo and rubbing

Рис. 5. Монета «Кай-юань тунбао» из раскопа X городища Николаевское-2
 Fig. 5. "Kai-yuan Tongbao" coin from pit X of Nikolayevka-2 ancient town

К сожалению, имеющаяся на сегодня информация не позволяет точно привязать находки монет к какому-либо строительному горизонту, а также более или менее детально определить два экземпляра из трех, найденных на этом памятнике.

Г) **Ауровское городище.** Находится на вершине сопки на левобережье р. Муравейка, притока р. Арсеньевка, в 3 км от с. Ауровка в Анучинском районе (рис. 2). Раскопки городища велись В.Э. Шавкуновым в 1997–2001 гг. Проведенное Е.И. Гельман и В.Э. Шавкуновым исследование полученных в ходе раскопок материалов позволило выделить три слоя, связанных с тремя периодами существования памятника: эпохой бронзы, време-

нем появления здесь мохэ и поздним бохайским, либо постбохайским периодом (Шавкунов, Гельман, 2002).

Все три, обнаруженные на этом памятнике, монеты были найдены в раскопах 2001 года на примыкающем к северным воротам северо-восточном участке городища. Монета «Кай-юань тунбао» была найдена в раскопе 3, в кв. Б-3, в районе очага раскопанного здесь относящегося к верхнему слою жилища 8, имевшего однорядный кан. Монета отличается малым диаметром (19,9 см), имеет лакуну, образовавшуюся при литье, а также следы смещения формы на реверсе (рис. 6.1). Это явно частная отливка довольно плохого качества, сделанная в танскую эпоху.

Две другие монеты относятся ко времени Северной Сун.

Монета «Юань-фэн тунбао» (元豐通寶, 1078–1085 гг.) найдена в раскопе 1 2001 года, в кв. Д-14, сразу под слоем гумуса⁵. Надпись выполнена почерком *синшу*, диаметр монеты 24 мм (рис. 6.2).

Монета «Юань-ю тунбао» (元祐通寶, 1086–1093 гг.) найдена в раскопе 2, в кв. Г-14, под гумусом, после вторичной зачистки участка с выбран-

⁵ Шавкунов В.Э. Отчет об археологических работах в Приморском крае в 2001 году. Владивосток, 2002 // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Фонд 1. Опись 2, № 452. 121 л. л. 6.

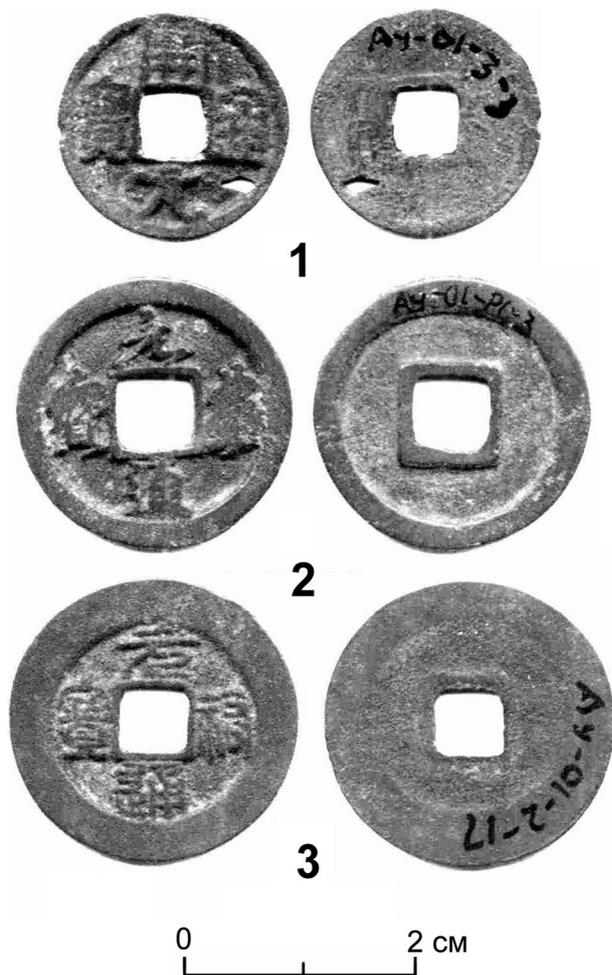

Рис. 6. Монеты из раскопок Ауровского городища:
1 – «Кай-юань тунбао»; 2 – «Юань-фэн тунбао»;
3 – «Юань-ю тунбао»

Fig. 6. Coins from excavations of Aurovka fortress: 1 - "Kai-yuan Tongbao"; 2 - "Yuan-feng Tongbao"; 3 - "Yuan-you Tongbao"

ными из него камнями⁶. Монета с надписью, выполненной почерком *чжуаньшу*, отличается широкими бордюрами на обеих сторонах. Диаметр 25 мм (рис. 6.3).

Касательно сунских монет производивший раскопки В.Э. Шавкунов считает, что они «могли быть потеряны в более позднее время взобравшимся на городище каким-нибудь чжурчжэньским охотником»⁷. Действительно, материалы городища не соответствуют обычному времени бытования этих монет в крае, т. е. XII – началу XIII века. Это должны быть более поздние чем городище предметы.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 17.

В целом можно заключить, что из трёх найденных только монета «Кай-юань тунбао» соответствует времени существования памятника и относится к его верхнему слою.

Д) **Константиновское селище.** Селище Константиновка-1 находится в 1,3 км на ЮВ от с. Константиновка Октябрьского района, на первой надпойменной террасе правого берега р. Раздольная (рис. 2). Поселение раскапывалось отрядом ИИАЭ под руководством В.И. Болдина в 1987–1988 и 1991–1992 гг. Основу культурного слоя памятника составляет материал бохайской культуры, также есть сильно потревоженный слой кронуновской культуры, и отдельные материалы, свидетельствующие о жизни на памятнике в послебохайское время.

Монета «Кай-юань тунбао» найдена в ходе раскопок 1991 года в раскопе III, в относящемся к нижнему строительному горизонту жилище № 1, на глубине 85 см от дневной поверхности (Болдин, Никитин и др., 2010. Приложение 2. С. 127–128). Монета очень плохой сохранности, диаметр её около 2,2 см (рис. 7.1). Данная находка важна тем, что дает определенные указания на датировку жилищ с одноканальными каналами этого памятника бохайским временем. В 1988 г. здесь было раскопано жилище № 4 – в котловане с Г-образным одноканальным каналом, ранее такие жилища на бохайских памятниках не встречались (Болдин, Ивли-

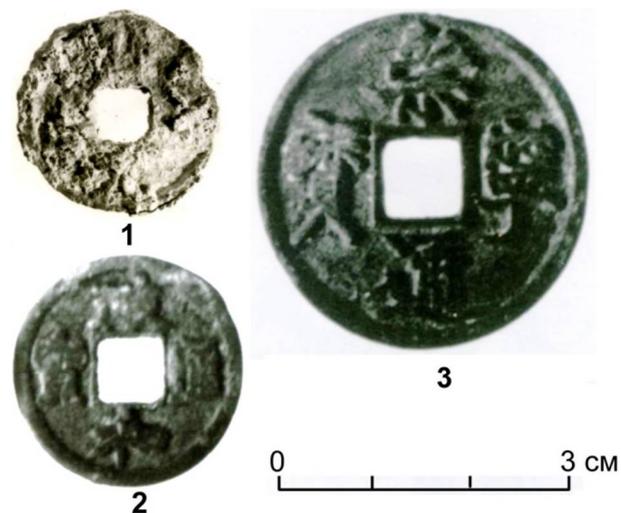

Рис. 7. Монеты из раскопок селища Константиновское-1: 1 – «Кай-юань тунбао»; 2 – «Чжэн-хэ тунбао»; 3 – Чун-нин тунбао»

Fig. 7. Coins from excavations of Konstantinovka-1 settlement: 1 - "Kai-yuan tongbao"; 2 - "Zheng-he tongbao"; 3 - "Chong-ning Tongbao"

ев и др., 1990). Жилище № 1 из раскопа III 1991 года представляет фрагмент подобного сооружения.

Находки северосунских монет «Чун-нин тунбао» (崇寧通寶, 1105–1106 гг.) (рис. 7.3) и «Чжэн-хэ тунбао» (政和通寶, 1111–1118 гг.) (рис. 7.2) в раскопах I и II 1988 года, соответственно, связаны с верхней частью культурного слоя, вопрос их отношения к объектам верхнего строительного горизонта пока остается открытым. В отчете о раскопках в 1988 году В.И. Болдин датировал верхний слой памятника с остатками наземных жилищ XII веком (Болдин, Никитин и др., 2010. Приложение 2. С. 70), однако при публикации материалов этого селища в 2010 году, он вместе с Ю.Г. Никитиным и Чжун Сукбэ пересмотрел датировку на бохайское время, сочтя нумизматические находки в верхнем горизонте случайными, занесенными на памятник в последующие эпохи. Отметим, что и в 1987 году при зачистке берегового обрыва в зольном слое, в средней части заполнения котлована на 54–56-м метрах зачистки, были найдены монеты «Кай-юань тунбао» и северосунская «Тянь-шэн юаньбао» (天聖元寶, 1023–1032 гг.), здесь же были фрагменты станковых сосудов (Болдин, Никитин и др., 2010. Приложение 2. С. 12). Здесь монеты явно были в непотревоженном слое вместе с другим археологическим материалом.

Е. Могильник Монастырка-3. Находится в 1,8 км к ЮЗ от поселка Рудная Пристань в Дальнегорском районе (рис. 2). Памятник исследовался В.И. Дьяковым в 1986 г. и О.В. Дьяковой в 1991–1996 гг. Относится к мохэской культуре, исследовано 88 погребений и 4 курганные насыпи. Могильник датируется автором раскопок «в пределах IX–X–XII вв.». Единственная монета «Кай-юань тунбао» найдена в раскопе 7, в погребении № 73. Монета представляет собой часть серьги, состоящей из монеты и продетого в неё металлического кольца (Дьякова, 1998). Судя по фотографии (рис. 8.1), это не самый поздний вариант монеты «Кай-юань», однако точнее определить её затруднительно.

Ж. Роцинский могильник. Средневековый могильник Роцино-4 находится в 1 км к северо-западу от центра с. Роцино Красноармейского района (рис. 2). Могильник занимает песчаную рёлку вдоль берега заболоченного озера. Исследования могильника велись в 1990 г. Ю.Г. Никитиным,

Рис. 8. Монеты из могильников Монастырка-3 (1) и Роцинского (2)

Fig. 8. Coins from Monastyrka-3(1) and Roshchino (2) burial grounds

Н.А. Ключевым и А.В. Мерзляковым. Всего на памятнике расчищено 9 погребений. По заключению авторов раскопок, Роцинский могильник имеет прямые аналогии с памятниками покровской (амурских чжурчжэней) культуры, полученные материалы позволяют датировать его IX–X вв. (Никитин, Ключев, Мерзляков, 1998). Единственная найденная здесь монета «Кай-юань тунбао» обнаружена «недалеко от погребения 6». Монета соответствует подтипу 22, вар. 11 «монеты с загнутым вверх левым концом второй черты юань, с разрывом в нижней черте тун и с вертикальным рисунком когтя на левой стороне на реверсе» в иллюстрированном описании монет Чжу Синьмао (Чжу Синьмао, 2005. С. 110, 116). Монета отличается от «Кай-юань» раннего периода слитным написанием точек у тун, длинной верхней чертой у юань. На её реверсе есть чуть изогнутая выпуклая черта – «коготок» (爪) (рис. 8.2). Её находка не противоречит общей датировке могильника.

3. Поселение Синие Скалы. В резком контрасте ко всем описанным выше памятникам по нумизматическим материалам находится поселение Синие Скалы, расположенное на склонах высокого утёса на левобережье р. Аввакумовка, в 3 км от моря в Ольгинском районе (рис. 2). Памятник исследовался Ж.В. Андреевой на протяжении многих лет с 1958 по 1984 гг. В ходе раскопок и последующего анализа полученного материала на поселе-

нии выявлены следы разных археологических культур от неолита до раннего средневековья. В частности, определены комплексы культур эпохи бронзы, раннего железного века (янковской, ольгинской) и средневековья (мохэ VI–VIII вв., бохайское время VIII–X вв., а также, предположительно, чжурчжэни XIII в.) (Андреева, Пискарева, 2020. С. 124–135). Согласно опубликованным материалам и части архивных документов на поселении найдено 27 монет, однако в хранящейся в фондах ИИАЭ коллекции из этого памятника их насчитывается только 18. При этом часть монет утратила свои шифры и не может быть точно привязана к раскопам, а на некоторых монетах шифры не соответствуют документации по раскопам. Тем не менее даже при теперешнем состоянии информации можно составить план распространения нумизматического материала на памятнике (рис. 9). Его концентрация наблюдается в северной и центральной зонах поселения, там, где склон становится относительно пологим. На южном участке отмечено всего два экземпляра. Монеты встречались в основном в дерне и трёх первых пластах раскопов в сопровождении средневекового материала, часто довольно престижного (бронзовые наременные бляхи, бубенчики и др.), и сделанной на круге керамики. Это послужило основанием для высказывания Я.Е. Анзулис предположения о возможности наличия на памятнике погребений (Андреева, Пискарева, 2020. С. 134).

Монеты этого поселения представлены как государственными (02–06, 08–12, 14–17)⁸, так и частными (01, 07, 13) выпусками. У первых диаметр находится в пределах 24,3–25,4 мм, у вторых – 21,9–23,8 мм (табл., рис. 10). По характеру написания иероглифов все монеты попадают в подтип 1, варианты 1–3 иллюстрированного описания монет Чжу Синьмао, они относятся к ранним монетам «Кай-юань тунбао», должны датироваться VII – началом VIII века. В отчете о раскопе 1962 года сообщалось о находке там монеты «с завитком» на

реверсе⁹. Эта монета без шифра была обнаружена среди хранящихся в фондах в Музее ИИАЭ. «Завиток» является частью изображения вроде облака или узора в нижнем секторе монеты (рис. 11.2). Такие монеты известны среди монет первого подтипа в иллюстрированном описании монет Чжу Синьмао (Чжу Синьмао, 2005. С. 41. № 273) (рис. 11.4). Автор описания связывает их с народными обычаями танской эпохи. Внимательное рассмотрение других монет из Синих Скал позволило выявить ещё два экземпляра со следами узора на реверсе (№ 11 и 15) (рис. 11.1, 3).

Также в отчете по раскопу 1980 года сообщается о монете с отверстием, протертым в результате ношения её в качестве подвески¹⁰. Там же сохранилась и её фотография (рис. 12).

Столь значительное количество монет на поселении Синие Скалы, по сравнению с другими памятниками мохэ и Бохая в Приморье, может объясняться только особой ролью этого поселения в торговых отношениях этого региона с окружающими странами. Поселение занимало выгодное место на стыке морского пути с речным по р. Аввакумовка. О наличии такой торговли свидетельствуют находки на поселении фрагментов глазурованной керамики печей юэяо, работавших на территории провинции Чжэцзян на юге Китая (Андреева и др., 2002. С. 162; Гельман, 2005. С. 489). То, что среди двух с лишним десятков монет не встречено ни одной, относящейся ко времени позже середины VIII в., говорит о том, что они попали сюда до расцвета Бохая и распространения его влияния на эту территорию в IX веке.

Заключение

Рассмотренные выше нумизматические материалы из доцзиньских средневековых памятников Приморья позволяют сделать следующие выводы.

Находки монет на поселениях, городищах и могильниках мохэ и Бохая в Приморском крае единичны, они встречены далеко не на всех памят-

⁸ Указанные в скобках номера даны при обработке коллекции монет из Синих Скал. Соответствие их конкретным монетам можно видеть в сводной таблице по монетам памятника.

⁹ Андреева Ж.В. Отчет о проведении археологических работ в Восточном Приморье в 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1, № 2492. 24 л., № 2492а. 35 л.

¹⁰ Андреева Ж.В. Отчет о раскопках на поселении Синие Скалы в Ольгинском районе. Приморский край. 1980 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1, № 8595. 153 л. Л. 15–16.

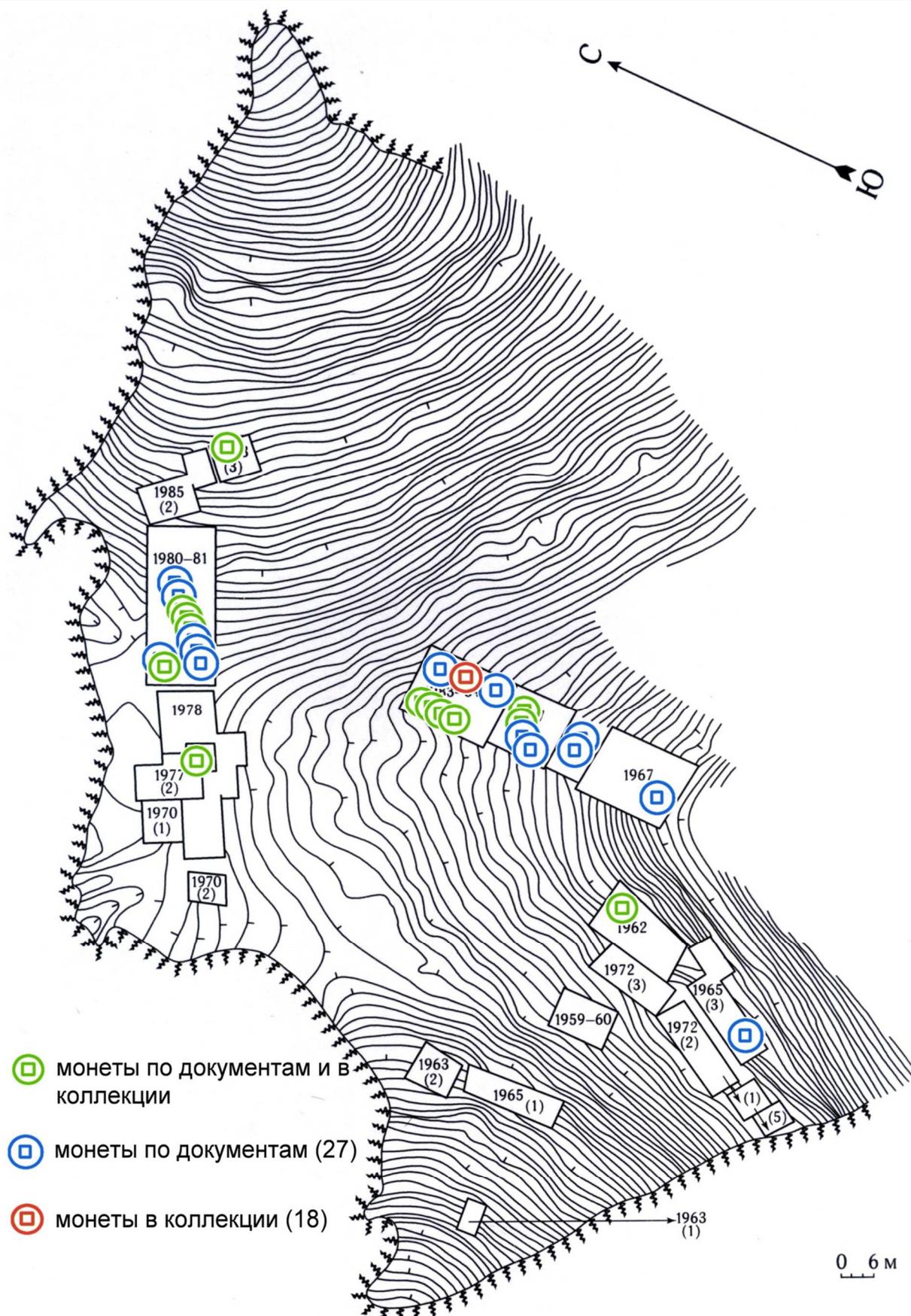

Рис. 9. Распределение находок монет на раскопах поселения Синие Скалы
Fig. 9. Distribution of coin findings in excavation pits of Siniye Skaly settlement

Таблица. Данные по коллекции монет из Синих Скал
Table. Siniye Skaly site coin collection data

№ по описи	Монета	Надписи и изображения на реверсе	Форма отверстия	Диаметр (мм)	Диagonalь отверстия (мм)	Ширина отверстия (мм)	Толщина (мм)	Масса (г)	Шифр	Примечание
01	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	22,5-22,9	7,7	6,0/6,4	1,2	2,0	СС-77, P2, н. 28 ?	Грубая отливка, некоторые детали знаков сливаются, склеена из 2 частей.
02	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	23,7-24,6	7,3/7,7	6,2/6,7	1,5	3,2	СС-77, р1, к. 3а, н.191?	На Р есть отдельные мелкие выпуклины. На А, на "юань" есть потек металла.
03	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	25,0-25,3	7,9	6,3	1,7	3,8	СС-84, д-6, пл. 1, н.260	
04	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	24,7-24,8	8,5/8,6	7,6/7,8	1,5	2,9	СС-83, 3-б, пл.2, н. 75	На реверсе у отверстия слева нет бордюра.
05	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	24,3	8,6	7,7	1,4	-	СС-84, г-4, пл.3, н. 360	Нижняя часть монеты в р-не "юань" повреждена, остался только бордюр и концы 3-й и 4-й черт иероглифа, монета погнута.
06	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	24,9-25,0	8,2/8,3	6,5/6,7	1,6	4,2	СС-83, 6-а, 3 пл., н. 146	Отличное исполнение и сохранность.
07	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	21,9-22,5	7,8/8,3	6,5/6,6	1,1-1,6	1,9	СС-84, е-6, пл. 4, 447	Частные отливки. Литьё нечеткое, монета гнутая.
08	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	24,3-24,4	8,1/8,3	6,6/6,7	1,5	3	СС-83, 6-з, 22(7)	Качественная отливка, отличная сохранность.
09	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	23,7-23,8	7,1/7,6	6,2/6,4	1,3	2,7	СС-81 н. 578	Отличная сохранность, отверстие в левом нижнем секторе.

10	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	25,2-25,4	7,2/8,2	6,5	1,8	3,7	СС-81, н. 578	
11	Кай-юань тунбао	Узор?	квадрат	24,7-24,9	8,7	7,6	1,8	3,8	622	Монета слегка отслаивается по гурту. Возможно, на реверсе под отверстием есть узор.
12	Кай-юань тунбао	узор	квадрат	24,3-24,4	8,5/8,8	7,3/7,4	1,5	2,6	СС-62, 1 пл.	Очень тонкий бордюро отверстия. На реверсе, в нижней четверти было изображение. Сохранился завиток.
13	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	22,5-23,8	8,4	6,9	1,2	1,6	б/ш	Отверстие расточено в левом нижнем углу.
14	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	24,3	-	-	1,2	-	СС-81 н. 515	Фрагмент без нижней части со знаком "юань", отверстие расточено в круглое.
15	Кай-юань тунбао	Узор?	квадрат	24,7	-	6,9	1,6	-	СС-80, кв.8-в, пл. 1	Фрагмент без знака "кай", загнут при обломке. Возможно, что на реверсе внизу был узор, сохранилась пара завитков.
16/18	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	24,7	-	6,5	-	-	СС-77, Р1, 3-б, н. 3	Два фрагмента (16 и 18) склеены в одну монету без знака "юань". Монета сильно погнута.
17	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	>24,8	-	-	-	-	СС-82, н. 20	Половина монеты со знаками "юань" и "бао".
19	Кай-юань тунбао	нет	квадрат	-	-	-	-	-	б/ш	Фрагмент с частью знака "юань".

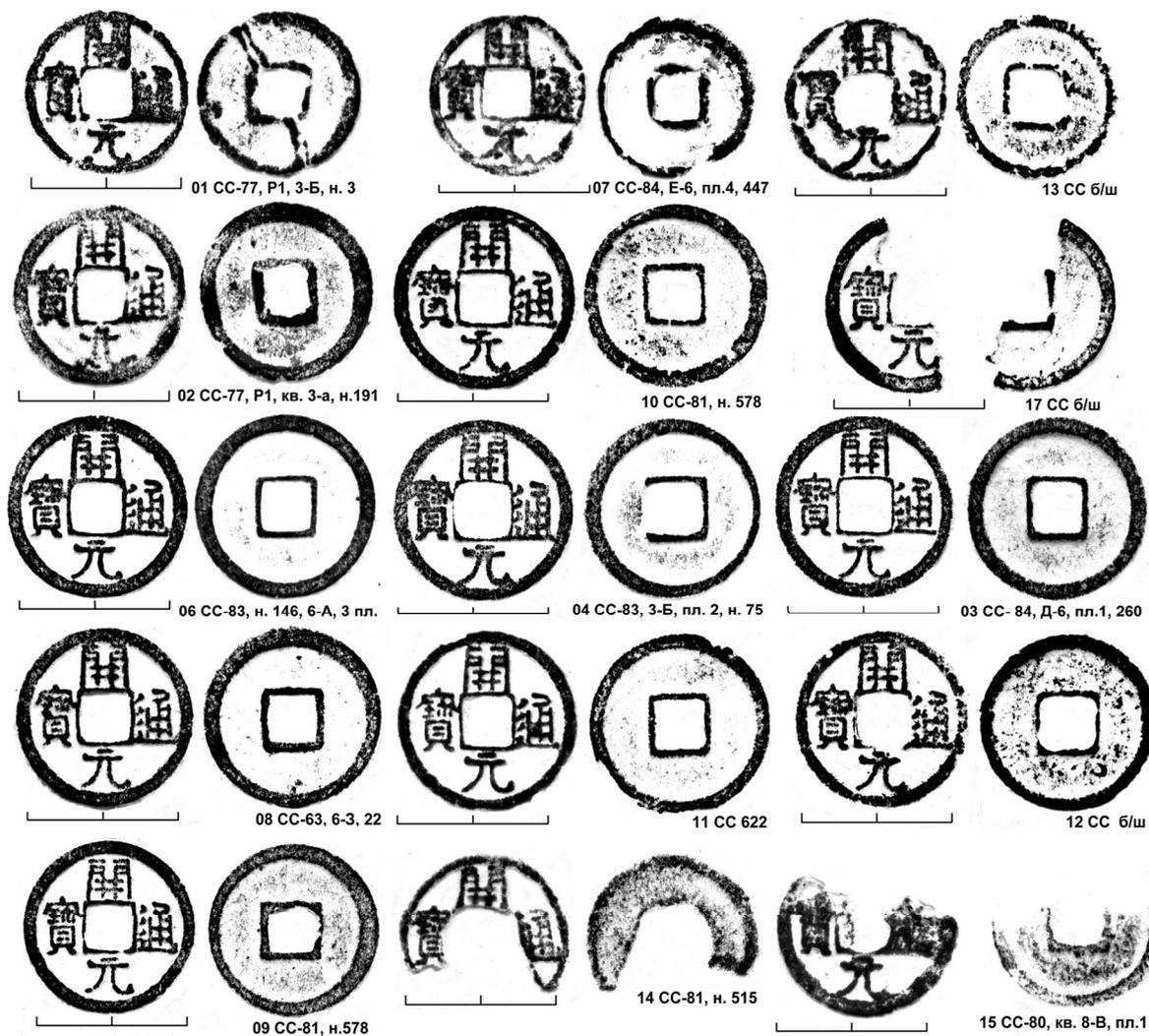

Рис. 10. Монеты из поселения Синие Скалы в коллекции Музея Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Fig. 10. Coins from Siniye Skaly settlement in collection of the Museum of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of Peoples of the Far East FEB RAS

никах этого времени. Все монеты представлены одним типом – монетой «Кай-юань тунбао» империи Тан.

Такая ситуация свидетельствует о неразвитости денежного обращения как у мохэ, так и в государстве Бохай. При этом и те, и другие были знакомы с деньгами в результате развитых политических и экономических внешних связей, в частности с империей Тан и с Японией. На примере серьги с монетой из могильника Монастырка-3 и монеты-подвески из Синих Скал можно видеть, что иногда монеты использовались в качестве украшения. находка в одном месте пяти монет в раскопе 1981 года на поселении Синие Скалы была прокомментирована автором раскопок Ж.В. Андреевой: «Характер их расположения показывает, что некогда

они лежали в связке, т. е. так, как их носили. Это первый пример за много лет раскопок на поселении тому, что монеты служили денежными знаками»¹¹. Проблема денежного обращения и наличия собственных монет в Бохае наиболее подробно и обстоятельно исследовалась Лю Сяодунем. Его основные выводы: в Бохае преобладала торговля, в которой в качестве денег использовались такие товары, как рис, ткани, включая шелк, меха диких и домашних животных. При этом бохайцы были знакомы с китайскими и японскими металлическими монетами и использовали их. Автор приводит 11

¹¹ Андреева Ж.В. Отчет о раскопках на поселении Синие Скалы в Приморье. 1981 г. // Архив Института археологии РАН. Р.-1, № 8720. 175 л. Л. 6.

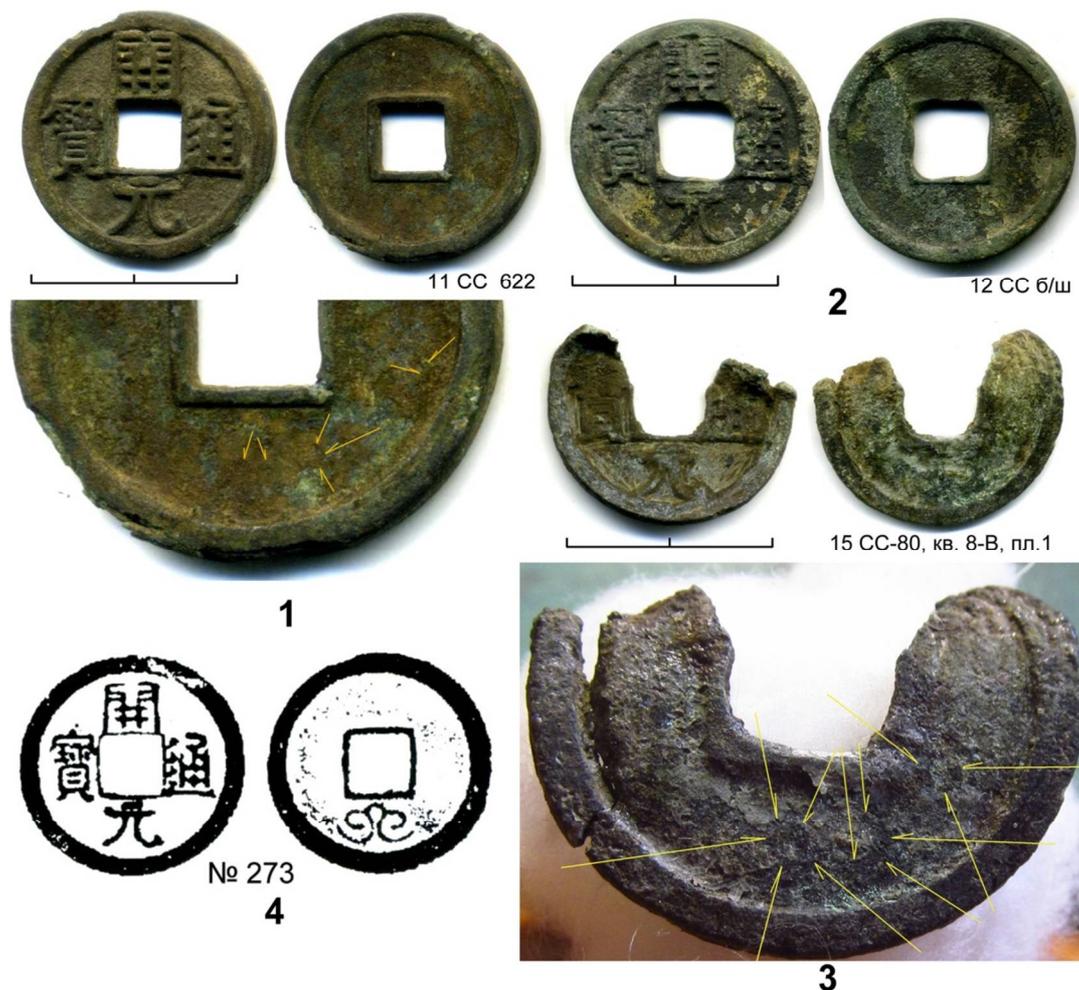

Рис. 11. Монеты с узором на реверсе: 1–3 – Синие Скалы; 4 – из иллюстрированного описания монет Чжу Синьмао
 Fig. 11. Coins with an ornament on the reverse: 1-3 - Siniye Skaly; 4 - from Zhu Xinmao's illustrated description of coins

Рис. 12. Синие Скалы. Монета с протертым отверстием из раскопок 1980 г.
 Fig. 12. Siniye Skaly. A coin with worn-out hole from excavations of 1980

случаев находок монет на памятниках мохэ и Бохая на территории Северо-Восточного Китая. В девяти случаях это монеты «Кай-юань тунбао», в одном – японская «Вадō кайхō» (和同開珎, 708 г.), в одном – «У-син дабу» династии Северная Чжоу (五行大布, 574 г.) (Лю Сяодун, 2006. С. 217–257, 317–319). Такая ситуация не отличается от наблюдаемой в Приморье.

В ряде случаев (Ауровское городище, Константиновское селище) находка монеты позволяет уточнить, либо подтвердить датировку объекта, в котором она залегала.

Монеты на поселении Синие Скалы дают совершенно необычную ситуацию по сравнению с другими раннесредневековыми памятниками Приморья. Даже если предположить, что они связаны с погребениями, на других одновременных могильниках Приморья, да и Северо-Восточного Китая таких многочисленных находок монет не наблюдается. При этом все монеты ограничивают-

ся выпусками раннего периода Тан. Скорее всего объяснение следует искать во внешнеторговых связях обитателей этого поселения в VII–VIII веках. Памятник расположен у морского побережья на важной водной артерии – р. Аввакумовке. Видимо, это был узловой пункт на внешнеторговых путях. О

следах международной торговли на Синих Скалах также свидетельствуют находки фрагментов глазурованной керамики печей юэяо из Южного Китая. Вероятно, и появление монет здесь следует связывать с морской торговлей вдоль побережья Японского моря.

Список источников

Андреева Ж.В., Ключев Н.А., Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Синие Скалы – археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток : Дальнаука, 2002. 328 с. EDN: TJTHYS.

Андреева Ж.В., Пискарева Я.Е. Синие Скалы – археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника. Ч. III. Южный склон поселения Синие Скалы. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2020. 250 с. EDN: OSRNJL.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2001. № 3. С. 74–90. EDN: YOEYSQ.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Хорев В.А., Шавкунов В.Э. Новый тип бохайского жилища в Приморье // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток : Дальнаука, 1990. С. 153–159.

Болдин В.И., Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, Лещенко Н.В. Бохайские памятники в Приморье и Константиновское 1 селище. Сеул : Корейский государственный университет культурного наследия, 2010. Ч. 1. 204 с.; Ч. 2. 195 с.; Ч. 3. 91 с.; Приложение 2: Отчёты о раскопках на селище Константиновка 1. 277 с. EDN: WKVIBH.

Воробьев М.В. К вопросу определения старинных китайских монет «кай-юань тун-бао» // Эпиграфика Востока. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 15. С. 123–146.

Гельман Е.И. Взаимодействие центра и периферии в Бохае (на примере некоторых аспектов материальной культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 476–516. EDN: TYVUMX.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын Кук, Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2018 году. Сеул; Владивосток : Донгбук'а ёкса джэдан, 2019. 627 с.

Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток : Дальнаука, 1998. 319 с. EDN: TXFHYL.

Ключев Н.А., Джи Бён Мок, Ли Санджун, Болдин В.И.,

References

Andreeva Zh.V., Klyuev N.A., Korotkii A.M., Vostretsov Yu.E. (2002). The Archaeological Complex of Siniye Skaly: The Description of the Multilayer Site. Vladivostok: Dal'nauka. 328 p. (In Russ.). EDN: TJTHYS.

Andreeva Zh.V., Piskareva Ya.E. (2020). The archaeological complex of Siniye Skaly: The description of the Multilayer Site. Pt. III. South slope of Siniye Skaly settlement. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnology of Peoples of the Far East FEB RAS. 250 p. (In Russ.). EDN: OSRNJL.

Boldin V.I., Gel'man E.I., Ivliev A.L., Nikitin Yu.G. (2001). "Integracia" at the Kraskino Site of Ancient Settlement: 4 Years of Research. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of The Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences*. No. 3. P. 74-90. (In Russ.). EDN: YOEYSQ.

Boldin V.I., Ivliev A.L., Khorev V.A., Shavkunov V.E. (1990). New type of Bohai dwelling in Primorye. *Materialy po srednevekovoi arkheologii i istorii Dal'nego Vostoka SSSR = Materials on Medieval Archaeology and History of the Far East of the USSR*. Vladivostok: Dal'nauka. P. 153-159. (In Russ.).

Boldin V.I., Nikitin Yu.G., Jeong Seok-Bae, Leshchenko N.V. (2010) Bohai sites in Primorye and Konstantinovka 1 settlement. Puyo: Korean National University of Cultural Heritage, 2010. Part 1. 204 p.; Part 2. 195 p.; Part 3. 91 p. Appendix 2. Reports about excavations of Konstantinovka 1 settlement. 277 p. (In Russ. and Korean). EDN: WKVIBH.

Vorob'ev M.V. (1963) On the problem of identification of old Chinese "Kai-yuan Tong-bao" coins. *Epigrafika Vostoka = Oriental Epigraphy*. Iss. 15. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. P. 123-146. (In Russ.).

Gel'man E.I. (2005). The interaction of the centre with the periphery in the Eastern Part of the Bohai State (on the example of some aspects of material culture). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy = The Russian Far East in Prehistory and the Middle Ages: Discoveries, Problems, Hypotheses*. Vladivostok: Dal'nauka. P. 476-516. (In Russ.). EDN: TYVUMX.

Gel'man E.I., Astashenkova E.V., Piskareva Ya.E., Kim Yn Kuk, Chzhun Suk-Be. (2019) Archaeological researches in Kraskino Fortress in Primorskiy Krai of Russia in 2018. Seoul; Vladivostok: Dongbuk'a yoksa jaedan. 627 p. (In Russ. and Korean).

D'yakova O.V. (1998) *The Mohe Sites in Primoriye*. Vladivostok: Dal'nauka. 318 p. (In Russ.). EDN: TXFHYL.

Klyuev N.A., Dzhi Ben Mok, Li Sandzhun, Boldin V.I.,

Гельман Е.И., Ю Ын Сик и др. Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон : Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2018. 394 с. EDN: YXMHHF.

Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток : Дальнаука, 2003. 284 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья; Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).

Лю Сяодун. Исследование культуры Бохая – с точки зрения археологии. Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 348 с. 刘晓东·渤海文化研究：以考古发现为视角·哈尔滨：黑龙江人民出版社，2006.

Никитин Ю.Г., Ключев Н.А., Мерзляков А.В. Могильник у села Рошино // Россия и АТР. 1998. № 4. С. 102–112. EDN: XHGWLF.

Пэн Синьвэй. История денег в Китае. Шанхай: Цюньлянь, 1954. 636 с. 彭信威. 中国货币史. 上海：群联出版社，1954.

У Чэнло. История системы мер и весов Китая. Шанхай : Шанхай шудянь, 1984. 392 с. (Перепечатка по изданию Шанью 1937 г.) (Библиотека истории китайской культуры. Вып. 1). 吴承洛. 中国度量衡史. 上海：上海书店，1984 (中国文化史丛书，第一辑).

Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток : Дальнаука, 2012. 340 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья; Средневековые города Приморья XII–XIII вв.).

Чжао Мин, Ма Лицин. Древние монеты. Пекин : Чжунго шудянь, 1999. 384 с. 赵明、马利清 编著. 古代货币. 北京：中国书店, 1999. (На Кит. яз.).

Чжу Синьмао. Иллюстрированное описание монет времен Западной Вэй, Суй, Тан и эпохи Пяти династий и десяти государств. Пекин : Вэнью, 2005. 361 с. 朱新茂 著. 西魏隋唐五代十国货币图说. 北京：文物出版社, 2005.

Шавкунов В.Э., Гельман Е.И. Многослойный памятник Ауровское городище // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток : Дальнаука, 2002. Т. XI. С. 75–108. EDN: TDABEH.

Hartill, D. Cast Chinese Coins. Victoria BC, Canada: Trafford, 2005. 450 p.

Информация об авторе

Ивлиев Александр Львович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Сектор раннесредневековой археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия, e-mail: ivlieval2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1520-7728>

Gel'man E.I., Yu Yn Sik, et al. (2018) Excavation Report on Sinel'nikovo-1 Mountain Fortress in the Maritime Province of Russia. Taejon: Institute of History, Archaeology and Ethnology of Peoples of the Far East FEB RAS; National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea. 394 p. (In Russ. and Korean). EDN: YXMHHF.

Len'kov V.D., Artem'eva N.G. (2003). Lazovskoye Site. Vladivostok: Dalnauka. 284 p. (The table of archaeological sources on medieval history of Primorye; Medieval towns of Primorye of XII-XIII cc.). (In Russ.).

Liu Xiaodong. (2006). Research on Bohai Culture - In View of Archaeology. Harbin: Heilongjiang renmin. 348 p. (In Chinese).

Nikitin Yu.G., Kliuev N.A., Merzlyakov A.V. (1998). Burial ground near village of Roshchino. *Rossiya i ATR = Russia and Pacific*. No. 4. P. 102-112. (In Russ.). EDN: XHGWLF.

Peng Xinwei. (1954) History of Chinese Money. Shanghai: Qunlian. 636 p. (In Chinese).

Wu Chengluo. (1984) History of the system of measures and weights of China. Shanghai: Shanghai shudian. (Reprint of Shangwu 1937 edition). Iss. 1. Library of the History of Chinese Culture. 392 p. (In Chinese).

Khorev V.A. (2012). Anan'evskoe ancient settlement. Vladivostok: Dal'nauka. 340 p. (The Catalogue of Medieval History Archaeological Sources of Primorye. The Medieval Cities of Primorye XII-XIII). (In Russ.).

Zhao Ming, Ma Liqing. (1999) Ancient Coins. Beijing: Zhongguo shudian. 384 p. (In Chinese).

Zhu Xinmao. (2005). Illustrated Plates of Chinese Ancient Coins from sixth century to tenth century. Beijing: Wenwu. 361 p. (In Chinese).

Shavkunov V.E., Gel'man E.I. (2002). Multilayered site Aurovskoye Fortress. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka T. XI. Aktual'nye problemy dal'nevostochnoi arkheologii = Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East*. Vol. XI. Current Problems of the Far Eastern Archaeology. Vladivostok: Dalnauka. P. 75-108. (In Russ.). EDN: TDABEH.

Hartill, D. (2005). Cast Chinese Coins. Victoria BC, Canada: TRAFFORD. 450 p. (In Engl.).

Information about the author

Aleksandr L. Ivliev,

Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Archaeology of Early Medieval Epoch, Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS, 89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia, e-mail: ivlieval2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1520-7728>

Вклад автора

Ивлиев А.Л. провел исследовательскую работу на основании архивных материалов, публикаций и фактических материалов из музейного фонда, подготовил к печати рукопись статьи и иллюстративный материал.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 12 февраля 2024 г.; принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Contribution of the author

Ivliev A.L. carried out a research work based on archive reports, published works and museum collections, prepared manuscript and illustrations for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 21, 2024; approved after reviewing February 12, 2024; accepted for publication February 19, 2024.

Научная статья
УДК 902.2(351.853)(502.8)
EDN: HVSQDT
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-65-76

Деятельность Ф.Э. Карантониса во главе Иркутского отдела охраны памятников искусства, старины и природы (1924–1934 гг.)

О.В. Сулова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается деятельность руководителя одного из первых органов охраны и сохранения историко-культурного наследия на территории Иркутской губернии (отдел ОХРИС). Охватывается период с 1924–1934 гг. Данный период времени интересен, как период, когда идет формирование системы охраны и сохранения археологического наследия. В Иркутской губернии в 1920 году уже была предпринята попытка поставить на учет памятники культуры, искусства и старины. Иркутский краеведческий музей сыграл не последнюю роль в процессе формирования системы охраны и сохранения наследия. В 1924 году при музее создается отдел охраны памятников и искусства (ОХРИС). В статье анализируются результаты деятельности отдела охраны памятников истории и старины в области сохранения археологических объектов. Особое внимание уделяется характеристике личности его руководителя (инспектора) Филлипа Эммануиловича Карантониса. Художник, грек по национальности, до принятия должности инспектора отдела ОХРИС, он проработал в Иркутском краеведческом музее 9 лет. Зарекомендовал себя как ответственный работник, который был на хорошем счету у руководства музея. Являлся действительным членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО). Однако его имя словно стерто из хроники общества. В предшествующей историографии его имя часто упоминается негативно, но именно при Филиппе Эммануиловиче Карантонисе были сформированы все документы и предприняты все возможные на тот момент меры для охраны и сохранения археологических объектов. Сделан аргументированный вывод о том, что первый инспектор отдела ОХРИС внес неоценимый вклад в формирование системы сохранения историко-культурного наследия в Иркутской области.

Ключевые слова: археология, палеоэтнология, охрана наследия, археологические памятники, ОХРИС, ВСОРГО, Ф.Э. Карантонис, Б.Э. Петри, краеведение, Иркутский краевой музей, Иркутская археологическая школа

Для цитирования: Сулова О.В. Деятельность Ф.Э. Карантониса во главе Иркутского отдела охраны памятников искусства, старины и природы (1924–1934 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 65–76. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-65-76>. EDN: HVSQDT.

Archaeology

Original article

Activities of P.E. Karantonis at the head of the Irkutsk Department for the Protection of Sites of Art, Antiquity and Nature (1924-1934)

Oksana V. Suslova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the activities of the head of one of the first bodies for the protection and preservation of historical and cultural heritage on the territory of the Irkutsk province (OHRIS department). The period from 1924 to 1934 is covered. This period of time is interesting as the period when the system of protection and preservation of archaeological heritage is being formed. In the Irkutsk province in 1920 an attempt was already made to register sites of culture, art and antiquity. The Irkutsk Museum of Local Lore played an important role in the process of forming a system of protection and preservation of heritage. In 1924, the Department for the Protection of Sites and Art (OHRIS) was created at the museum. The artist Philip Emmanuelovich Karantonis has been appointed to head the department as an inspector. The article analyzes the results of the work of the Department for the

Protection of Historical and Antiquity Sites in the field of preservation of archaeological sites during this period. Special attention is paid to the characterization of the personality of Phillip Emmanuelovich Karantonis. A Greek by nationality, before accepting the position of inspector of the OHRIS department, he worked at the Irkutsk Museum of Local Lore for 9 years. He established himself as a responsible employee who was in good standing with the museum's management. He was a full member of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society. However, his name seems to have been erased from the chronicle of society. His name is often mentioned negatively in publications and scientific articles, but it was under Philip Emmanuelovich Karantonis that all documents were formed and all necessary (and possible at that time) measures were taken to protect and preserve archaeological sites. It is concluded that the first inspector of the OHRIS department made an invaluable contribution to the formation of the system of preservation of historical and cultural heritage in the Irkutsk region.

Keywords: archeology, paleoethnology, heritage protection, archaeological sites, OHRIS, VSORGO, P.E. Karantonis, B.E. Petri, regional studies, Irkutsk Regional Museum, Irkutsk Archaeological School

For citation: Suslova O.V. (2024) Activities of P.E. Karantonis at the head of the Irkutsk Department for the Protection of Sites of Art, Antiquity and Nature (1924-1934). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 65-76. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-65-76>. EDN: HVSQDT.

Введение

В истории России есть немало имен, внесших весомый вклад в становление системы охраны и сохранения археологического наследия. Процесс формирования системы был, долгим и сложным, и по сей день до конца не завершён. Однако некоторые имена незаслуженно забыты. С именем Филиппа Эммануиловича Карантониса связано, прежде всего, создание первой в Иркутской губернии службы по сохранению и охране историко-культурного наследия. Деятельность его как инспектора отдела охраны памятников истории и старины (ОХРИС) пришлась на один из самых сложных периодов в истории страны, на период становления новой формации государства. На период «метаний», когда отношение к историческому наследию могло поменяться на совершенно противоположное прежнему.

По образованию Ф.Э. Карантонис не был историком, и к историческому наследию имел косвенное отношение. В архиве Иркутского областного краеведческого музея в личной карточке сохранились сведения об окончании им двух курсов архитектурного отделения Академии наук (в некоторых документах архива указано три курса) (Архив Иркутского областного краеведческого музея (Архив ИОКМ). Списки сотрудников музея. Л. 7, 8). В 1923 году закончил Иркутский государственный университет, биологический факультет по специальности «зоолог-ихтиолог» (Зубрий, 2022. С. 160). Отсутствие исторического образования не мешало ему отправляться в экспедиции вместе с археологами и публиковать статьи как по археологии, так и непосредственно по своей специализации. Более того в

некоторых отчетах о работе палеоэтнологической секции ВСОРГО за 1925 г., он записан именно как археолог и являлся одним из учредителей вышеупомянутой секции (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 102. Л. 27, 43; Д. 104. Л. 6).

К сожалению, упоминания о нем в последние десятилетия носят исключительно негативный характер. Связано это, прежде всего, с тем, что политический вектор в сфере культурного наследия снова сместился: от уничтожения религиозных культовых сооружений перешли к их сохранению и восстановлению полностью разрушенных. Следовательно, те личности, что способствовали уничтожению памятников, неизменно порицаются (Акулич, 2002. С. 37; Бедулина, 2018. С. 18). Так получилось, что именно подпись Ф.Э. Карантониса стоит на ряде документов, повлекших за собой снос уникальных архитектурных памятников религиозного назначения. Как напоминание об одной из утрат, на площади Кирова стоит часовня во имя Казанской Божьей Матери, которая полностью копирует купол Казанского кафедрального собора.

Цель данного исследования – дать по возможности объективную оценку роли личности Филиппа Эммануиловича Карантониса и его вклада в создание системы охраны археологических памятников в Иркутской губернии. Наиболее полно осветить деятельность в озвученной сфере – главная задача исследования. Еще одной задачей является изучение этапов профессиональной и личной биографии. Исследований в данной области еще не проводилось. Автор опирается в основном на источники в виде документов Восточно-Сибирского

отдела русского географического общества (ВСОП-ГО) и Иркутского краеведческого музея (ИОКМ) из фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Использовались упоминания о деятельности Ф.Э. Карантониса в различных публикациях, за период 1922–2022 гг. Однако эти упоминания чаще всего носили эпизодический характер. Более обстоятельно подошел к изучению формирования первого органа по сохранению и охране историко-культурного наследия иркутский архивист Евгений Борисович Шободоев. Также он обратил внимание на деятельность руководителя данного органа. Ряд его статей представляет бесценную источниковую базу (Шободоев, Душкина, 1999; Шободоев, 2000). Но работы Евгения Борисовича не были направлены на изучение самой личности главного инспектора ОХРИС. О личности Ф.Э. Карантониса имеются весьма обрывочные сведения. Нам ничего неизвестно о его характере и взглядах на те или иные события. Конечно, личный аспект мало влияет на формирование системы охраны памятников, но такие черты характера как целеустремленность, ответственное отношение к своим обязанностям являются вспомогательным фактором.

Для раскрытия личности в полной мере используется историко-биографический подход. Понятие биографического подхода применяется во многих науках как гуманитарного, так естественно-научного цикла. Нарративный анализ в данном случае как метод исследования наиболее точно позволяет увидеть значимость личности Ф.Э. Карантониса (Репина, 2010. С. 6). Определить его роль в становлении системы охраны и сохранения историко-культурного наследия.

Изучение данной темы имеет практическую значимость. Система охраны и сохранения археологического наследия все еще продолжает формироваться, возникают новые вопросы и проблемы. Решение некоторых проблем вполне возможно через обращение к опыту специалистов, стоящих у истоков формирования системы.

Историко-географический экскурс

Город Иркутск основан в 1661 г. Статус центра Иркутской губернии получил в 1764 г. Пересечение торговых путей исторически способствовали развитию взаимодействия между различными слоями

общества. В царское время происходило развитие не только торговли, промышленности и сельского хозяйства, но и научной мысли. Купечество являлось двигателем новых идей и выступало в виде «культуртрегеров». Одна из причин, почти полное отсутствие дворянства на территории Сибири. Кроме этого, происходил своего рода «сплав культур» – соединение восточного и западного компонентов (Шахеров, 2006. С. 145). В этом социокультурном пространстве особое место отводилось, и отводится по сей день науке. Значимую роль в ней, сыграло ВСОПГО. Отделение было основано в 1851, и с тех пор не раз меняло название (СОИРГО 1851–1877, ВСОИРГО 1877–1917, ВСОРГО и ВСГО 1917–1931, ВСОГО СССР и ВСО РГО 1947–2009, ИОО РГО с 2009 г.) (ВСОПГО в лицах, 2021. С. 5¹; ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Ист. спр. Л. 2–4). Функции на протяжении всей истории существования так же претерпевали некоторые изменения, но важным оставалось главное – огромное влияние на формирование научной мысли в Иркутской губернии и на становление системы охраны и сохранения наследия.

После революций 1917 года и Гражданской войны новая власть получила территории, богатые археологическим материалом. Иркутская земля уже к тому времени отличалась высокой концентрацией находок, требующих изучения, хранения, и охраны. Таких как писаница горы Орсо (обследована Б.Э. Петри в 1916 г.), писаница скалы Саган-Заба (обследована Б.Э. Петри в 1916 г.), писаница в бухте Ая (обследована Н.Н. Агапитовым в 1888 г.), писаница по р. Анге (обследована Б.Э. Петри в 1916 г.), пещера на Каменных островах (обнаружена И.Д. Черским в конце XIX в.), некрополь в устье р. Китой (исследована Н.И. Витковским в 1880–1881 гг.), пещера в окрестностях Нижне-Удинска (обнаружена И.Д. Черским в 1875 г.).

В интересующий нас период с 1924–1934 гг. список пополнился. В этом списке также значатся меры, считающиеся «целесообразными» для сохранения археологических объектов (издание специальных постановлений губисполкомов об охране, запрете на распашку и добычу мрамора,

¹ ВСОПГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021 гг.) / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. 431 с.

взятии под наблюдение местными школами-ячейками краеведения) (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–26). Таким образом, Иркутская губерния, являлась территорией, которая, помимо наполненности археологическим материалом, еще нуждалась в сохранении и охране имеющихся памятников.

ОХРИС

Система охраны и сохранения историко-культурного наследия, в общем, и археологических объектов, в частности, к 1917 году только начинала складываться. Более того тревожные послереволюционные годы и годы Гражданской войны крайне плачевно отразились на состоянии многих археологических объектов. Новая власть была больше озабочена, чем накормить население, а не тем, как сохранить археологическое наследие. Например, сельско-хозяйственные угодья занимали территории, на которых находились курганы. Распашка неизбежно приводила к потере ценного материала (Ауэрбах, 1928. С. 223).

Однако были моменты, которые, несмотря на явное пренебрежительное отношение властей к наследию, благоприятствовали созданию новой системы охраны. Например, принятие Декретов (Декрет «О земле», 1917²; Декрет «Об отмене права частной собственности», 1917³). Разработка инструкций к открытым листам (Сорокина, 2018. С. 540). Был дан толчок для развития краеведческих обществ на базе местных музеев при содействии Общества изучения Сибири и её производительных сил (ОИС), где изучению и охране археологических объектов уделялось немало внимания (Ауэрбах, 1928).

Более того, в Иркутской губернии предпринимались самостоятельные попытки взять под контроль археологические памятники. В 1920 г. при губернском отделе народного образования был создан подотдел по охране культурных ценностей, куда входили такие археологи как В.Ч. Дорогостай-

ский и Б.Э. Петри (ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 212. Л. 3–6). Через год подотдел изменил название на подотдел по делам музеев и охране памятников старины и искусства. При этом подотделе существовала секция охраны памятников и старины. Но в 1922 г. подотдел и сам филиал по исследованию Сибири отдела народного образования устроили (Шободоев, 2000. С. 89).

1924 г. особенно интересен тем, что именно в этот год было два важных события, которые способствовали созданию системы охраны и сохранения наследия. В январе был опубликован еще один декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и совета Народных Комиссаров (СНК) «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»⁴. Именно этот декрет предписывал создать на местах отделы, отвечающие за сохранение памятников искусства и старины. После чего осенью, при Иркутском краеведческом музее создается интересующий нас отдел, отвечающий за сохранение и охрану памятников искусства и страны (ОХРИС) (Штрихи к портрету времени, 2020. С. 17).

Музей к этому моменту уже не имел отношения к ВСОРГО. Он был национализирован еще в 1920 г. и передан Губернскому отделу народного образования (Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО, 2012. С. 110; Колесник, Пушкина, Свинин, 2012. С. 48; ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Ист. спр. Л. 2). На следующий год, в 1925 г. в Иркутской губернии был подготовлен проект постановления, который являлся первым документом об охране памятников искусства и старины в данном регионе. Постановление было подготовлено губернским отделом народного образования Иркутского губернского исполнительного комитета (ГУБИСПОЛКОМ) (ГАИО. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 766. Л. 10).

Следует учесть, что основная причина, по которой создавался такой орган, это предотвращение разграбления имеющегося имущества. Особое внимание с целью именно сохранения было уделено памятникам революции и декабристам, как носителям новой идеологии советского правитель-

² Декрет «О земле», 1917 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения: 06.02.2023).

³ Декрет «Об отмене права частной собственности», 1917 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9686> (дата обращения: 06.07.2023).

⁴ Декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», 1924 [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm (дата обращения: 06.07.2023).

ства. При этом государство остро нуждалось в дополнительном финансировании, и реквизированные сокровища могли частично решить эту проблему. Практиковался экспорт археологических и других коллекций из Иркутской губернии (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 295. Л. 57). В конечном итоге, в 1930-х гг. власть взяла направление на сворачивание системы сохранения и охраны наследия, что привело к закрытию отдела ОХРИС в 1934 г.

В 1933 г. выходит Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по вопросу об участии Исполкомов и Советов, а также Отделов Народного образования в деле охраны памятников революции, искусства и культуры (ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 83. Л. 39 об.). Обязанности охраны в Иркутске теперь переходят к краевому отделу народного образования (КРАЙОНО). По сути, происходит ликвидация отделов охраны и сохранения историко-культурного наследия при музеях (Ануфриев, 2023. С. 111)⁵. Под угрозой попадают памятники, которые официально признаны общенародным достоянием. При этом совершенно очевидно, что КРАЙОНО не справляется с еще одной возложенной обязанностью. Это подтверждает письмо от 25 июня 1934 г, отправленное в Москву от дирекции Краевого музея. В письме высказывается обеспокоенность тем, что Игорстройтрест планирует снести Спасскую церковь в Иркутске, напоминая, что отдела по охране памятников и старины уже не существует, а в КРАЙОНО «нужных людей, которые взяли бы на себя охрану, не нашлось» (ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 83. Л. 23). Однако до принятия решения о закрытии отдела ОХРИС, вполне результативно этим «нужным человеком», почти десять лет был Филипп Эммануилович Карантонис (рис. 1).

Личность инспектора отдела ОХРИС

По национальности грек, сын моряка, Ф.Э. Карантонис родился в 1899 г. на о. Калимно в Греции (Учёные-исследователи Института биологических проблем криолитозоны СО РАН, 2002. С. 33)⁶. При-

*Рис. 1. Ф.Э. Карантонис
Fig. 1. P.E. Karantonis*

был в Иркутск из Петрограда. Проживал по улице К. Либкнехта в доме, 9, в квартире 12, с матерью Татьяной Стефановной и братом Георгием. После женитьбы на сотруднице Крайархива Клавдии Павловне (фамилия до замужества неизвестна), переехал на Набережную Ангары, в дом, 28. Служил добровольцем в Красной армии инженером-делопроизводителем сторойотделения. В партию не вступал. До вступления в должность инспектора отдела ОХРИС работал в музее 9 лет. Числился инструктором-художником и заведующим естественно-научным отделом музея (Архив ИОКМ. Списки сотрудников музея. Л. 38, 40; ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 225. Л. 19). В 1923 году закончил биологический факультет Иркутского государственного университета по специальности «зоолог-ихтиолог» (Зубрий, 2022. С. 160). Однако в личной карточке, хранящейся в Архиве Иркутского областного краеведческого музея, значится также два курса (в некоторых документах архива в списках работников музея, указано три курса) архитектурного отделения Академии наук (Архив ИОКМ. Списки сотрудников музея. Л. 7, 8).

Его назначение на должность заведующего картинной галереей в 1929 г. (на тот момент она относилась к Иркутскому краеведческому музею), не было случайным (Справочник и деловой торгов-промышленный указатель по г. Иркутску и окру-

⁵ Ануфриев А.В. Музейное дело и охрана культурных ценностей: уч. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 197 с.

⁶ Учёные-исследователи Института биологических проблем криолитозоны СО РАН : биобиблиографический справочник / автор-составитель П.И. Докторов. Якутск : ЯФ Изд-ва СО РАН. 2002. 256 с.

гу на 1930 г., 1930. С. 104)⁷. Иркутский музей именно ему обязан коллекцией предметов изобразительного искусства монголо-бурят, которую он предоставил в пользование для пополнения «азиатского отдела». В молодости он увлекался буддийской иконографией (Зубриль, 2022. С. 160). Занимался живописью (Лыхин, 2002. С. 105, 241). Таким образом, можно смело сказать, что утверждение некоторых исследователей, будто Ф.Э. Карантонис был человеком далёким от искусства, неверно (Бедулина, 2018. С. 18).

В 1925 г. к должности инспектора отдела ОХРИС добавляются обязанности секретаря совета галереи. Ему и его коллегам под председательством Б.И. Лебединского пришлось решать множество вопросов, связанных с галереей, таких как размещение в здании картин по новому адресу: Халтурина, 1. А годом ранее принимал участие в разработке и утверждении Устава галереи (Фатьянов, 1958. С. 31; Лыхин, 2002. С. 112–113).

В 1934 г. хранителем становится Г.И. Дудин. Он называл период руководства Ф.Э. Карантонисом картинной галереей самым «мрачным периодом» в судьбе данного учреждения. Связано это, прежде всего, с тем, что в 1932 г. залы, отведенные для картин, были отданы мяскокомбинату под учебные классы и общежитие. Художественные сокровища, книги были перемещены в подвал и на чердак (Бедулина, 2018. С. 18).

Тем не менее, если вернуться к деятельности Ф.Э. Карантониса в качестве инспектора отдела ОХРИС в 1924 г., то можно заметить, насколько она была насыщена и разнообразна.

Начиная с первого года работы в должности инспектора, Филипп Эммануилович ведет просветительскую деятельность среди населения. Он выступает с лекциями «Памятники старины и искусства» (ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 10. Л. 17 об.). На следующий год после назначения, Ф.Э. Карантонис совместно с руководителем Иркутского музея Я.Н. Ходукиным подготавливает текст постановления губисполкома. Постановление касалось организации охраны памятников в Иркутской губернии. В нем озвучивался список памятников, подлежа-

щих охране, и памятников археологии в том числе (Шободоев, 2000. С. 89).

Так же в 1925 г. Филипп Эммануилович становится одним из пяти учредителей новой палеонтологической секции ВСОРГО. Как сказано в протоколе организационного собрания членов общества, секция была необходима так как местные археологи не имели своей организации, где они могли бы обсуждать различные вопросы. Кроме того, указывался тот факт, что число лиц, интересующихся археологией и антропологией, все увеличивается и результаты археологических исследований в Восточной Сибири приобретают известную научную ценность. Особенно «оживилось» исследовательское дело после посещения Иркутска В.А. Городцовым (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 102. Л. 1, 2). Археологическая секция существовала и раньше, но в 1922 г. она слилась с этнографической и образовала одну этнологическую секцию (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 47. Л. 1).

Все в том же году Ф.Э. Карантонис принимал участие в археологической разведке под руководством Я.Н. Ходукина. Ими были исследованы берега крупнейшего притока Ангары, р. Илим. Обнаружены следы древних стоянок «каменного периода» (Лохов, Дударек, 2017. С. 112). По результатам исследований напечатана статья в археологическом сборнике (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 102. Л. 27).

В 1926 г. Филипп Эммануилович добился подписания договоров на содержание памятников с руководством местных властей. Это были первые договоры подобного рода в советский период на данной территории (Шободоев, 2000. С. 89).

Наравне с Б.П. Задорновым, И.И. Веселовым (действительными членами общества), профессорами В.Ч. Дорогостайским и Н.Н. Козьминым, ассистентом П.П. Хороших, научным сотрудником Биолого-географического института В.В. Скляревичем, он входил в состав президиума Бюро байкаловедения при ВСОРГО. Учреждено Бюро было на заседании ВСОРГО 4 июня 1927 г. Целью создания являлось координирование общественно-научной жизни края, концентрация всех сил местных краеведов. На краеведов в тот момент истории возлагались большие надежды в деле выявления археологических объектов. Планировалось создать сеть научно-исследовательских и экскурсионных баз, привлекая учебные заведения и учительство (Вы-

⁷ Справочник и деловой торгово-промышленный указатель по г. Иркутску и округу на 1930 г., Иркутск, 1930. 319 с.

ставки и краеведческая деятельность ВСОРГО, 2012. С. 130–131). Также Филипп Эммануилович не забывал делиться своими наработками ихтиолога с младшими коллегами (сбор и предоставление материалов по планктону) (Скабичевский, 1935. С. 201).

В 1928 г. проводится большая работа по размежеванию Иркутского округа для планомерного проведения учета и охраны памятников. Ф.Э. Карантонис совместно с Я.Н. Ходукиным и П.П. Давыдовым вновь обследует долину реки Илим (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 205. Л. 27, 27 об.).

Помимо таких обязанностей, как постановка на учет уже имеющихся памятников, он активно участвует в выявлении новых объектов и инспектировании проведения раскопочной деятельности на археологических памятниках в составе археологической комиссии. В 1928 г. производились археологические раскопки в с. Мальта. Проводились они еще совсем молодым сотрудником Иркутского музея М.М. Герасимовым. На место исследований приезжала комиссия в составе председателя, хранителя археологического отдела краевого Музея П.Г. Полтораднева, аспиранта Антропологического института Московского государственного университета (МГУ) Г.Ф. Дебеца и Ф.Э. Карантониса в качестве инспектора отдела ОХРИС. Комиссия оценила высокий уровень научно-методической подготовки М.М. Герасимова и организованную им работу (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 54. Л. 8, 8 об., 9).

В 1929 г. отделом ОХРИС берутся под охрану: Стоянка в с. Мальта, могильник на Лисихе, могильник на р. Игирма, стоянка Б. Межевка, стоянка Ушканка, стоянка Царь-девица, Стоянка Крыжановщина (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 205. Л. 7).

В 1930 г. Ф.Э. Карантонис, вместе с Н.А. Ауэрбахом, ученым секретарем Общества изучения Сибири и её производительных сил (ОИС) В.И. Громыным, палеонтологом и представителем Государственной Академии Истории Материальной Культуры (ГАИМК), проводит ревизию в с. Мальта. Это связано с поступившим сообщением, что некоторая площадь раскопок, планируемая исследоваться в будущем, разрушена жителями села (Липнина, 2002. С. 14)⁸. В ходе работы выяснилось, что раз-

рушение было произведено рабочими Мальтинской артели Ирпромсоюза, которые взяли несколько таратаек глины для обмазки обжигательных печей (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 54. Л. 22).

1933 г. – самый сложный период в профессиональной деятельности Филиппа Эммануиловича. Становится известно о постановлении, по которому охрана памятников теперь переходит к КРАЙОНО. Совместно с представителем КРАЙОНО Ф.Э. Карантонис все еще в должности инспектора (но официально как консультант) проводит летнюю экспедицию по выявлению памятников и принятию охраняемых мер в Иркутской губернии. Помимо проверки состояния памятников древнего деревянного зодчества, памятников революции и др. зарегистрированы три новые стоянки неолитического времени (Игирма, Тушама, Турига). Собран обширный подъемный материал (топоры, скребла, скребки и др.) (ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 83. Л. 12). Это был последний год его работы в Иркутске.

Обсуждение

Имя Ф.Э. Карантониса будто вычеркнуто из хроники ВСОРГО. В 2021 г. вышло сравнительно полное издание «ВСОРГО в лицах». Библиографический словарь описывал деятельность членов ВСОРГО в разные периоды. В период «самодеятельный» – с 1917 по 1931, имя инспектора отдела ОХРИС не упоминается, хотя он был действительным членом ВСОРГО и значился в списках членов исторической, этнологической и палеоэтнологической секций (Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО, 2012. С. 130–131; ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 47. Л. 2; Д. 82. Л. 1а; Д. 201. Л. 22). В этнологической секции, он часто привлекался в качестве секретаря при протоколировании заседаний (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 83. Л. 2 об., 8 об., 18 об., 23, 27, 29, 35).

В положении о секциях при ВСОРГО в пункте № 5 прописано, что членами секций могут быть лишь члены общества. Посторонние могли привлекаться, но только для и обсуждений научных вопросов (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 2). Учитывая активное участие в этнологической, и, в особенности, в палеоэтнологической секциях, где он

⁸ Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и

перспективы исследования : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 301 с.

был учредителем, а также работу в музее в качестве инспектора отдела ОХРИС и главного хранителя картинной галереи, он никак не мог относиться к числу посторонних.

Десять лет его жизни ушло на сохранение и охрану историко-культурного наследия. При этом, как водилось в то время, он совмещал сразу несколько должностей, и занимался научной деятельностью как биолог-ихтиолог. Круг его обязанностей был широк, а ответственность огромна.

К сожалению, имя Ф.Э. Карантониса чаще всего упоминается в связи со сносом церквей в Иркутске в 30-е гг. Выполняя требование властей провести экспертизу и признать или не признать архитектурное сооружение ценным для общества, ему порой приходилось идти на сделку с совестью.

Надо признать, Филипп Эммануилович предпринимал попытки вступать в спор с представителями Горсовета о целесообразности сноса тех или иных памятников. Первое такое противодействие состоялось в конце 1930-го года. Отдел Охраны памятников и старины был категорически против сноса надалтарного памятника у стен Крестовоздвиженской церкви. Более того, как оказалось, Москва такого разрешения не давала. К сожалению, архитектурный объект, датируемый 1817 годом был уничтожен (Акулич, 2002. С. 37; ГАИО, Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 68. Л. 17–27). Опасность конфронтаций с властью становится очевидной, если учитывать особенности временного периода. Во второй половине 1930-х гг. коллега Ф.Э. Карантониса, с которым он работал, профессор Иркутского государственного университета (ИРГОСУН) Бернгард Эдуардович Петри был расстрелян, а также его соратники Н.Я. Ходукин, В.И. Сосновский, П.Г. Полтораков, Б.Ч. Дорогостайский. Среди репрессированных оказались такие исследователи Сибири как С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко. Был сослан на север Г.С. Константинов. Прекратил свою археологическую деятельность В.И. Подгорбунский. В Москву перебрался Г.Ф. Дебец. В Ленинград переехали А.П. Окладников и М.М. Герасимов (Археология и этнография..., 2019. С. 9).

Тем не менее в начале 1930-х некоторые церкви удалось спасти, превратив их в музеи. Для примера можно взять Крестовоздвиженскую церковь. 28 октября 1932 г. Ф.Э. Карантонис подписал акт, свидетельствующий о проведении обследо-

вания состояния церкви. Немало усилий к спасению уникального архитектурного сооружения приложил директор краевого музея А.П. Окладников, который был крайне заинтересован в сохранении наследия и с горечью высказывался относительно утраты памятников (Окладников, 1959. С. 197). Алексей Павлович так же подписался под этим документом. Единодушным было решение признать церковь «уникальной для СССР», чьи формы иконостаса «не находят себе точных аналогий». Церковь была признана памятником высшей категории, имеющим всесоюзное историко-художественное значение. Было высказано требование передать объект в распоряжение ОХРИС и органов народного образования (Акулич, 2002. С. 37).

На базе церкви был создан антирелигиозный музей. Это решение спасло редчайший образец Елизаветинского барокко от полного уничтожения. В 1943 г. здание снова было возвращено верующим. Под охраной государства спасенная церковь находится с 1948 г. Постановлением Совета Министров РСФСР (Цыремпилова, 2010. С. 148).

К 1934 г. отдел ОХРИС прекращает свою деятельность. В том же году главным хранителем Картинной галереи назначается Г.И. Дудин. Филипп Эммануилович Карантонис перебирается в Якутию (рис. 2), где занимается научной деятельностью, принимая участие в экспедициях по сбору биологического материала (Салова, Соколова, Кириллов, 2011. С. 80).

В будущем он прославится своими исследованиями в бассейне р. Лены, став одним из выдающихся ученых Якутии (Зубриной, 2022. С. 160). Сведения о его возвращении к охране культурного наследия отсутствуют.

Учитывая веяние времени, когда повсеместно создавались организации «воинствующих безбожников», отстоять культурное наследие, связанное с религией, становилось задачей практически невыполнимой. Филиппу Эммануиловичу, несмотря на сложности это удавалось. Во многом он чувствовал поддержку со стороны дирекции музея.

Автором данного исследования не было обнаружено какой-либо переписки личного характера, которая могла бы помочь охарактеризовать Филиппа Эммануиловича в личном плане. Дать понять, как он относился к тем или иным событи-

Рис. 2. Ф.Э. Карантонис с якутскими коллегами, 1952 г. (крайний справа, нижний ряд)
Fig. 2. P.E. Karantonis with Yakut colleagues, 1952 (far right, bottom row)

ям, связанным с его деятельностью. Стоит отметить, что жалобы, просьбы, гневные записки так же отсутствуют. При этом, изучая документы, можно сделать вывод о тщательности, с которой инспектор отдела ОХРИС подходил к своим обязанностям. Это можно проследить по отчетам, описям, докладам и другой документации (ГАИО. Ф.Р-565. Оп. 1. Д. 54. Л. 8–10; Д. 67. Л. 8, 9, 15; ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–10).

У руководства музея Ф.Э. Карантонис был на хорошем счету. Заместитель директора музея в одной из докладных записок хлопотал о повышении инспектору отдела ОХРИС заработной платы, отмечая, что несмотря на загруженность в картинной галерее, Филипп Эммануилович успешно справляется с учетом и охраной. Так же дирекция планировала выделить для инспектора средства на поездки для работы по реставрации памятников и научно-исследовательскую работу, связанную с охраной памятников (ГАИО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 83. Л. 21 об.).

Заключение

Деятельность руководителя отдела ОХРИС Ф.Э. Карантониса можно охарактеризовать как продуктивную. При поддержке Иркутского краеведческого музея, ему удалось поставить на учет более десятка археологических памятников, за-

ключить договоры на содержание памятников с руководством местных властей. Им осуществлялись выезды на археологические объекты в составе археологической комиссии и выезды в составе экспедиций, он принимал активное участие в заседаниях этнографической и палеоэтнологической секций. Велась просветительская работа.

При этом личность Филиппа Эммануиловича видится как противоречивая, если говорить об его согласии на снос некоторых Иркутских церквей, а также работы в качестве главного хранителя Картинной галереи. Но следует учесть, что охватываемый нами период являлся одним из самых сложных периодов в истории нашей страны.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на некоторые негативные моменты в работе Ф.Э. Карантониса, благодаря ему отдел ОХРИС достиг определенных успехов в сфере сохранения и охраны культурного наследия. Им была заложена документационная база при тесном взаимодействии с другими специалистами. Его работа вплотную соприкасалась с деятельностью Бернгарда Эдуардовича Петри, основателя палеоэтнологической школы в Иркутске. Совместная деятельность позволяла быть в курсе открытий, слышать и внедрять предложения по охране и сохранению поступающих от исследователей. На данный момент связь охранных организаций с научной средой со-

храняется, но если эта связь оборвется, как это произошло в 1934 г., то сей факт приведет к плачевным результатам. Однако в те сложные годы, благодаря упорству первого (и последнего) инспектора отдела ОХРИС, его трудолюбию, ответственному отношению к своим обязанностям, удалось остановить уничтожение археологического насле-

дия, а также некоторых памятников архитектуры и искусства. Всё вместе, позволяет сделать вывод о неоченимом вкладе Филиппа Эммануиловича Карантониса в формирование системы охраны и сохранения памятников искусства и старины в Иркутской губернии.

Список источников

Акулич О.А. Иркутский областной краеведческий музей и власть: 1930-е годы (по материалам ГАИО) // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. Вып. 9. Посвящен 220-летию первого музея Сибири. С. 34–49.

Археология и этнография в Иркутском государственном университете / авт.-сост. И.М. Бердников, И.В. Уланов, М.Е. Абрашина. Иркутск : НИЦ «Байкальский регион», 2019. 27 с.

Ауэрбах Н.К. Доисторические богатства Сибири, их охрана и изучение // Труды Первого Сибирского Краевого Научно-Исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 221–225.

Бедулина И.П. Роль первых руководителей Иркутского художественного музея им. В.П. Сукачева в формировании библиотечного фонда музея в 1920–1930 годы // Музей между Гражданской и Великой Отечественной войной: судьба людей, коллекций, зданий : сбор. докл. Всерос. конф. 10–12 октября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 16–19.

Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО 1851–1931 / А.В. Гимельштейн Л.М. Дамешек, В.А. Левченко, Т.Л. Пушкина. Иркутск : ВостСибкнига, 2012. 237 с.

Зубрий Е.С. Хранитель. Значение личности Г.И. Дудина для Иркутского областного художественного музея им. В.Р. Сукачева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Д. Востока. 2022. № 2 (11). С. 155–167. DOI: 10.17516/2713-2714-0039. EDN: GAUNWG.

Колесник Л.М., Пушкина Т.Л., Свинин В.В. ВСОРГО и музейное дело // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2–2. С. 44–56. EDN: PVUMXX.

Лохов Д.Н., Дударёк С.П. История изучения неолита и бронзового века Северного Приангарья : Ч. 1. (XVIII в.; 20–30-ые гг. XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геoархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 102–123. EDN: YVJLPG.

References

Akulich O.A. (2002) Irkutsk Regional Museum of Local Lore and power: the 1930s. *Kraevedcheskie zapiski = Local lore notes*. Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography SB RAS. Iss. 9. *Posvyashchen 220-letiyu pervogo muzeya Sibiri = Dedicated to the 220th anniversary of the first museum of Siberia*. P. 34-49. (In Russ.).

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Abrashina M.E. (2019) *Archeology and Ethnography at Irkutsk State University*. Irkutsk: SIC "Baikal region". 25 p. (In Russ.).

Auerbach N.K. (1928) Prehistoric treasures of Siberia, their protection and study. First Regional Scientific Research Congress. Novosibirsk. Vol. 5. P. 221-225. (In Russ.).

Bedulina I.P. (2018) Role of the first leaders of the Irkutsk Art Museum named after V.P. Sukachev in the formation of the library fund of the museum in 1920-1930. *Muzei mezhdru Grazhdanskoi i Velikoi Otechestvennoi voinoi: sud'ba lyudei, kollektzii, zdanii : sb. dokl. Vseross. konf. 10–12 oktyabrya 2018 g. = Museum between the Civil and Patriotic War: the fate of people collections, buildings. Proceedings of All-Russian Conference, October 10–12, 2018*. Yekaterinburg. P. 16-19. (In Russ.).

Gimelstein A.V., Dameshek L.M., Levchenko V.A., Pushkina T.L. (2012) Exhibitions and local history activities of VSORGO 1851-1931. Irkutsk: VostSibkniga. 237 p. (In Russ.).

Zubrii E.S. (2022) The Keeper. The significance of G.I. Dudin's personality for the Irkutsk Regional Art Museum named after V.R. Sukachev. *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i D. Vostoka = Fine art of the Urals, Siberia and the Far East*. No. 2 (11). P. 155-167. (In Russ.). DOI: 10.17516/2713-2714-0039. EDN: GAUNWG.

Kolesnik L.M., Pushkina T.L., Svinin V.V. (2012) The East Siberian branch of the Russian Geographic Society and the Museology in Irkutsk. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" = Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*. No. 2(2). P. 44-56. (In Russ.). EDN: PVUMXX.

Lokhov D.N., Dudarek S.P. (2017) The history of the study of the Neolithic and the Bronze Age of the Northern Angara region: part 1 (XVIII century; 20-30s of the twentieth century). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology. Ethnology and Anthropology Series*. Vol. 22.P. 102-123. (In Russ.). EDN: YVJLPG.

Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск, 2002. 334 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы: памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск : Книжное издательство, 1959. 211 с.

Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы : сборник научных статей. Сер. Человек второго плана в истории. СПб. : Алетея, 2010. С. 5–18.

Салова Т.А., Соколова В.А., Кириллов А.Ф. Выдающийся ученый-ихтиолог Якутии // Наука и техника в Якутии. 2011. № 1 (20). С. 79–81. EDN: ZDOHYD.

Скабичевский А.П. Наблюдения над планктоном Баргузинского залива озера Байкал в летний период 1932 и 1933 гг. // Известия Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете. Иркутск, 1935. Т. VI. В. 2–4. С. 182–232.

Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): К истории создания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3–2 (83). С. 537–543. EDN: YXKFVZ.

Фатьянов А.Д. Иркутский художественный музей. Иркутск : Кн. изд-во, 1958. 122 с.

Цыремпилова И.С. Проблемы сохранения и использования православного культурного наследия в контексте государственно-церковных взаимоотношений в 1920–1930-х гг. (на материалах Байкальского региона // Власть. 2010. № 7. С. 144–149. EDN: MSUEEL.

Шахеров В.П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск : Изд. дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с. EDN: UCOJLH.

Шободоев Е.Б. Я.Н. Ходукин: Иркутский краевед и неудавшийся политик // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы : материалы регион. науч.-практ. конф. «Золотое десятилетие» иркутского краеведения, 1920-е годы», 11–13 янв. 2000 г. Иркутск, 2000. Ч. 2. С. 82–90.

Шободоев Е.Б., Душкина Т.М. История охраны памятников в Иркутской губернии // Земля Иркутская. Иркутск, 1999. № 11. С. 11–16.

Штрихи к портрету времени : сборник материалов, посвященный 40-летию создания Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры Иркутской области (ПГОП) (1980–2020), 30-летию ОГАУ «ЦСН» (1989–2019) и 15-летию Службы по сохранению объектов культурного наследия Иркутской области / ред. О.Е. Арбатская; корр. Ю.В. Поликарпова. Иркутск : ВостСибкнига, 2020. 240 с.

Lykhin Yu.P. (2002) The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century). Irkutsk. 334 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1959) Shishkinskie pisanitsy is a site of ancient culture of the Baikal region. Irkutsk: Book Publishing House. 211 p. (In Russ.).

Repina L.P. (2010) From historical biography to biographical history. *V teni velikikh: obrazy i sud'by : Sbornik nauchnykh statei. Seriya «Chelovek vtorogo plana v istorii» = In the Shadow of the Great ones: images and Destinies. Collection of scientific articles. Series. Second Man in history.* St. Petersburg: Aleteiya. P. 5-18. (In Russ.).

Salova T.A., Sokolova V.A., Kirillov A.F. (2011) Outstanding ichthyologist of Yakutia. *Nauka i tekhnika v Yakutii = Science and Technology in Yakutia.* No. 1 (20). P. 79-81. (In Russ.). EDN: ZDOHYD.

Skabichevskii A.P. (1935) Observations on the plankton of the Barguzin Bay of Lake Baikal in the summer period 1932-1933. *Izvestiya Biologo-geograficheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Irkutskom gosudarstvennom universitete = Izvestia Biolgo-Geographical Research Institute at Irkutsk State University.* Irkutsk. Vol. VI. Iss. 2-4. P. 182-232. (In Russ.).

Sorokina I.A. (2018) The first Soviet instructions for conducting field research of archaeological monuments (1927). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestiya of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Science.* Vol. 20. No. 3-2 (83). P. 537-543. (In Russ.). EDN: YXKFVZ.

Fat'yanov A.D. (1958) Irkutsk Art Museum. Irkutsk: Book Publishing House. 122 p. (In Russ.).

Tsyrempilova I.S. (2010) Problems of preservation and use of Orthodox cultural heritage in the context of State-Church relations in the 1920s-1930s (based on the materials of the Baikal region). *Vlast' = Power.* No. 7. P. 144-149. (In Russ.). EDN: MSUEEL.

Shakherov V.P. (2006) Irkutsk kupechesky: the history of the city in faces and destinies. Khabarovsk: Priamur. Vedomosti. 176 p. (In Russ.). EDN: UCOJLH.

Shobodoev E.B. (2000) Ya.N. Khodukin: Irkutsk local historian and failed politician. *Irkutskoe kraevedenie 20-kh: vzglyad skvoz' gody: materialy region. nauch.-prakt. konf. «Zolotoe desyatiletie» irkutskogo kraevedeniya, 1920-e gody», 11–13 yanv. 2000 g. = Irkutsk local history of the 20s: a look through the years. Proceedings of Regional Scientific-Practical. Conference «Golden Decade» of Irkutsk region, 1920s», January 11-13, 2000.* Irkutsk. Pt. 2. P. 82-90. (In Russ.).

Shobodoev E.B., Dushkina T. M. (1999) The history of monument protection in the Irkutsk region. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land.* Irkutsk. No. 11.P. 11-16. (In Russ.).

Arbatskaya O.E. (2020) Touches to the portrait of time. *A collection of materials dedicated to the 40th anniversary of the creation of the production group for the protection and use of historical and cultural sites of the Irkutsk region (ob"ektov kul'turnogo naslediya Irkutskoi PGOP) (1980-2020), 30-letiyu OGAU «TsSN» (1989–2019) i 15-letiyu Sluzhby po sokhraneniyu ob"ektov kul'turnogo naslediya Irkutskoi oblasti = Collection of materials dedicated to the 40th anniversary of*

the establishment of the Production Group for the Protection and Use of Historical and Cultural Sites of the Irkutsk Region (1980-2020), the 30th anniversary of the OGU «CSN» (1989-2019) and the 15th anniversary of the Service for the Preservation of Cultural Heritage of the Irkutsk Region. Irkutsk: VostSibkniga. 240 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Суслова Оксана Васильевна,
аспирант кафедры мировой истории и международных отношений, 3-й год обучения,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Information about the author

Oksana V. Suslova,
Postgraduate student of the Department of World History and International Relations, 3rd year of study,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Вклад автора

Суслова О.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Suslova O.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2023 г.; одобрена после рецензирования 29 января 2024 г.; принята к публикации 5 февраля 2024 г.

Article info

The article was submitted November 10, 2023; approved after reviewing January 29, 2024; accepted for publication February 5, 2024.

Научная статья
УДК 930.1
EDN: JNYQYR
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-77-85

Теоретическая нагруженность исторического факта

А.А. Звездина, И.В. Ланцова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема исторического факта с позиций методологии научного познания. Проводится анализ как в современном информационном обществе меняются познавательные ориентиры, происходит переосмысление процессов исторического познания. На конкретном историко-философском материале анализируются подходы к методологии исторического познания. Акцентируется внимание на дискуссии – является ли история наукой. Подходя с позиций анализа истории как науки, мы останавливаемся на историческом факте, а вернее на его теоретической нагруженности. Взяв за основу идею постпозитивистов о теоретической нагруженности факта, прослеживается толкование исторического факта в историко-философском контексте. И если в современной научной литературе теоретическая нагруженность факта в основном рассматривается на примере естественных наук, то в статье предпринята попытка анализа исторического факта. В век информационных технологий, глобальной сети интернета встречаются противоречивые толкования одного и того же исторического события, да и ответственность авторов размывается. Отмечается, что особенностью исторического факта является то, что при формировании он подвержен воздействию методологических, ценностных, идеологических предпочтений исследователя. Диалектика познания исторического факта такова, что, с одной стороны, непосредственно наблюдать его невозможно, но, с другой стороны, точному познанию реального события прошлого мешает субъективность автора источника, которая затем еще усиливается субъективностью автора исследования. Принадлежность исследователя к обществу и присущее ему мировоззрение являются необходимыми условиями познания им прошлого в терминах современности. Все это усиливает субъективный момент, от которого практически невозможно устраниваться. И здесь мы говорим о хронотопе историка – это время, современное историку и время того исторического события, которое он исследует.

Ключевые слова: информационное общество, исторический текст, методология истории, мировоззрение, теоретическая нагруженность факта, постмодернизм, пространственно-временной континуум, промежуточное время, хронотоп

Для цитирования: Звездина А.А., Ланцова И.В. Теоретическая нагруженность исторического факта // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 77–85. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-77-85>. EDN: JNYQYR.

History

Original article

Theoretical load of a historical fact

Anna A. Zvezdina, Irina V. Lantsova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article deals with the changes of the cognitive orientations in the modern information society and rethinking of the processes of historical cognition. The approaches to the methodology of historical knowledge are analyzed on the basis of specific historical and philosophical material. Attention is focused on the discussion - whether history is a science. Approaching from the standpoint of the analysis of history as a science we dwell on the historical fact or rather on its theoretical loading. Taking as a basis the idea of post-positivists about the theoretical loading of the fact the interpretation of historical fact in the historical and philosophical context is traced. And if in modern scientific literature the theoretical loading of the fact is mainly considered on the example of natural Sciences, the article attempts to analyze the historical fact. There are conflicting interpretations of the same historical event in the age of information technology and the global Internet, and the responsibility of the authors is blurred. It is noted that the peculiarity of the historical fact is that in the formation it is a subject to the influence of methodological, value, ide-

logical preferences of the researcher. The dialectics of the knowledge of historical fact is such that, on the one hand, it is impossible to observe it directly, but, on the other hand, the subjectivity of the author of the source which is then further enhanced by the subjectivity of the author of the study prevents the accurate knowledge of the real event of the past. The researcher's belonging to the society and his worldview are the necessary conditions for the knowledge of the past in terms of modernity. All this strengthens the subjective moment from which it is almost impossible to be eliminated. And here we are talking about the chronotope of the historian – this time, the modern historian and the time of the historical event that he explore.

Keywords: information society, historical text, methodology of history, worldview, theoretical loading of fact, postmodernism, space-time continuum, intermediate time, chronotope

For citation: Zvezdina A.A., Lantsova I.V. (2024) Theoretical load of a historical fact. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 77-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-77-85>. EDN: JNYQYR.

В современном информационном обществе можно встретить превратное толкование исторических фактов, что в некоторой степени связано с тем, что в век интернета сознание всё более становится сетевым. Для современного человека трудность познания исторического факта обусловлена тем, что, обладая часто клиповым, ризомным сознанием, он не может выстроить логическую схему рассуждений. И познание истории ограничивается историческими анекдотами или в лучшем случае исторической прозой. Но это особый предмет рассмотрения, который ждёт своего исследования, нас же интересует научный подход к историческому познанию, конкретнее к историческому факту и его теоретической нагруженности, хотя от влияния клипового сознания и наука не застрахована.

Сегодня происходит смена познавательных ориентиров, которая выразилась в пересмотре картезианских взглядов о способах получения и проверки знания. Не осталось в стороне и историческое познание. Под влиянием новых течений в лингвистике и литературоведении, связанных с творчеством Р. Барта, Ж. Деррида и других «деконструктивистов» и «постструктуралистов», постмодернизм проникает в историческую науку (Деррида, 2000). Он поставил под сомнение знание прошлого в истории и привычное понимание истины. Постмодернизм в историческом познании прямо направлен против тех представлений о реальности истории и как следствие, об объекте исторического познания, который, по их мнению, есть не нечто внешнее по отношению к субъекту познания, а как нечто непосредственно сконструированное практикой дискурса и языка, отсюда вывод, что нет разницы между фактами и вымыслом.

Постмодернизм считает, что главную роль в историческом познании играют тексты, а историческая реальность существует только в интерпретациях. Он рассматривает познание истории как диалог между текстами, в результате которого возникает своеобразная сила языка, способная собственными внутренними средствами создавать самодостаточный мир исторического дискурса, конструируя историческую реальность. Таким образом, постмодернисты рассматривают историческое знание как субъективное выражение исследователем собственных стереотипов мышления и восприятия, а также его потребностей и интересов. По их мнению, историк так же как писатель или поэт создаёт исторический текст, это такой же нарратив. Выстраивая сюжет, историк формирует повествование в соответствии с языковыми нормами той культуры, которой принадлежит. Следовательно, нет ни прошлой реальности, ни объективного подхода к ее изучению, но есть нарратив, представляющий прошлое, который собственно и есть история. В конечном итоге, в постмодернистской концепции науки не осталось для истории места. Доминирует идея о важной роли автора исследования, внимание акцентируется на субъективности исторического знания как стержневом и главном моменте. И как результат установить объективные и достоверные факты прошлого историк не может. Истина от него скрыта, так как его сознание и мировоззрение довлеют над ним. И как итог всех этих рассуждений получается, что историк фактически конструирует прошлое, а не реконструирует его.

Данный взгляд на историю не утратил своих позиций и в настоящее время. Вот почему проблема исторического факта стала актуальной в настоящее время. Вопрос теоретической нагру-

женности факта возник в постпозитивистской философии науки как ответ на неопозитивистскую программу. С точки зрения неопозитивизма, факты являются результатом непосредственного взаимодействия субъекта с объективной реальностью. Именно факты являются основой любой теории, недаром основным их принципом был принцип верификации. Постпозитивисты же включили в процесс познания и субъекта, в том контексте, что он оказывает непосредственное влияние на результат познания вообще. Так впервые в истории науки факты были поставлены в зависимость от теории. Эти идеи мы встречаем в трудах Т. Куна, П. Фейерабенда и других постпозитивистов (Поппер, 1993; Кун, 2020; Фейерабэнд, 1986).

В информационном обществе все больше получают распространение взгляды, согласно которым как нельзя противопоставлять факты теории, так и полностью растворять их в какой-либо теории. Хотя факт – результат взаимодействия субъектов познания и объекта, он имеет сложную структуру, его элементы обусловлены как теорией, и в некоторой степени зависят от этой теории, а также особенностями познания реального предмета. Обусловленность фактов теорией подразумевает, что концептуальная основа фактов формируется в теории: она определяет предмет изучаемой реальности и задает язык, на котором эти факты описываются, выясняет основные методы и средства, необходимые для исследования данного факта, это и есть теоретическая нагруженность факта. Эти экспериментальные исследования и наблюдения в конечном итоге определяются свойствами того объекта, который подвергается исследованию. Сами же факты наполняют содержанием концептуальную схему, заданную теорией.

Таким образом, хотя научный факт имеет теоретическую нагрузку, он сохраняет определенную независимость от теории, поскольку мы видели, что его содержание не зависит от теории. Именно из-за этой относительной независимости факты могут противоречить теории и стимулировать дальнейшее развитие научного исследования. Вне теории научный факт не имеет сущностной силы, а свой собственный статус он получает только в каком-либо контексте теоретической си-

стемы. Мы не будем вдаваться в дискуссию неопозитивистов с постпозитивистами по данному вопросу, а обратимся непосредственно к теоретической нагруженности исторического факта.

Особенностью методологии исторического познания ученые стали заниматься значительно позднее, чем методами наук естественных. Только в XIX веке исторические факты подверглись анализу. Хотя различие между фактами естественных наук и фактами истории отмечали и ранее. Сейчас же всё более акцентировали внимание на то, что исторические факты не наблюдаемы непосредственно, не воспроизводимы с помощью эксперимента, и проверке не поддаются. И вся разница не столько в самом предмете, сколько в статусе наблюдателя. В одном случае наблюдатель приближается к своему объекту как к внешнему, а в другом – изнутри, через глубину своего собственного существования (Берлин, 2001. С. 114–115).

Несмотря на это, в исторической науке XIX века господствует культ факта. Этому способствовала модная в то время позитивистская концепция в философии, которая не обошла своим вниманием и историческую науку. Позитивисты, начиная с О. Конта, провозгласили факты основой для исследования, соответственно эти факты ими рассматриваются как полностью независимые от познающего субъекта с его системой ценностей. Многие историки XIX века оказались под влиянием данных идей и вслед за представителями философии науки абсолютизировали категорию исторического факта в своих исследованиях. Они верили в возможность фиксации факта в источниках и ее извлечения оттуда историками. Получается, по их мнению, что всё изучение истории – это есть процесс воспроизведение сведений из источников. Критерием достоверности факта считалась точность приведения источника. Возможность установления объективных факторов не ставилась под сомнение, они отмечали то, что как сам процесс познания, так и его результат носят объективный характер. Влияние субъекта, его системы ценностей на методологию исследования фактов долгое время игнорировалось. Целью исторического исследования являлись факты, на этом и строилась историческая методология, вернее методология истории. Как писал Мейер, «основной

задачей историка есть установление фактов, которые когда-то имели место, они должны стать фундаментом исторической науки, а не теории» (Мейер, 2003. С. 180). В конечном итоге привело всё это к утверждению в истории культа фактов, значительному преувеличению роли эмпирических методов исследования в ущерб методам анализа теоретических.

На определенном этапе развития науки позитивизм отвечал необходимому процессу специализации исторических исследований, так как отражал реальную потребность исторических знаний в дифференцированном изучении различных сторон общественного развития. Под влиянием позитивизма качество исторических исследований изменилось, и различные аспекты социальной, экономической и культурной истории стали изучаться более внимательно. Конечно, в этом его неоспоримая заслуга перед исторической наукой. Хотя позднее историческая наука и отвергла большинство принципов позитивизма, но в научный оборот вошёл подход к изучению источников, обоснованный позитивистами.

К концу XIX века классический позитивизм изживает себя. Он подвергается критике со всех сторон. Не избежали этой критики и взгляды на исторические факты. Всё больше раздаются мнения, что исторический факт не может быть свободен от мировоззрения учёного, это не простое воспроизведение прошлого. Новый подход к историческим фактам мы встречаем уже у неокантианцев, которые занявшись методологией гуманитарных наук, указывали на то, что культурологические исследования используют индивидуализированные методы, тогда как естественнонаучные изучают общую и повторяющуюся природу явлений, используя обобщенные методы. Интересным решением является самый известный неокантианский принцип, предложенный Риккертом: личность следует понимать непосредственно через соотнесение с другими ценностями. Разнообразие событий приобретает своё единство благодаря признанию ценностей. Несомненно, Риккерт отмечал, что без упрощения и изменения реальности история не обходится, но это совершенно иное упрощение чем в естественных науках. Здесь индивидуальность не теряется. Ис-

тория относит реальность к общезначимой культурной ценности (Риккерт, 1998).

Представитель «философии жизни» Дильтей, в данном вопросе находился в основном на неокантианских позициях, главным же критерием различий между естественными и историческими науками полагал способ изучения и рассмотрения материала. Если основной метод естественных наук – это объяснение, то история постигает материал через понимание. Одним из важных средств исторического познания, по мнению Дильтея, является также переживание, так как именно из внутренней жизни возникли все внешние формы. В основе нашего познания находится переживание. Любые исторические события становятся понятными нам, приобретают смысл и важность только тогда, когда мы переживаем внутренне, в определенное время, как если бы это произошло с нами.

Стараясь понять людей других исторических эпох, их душевные искания и страсти, мы начинаем непременно понимать и их исторические дела и свершения. Каждый человек становится для нас все более понятным именно при толковании и интерпретации исторических событий. Любой историк, воссоздавая картину прошлого исторического события, должен пережить его заново, истолковать и воспринять как нечто живое, которое происходило как бы с ним. Он должен исследовать не только изменения, происходящие в производстве, в быту, но и те их мотивы, которые побуждали людей к деятельности. Сами же мотивы не фиксируют никогда какое-либо событие истории, принявшее ту или иную форму. Главный вывод Дильтея сводится в конечном итоге к положению о том, что одним из важных методов исторического познания является вживание в изучаемый мир, что для представителя «философии жизни» является вполне закономерным (Дильтей, 2004).

Ему вторит Г. Зиммель, считая, что нет никакого способа сделать возможным выяснение смысла социально-исторических явлений. Необходимо выяснить, как изучаемое явление связано с интересами самого исследователя или его социальной группы (Зиммель, 2017).

Вебер хотя и специально не занимался методологией истории, но некоторое внимание уделял вопросам исторического познания. Если Риккерт

для построения единой системы ценностей пытались заложить основу через отношение к ценностям, то Вебер, в отличие от него, не допускал возможность построения такой единой системы ценностей и утверждал о существовании множественности различных, борющихся ценностных сфер. По его мнению, система в науках о культуре – бессмыслица (Вебер, 1990. С. 383). Вебер в отличие же от Дильтея с его философией жизни, а также следовавших за ним представителей исторической науки, отказывался руководствоваться методом непосредственного вживания при изучении социальной жизни. В историческое познание, по его мнению, необходимо включить логические методы. История только тогда может претендовать на статус научной дисциплины, когда будет использовать логические приёмы, которые дают возможность узнать причины событий. Это главный вывод методологии Вебера по вопросу исторического познания.

Следует выделить у Вебера такое средство познания как учение об «идеальном типе». Чтобы понять источники и извлечь из него нужный материал, исследователь, по мнению Вебера, начинает с общей концепции. Он имеет общее представление о той исторической реальности, которую собирается исследовать. Это и есть «идеальный тип» Вебера, который у него выступает средством для сбора и обработки материала. В том случае, если данный материал противоречит тому идеальному типу, который он взял за основу, нужно сам идеальный тип переработать. Следует отметить, что Вебер не подчиняет материал идеальному типу как схеме, он лишь инструмент, и если обнаруживается его непригодность, то от него следует отказаться. Вебер также демонстрирует мотивы, характерные для деятельности людей в разные исторические эпохи. Следует отметить, что эти идеи Вебера были развиты Бахтиным, подчеркивающим, что знание прошлого определяется не столько наличием источников, сколько внутренней взаимосвязью происходящего с индивидуальностью историка.

Рассматривая выше взгляды Виндельбанда, Риккерта, Вебера, мы можем сделать общий вывод о том, что узнать о реальных событиях прошлого сложно, а иногда невозможно. Следы прошлых событий скрыты от нас в источниках, кото-

рые нужно понять. Только когда мы проанализируем понятийный аппарат и когнитивные средства, мы можем проникнуть в те события, которые происходили в прошлом.

С возникновением неклассического научного знания меняется и дополняется содержание многих понятий, в том числе и исторических. С легкой руки Коллингвуда, исторические факты стали рассматриваться иначе. С одной стороны, акцентировалось внимание на исторических свидетельствах тех фактов, которые зафиксированы в различных документах (летописях, хрониках и т. п.). С другой – понимание и интерпретация их были тесно связаны с теми ценностями и представлениями, которые были присущи современным исследователям. Р. Коллингвуд писал, что историк не просто воспроизводит мысли прошлого, он воспроизводит их в контексте собственного знания и потому, воспроизводя их, он их критикует, дает свои оценки их ценности, исправляет все ошибки, которые он может обнаружить в них. Эта критика мысли, историю которой он прослеживает, не является чем-то вторичным по отношению к воспроизведению ее истории. Она – неотъемлемое условие самого исторического знания (Коллингвуд, 1980. С. 161). Историческое познание, по его мнению, не является ни познанием прошлого, исключаящим познание настоящего, ни знанием настоящего, исключаящим знание прошлого; оно – знание прошлого в настоящем, самопознание историком собственного духа, оживляющего и вновь переживающего опыт прошлого в настоящем (Коллингвуд, 1980. С. 137).

Приступая к исследованию историк (как и любой другой учёный) всегда сначала формулирует проблему, выдвигает гипотезу, которая в ходе дальнейшего исследования или подтверждается или опровергается. Основным свойством научной работы является то, что она невозможна без теории. Так основатели и последователи Школы «Анналов» сформулировали такой взгляд на исторический факт, согласно которому источник сам по себе нем, чтобы понять его, извлечь из него сведения, надо сначала сформулировать вопросы, которые следует ему задать. Л. Февр был одним из первых, кто рассмотрел этот вопрос применительно к историческому знанию в своей лекции в 1933 году «Суд совести истории и историка»:

«Установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос» (Февр, 1991. С. 15).

Научная работа невозможна без заранее разработанной теории. К такому выводу сначала пришли в методологии естественных наук. Было установлено, что факты несут теоретическую нагрузку. В последствии это проникает в гуманитарные науки, в том числе в историю. Теория – это научный опыт для истории. Любое научное исследование невозможно вне определения теоретических границ, поскольку в наши знания включены «факты», которые уже были приняты во внимание определенным образом. Таким образом, мы видим, что историческая наука, в некоторой степени, сама создаёт свой объект, исследование превращается из однозначного поиска фактов в диалог с прошлым.

Отметили представители школы «Анналов» и такой момент как влияние принадлежности историков к тому или иному обществу. Будучи активно вовлеченными в современную жизнь и мировоззрение, трудно быть независимыми от своих современников. Это во многом и определяет вопросы, которые историки задают прошлому. Трудно сказать, были ли они знакомы с учением Риккерта об «атрибуции ценностей» как условия существования наук о культуре. Но взгляды их близки этой позиции Риккерта. Они отмечали, что историки в процессе своего исследования опирались на ценности собственной культуры. Это происходит в некоторой степени неосознанно, именно этим они руководствуются, оценивая материал и выбирая его для себя. Таким образом, в историческое познание был введен принцип релятивизма, который уже давно завоевал свое место в естественных науках (Блок, 1986; Гуревич, 1993).

Мы показали, что в процессе формирования исторических фактов они подвергаются воздействию ценностных, социально-психологических, наконец, этических предпочтений историка. Все это приводит к тому, что содержание фактов может подтасовываться, искажаться, а сами теории, которые основаны на них, не отражают реальности прошлого. Препятствием на пути к объективности могут быть также личные пристрастия, догматическое следование учителям, методологические традиции т. д. Иногда факты конструируются

или адаптируются под идеологический социальный заказ. Толкование одних и тех же фактов с разных идеологических позиций может быть совершенно противоположным. Геополитические интересы того или иного государства также играют немалую роль в формировании исторических фактов. Примеров в мировой истории можно найти бесконечное множество, взять хотя бы толкование Столетней войны французскими и английскими историками, а также близкий нам пример – ход и итоги Второй мировой войны.

Исследователь принадлежит определённому обществу, и мировоззрение данного общества выступает необходимым условием для познания прошлого. К тому же он выражает это в современных терминах. Перед нами зависимость не только мировоззренческая, но и лингвистическая. Таким образом, перед нами диалектическая взаимосвязь культуры прошлого и установок того времени, в котором создается труд.

Считается, что одной из характеристик исторического факта является наличие трех сторон: факт-событие – реальный факт, существовавший в прошлом; факт-источник – отражение в источнике реального факта, но с элементами субъективности автора источника; научный факт, который является результатом двойного субъективизма – автора источника и автора исследования. Итак, не имея возможности наблюдать факт прошлого, историку точному познанию данного факта мешает субъективность автора источника, да и сам он субъективен в своих исследованиях. Работая с тем или иным источником, историк знакомится с личностью его создателя, с его взглядами на тот или иной предмет. К актуальной информации добавляются мысли и идеи автора данного исторического текста. Вся эта информация о прошедших событиях и их субъективная оценка составителем текста взаимосвязаны, воедино соединены. Этот текст должен быть проанализирован историком, что влечёт за собой массу трудностей. В ходе своих исследований он в то же время неизбежно оказывается связанным со своими предшественниками, историками, которые когда-то работали над той же или аналогичной проблемой, и он не может не учитывать результаты этих исследований, хотя может с ними не соглашаться и какие-то положения пересматривать. «В течение периода,

отделяющего историческое событие от современного историка, сменились поколения исследователей, и важно знать те изменения, которые пережило толкование этого события в трудах представителей разных школ и направлений исторической мысли. Мы зависим от своих предшественников даже в тех случаях, когда ставим под сомнение плоды их исследований» (Гуревич, 1996. С. 99).

В методологии гуманитарного знания часто используют понятие «хронотоп». Говоря о хронотопе историка, мы имеем в виду сразу два вида времени. Это время, в котором живёт историк, где он проводит свои теоретические изыскания, и от которого, хочет он того или нет, зависим. Наконец, это то время, когда происходили те исторические события, исследованием которых он занимается в настоящий момент. Понятие «хронотоп» (время-пространство) ввел в гуманитарные науки М.М. Бахтин, понимая под этим существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе (Бахтин, 1975. С. 234). В основе исторического исследования лежит диалектика времени настоящего, а именно времени в котором живёт учёный, и того прошлого, которое он исследует. И как отмечает В. Межуев, что стремясь к объективному отображению прошлого, историк пытается максимально освободить его от какой-либо модернизации, от истолкования по аналогии с настоящим, и здесь же отмечает, что никому из историков не удалось решить эту задачу до конца (Межуев, 2018. С. 36). Вся сложность здесь в том, что в исследование проникает и другое, промежуточное время. Ведь данную проблему исследовали и до него. Ему нередко встречаются иные концепции истории, существующие в разных культурах, а также непосредственно те проблемы, которые его на данном этапе работы занимают. Это все оказывает влияние на то исследование, которое проводит историк, как бы это от него не зависело. Происходит как бы синтез разных времён, их взаимовлияние. Эти интерпретации являются результатом деятельности ранее живших ученых, они как бы вступают в диалог с исследователем и являются одной из составляющих исторического исследова-

ования. Таким образом, происходит встреча не двух или более отдаленных во времени культур, а протяженного пространственно-временного континуума, обеспечивающего их постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

С ускорением технологического прогресса, развитием сети интернета предшествующая история может быть переписана или проинтерпретирована так разнообразно, что трудно будет найти точки соприкосновения. И как отмечал Бодрийяр, что вся наша реальность и прошлая в том числе, была пропущена через средства массовой информации (Бодрийяр, 2000. С. 134), что так или иначе оказывает немалое влияние на современников. И, столкнувшись с этим, современный историк попадает ещё в более сложную ситуацию, где тщательной проверке необходимо подвергнуть данную информацию и найти её первоисточник (Кротов, 2017; Рашковский, 2016).

Итак, мы видим, что познать исторический факт – непростая задача. Историк не может непосредственно наблюдать факт прошлого, а точному познанию данного факта ему мешает субъективность автора источника, да и сам он не избавлен от субъективности в своих исследованиях. Историк живёт в обществе, в котором господствует определённая система ценностей как временная, так и идеологическая, что непосредственно оказывает влияние на его мировоззрение. И это мировоззрение, помимо воли исследователя, так или иначе, влияет на познание им прошлого. В процессе работы над источником историк знакомится с личностью его создателя, к актуальной информации добавляются идеи и мысли, присутствующие автору данного текста. Эта информация о событиях прошлого, а также субъективная оценка создателя текста представляют некое единство. В процессе своих изысканий исследователь сталкивается с историками прошлого, которые в то или иное время работали над данной проблемой. Ему сложно историческую традицию игнорировать. Он или придерживается её, или пытается отойти, но всё равно от неё зависит. Таким образом, мы можем сказать, что любой исторический факт теоретически нагружен.

Список источников

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и

References

Bakhtin M.M. (1975) Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Voprosy literatury i*

эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Берлин И. Естественная ли наука история? / пер. с англ. // Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 69–121.

Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. 2-е изд. М. : Наука, 1986. 254 с.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. 258 с.

Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. : Индрик, 1993. 328 с.

Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. М. : Coda, 1996. С. 81–109.

Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.

Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.

Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 432 с.

Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография М. : Наука, 1980. 488 с.

Кротов А.А. Методология современных историко-философских исследований во Франции // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 52–62. EDN: WGEMUS.

Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2020. 320 с.

Межуев В.М. История как философская идея // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 34–41. DOI: 10.31857/S004287440000738-6. EDN: YALVBB.

Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. М. : Гос. публичная историческая библиотека России, 2003. 204 с.

Поппер К.Р. Ницета историцизма. М. : Прогресс, 1993. 187 с.

Рашковский Е.Б. Историческая мысль между жизнью и смертью // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 63–73. EDN: WGEWSR.

Риккерт Г. Философия жизни. Киев : Ника-Центр, 1998. 512 с.

Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. 632 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 542 с.

estetiki = Questions of Literature and Aesthetics. Moscow: Art. lit. P. 234-407. (In Russ.).

Berlin I. (2001) The Concept of Scientific History; 1960. (Russ. ed.: Is natural science history. *Filosofiya svobody. Evropa = Philosophy of freedom. Europe*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 69-121.

Blok M. (1986) The apology of history or the craft of a historian; 1963. (Russ. ed. *Apologiya istorii ili remeslo istorika*. Moscow: Nauka. 254 p.).

Bodriyar Zh. (2000) Transparency of evil. Moscow: Dobrosvet. 258 p. (In Russ.).

Weber M. (1990) Selected works. Moscow: Progress. 808 p. (In Russ.).

Gurevich A.Ya. (1993) Historical synthesis and the School of "Annals". Moscow: Indrik. 328 p. (In Russ.).

Gurevich A.Ya. (1996) Territory of the historian. *Odissei. Chelovek v istorii = Odysseus. A man in history*. Moscow: Coda. P. 81–109. (In Russ.).

Derrida Zh. (2000) About grammatology. Moscow: Ad Marginem. 512 p. (In Russ.).

Dil'tei V. (2004) The construction of the historical world in the sciences of the spirit. Moscow: Three Squares. In 6 vol. Vol. 3. 419 p. (In Russ.).

Zimmel' G. (2017) Favorites. Philosophy of Culture. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 432 p. (In Russ.).

Collingwood R. (1980) The idea of history. Autobiography. Moscow: Nauka. 488 p. (In Russ.).

Krotov A.A. (2017) Methodology of modern research in the history of philosophy in France. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. No. 6. P. 52-62. (In Russ.). EDN: WGEMUS.

Kun T. (2020) The structure of scientific revolutions. Moscow: AST. 320 p. (In Russ.).

Mezhuev V.M. (2018) History as a philosophical idea. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. No. 8. P. 34-41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S004287440000738-6. EDN: YALVBB.

Meier E. (2003) Proceedings on the theory and methodology of historical science. Moscow: State Public Historical Library of Russia. 204 p. (In Russ.).

Popper K. P. (1993) Poverty of historicism. Moscow: Progress. 187 p. (In Russ.).

Rashkovskii E.B. (2016) Historical thought between life and death. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. No. 7. P. 63-73. (In Russ.). EDN: WGEWSR.

Rikkert G. (1998) Philosophy of life. Kiev : Nika-Center. 512 p. (In Russ.).

Fevr L. (1991) Battles for history. Moscow : Nauka. 632 p. (In Russ.).

Feierabend P. (1986) Selected works on the methodology of science. Moscow: Progress. 542 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Звездина Анна Александровна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,

Information about the authors

Anna A. Zvezdina
Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: zvezdina_53@mail.ru,

e-mail: zvezdina_53@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0124-5424>

Ланцова Ирина Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: irlanz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8660-4611>

<https://orcid.org/0000-0003-0124-5424>

Irina V. Lantsova,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: irlanz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8660-4611>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2023 г.; одобрена после рецензирования 8 февраля 2024 г.; принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 28, 2023; approved after reviewing February 8, 2024; accepted for publication February 19, 2024.

История

Научная статья
УДК 614.21:338(571.53)
EDN: KJIGSG
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-86-96

Обеспечение гражданской медицины Восточно-Сибирского региона в XIX веке низшими медицинскими чинами

И.В. Орлова

Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В квалификационных реестрах медицинских должностей Российской империи XIX в. к низшим медицинским чинам относили лекарских учеников, фельдшеров, повивальных бабок и фельдшериц-акушеров. В данном перечне появление термина «лекарский ученик» связывают с открытием Московского генерального госпиталя и госпитальной школы в 1707 г. Понятие «лекарский ученик» одновременно обозначало и статус обучающегося госпитальной школы, и должность помощника лекаря. В военном ведомстве (армейском, флотском) полная трансформация понятия «лекарский ученик» в термин «фельдшер» относится к 40-м гг. XVIII в., когда появились гарнизонные школы, учеников этих школ направляли в военные госпитали для «упражнения в надзирании больных»: перевязке ран, кровопускании, костоправии и пр. По данным профессора Петербургской медико-хирургической академии, автора первого труда по истории медицинского образования в России Я.А. Чистовича, наиболее способных в обучении после 5-летнего срока производили в подлекари, остальных учеников направляли получать звание цирюльника в войсковые подразделения. С середины XVIII в. фельдшеры стали обязательной единицей каждого военного госпиталя. Однако для гражданской медицины процесс подготовки фельдшеров был по времени значительно растянут и имел вариативное содержание. В данной статье мы рассмотрим особенности формирования фельдшерского состава в Восточной Сибири в XIX в., определим основные меры по обеспечению региона низшими медицинскими чинами для гражданской (приказной) медицины, на основе широкого круга источников, впервые вводимых в научный оборот, дадим сравнительную характеристику эффективности мероприятий.

Ключевые слова: лекарский ученик, фельдшер, фельдшерица-акушерка, фельдшерские школы, здравоохранение, приказная (гражданская) медицина, военная медицина, сельская медицина, Восточная Сибирь, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область

Для цитирования: Орлова И.В. Обеспечение гражданской медицины Восточно-Сибирского региона в XIX веке низшими медицинскими чинами // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 86–96. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-86-96>. EDN: KJIGSG.

History

Original article

Providing civil medicine in the East Siberian region by lower medical ranks in the 19th century

Irina V. Orlova

Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russia

Abstract. In the qualification registers of medical positions of the Russian Empire of the 19th century the lower medical ranks included medical students, paramedics, midwives and paramedics-midwives. In this list, the appearance of the term “medical student” is associated with the opening of the Moscow General Hospital and hospital school in 1707. The concept of “medical student” simultaneously denoted both the status of a student at a hospital school and the position of a doctor’s assistant. In the military department (army, navy) the complete transformation of the concept of “medical student” into the term “paramedic” dates back to the 40-s. In the 18th century, when garrison schools appeared, the students of these schools were sent to military hospitals for “exercises in supervising the sick”: dressing wounds, bloodletting, chiropractic care, etc. According to the data of the professor of

the St. Petersburg Medical-Surgical Academy, the author of the first work on the history of medical education in Russia, Y.A. Chistovich, the most capable in training, after a 5-year term, were promoted to medical assistants, the remaining students were sent to receive the title of barber in military units. From the middle of the 18th century paramedics became a mandatory unit in every military hospital. However, for civilian medicine, the process of training paramedics was significantly extended in time and had variable content. In this article we will consider the features of the formation of paramedics in Eastern Siberia in the 19th century, we will determine the main measures to provide the region with lower medical ranks for civil (command) medicine, based on a wide range of sources introduced into scientific circulation for the first time, we will give a comparative description of the effectiveness of the measures.

Keywords: medical student, paramedic, paramedic-midwife, paramedic schools, healthcare, order (civil) medicine, military medicine, rural medicine, Eastern Siberia, Irkutsk province, Yenisei province, Transbaikal region

For citation: Orlova I.V. (2024) Providing civil medicine in the East Siberian region by lower medical ranks in the 19th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 86-96. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-86-96>. EDN: KJIGSG.

В Восточной Сибири в силу ее «окраинного» статуса профессиональная медицинская помощь изначально была представлена немногочисленными воинскими лазаретами, в штате которых было по 1–2 войсковых фельдшера. Медицинские заведения для гражданского населения в Восточно-Сибирском регионе появились значительно позже, и, соответственно, медленными темпами шло формирование гражданского медицинского персонала. Штатный состав медицинских должностей гражданской (приказной) отрасли «народного здравия» в России был утвержден 19 января 1797 г. Высочайшим докладом «Об учреждении Медицинских Управ» (Врачебных управ) и прилагаемым к нему штатным расписанием¹. Наряду с обязательно регламентированным составом врачебных кадров в уездных городах в лице одного лекаря (врача), следовало учредить должности двух лекарских учеников (старшего и младшего) и одну младшую повивальную бабку (в губернском городе – двух повивальных бабок: старшую и младшую) (Смирнова, 2011. С. 7). Этот регламент положил начало формированию службы медицинских кадров гражданского казенного уровня, наряду с уже имевшейся системой подготовки низших медицинских чинов для армии и флота.

На протяжении XIX в. вопрос обеспечения Восточно-Сибирского региона медицинскими кадрами стоял чрезвычайно остро. Однако в начале столетия механизм формирования, пополнения кадрового состава и определения их функциональных обязанностей, профессиональных навыков был не

определен. Местные власти на протяжении XIX в. пытались решить кадровый вопрос обеспечения региона низшими медицинскими чинами несколькими способами, такими как:

- 1) обеспечение свободного доступа к вступлению в должность, т. е. полное «неприпятствие» для зачисления в штат медицинского персонала;
- 2) пополнение штата гражданских учеников лекарей и фельдшеров за счет отставных ротных медиков;
- 3) оформление запроса в военное ведомство для приглашения на гражданскую медицинскую службу учеников военных школ, негодных к строевой службе, или на острый эпидемический период;
- 4) подготовка низших медицинских чинов из местной молодежи по направлениям Приказа общественного призрения;
- 5) открытие образовательных учреждений для подготовки вспомогательного медицинского персонала.

Если военные фельдшеры проходили обучение по программам госпитальных школ и лазаретов, то подготовка гражданских лекарских учеников проводилась непосредственно лекарями (врачами), под руководство которых поступали эти ученики. В начале XIX в. в лекарские ученики принимались любые желающие, владеющие грамотой, чаще всего это были представители духовного сословия, конторско-приказные служащие и даже крестьянские дети (в условиях Восточной Сибири – «из экономических крестьян»). При этом уровень грамотности соискателей не имел решающего значения.

В Государственном архиве Иркутской области (далее – ГАИО) мы встречаем сведения о подобном

¹ Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 1-е. ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17743.

профессиональном выборе. В декабре 1802 г. Тобольская духовная консистория известила Иркутскую Врачебную управу о том, что Федор Дьяконов, выбывает из духовенства по собственному желанию в штат медицинских чинов, «находясь немалое время при брате своем Киренском лекаре Дьяконове возымел склонность к медицинским наукам, ... знает латинскую грамоту». Так, Дьяконов в короткий срок, за 3 месяца, получил разрешение на перевод и был определен младшим лекарским учеником в г. Киренск, с годовым жалованием 45 руб. (ГАИО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–37). В формулярном списке Троицкосавского лекарского ученика Бато Метихоева существует запись: «Зачислен лекарским учеником в 1858 г. по прошению Джидинского инородческого ведомства» (ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д/пр. Д. 77. Л. 2). Заслуживает доверия мнение исследователя Е.М. Смирновой о том, что в лекарские ученики принимали исключенных из духовных семинарий «за неспособность к наукам» и даже неграмотных, поскольку определялись к таким делам, где не было необходимости читать и писать (Смирнова, 2014а. С. 142). В формулярных списках медицинских чинов находят этому вполне убедительные подтверждения. Киренский окружной старший лекарский ученик Глаголев Василий Иванович, 29 лет, обучался в Тульском духовном училище, но курс не окончил. Прошел экзамен в Тульской Врачебной управе на «фельдшерское искусство», на основании чего в июне 1855 г. Медицинский департамент МВД утвердил его в звании фельдшера. В октябре 1860 г. согласно прошению Глаголев был определен в Иркутскую губернию. Поступив в распоряжение Иркутской Врачебной управы, он был направлен в Киренский округ старшим лекарским учеником (ГАИО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об.).

В 1830 г. Иркутская Врачебная управа, испытывая нехватку низших медицинских чинов, была вынуждена обратиться к губернскому начальству с ходатайством об определении из военно-сиротского отделения 11 кантонистов с лучшими познаниями латинского языка в гражданские больницы (ГАИО. Ф. 474 Оп. 1. Д. 2. Л. 148). Согласно документу, кантонистам предлагалось, по окончании обучения, поступление на действительную службу с включением срока обучения в стаж медицинской службы, т. к. вакансии постоянно были

открыты. Непродолжительное время подобная практика пополнения штата медицинских должностей за счет воспитанников гарнизонных школ существовала успешно, т. к. не все юноши могли или желали исполнять военную службу, но вскоре в Иркутскую Врачебную управу стали приходить донесения «о дурных поступках и производстве пьянства лекарских учеников, поступающих из военно-сиротского отделения». В силу того, что ситуация приобретала неуправляемый характер, Врачебная управа вынуждена была довести эти обстоятельства до сведения гражданского губернатора. В донесении от 31 августа № 3179 инспектор Врачебной управы выступил с предложением о возвращении в учебное заведение «людей необузданных». В качестве аргумента, инспектор писал: «Поступившие из кантонистов лекарские ученики оказываются в неоднократном подобном распутстве от чего может происходить большое недоверие от больных и зазор начальству» (ГАИО. Ф. 474. Оп. 1 Д. 4. Л. 34). Опыт привлечения молодых людей на медицинскую службу при отсутствии наставников-лекарей (по причине нехватки врачей или их нежелания воспитывать младший персонал) не был забыт, время от времени к нему возвращались, но это не стало системной мерой по обеспечению региона кадрами.

Профессиональный и социальный статус медицинского персонала в течение XIX в. менялся. Согласно утвержденному 29 марта 1833 г. мнению Государственного совета «О награждении лекарских учеников за выслугу лет чином 14 класса»², лекарские ученики, не входящие в податное сословие, после 20 лет службы в штатной должности, уравнивались наравне с фельдшерами в правах на приобретение низшей позиции по «Табелю о рангах» – чина коллежского регистратора. Изменить ситуацию в обеспечении медицинским персоналом региона было призвано «Положение об окружных сельских врачах в Восточной Сибири», утвержденное Государственным советом 15 июня 1865 г. Этот регламент был принят в качестве компенсаторной меры к тем изменениям, которые коснулись центральных губерний России, где было введено земство и началось реформирование си-

² Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 2-е. ПСЗРИ-2. СПб., 1834. Т. VIII. № 6083.

стемы медицинского обслуживания населения. Согласно положению 1865 г., распространявшемуся в Восточной Сибири на Енисейскую, Иркутскую губернии и Забайкальскую область, учреждался медицинский штат для «подания медицинского пособия» сельскому населению и учреждались приемные покои на 4–5 коек. Так, в п. 8 указанного Положения было регламентировано, что при каждом окружном сельском враче должно быть три экзаменованных фельдшера, «которые, при недостатке желающих поступить на эти должности из фельдшерских школ, могут быть образованы из лекарских учеников в городских больницах, или из самих крестьян» (ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1817. Л. 4–6). Фельдшеры кроме денежного содержания имели право на бесплатное пользование участком земли для хлебопашества до 30 десятин. Отведенным участком фельдшеры пользовались во время пребывания в должности, а по прошествии 15 лет беспорочной службы могли приобрести его в собственность. Вопросы увеличения медицинского штата в селах Восточной Сибири были возложены на Енисейскую и Иркутскую врачебные управы, государство осуществляло финансирование согласно расходам, обозначенным в Положении от

25 января 1888 г., где мнением Государственного совета были внесены значительные коррективы в Положение 1865 г., а именно: произведено увеличение окладов ежегодного содержания сельским врачам и сельским фельдшерам (табл.).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что реформирование сельской медицинской части на территории Восточной Сибири, начавшееся в 1865 г., было призвано закрепить на государственном уровне как врачебную, так и фельдшерскую службу, оказывающую медицинскую помощь негородскому населению. По совокупности, в Енисейской, Иркутской губерниях и Забайкальской области было 15 округов; на вводимые 15 должностей сельских врачей и 45 сельских фельдшеров государственной казной в ежегодный расход закладывалось 19 200 руб. Кроме этого, увеличивались средства Иркутской, Енисейской врачебных управ и Управления инспектора по медицинской части Забайкальской области по 100 руб. (на каждое учреждение), что консолидировано в Восточной Сибири по положению 1865 г. составило 19 500 руб. в год (ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1817. Л. 9–10). Значительные изменения, введенные в 1888 г., затронули финансовое содержание медицинских кадров. Однако

Таблица. Штат медицинской части в округах Восточной Сибири по положению 1865 и 1888 гг. из расчета на округ (составлено по: ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1817. Л. 11; Ф. 29. Оп. 1. Д. 80. 3 д/пр. Л. 1–2)

Table. Staff of the medical unit in the districts of Eastern Siberia according to the regulations of 1865 and 1888 based on the district (compiled from: SAIR. F. 9. Inventory. 1. C. 1817. L. 11; F. 29. Inventory. 1. C. 80. 3 o/work. L. 1–2)

	Кол-во в округе	Оклад годового содержания (руб. сереб.) по положению 1865 г.			Оклад годового содержания (руб. сереб.) по положению 1888 г.			
		жалование	столовые	итого	Жалование	Столовые	Разъездные	итого
Окружной сельский врач	1	350	200	550	1000	500	200	1 700*
Сельский фельдшер	3	120	–	360	500	–	–	1 500
На содержание медицинского штата:								
– разъезды				100				–
– приобретение медицинских книг и журналов				30				30
– на канцелярские расходы				40				40
На медикаменты по кругу				200				200
ИТОГО				1 280				3 470*

* Прим.: Окружному сельскому врачу Киренского округа Иркутской губернии годовое содержание назначалось в размере 2 200 руб. (в т. ч. 1 000 руб. жалование, 1 000 руб. столовые, 200 руб. на содержание при разъездах). В связи с этим расход на медицинскую часть Киренского округа с 1888 г. составлял 3 970 руб.

право на обязательный отвод в бесплатное пользование врачами и фельдшерами земельных участков в 1888 г. было отменено.

В течение всего рассматриваемого периода в условиях дефицита врачебных кадров в Восточной Сибири обслуживанием гражданского населения занимались фельдшеры, прошедшие военную службу. Исследователь Т.В. Демидова так описывает этот механизм: «...специалист, получивший образование фельдшера в европейской части России и имеющий некоторый практический опыт работы, направлялся в распоряжение медицинского инспектора Восточно-Сибирского военного округа, который распределял откомандированного медика в один из военных госпиталей. Отработав несколько лет в военном ведомстве, фельдшер мог быть направлен в распоряжение гражданского губернатора и продолжить работу в качестве уездного фельдшера или фельдшера в одной из городских больниц. В некоторых случаях оставался работать в Сибири еще несколько лет, выйдя в отставку» (Демидова, 2022). Но оклады восточно-сибирских фельдшеров, значительно превосходящие доходы европейских коллег, не способствовали привлечению специалистов на длительный срок в Сибирь на фельдшерские должности. По положению 1865 г. определялось годовое жалование фельдшера в 120 руб., в то время как в европейской части России оно составляло 80 руб. В Якутской области с 1874 г. предусматривались выплаты фельдшерам до 400 руб. С 1897 г. в Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области суммы окладов были увеличены до 500, а в Киренском округе Иркутской губернии – 600 руб. (Шаламов, Дамешек, 2018. С. 10).

Основными причинами дефицита медицинских кадров в Восточной Сибири оставались несоответствие жалования прожиточному минимуму, суровые климатические условия при разъездном характере работы, удаленность населенных пунктов друг от друга и центра, разделяемые непроходимой территорией. В исследовании С.Д. Батоева находим отсылку к воспоминаниям будущего писателя В.Я. Кокосова, определенного в 1881 г. врачом Забайкальского казачьего войска: «Население вверенной территории составляло более 50 000 человек, а площадь более 60 000 кв. верст. На каждого фельдшера приходилось 10 000 кв. верст и 10 000 жителей, сосредоточенных в 14 поселках, не считая

местное кочевое бурятское и тунгусское население, которое тоже нуждалось в организованной охране здоровья» (Батоев, 2017. С. 407).

Привлекая на гражданскую медицинскую службу отставных фельдшеров, Енисейская и Иркутская Врачебные управы приобретали квалифицированный персонал, однако отставники были менее расторопны, разъездная работа по селениям была физически тяжела, а низкое жалование при гражданских медицинских учреждениях малопривлекательно. Так, в 1874 г. в с. Макаровском Киренского округа в открывшийся приемный покой был нанят отставной фельдшер Ахраненков. Киренский окружной исправник в рапорте от 5 декабря 1876 г. № 11555 в губернскую администрацию, характеризуя медицинскую часть с. Макаровское, отмечал, что приемный покой исправен, в нем существует помещение для больных и для фельдшера. Однако больных в приемном покое не было со времени открытия в 1874 г., что касается фельдшера Арханенкова, то свои обязанности он не выполнял «при старости своей». Окружной исправник подчеркивал, что приемный покой лишь имеет название, а все больные отправлялись в Киренскую больницу. В Витимской волости новый приемный покой, размещенный в доме, приобретенном крестьянским обществом, пустовал из-за отсутствия персонала и, как сказано в документе, «остановки за назначением фельдшера». Для решения этого вопроса окружной исправник вынужден был обратиться с ходатайством о назначении в с. Витимское на службу фельдшером Деляновского, отбывшего срок на каторжных работах на Усть-Кутском солевом заводе (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 19). Аналогичный вариант решения проблемы был избран Минусинским полицейским исправником, ходатайствовавшим по вопросу о зачислении на должность фельдшера ссыльнопоселенца с. Сухобузимского И. Рожковского, с обоснованием: «имеет 1 год обучения в Киевском университете». В Назаровском волостном правлении Ачинского округа Енисейской губернии фельдшерский пункт не был открыт вовсе, о чем неоднократно сообщалось губернскому управлению, оттуда обвинительные письма спускались в адрес Врачебного отделения, но за «неимением фельдшера», вопрос оставался открытым (Крутовский, 1911. С. 101).

Показательной выглядит запись в годовом отчете за 1882 г. Иркутского окружного врача К.Ф. Дзедзюля о составе вспомогательного медицинского персонала. Благодаря источнику, можем проследить последовательность и частоту сменяемости медицинских кадров: «...с 19 апреля по 3 августа должность старшего окружного лекарско-го ученика исполнял фельдшер Ионин, с 3 августа по 2 октября – фельдшер Лазарь Вербицкий, с 2 октября по декабрь – фельдшер Андрей Изотов. Должность младшего иркутского окружного лекарско-го ученика по 7 июня исполнял Константин Черепанов, с июня – фельдшер Всеволод Бородин (уволен в июле), затем с июля по 1 сентября – писарь Иннокентий Салтыков, с 1 по 22 сентября – политический ссыльный Селиверст Тарасевич, с 22 сентября по 2 октября – фельдшер Андрей Изотов, с 2 октября по 25 октября – старший служащий контрольного банка Антушевич, с 25 октября по декабрь – фельдшер Петр Баулин» (ГАИО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 4. Л. 54 об. – 55).

Проблему дефицита кадров низших медицинских чинов в Восточной Сибири администрация края на протяжении долгого времени пыталась решить за счет направлений стипендиатов на обучение в фельдшерские школы европейской России. Начало было положено в 1838 г., когда за счет средств Иркутского Приказа общественного призрения, вложенных в строительство мужской фельдшерской школы в Казани, было отправлено пять мальчиков-стипендиатов. Обучение каждого стипендиата обошлось Приказу в 898 руб. 92 коп. (Малоземова, 1961. С. 63). Эта мера по обеспечению региона медицинскими кадрами зарекомендовала себя как наиболее действенная и просуществовала на протяжении десятков лет. Формулярные списки фельдшеров XIX в. весьма информативны и красноречиво характеризуют фельдшерский состав Иркутской губернии:

1. Младший фельдшер Нижнеудинской гражданской больницы Аверьян Сергеев, 30 лет, православного вероисповедания, получал годовое содержание 120 руб. Выпускник Санкт-Петербургского воспитательного дома, профессиональное образование получил в Казанской фельдшерской школе за счет средств Иркутского Приказа общественного призрения, в 1866 г. был удостоен звания младшего фельдшера. С 2 октября 1866 г.

был принят в Иркутскую Кузнецовскую гражданскую больницу младшим фельдшером «до особого распоряжения», через 6 месяцев переведен в Нижнеудинскую гражданскую больницу младшим фельдшером. В 1873 г. за усердную службу получил в награду 20 руб. (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 20–22).

2. Младший фельдшер Туркинской гражданской больницы Иван Пуриков, 21 год, православно-го вероисповедания, годовое жалование 120 руб. Незаконнорожденный, имения не имел. Воспитывался в Казанской фельдшерской школе за счет средств Иркутского Приказа общественного призрения, по окончании курса был удостоен звания младшего фельдшера. На основании постановления Иркутского Приказа от 10 сентября 1873 г. Пуриков был назначен фельдшером в Иркутскую гражданскую больницу. Спустя 3 месяца, переведен на службу в Туркинскийскую гражданскую больницу. В 1875 г., на основании ст. 545 Устава Врачебного т. XIII Свода законов, издания 1857 г., за усердную службу был награжден единовременной выплатой в сумме 15 руб. (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 34–37).

3. Старший фельдшер Иркутской гражданской больницы Василий Еньков, 23 лет, православного вероисповедания, годовое жалование 180 руб. Из чиновнических детей. Имения не имел. Воспитанник Казанской фельдшерской школы за счет средств Иркутского Приказа в 1871 г. подтвердил публичный экзамен в присутствии старшего врача Казанской городской земской больницы, профессора Казанского университета Козлова, помощника губернского медицинского инспектора Финдемана и инспектора фельдшерской школы доктора Козак. Согласно ст. 658 Устава Врачебного т. XIII Свода законов, издания 1857 г., и по заключению экзаменационной комиссии Енькову было присуждено звание старшего фельдшера, что и было утверждено губернской земской управой. По постановлению Иркутского Приказа от 24 января 1872 г. № 97 Еньков был назначен старшим фельдшером Иркутской Кузнецовской гражданской больницы. В 1875 г. за усердную службу он был удостоен награды в 25 руб. (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 67–68).

4. Старший фельдшер при Туркинских минеральных водах, Евгений Попов, 25 лет, православного вероисповедания, годовое жалование 180

руб. Из казачьих детей. Воспитанник Казанской фельдшерской школы за счет средств Иркутского Приказа общественного призрения (1866 г.) (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 122–125).

5. Младший фельдшер Иркутской Кузнецовской гражданской больницы Александр Воронцов, 21 год, православного вероисповедания, годовое содержание 120 руб. Сын пономаря, имений не имел. Обучался в Казанской фельдшерской школе, которую окончил 26 июня 1876 г. (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 179–180).

Вышеперечисленные данные формулярных списков фельдшеров демонстрируют не только успешную реализацию целевых направлений на обучение, но и «твердый» тариф фельдшерской должности: младший фельдшер – 120 руб. годового содержания, старший – 180 руб. в год. На примере записи формулярного списка старшего фельдшера Енькова, мы прослеживаем процедуру экзамена на присвоение медицинского звания. Законодательно это закрепилось с 1860-х гг. и в зависимости от степени успешности сдачи выпускных экзаменов юноши утверждались в звании младшего или старшего фельдшера. «Казеннокоштные» выпускники обязывались проработать в приказных больницах не менее 6 лет³.

Перед фельдшерами, не связанными стипендиями с государственными учреждениями, открывались возможности работать по приглашению городских самоуправлений, учебных и благотворительных заведений, частных лиц. Е.М. Смирнова в своем исследовании приводит примеры подобного выбора в Ярославской губернии (Смирнова, 2014b). В Восточной Сибири наиболее привлекательными местами для работы фельдшера по найму были фабрики или прииски, преимущества состояли в практическом отсутствии врачебно-инспекторского надзора и повышенной оплате труда.

Как говорилось выше, удаленность населенных пунктов Восточной Сибири создавала сложности для осуществления контроля со стороны медицинских чинов Врачебной управы. Ревизии населенных пунктов на предмет санитарно-медицинского состояния входили в обязанности инспектора Врачебной управы. После введения

должностей окружных сельских врачей в 1865 г. они стали инспектировать сельские населенные пункты. Но, так как соляные или золотодобывающие прииски находились на значительном удалении, совершать регулярные объезды приисков не представлялось возможным. Управляющие приисками не стремились поощрять визиты окружного сельского врача, замечания за нарушения грозили штрафами и административной волокитой, все это порождало попустительское отношение к исполнению фельдшерских обязанностей, а зачастую наем врача или фельдшера шел в обход учетным журналам Врачебной управы.

В июле 1895 г. Нижнеудинский окружной сельский врач В.П. Никитенко, инспектируя округ, добрался до Бирюсинских приисков. Опуская санитарно-бытовое описание жилищ рабочих, приведем пример, характеризующий исполнение медицинских обязанностей персоналом. Администрация приисков заверила Никитенко, что у них есть врач, некто Курбановский, но, как пишет Никитенко, по сведениям ежегодного Российского медицинского списка врачей, зубных врачей, фармацевтов за 1894 г. и 1895 г. такого врача не значилось. Окружной сельский врач сделал вывод, что «в сущности, никакого врача нет, и все население Бирюсинских приисков пользуется фельдшерской помощью». Фельдшеров было два, но В.П. Никитенко удалось проинспектировать только одного, о втором запись была сделана со слов управляющего приисками, без подтверждающих документов (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 163. Л. 52–54). Представляем сведения, из отчета В.П. Никитенко, характеризующие фельдшеров:

1. Фельдшер при больнице на Бирюсинском прииске А. Павлинский. Экзаменовался в Томской Врачебной управе, подтверждено аттестатом старшего фельдшерского ученика от 20 декабря 1867 г. за № 2249. На момент проверки фельдшер занимался практикой на Преображенском, Покровском, Сергеевском, Троицком и Ново-Успенском приисках. Иных обязанностей, кроме фельдшерских, не имел. Получал годовое содержание 600 руб. и проживал в предоставленной квартире.

2. Фельдшер Богуцкий. Подтверждение фельдшерского образования не удалось получить, со слов управляющего, Богуцкий занимался практикой на 3 соседних приисках, совмещал обязанности

³ Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 2-е. ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. VII. № 5715.

фельдшера и смотрителя за промывкой золота. Получал ежемесячное жалование (включая зимний период) в размере 50 руб.

Низкий уровень медицинской помощи, постоянный дефицит профессиональных медиков, высокая детская смертность, тяжелейшие последствия «повальных» болезней – все это было главными основаниями в череде ходатайств администрации Восточно-Сибирского региона перед МВД о решении вопроса подготовки медицинских кадров для Восточной Сибири местными силами. Отставание Восточной Сибири от Центральной России и в этом вопросе было значительным, т. к. в европейской части страны с 1829 г. стали открываться фельдшерские школы при крупных больницах Приказов общественного призрения, т. е. для гражданского населения; а в 1838 г. приказом Военного ведомства было введено «Положение о фельдшерских школах при военных госпиталях». Этот документ определил принципы и направления подготовки военных фельдшеров, госпитальные лекарские школы при крупных военных госпиталях в Москве, Киеве, Тифлисе, Казани были преобразованы в фельдшерские школы.

Попытки местной администрации «продавить» этот вопрос затянулись на несколько лет:

– в 1845 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт обратился в МВД с просьбой начать подготовку местных кадров;

– в 1857 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский направил ходатайство об учреждении фельдшерской школы в Иркутске;

– в 1874 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников поднял вопрос перед Медицинским департаментом МВД о целесообразности иметь учреждения для подготовки фельдшерских команд.

Но только в 1870-х гг. в крупных городах Восточной Сибири начали появляться учреждения по подготовке медицинского персонала, низших медицинских чинов:

В 1872 г. при Читинском военном госпитале была открыта военно-фельдшерская школа. Обучались в ней преимущественно дети казаков, направленные по решению станичного схода. Ежегодный набор составлял 20–30 чел.: «казеннокоштные», обязанные 6 лет работать в медицин-

ских учреждениях военного ведомства и «свехкомплектные», обучавшиеся на платной основе. В 1905 г. Читинская школа была закрыта и в дальнейшем фельдшерские кадры пополнялись за счет выпускников Иркутской или С.-Петербургской военно-фельдшерских школ по целевым направлениям (Петряев, 1963. С. 184).

В 1876 г. в Красноярске была открыта акушерская школа с родильным приютом для детей (Долитович, 2005. С. 175). Часть учениц были крестьянскими стипендиатками от сельских обществ. Однако в 1888 г. школа была закрыта. Только благодаря Обществу врачей Енисейской губернии Красноярская женская фельдшерская школа вновь начала действовать в 1883 г. Финансовое содержание школы осуществлялось за счет попечения Общества врачей и частных пожертвований (Кискидова, 2019. С. 151).

В 1877 г. в результате ходатайства губернатора Якутской области началось обучение 5 казаков, состоящих на службе, под руководством врача Якутской гражданской больницы и медицинского инспектора Якутской области (ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 71). Подготовка шла для казачьих команд, располагавшихся в Олекминском, Вилюйском, Верхоянском, Среднеколымском округах. Мужская фельдшерская школа в Якутске была открыта в 1906 г.

В 1878 г. открылась Читинская повивальная школа с 3-годовалным сроком обучения. Учреждение содержалось за счет Забайкальского казачьего войска. Ежегодно школа выпускала от 4 до 7–8 акушеров. В 1888 г. школа была закрыта (Батоев, 2011; Батоев, 2018; Грудзинская, 1955). Нестабильность деятельности фельдшерских школ была типичной для рассматриваемого периода (Кузьмин, 2003).

В 1879 г. учреждена Иркутская военно-фельдшерская школа при Иркутском военном госпитале. Первоначально школа была рассчитана на 60 человек. К приему допускались сыновья офицеров, классных чиновников военного ведомства и нижних чинов в возрасте от 13 до 17 лет. Подростки других сословий принимались на обучение при наличии свободных мест. В 1890 г. в Иркутской военно-фельдшерской школе насчитывалось 85 человек воспитанников, из них 60 человек проживали в школе и 25 были приходящими. По сословиям

воспитанники распределялись так: детей дворян и чиновников – 12, духовного звания – 1, купеческого сословия – 1, мещан и разночинцев – 40, крестьян и казаков – 21, нижних чинов – 10 (Орлова, 2022. С. 145). За первые 27 лет учебным заведением был подготовлен 301 фельдшер, выпускники школы служили в воинских командах Иркутского, Забайкальского, Приамурского гарнизонов (Гайдаров, Маевская, 2019. С. 32).

В 1892 г. при Иркутской Кузнецовской гражданской больнице была учреждена Центральная школа фельдшерниц Восточной Сибири с 3-летним курсом обучения. Изначально деятельность школы была под контролем инспектора Иркутской Врачебной управы, с 1895 г. после реформирования системы управления надзорные функции перешли губернскому врачебному инспектору. Содержание школы осуществлялось за счет средств Иркутского генерал-губернатора и платы за обучение. Согласно требованиям, на обучение принимались лица женского пола всех званий, не моложе 16 лет и не старше 30, окончившие не менее 4 классов женской гимназии или прогимназии, здоровые и крепкого телосложения, способные исполнять обязанности фельдшера (Орлова, 2022. С. 148).

Для Восточной Сибири XIX в. стал определяющим в попытке сформировать профессиональный подход к оказанию населению квалифицированной медицинской помощи. Основным фактором для перманентного существования этой проблемы был дефицит медиков-профессионалов всех уровней. Методы и мероприятия, направленные на увеличение штата вспомогательного медицинского персонала, были различными и по степени привлечения ресурсов, и по эффективно-

сти. Наиболее действенным и гарантированным средством восполнения штата низших медицинских чинов стало учреждение фельдшерских школ разного уровня (военного, гражданского). Как отмечает Т.В. Демидова, назначение военно-фельдшерских школ состояло в том, чтобы «выпускаемые из них фельдшеры могли быть как в мирное, так и в военное время надежными помощниками врачам», при лечении больных и подавании пособия раненым на поле сражения (Демидова, 2021. С. 55). При этом в уставах гражданских фельдшерско-акушерских школ Восточной Сибири основной целью было оказание сельскому населению рациональной помощи посредством подготовки женского фельдшерского персонала, который призван заменить низшие медицинские должности на селе (Груздев, 1910). К концу рассматриваемого периода оформление низших медицинских чинов в социальную профессиональную группу способствовало созданию профессиональных сообществ. Так, в 1898 г. в МВД было направлено прошение об утверждении Устава Общества взаимного вспомоществования помощников врачей в Иркутске, которое было удовлетворено 31 июля 1901 г. Целью подобных обществ была выдача ссуд и пособий нуждающимся членам и их осиротевшим семьям, ходатайство об улучшении положения фельдшеров и т. д. (Орлова, 2016. С. 341). С учетом особенного статуса губерний и областей Восточной Сибири границы между ведомственной медициной и гражданской медициной зачастую размывались, поэтому создание образовательных учреждений по подготовке фельдшеров автоматически означало создание условий для подготовки профессионалов для региона в целом.

Список источников

Батоев С.Д. Состояние родовспоможения и медицинской помощи детям в Бурятии до 1917 г. // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2011. № 1–2 (77). С. 201–204. EDN: ОННХНВ.

Батоев С.Д. Военная медицина дореволюционного Забайкалья // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 403–411. DOI: 10.17720/2409-5583.t4.4.2017.04d. EDN: ХОПILB.

Батоев С.Д. Зарождение профессиональной акушерско-педиатрической помощи в дореволюционном Забайкалье // История медицины. 2018. Т. 5. № 1. С. 49–59.

References

Batoev S.D. (2011) Status of the obstetrics and children's medical aid in Buryatia before 1917. *Byulleten' VSNTs SO RAMN = Bulletin of the All-Russian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences*. No. 1(77). Pt. 2. P. 201-204. (In Russ.). EDN: ОННХНВ.

Batoev S.D. (2017) Military medicine of pre-revolutionary Transbaikalia. *Istoriya meditsiny = History of Medicine*. Vol. 4. No. 4. P. 403-411. (In Russ.). DOI: 10.17720/2409-5583.t4.4.2017.04d. EDN: ХОПILB.

Batoev S.D. (2018) The rise of professional obstetric and pediatric care in the pre-revolutionary Transbaikal region. *Istoriya meditsiny = History of Medicine*. Vol. 5. No. 1. P. 49-

DOI: 10.17720/2409-5583.t5.1.2018.05e. EDN: USUQGE.

Гайдаров Г.М., Маевская И.В. Об истории медицинского образования в Сибири // Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного медицинского университета (1919–2019). В 2-х т. Т. 2. Иркутск, 28 ноября 2019 года / под общей редакцией Г.М. Гайдарова. Иркутск : ИНЦХТ, 2019. С. 32–35. EDN: VKYBRU.

Груздев В.С. Краткий очерк истории акушерства и гинекологии в России // Акушерско-гинекологические учреждения России. СПб. : Гос. тип., 1910. С. 5–76.

Грудзинская Е.С. К истории повивальных и акушерско-фельдшерских школ Сибири // Акушерство и гинекология. 1955. № 1. С. 74–79.

Демидова Т.В. История среднего медицинского образования в Иркутской губернии. Военно-фельдшерская школа // Медицинская сестра. 2021. Т. 23. № 1. С. 53–56 DOI: 10.29296/25879979-2021-01-10. EDN: QCORXG.

Демидова Т.В. Фельдшерская служба в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX веков: функции, условия труда, социальные льготы // Труды по истории медицины. Opera medica historica: альманах / Российское общество историков медицины ; отв. ред. К.А. Пашков. М. : М-Принт, 2022. Вып. 6. С. 174–178.

Долидович О.М. Красноярская женская фельдшерская школа (к истории создания и деятельности) // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений (Красноярск, 1–4 ноября 2004 г.). Красноярск : ГУНБ Красноярского края, 2005. С. 174–178. EDN: YPCLBS.

Кискидосова Т.А. Профессиональное образование в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских газет) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 143–154. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-143-154. EDN: TEKYJB.

Крутовский В.М. Очерк истории Общества врачей Енисейской губернии за 25 лет. 1886–1911. Красноярск : Тип. Абалкова, 1911. 195 с.

Кузьмин В.Я. Подготовка медиков России в XVIII – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 108–111. EDN: VUQPBV.

Малоземова А.И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1961. 180 с.

59. (In Russ.). DOI: 10.17720/2409-5583.t5.1.2018.05e. EDN: USUQGE.

Gaidarov G.M., Maevskaya I.V. (2019) On the history of medical education in Siberia. *Aktual'nye voprosy obshchestvennogo zdorov'ya i zdruvookhraneniya na urovne sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1919-2019). V 2-kh t. T. 2. Irkutsk, 28 noyabrya 2019 goda = Current issues of public health and healthcare at the level of the constituent entity of the Russian Federation: materials of the All-Russian scientific and practical conference devoted to the 100th anniversary of the Irkutsk State Medical University (1919-2019). In 2 vol. Vol. 2. Irkutsk, November 28, 2019. P. 32-35. Irkutsk: Irkutsk Scientific Center of Surgery and Traumatology. In 2 vol. Vol. 2. P. 32-35. (In Russ.). EDN: VKYBRU.*

Gruzdev V.S. (1910) A brief outline of the history of obstetrics and gynecology in Russia. *Obstetrics and gynecology institutions of Russia. St. Petersburg: State typ. P. 5-76. (In Russ.).*

Grudzinskaya E.S. (1955) On the history of midwives and obstetrician-paramedic schools in Siberia. *Akusherstvo i ginekologiya = Obstetrics and Gynecology. No. 1. P. 74-79. (In Russ.).*

Demidova T.V. (2021) History of secondary medical education in the Irkutsk region. *Military paramedic school. Meditsinskaya sestra = Nurse. Vol. 23. No. 1. P. 53-56. (In Russ.). DOI: 10.29296/25879979-2021-01-10. EDN: QCORXG.*

Demidova T.V. (2022) Parental service in Eastern Siberia at the border of the 19-20 centuries: functions, working conditions, social benefits. *Trudy po istorii meditsiny. Opera medica historica: Al'manakh = Works on the history of medicine. Opera medica historica: Almanac. Moscow: M-Print. Iss. 6. P. 174-178. (In Russ.).*

Dolidovich O.M. (2005) Krasnoyarsk women's paramedic school (on the history of creation and activities). *Krasnoyarskii krai - 70 let istoricheskogo puti: materialy V kraevedcheskikh chtenii (Krasnoyarsk, noyabr' 2004 g.) = Krasnoyarsk region - 70 years of historical path: materials of the V local history readings (Krasnoyarsk, November 2004). Krasnoyarsk: GUNB of the Krasnoyarsk Territory. P. 174-178. (In Russ.). EDN: YPCLBS.*

Kiskidosova T.A. (2019) Vocational education in the cities of the Yenisei province in the second half of the 19th - early 20th centuries (on materials of Siberian newspapers). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. P. 143-154. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-143-154. EDN: TEKYJB.*

Krutovskii V.M. (1911) Essay on the history of the Society of Doctors of the Yenisei Province for 25 years. *Krasnoyarsk: Typ. Abalkova. 194 p. (In Russ.).*

Kuz'min V.Ya. (2003) Training of Russian physicians in XVIII - beginning of XX centuries. *Vestnik OGU = Bulletin of OSU. No. 4. P. 108-111. (In Russ.). EDN: VUQPBV.*

Malozemova A.I. (1961) From the history of healthcare in the Irkutsk region. *Irkutsk. 180 p. (In Russ.).*

Орлова И.В. Профессиональные медицинские сообщества в Восточной Сибири XIX века // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. С. 339–343. EDN: VRIEZJ.

Орлова И.В. Хроника провинциальной медицины: Иркутск и его окрестности в досоветский период. Иркутск : Репроцентр +, 2022. 336 с. EDN: NHXAJ5.

Петряев Е.Д. Госпитальные школы Нерчинских заводов // Труды научной историко-медицинской конференции Урало-Сибирских областей, 1962. Пермь, 1963. Вып. 2. С. 182–184.

Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII – середина XIX в.) // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 6–19. EDN: NUMKBD.

Смирнова Е.М. Врачебная управа и подготовка медицинских кадров // Высшее образование в России. 2014а. № 3. С. 140–145. EDN: RZIUNV.

Смирнова Е.М. Фельдшерский персонал в дореволюционной России (по материалам Ярославской губернии) // European Social Science Journal. 2014б. № 4–2 (43). С. 365–371. EDN: SJEDPF.

Шаламов В.А., Дамешек Л.М. Реформа сельско-врачебной части Восточной Сибири 1897 года: причины, основные положения, последствия // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 2. С. 5–12. DOI: 10.15372/HSS20180201. EDN: XQKRJZ.

Информация об авторе

Орлова Ирина Вячеславовна,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения, Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России,
664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1, Россия,
e-mail: irina_orlova7@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6897-7163>

Вклад автора

Орлова И.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2023 г.; одобрена после рецензирования 22 января 2024 г.; принята к публикации 5 февраля 2024 г.

Orlova I.V. (2016) Professional medical societies in Eastern Siberia XIX century. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik = Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. P. 339-343. (In Russ.). EDN: VRIEZJ.

Orlova I.V. (2022) Chronicle of provincial medicine: Irkutsk and its surroundings in the pre-Soviet period. Irkutsk: Reprocenter +. 336 p. (In Russ.). EDN: NHXAJ5.

Petryaev E.D. (1963) Hospital schools of Nerchinsk factories. *Trudy nauchnoi istoriko-meditsinskoi konferentsii Uralo-Sibirskikh oblastei, 1962 = Proceedings of the Scientific Historical and Medical Conference of the Ural-Siberian regions, 1962*. Perm. Iss. 2. P. 182-184. (In Russ.).

Smirnova E.M. (2011) "Medical ranks" in the Russian province (XVIII - mid-XIX century). *Novyi istoricheskii vestnik = New Historical Bulletin*. No. 2 (28). P. 6-19. (In Russ.). EDN: NUMKBD.

Smirnova E.M. (2014a) Medical board and medical training. *Vysshee obrazovanie v Rossii = High Education in Russia*. No. 3. P. 140-145. (In Russ.). EDN: RZIUNV.

Smirnova E.M. (2014b) Paramedics staff in pre-revolutionary Russia (based on Yaroslavl province). *European Social Science Journal*. No. 4-2 (43). P. 365-371. (In Russ.). EDN: SJEDPF.

Shalamov V.A., Dameshek L.M. (2018) Reform of rural medicine in Eastern Siberia in 1897: reasons, fundamentals, consequences. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. Vol. 25. No. 2. P. 5-12. (In Russ.). DOI: 10.15372/HSS20180201. EDN: XQKRJZ.

Information about the author

Irina V. Orlova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Public Health and Healthcare, Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
1, Krasnogo Vosstaniya St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: irina_orlova7@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6897-7163>

Contribution of the author

Orlova I.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 28, 2023; approved after reviewing January 22, 2024; accepted for publication February 5, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(571.5)
EDN: NARUUC
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-97-107

Появление Яна Черского в Сибири и Иркутске: обзор и анализ литературных версий

А.Д. Калихман

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», г. Иркутск, Россия

Аннотация. История появления в Сибири и начала работы Яна Черского в Иркутске под эгидой Сибирского отдела Императорского Русского географического общества содержит до настоящего времени целый ряд пробелов. Причинами их являются практически полное отсутствие сохранившихся записей Яна Черского, хронологически освещающих период 1863–1871 годов, а с другой стороны, наличие биографических описаний, появившихся уже после его ухода из жизни, включающих большое число документально не подтвержденных фактов. В статье дается обзор всех вышедших еще при жизни Черского литературных упоминаний о результатах деятельности в Иркутске, особенно в части теории происхождения озера Байкал. Также предпринята попытка внести ясность в нестыковки со временем появления Черского в Иркутске. Для обоснования времени появления Черского в Иркутске в начале 1871 года используются сведения, содержащиеся в изданных Сибирским отделом научных журналах в 1872 году, когда там выходили первые его публикации. Отдельно рассматриваются попытки историка С.Ф. Ковалева уточнить время прибытия Черского в Иркутск по архивным документам. Показана ошибочность прямолинейной трактовки архивных материалов, не позволяющая учесть реалии того времени. Специальный раздел посвящен «мифологии», связанной с появлением в научно-популярных изданиях советского времени идеологических штампов о Черском, как ученом-революционере и борце с царизмом. Высказана неприемлемость даже для художественных текстов домыслов, например, о встречах Яна Черского на этапе в Сибирь с такими известными польскими ссыльными, как Шимон Токаржевский, Александр Чекановский и Николай Витковский.

Ключевые слова: Ян Черский, Восточная Сибирь, Омск, Иркутск, Байкал, польский ссыльный, Русское географическое общество, Сибирский отдел, дневник Дыбовского, геология, остеология

Для цитирования: Калихман А.Д. Появление Яна Черского в Сибири и Иркутске: обзор и анализ литературных версий // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 97–107. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-97-107>. EDN: NARUUC.

History

Original article

The appearance of Jan Chersky in Siberia and Irkutsk: review and analysis of literary versions

Arkady D. Kalikhman

Federal State Budgetary Institution “Zapovednoe Pribaikalie”, Irkutsk, Russia

Abstract. The history of the appearance in Siberia and the beginning of the work of Jan Chersky in Irkutsk under the auspices of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society contains to date a number of gaps. The reasons for them are the almost complete absence of surviving records of Jan Chersky chronologically covering the period of 1863-1871, and on the other hand, the presence of biographical descriptions that appeared after his death, including a large number of documented facts. The article provides an overview of all literary references published during Chersky's lifetime about the results of activities in Irkutsk, especially in terms of the theory of the origin of Lake Baikal. An attempt has also been made to clarify inconsistencies with the time of Chersky's appearance in Irkutsk. To substantiate the time of Chersky's appearance in Irkutsk at the beginning of 1871, information contained in scientific journals published by the Siberian Department in 1872, when his first publications were pub-

lished there, is used. The attempts of the historian S.F. Koval are considered separately to clarify the time of Chersky's arrival in Irkutsk according to archival documents. The fallacy of the straightforward interpretation of archival materials, which does not allow taking into account the realities of that time is shown. A special section is devoted to the "mythology" associated with the appearance in popular scientific publications of the Soviet era of ideological clichés about Chersky as a revolutionary scientist and fighter against Tsarism. It is stated that speculation is unacceptable even for literary texts, for example, about meetings of Jan Chersky on the stage to Siberia with such famous Polish exiles as Shimon Tokarzhevsky, Alexander Chekanovsky and Nikolai Vitkovsky.

Keywords: Jan Chersky, Eastern Siberia, Omsk, Irkutsk, Baikal, Polish exile, Russian Geographical Society, Siberian department, diary of Dybovsky, geology, osteology

For citation: Kalikhman A.D. (2024) The appearance of Jan Chersky in Siberia and Irkutsk: review and analysis of literary versions. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 97-107. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-97-107>. EDN: NARUUC.

Введение

В Сибири и Иркутске Ян Черский стал известен со времени его осуждения и ссылки за участие в Январском восстании 1863 года в Польше. В двадцатом веке о жизни великого ученого было написано немало книг. Содержание их оказывалось весьма далеким от пожелания, высказанного А.Н. Граниной еще в 1953 году в очерке «Исследователь Сибири И.Д. Черский», помещенном в журнале «Новая Сибирь»: «И все таки составление следующей книги о Черском, подробной и душевной, освещающей все стороны деятельности этого необыкновенного ученого, – долг иркутян» (Гранина, 1953. С. 196). Представляемая статья могла бы внести некоторый вклад в исполнение упомянутого долга.

Из биографических описаний

Обращаясь к биографии Яна Черского, важно разделять описания его жизни и факты, документально подтвержденные в отчетах и журналах Сибирского, а затем Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (СО ИРГО), научных статьях от литературных описаний, свободных от строгости изложения событий и содержащих художественные вымыслы и вольные интерпретации известных историй.

Бенедикту Дыбовскому принадлежит наиболее достоверный биографический очерк о Яне Черском, включенный в книгу «О Сибири и Камчатке», изданную в 1900 году, наряду с очерками о хорошо знакомых и близких ему ссыльных поляках Игнаци Эймилере, Станиславе Вронском, Иосифе Лаговском и Александре Чекановском. На русском языке очерк о Яне Черском приведен в полном переводе с польского автором статьи в 2021 г. в

сборнике «Дневники Дыбовского: О Сибири и Камчатке» (Дыбовский..., 2021). Очерк, однако практически не содержит сведений о родителях и детских годах. Дневников Черский не вел, а в научных трудах редко встречались описания бытового характера. В переписке Яна Черского какие-либо упоминания из жизни до 1863 года отсутствовали.

Биографии Яна Черского в официальных изданиях не изобилуют подробностями и деталями, а также отражением малозначимых событий. Скудность сведений о жизни до попадания в Сибирь оказалась особенно заметна по содержанию некрологов после его неожиданной смерти. Практически все биографы повторяли, что родился он 3 мая 1845 года в родовом имении Сволна Дриссенского уезда Витебской губернии, обучался сначала в Виленской гимназии, а затем в Виленском шляхетском институте. В последний год пребывания в институте началось польское восстание 1863 г., к которому он примкнул.

При жизни Яна Черского о нем упоминали его современники Бронислав Рейхман и Зигмунд Либрович. В изданной на польском языке в 1881 году в Варшаве книге «С Дальнего Востока» с указанием на русском «Дозволено Цензурою» Рейхман писал: «Прежде, чем покинуть Байкал, в нескольких словах познакомлю читателей с итогом работ г. Черского по геологии Байкала. Четырехлетние исследования показали, что Священное море располагается в древнейшей лаврентьевской формации. Относительно происхождения гигантской котловины наш соотечественник опроверг известные прежде гипотезы, полагавшие, по причине частых землетрясений, что впадина имеет вулканическую природу. Наш соотечественник напротив выдвигает близкую современному научному подходу теорию

об образовании котловины вследствие опускания пластов при боковых воздействиях. Окончательно теория еще не создана и не известна в Европе. Но мы надеемся, что она принесет славу приемнику Чекановского. Так что имена польских ученых будут навсегда вписаны в историю науки о Байкале» (Rejchman, 1881. S. 137).

Зигмунд Либрович занимался в Петербурге литературной деятельностью с 1875 года, а умер уже в Петрограде в 1921 году (Шостакович, 2015. С. 156). Либрович в изданной в 1884 году в Кракове на польском языке книге «Поляки в Сибири», запрещенной для распространения в России, особенно в Сибири, писал: «За Дыбовским и Чекановским следовал ряд польских натуралистов, научные исследования которых позволили им навсегда вписать свои имена в познание природы Сибири. Большинство из них было из ссыльных. Ян Черский, консерватор коллекций музея Географического общества в Иркутске, по сей день продолжает интенсивные исследования по геологии и палеонтологии Восточной Сибири, публикуя свои работы преимущественно в «Записках Географического общества». В течение ряда лет Черский работает над созданием теории образования озера Байкал, пытаясь доказать, что его котловина образовалась в результате оседания пластов вследствие бокового воздействия. Эта теория еще не до конца разработана, по словам Рейхмана, и Европа, вероятно, с ней еще не знакома; однако следует ожидать, что он вскоре принесет преемнику Чекановского славу, которой достиг его предшественник» (Librowicz, 1884. S. 313-314).

В России единственное при жизни Черского описание его деятельности было опубликовано во время следования из Иркутска в Петербург. В еженедельной газете города Томска «Сибирская газета» за 11 августа 1885 года в рубрике «Городские известия» А. Адрианов сообщал: «На этих днях проехал через Томск ученый геолог И.Д. Черский. Если мы не привыкли еще дорожить учеными силами, работающими в Сибири, и следить за их исследованиями, то полезно, по крайней мере, вспомнить о них, когда они покидают край. И.Д. Черский, уроженец Вильны. Он попал в Сибирь по восстанию 63 г. и был разжалован в рядовые Сибирск. линейн. батальона. В этом звании он пробыл 6 лет в Омске, занимаясь исключительно

геологией и исследованиями окрестностей Омска. Затем он перебрался в Иркутск, где надеялся лучше приложить свои силы при помощи Отдела Географич. Общ. В течение нескольких лет он занимался здесь исследованиями физико-географических условий происхождения Байкала и его геологического строения, что составляет предмет обширной монографии. Работая в отделе, он, однако, встретил, как и многие из лучших работников, группировавшихся около отдела, противодействие со стороны бывшего правителя дел Отдела А-а, который не стеснялся тормозить печатание работ Черского. Тем не менее, редкая книжка известий Иркутского Отдела выходила без очередной статьи или заметки Черского, работавшего здесь с конца 60-х годов. Теперь И.Д. Черский, положивший лучшие годы жизни на исследования в Сибири, больной и бедняк, едет из Иркутска в Петербург, на средства нашей Академии Наук. Ему поручено составить геологический маршрут от Иркутска до предгорий Урала, где уже сделаны изыскания местными инженерами-геологами. Маршрут этот даст в результате профиль Сибири по главному ее тракту, профиль тем более любопытный в научном отношении, что за составление его взялся опытный и вполне научно-подготовленный геолог. – На пути г. Черский осмотрел коллекции в разных городах у любителей и людей, занимающихся наукой. Особенно богатыми он нашел коллекцию костей г. Савенкова, директора Красноярской учит. семинарии, и Минусинского музея» (Городские известия // Сибирская газета (Томск), 1885. № 32. 11 авг. С. 4).

Кроме связанных со смертью в 1892 г. некрологов, обращения к биографии Черского появились в 1896 году во второй части книги «История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895». Вице-председатель общества П.П. Семенов вспоминал: «Но самым ревностным и самым продолжительным исследователем Окологбайкалья из лиц, принадлежавших к одной группе с Чекановским и Дыбовским, оказался И.Д. Черский. Попал он в Сибирь в самом юношеском возрасте и постепенно работал под руководством таких уже опытных ученых, какими были Чекановский и Дыбовский, и под покровительством Сибирского Отдела Общества в превосходного наблюдателя, талантливого естествоиспытателя и неутомимого путешественника.

Научные исследования И.Д. Черского в Восточной Сибири начались в 1871 г., когда руководя осенью, вместе с А.Л. Чекановским, раскопками, предпринятыми при постройке нового военного госпиталя на берегу Ушаковки, притока Ангары, Чл. Сиб. Отд. В.А. Бельцовым, он описал как открытые Бельцовым при этих раскопках орудия каменного периода, так и кости животных. Затем остеология находимых в Сибири вымерших животных сделалась специальностью И.Д. Черского и таким остеологическим исследованиям он посвятил несколько статей в «Известиях» Сибирского Отдела» (История полувековой..., 1896. С. 621–622).

В большой статье Г.И. Поплавской в журнале «Землеведение» за 1915 год под названием «Вклад поляков в дело изучения Байкала» выделялись описания деятельности Дыбовского, Чекановского и Черского с их портретами и перечнями основных трудов. Наиболее драматичный текст посвящался последнему: «Ян Черский (Jan Czernski) прямо со школьной скамьи в 1863 г., увлеченный польским движением, был закинут далеко от родного края в суровую Сибирь, в Амурский батальон города Благовещенска. Родился Черский в 1845 г. в Витебской губ. Среднее образование получил в Вильно в Дворянском институте. Черский, в одежде «рекрута», был отправлен на место ссылки тоже по этапу. На скудные остатки своего капитала Черский откупился и был оставлен в Омске, как рядовой солдат крепостного батальона. Весь этот тяжелый период Черский посвятил самообразованию. В грязной, темной лачуге, бывшей бане военного лазарета, при небольшой восковой свече, целые ночи просиживал Черский над изучением естественных наук, начиная с астрономии и кончая антропологией. Дни же ему приходилось посвящать заработкам. Дослужившись до чина «фельдфебеля», Черский просил разрешения поступить в Казанский университет, но получил отказ. Разочарованный и убитый отказом, Черский переехал в Иркутск, где встретил Чекановского, Дыбовского, Годлевского и др. Первые шаги Черского в Иркутске были направлены к правителю дел Сибирского Географического общества. Черский рассказал ему свое «*curriculum vitae*» и просил разрешения пользоваться коллекциями и библиотекой Общества. Правитель дел Общества, полковник Усольцев, обещал ему всякое содействие, и, действительно,

скоро Черский был назначен консерватором геологического кабинета, с жалованием в 300 руб. в год» (Поплавская, 1915. С. 78–79).

В иной тональности о времени 1867 года говорится в мемуарах Г.Н. Потанина, публиковавшихся в томской газете «Сибирская жизнь». В одном из номеров 23 марта 1914 года он писал: «В это же время меня познакомили с Черским. Этот молодой человек, оставив дворянский институт в Вильно, пошел в повстанцы, был взят в плен, присужден к отдаче в солдаты и очутился в омском батальоне. В то время Омск был переполнен польскими повстанцами; было много польских семейных домов, в которых собиралась молодежь, устраивались танцы, пели революционные песни. Черский, получивший в дворянском институте чисто светское образование, усердно посещал польские вечеринки, танцевал, интересовался дамским обществом; но потом его платье поветшало до того, что ему стало стыдно появляться в светском польском обществе; новое же завести было не на что, получение денег из Польши затянулось. Черский решил не посещать польских домов и сидеть безвыходно в казарме до тех пор, пока не пришлют денег с родины. Чтобы не было в казарме скучно, он стал брать книги в офицерской библиотеке. В дворянском институте естественная история совсем не читалась. Перед ним открылась совсем новая и обширная область знания, так как офицерская библиотека была составлена преимущественно из книг естественной истории. Учение Дарвина было для него ошеломляющей новостью; особенно на него сильное впечатление произвела книга петербургского профессора Куторги «История земной коры». Ранее он не имел никакого понятия о геологических теориях; не знал что такое формация. От геологии он перешел к астрономии, добыл подзорную трубу и начал смотреть с балкона в небо. За время своего добровольного заточения в казармах он проглотил целый ряд книг, вроде Дарвина, Фохта, Льюиса, Молашота, Тиндаде и др. Под конец он стал в этой литературе 60-х годов более осведомленным, чем кто-либо из офицеров омского батальона. Надо было пополнить библиотеку, и офицерское общество поручило Черскому составить список новых книг. В то время я заинтересовался разрезами Иртыша около Омска. Раз в неделю мы ходили в торговую баню, которая была на берегу

Иртыша, на Кадышеве. Иногда нам приходилось ждать, пока освободятся номера. В это время я бродил вдоль яра и выкапывал из него рукой раковины и мелкие кости какого-то грызуна. Когда ко мне привели Черского, я попросил его пройти от Омска вниз по Иртышу до дер. Захламиной и вверх до Черемуховой и собрать остатки, залежавшие в ярах. Он это и сделал. Добычу свою приносил ко мне на гауптвахту, и в моей камере начал расти палеонтологический музей. Когда Катанаев поехал в Москву, чтобы поступить в земледельческую академию, я был в состоянии с ним отправить в московский университет коллекцию, состоявшую из двух видов раковин и одного вида грызуна. Москва не оказалась на высоте предъявленного ей требования. Она ответила, что коллекция ничего не представляет интересного. Но в Омск приехал академик Миддендорф, ехавший исследовать Барабу. Он отыскал Черского, забрал у него его коллекцию раковин и отправил берлинскому ученому Мартенсу. Коллекция бросила новый свет на геологию омских окрестностей. Раковины оказались принадлежащими к видам Корбуля и Унио, – это пресноводные роды, которые теперь около Омска не водятся; Унио нет в Западной Сибири, он появляется только в Забайкалье; омский Унио ближе всего к североамериканскому. Прежде думали, что равнина, на которой стоит Омск, была покрыта морем, соединявшим Ледовитый океан с Аральским, Каспийским и Средиземным морями. После коллекции Черского пришлось переменить взгляд на прошлое Омска; тут было не море, а большой пресноводный бассейн» (Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь (Томск), 1914, № 63. 23 марта. С. 3).

Воспоминания Потанина касались периода, когда он с мая 1865 года находился под следствием в омской тюрьме, а затем на гауптвахте до осуждения на каторжные работы в Свеаборгской крепости и гражданской казни на плацу Омской крепости 15 мая 1868 года. Свидетельства обращения академика Миддендорфа в Омске к Черскому и передаче ему собранных коллекций раковин, на пути его экспедиции в Барабинскую степь летом 1868 года, кажутся сомнительными. Черский в опубликованной позже в Иркутске статье «Очерк геогностического строения окрестностей г. Омска» указал, что «все найденные раковины отосланы

мною в С.-Петербург академику Миддендорфу» (Черский, 1872b. С. 114).

Переезд в Иркутск

Мотивы переезда Яна Черского в Иркутск достоверно не выяснены. В биографических описаниях, появившихся уже после смерти Яна Черского, его коллеги ученые и писатели по-разному излагали ключевой период в его жизни. Принципиальное различие отмечалось в дореволюционной и послеволюционной, или советской историографии, связанное как со временем появления в Иркутске, так и обстоятельствами переезда из Омска.

Н.М. Ядринцев в некрологе «Памяти Черского» в 1872 году вспоминал: «...он был освобожден от военной службы и переведен в Иркутск, где нашел дело при Сибирском отделе Императорского Русского географического общества» (Ядринцев, 1956. С. 351). Коллеги Черского по последним годам работы в Академии наук Ф.Н. Чернышев и С.Н. Никитин, повторяя слова Ядринцева, добавляли: «В конце 1871 г. Черский получил разрешение переселиться в Иркутск и, почти со дня приезда, стал работать при Сибирском отделе» (Чернышев, Никитин, 1892. С. 4). В кратком очерке, представленном на общем собрании Академии наук 7 ноября 1892 года, адъютант Ф.Д. Плеске, адресат последних сообщений Черского с Колымы, писал: «В 1871 г. Ив. Дем. получил разрешение переселиться в Иркутск; здесь он сразу сделался своим человеком в кружке поляков, известных своими естественно-историческими исследованиями» (Извлечения из протоколов..., 1893. С. 212)¹. В.А. Обручев в некрологе, подготовленном по его словам в 1892 году в отсутствие под руками изданий Черского, писал: «Свою геологическую деятельность в Сибири Черский начал исследованием окрестностей города Омска, произведенным в 1871 г.; летом 1873 г. он уже работал в Восточной Сибири, совершая трудное путешествие по Тункинским и Китойским альпам» (Обручев В.А., 1892. С. 1).

Противоречивые свидетельства биографов не всегда опирались на достоверные данные, а если и приводились документы, то некорректно интер-

¹ Извлечения из протоколов заседаний академии. Общее собрание. Заседание 7 ноября 1892 г. // Записки Императорской Академии наук, 1893. Т. 71. Кн. 1–2. С. 210–216.

претировались. Внести ясность в нестыковки со временем появления Черского в Иркутске позволяют сведения, содержащиеся в научных изданиях СО ИРГО, относящиеся к началу работы в Иркутске, и вышедшие в 1872 году.

В издании «Отчет о деятельности Сибирского отдела за 1871 год» в разделе «Частные труды членов Отдела» в шестом пункте сказано: «6) И.Д. Черский (консерватор музея) представил в Отдел: 1) сокращенный каталог по костям и скелетам млекопитающих животных, хранящихся в музее. 2) Статью «Очерк геогностического строения окрестностей г. Омска», местности, замечательной по богатству ископаемых, не найденных еще в исследованных до сих пор частях Аралобарабинского бассейна. Г. Черский разобрал вновь всю остеологическую коллекцию музея. В числе остатков сибирского носорога (*Rh. Tichorhinus*) г. Черский нашел в здешнем музее череп, принадлежащий особенному виду, отличающемуся полукостенелой носовой перегородкой ... Подробное описание этого вида было отослано в Императорскую Академию наук 20 октября сего года, куда по просьбе акад. Брандта будет своевременно отправлен и сам череп ... Пользуясь богатым остеологическим материалом, собранным гг. Дыбовским и Годлевским в окрестностях Байкала, г. Черский указал, в виде предварительного сообщения, на замечательное стремление здешних соболей к образованию уклонения, охарактеризованного прибавочным зубом ...» (Черский, 1872с. С. 32)².

Успеть выполнить за 1871 год подобный объем работы, прибыв в Иркутск только в конце года, невозможно. Кроме того, к перечисленным за год делам следует добавить участие Яна Черского вместе с Александром Чекановским в осенних раскопках, о чем сообщалось в статье Чекановского «Краткий отчет о результатах исследований в лете 1871 года» (Чекановский, 1872).

В собственной статье о раскопках Ян Черский строго датирует проведение раскопок: «Осенью

1871 г., при постройке нового военного госпиталя, на одной из гор правого берега Ушаковки (приток Ангары), вырыто несколько каменных стрел и изделий из мамонтовых бивней, вместе с пробуранными клыками оленя (*Cervus elaphus*). Обстоятельство это обратило на себя внимание члена Сибирского отдела географического общества В.А. Бельцова, которому, собственно, мы и обязаны этим открытием, а последовавшая за сим раскопка проводилась под поочередным наблюдением А.Л. Чекановского и моим, так как я принял на себя определение найденных костей. Но поиски наши продолжались лишь несколько дней: наступившая зима заставила прекратить работу» (Черский, 1872а. С. 167).

Таким образом, наиболее вероятно появление Яна Черского в Иркутске не позже начала 1871 года, а о получении должности консерватора свидетельствовали Известия в разделе «Журнал общего собрания Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 17-го марта 1872 года», где говорилось: «Правитель дел просил о восстановлении должности библиотекаря и консерватора, который с тем вместе, имея постоянное местопребывания в Музее, будет научным образом знакомить посетителей с имеющимися в нем коллекциями. Обязанность эту, с ответственностью за сохранность имущества Отдела, изъявил желание принять на себя г. Черский, который специально занимаясь остеологическими исследованиями, уже разработал научным образом коллекцию скелетов и костей млекопитающих животных и составил при этом особый каталог. Кроме исполнения обязанностей консерватора и библиотекаря, он будет заниматься также и перепиской текущих бумаг. Годовое жалование назначается тоже самое, которое полагалось и прежнему консерватору, т. е. по 300 руб. в год» (Журнал общего собрания..., 1872. С. 237)³.

Сохранение неопределенности о времени появления в Иркутске частично поддерживалось и самим Черским, который в вышедшей в 1872 статье «Очерк геогностического строения окрестностей г. Омска» привел следующую фразу:

² Черский И.Д. Составление каталогов остеологической коллекции Иркутского музея. Геогностические исследования окрестностей гор. Омска // Отчет о действиях Сибирского отдела Императорского русского географического общества за 1871 г. Иркутск : Типография Н.Н. Синицына, 1872с. С. 32–33.

³ Журнал общего собрания Сибирского отдела // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1872. Т. 3. № 4. С. 234–239.

«... наконец в 1871 г., поиски мои увенчались еще большим успехом и в том же пласте я вырыл четвертый шейный позвонок слишком хорошо сохранившийся, чтобы породить какое либо сомнение на счет его происхождения».

Бенедикт Дыбовский в своем дневнике, изданном в 1930 году, так описывал первую встречу в Иркутске с Яном Черским в 1871 году: «Перед праздником Масленицы получил письмо от Чекановского из Иркутска с просьбой как можно скорее приехать в город ... Поводом для моего приглашения в Иркутск был приезд Яна Черского из Омска ... Одежду Черского составлял черный бараний тулуп и валенки на ногах, и никакой другой одежды не было, как не было у него никаких денежных средств на ее приобретение; жилье и питание он получал за обучение детей хозяина, у которого жил ... Я посетил Черского в тот же день в его квартире, потребовав от него согласия принять из наших рук определенную сумму денег на одежду и нижнее белье, подарил ему баранью шубу» (Дневник Дыбовского..., 2020. С. 416).

Попытки уточнения

В 1960 году иркутский историк С.Ф. Коваль опубликовал статью «К биографии И.Д. Черского (новые материалы)» (Коваль, 1960). Автор статьи приводил сведения, якобы уточняющие время приезда в Иркутск: «И вот в такой обстановке к концу 1871 года Черский решил покинуть г. Омск и оказался в Иркутске» (Коваль, 1960. С. 377). Далее следуют выдержки из трех архивных документов. Первым по времени идет обращение генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанта А.П. Хрущова от 12 апреля 1871 г. к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову о письменной просьбе Черского на разрешение переехать в Иркутск «ввиду сотрудничества в Сибирском отделе Императорского Русского географического общества». Вторым является обращение управляющего первого отделения Главного управления Восточной Сибири П.А. Сиверса от 14 мая 1871 г. к Сибирскому отделу, «в какой степени может быть полезен Черский отделу при разрешении ему жительства в г. Иркутске». Третьим является ответ правителя дел Сибирского отдела корпуса военных топографов подполковника Усольцева от 25 мая 1871 г. «что Черский мог бы приехать в Ир-

кутск беспрепятственно, не рассчитывая, впрочем, на положительное получение пособия от Отдела к его существованию; труды же его, если будут уважительны, всегда примутся Отделом при известном вознаграждении» (Коваль, 1960. С. 378). Кроме указаний на три архивных документа, Коваль в статье без каких-либо ссылок приводит целый ряд спорных и недостоверных биографических суждений с использованием характерных для советского режима штампов типа «Черский попал в Сибирь по прихоти царского самодержавия за участие в революционно-демократическом выступлении в 1863 г. в Польше», или «благородный подвиг во имя науки ученого-революционера» (Коваль, 1960. С. 379). Формальные основания для уточнения времени появления Черского в Иркутске к концу 1871 года, приведенные в статье Коваля, логично опровергаются в книге Збигнева Вуйцека «Ян Черский», изданной в 1986 г. в Польше. В книге, в числе упомянутых выше доводов о фактической работе Черского в Иркутске в первой половине 1871 г., приводятся следующие рассуждения о возможных причинах в годичном расхождении времени приезда у Бенедикта Дыбовского, встретившего в Иркутске Черского и историка Коваля: «Так в чем противоречие? Создается впечатление, что Коваль упустил из виду некоторые реалии эпохи. У Черского в Омске было много близких друзей и действительно по доброму относившийся к нему жандармский полковник. Скорее всего, они и обеспечили его разрешением на проезд до Иркутска. Таким образом, уже после прибытия в Иркутск, он стал заниматься документальным оформлением перевода в Иркутск, начав с обращения к генерал-губернатору А.П. Хрущову. Завершились переводные формальности последним ответом правителя дел Сибирского отдела, где Черский уже находился в работе на добровольных началах по разбору коллекции музея отдела. Конечно, его могли отправить в какую-нибудь деревню недалеко от Иркутска, однако этого не произошло. Польские ссыльные из категории ученых также способствовали тому, чтобы Черский мог обустроиться и остаться в Иркутске» (Wójcik, 1986. S. 62, перевод с польского автора статьи).

Мифология

В изложениях биографии Яна Черского стали появляться неизвестные ранее подробности уже в

послереволюционной, или советской историографии. Советские авторы не только повторяли друг за другом ничем не подтвержденные факты, но старались внести в описание его жизни что-то собственное.

К одному из первых «мифов» следует отнести встречу на сибирском этапе Яна Черского с Александром Чекановским, о которой свидетельствовалось в 1952 г. в книге И.Г. Ревзина «Подвиг жизни Ивана Черского» (Ревзин, 1952). В разделе «Тобольск-Омск» автор так описал их знакомство осенью 1863 года: «На полпути к Омску, в Абацкой, что на Ишиме, партия остановилась на дневной отдых. Здесь Черский ближе познакомился с одним из ссыльных, который привлек его внимание с самого выхода из Тобольска. То был крепыш лет тридцати, высокий, красивый, с пышными усами. Фамилия его была Чекановский ... вскоре он узнал, что перед ним страстный натуралист» (Ревзин, 1952. С. 17). Не смутило Ревзина то, что Александр Чекановский проходил этапом упомянутые места в летнее время 1864 года, или через год после Черского. Печально, что в предисловии к книге В.А. Обручев, лично знавший Черского, также упоминает в начале своего текста о встрече с Чекановским на этапе. С.В. Обручев, сын В.А. Обручева, в редактируемом им в 1956 г. сборнике «И.Д. Черский» был строже отца в подборе и содержании публикуемых материалов. Однако и в биографическом очерке за его авторством содержится спорное утверждение: «В 1871 г. Черский был вызван в Иркутск Сибирским отделом Географического общества» (Обручев С.В., 1956. С. 10).

Оказавшийся живучим «миф» перекочевал и в книгу А.И. Алдана-Семенова «Черский», вышедшей в 1962 г., теперь с новыми домыслами: «Встреча и дружба с ссыльным повстанцем Александром Лаврентьевичем Чекановским – самое нетленное воспоминание его юности. Разве забыть тридцатилетнего крепыша, его стройную фигуру, пышные усы, роскошную бороду? По дороге Чекановский, не обращая внимания на окрики конвоиров, собирал насекомых, ловил на лету бабочек, рассовывал по карманам камешки и растения» (Алдан-Семенов, 1962. С. 104). Алдан-Семенов, следуя упомянутой выше книге И.Г. Ревзина, продолжил и развил его художественные вымыслы в своей книге, приписывая Черскому воспоминания о его знакомстве с

академиком А.Ф. Миддендорфом. Казалось бы, естественным узнать о связях с академиком из научных статей и опубликованных писем Черского. Тем не менее, у Алдана-Семенова читаем якобы слова Черского: «Осенью 1871 года меня неожиданно вызвал в Иркутск Сибирский отдел Русского географического общества. Вызов в Иркутск был поворотом в моей судьбе. Он изменил все мое существование, и этим обязан я академику Миддендорфу. Он хлопотал обо мне перед властями. Иначе как бы я, ссыльный, попал в столицу Восточной Сибири?» (Алдан-Семенов, 1962. С. 106).

Во времена коммунистического правления в Польше к жизнеописанию Яна Черского обращался известный публицист того времени Болеслав Мрувчинский, издавший в 1961 г. книгу «Голубой след» (Mrówczyński, 1961). Как было сказано в аннотации к отрывку из романа в иркутском альманахе «Ангара», номере 3 за 1963 год, «фактический материал использован в книге с предельной добросовестностью, и роман в силу этого обладает подлинно научной достоверностью». Идеологические установки того времени видны уже из фразы: «Сейчас уже вышло второе издание книги, для которого автор использовал вновь обнаруженные материалы о русских и польских ученых – борцах против царизма» (Мрувчинский, 1963. С. 107). Но дело не только в идеологии, а и в сплошных художественных вымыслах, не отличимых от произвольных домыслов. Так уже с первых страниц встает фигура знаменитого польского ссыльного Шимона Токаржевского, который на протяжении следующих двух десятков страниц наставляет и обучает Яна Черского на этапе к Омску. В действительности Токаржевский, один из немногих поляков, оказавшихся в ссылке в Сибири как участник сначала мятежа Петра Сцегенного в 1848 году, а затем как участник восстания 1863 года, в своих объемных восьми книгах воспоминаний, несколько раз издававшихся в Польше, перечисляет множество лиц, начиная с 1848 года, однако среди них Ян Черский отсутствует, с ним он никогда не встречался (Токаржевский, 2007). Понятно почему, так как его второй путь по этапу в сибирскую ссылку проходил в 1864 году, на год позже этапа Черского, о чем детально изложено в мемуарах. Из иркутской колонии Токаржевский неоднократно упоминал Дыбовского и его окружение. Остальные более двух-

сот страниц книги Мрувчинского очень далеки, по сути, от деятельности Яна Черского, которую можно проследить по его регулярно выходившим научным статьям и опубликованным письмам.

Книгу Мрувчинского, как и книгу Ревзина, книгу Алдана-Семенова, а немного ранее очерк Граниной никак нельзя считать обладающими «предельной добросовестностью», а также достоверно отражающими жизнь Яна Черского. Гранина в начале очерка о Черском заявила, что «во время этапа он перенес тяжелую форму тифа» (Гранина, 1953. С. 194), спутав его, очевидно, с Александром Чекановским, переболевшим на этапе тифом в Томске. Вышедшая в Иркутске в 1980 году книга А.И. Голенковой «Пик Яна Черского», названная документально-художественной повестью, не только повторила многое из упомянутой «мифологии», но и добавила новое. Видимо, из переведенной с польского книги Ядвиги Худзиковской и Яна Ястера «Люди великой отваги», вышедшей в 1957 году, содержания очерка «На лодке вдоль берегов Байкала» (Худзиковская, Ястер, 1957) была «надумана» мысль, что «он оставил институт, Вильно и сбежал в отряд Николая Витковского, выходца из крестьян» (Голенкова, 1980. С. 4), а также ее «продолжение», что «судьба послала ему преданного помощника Николая Ивановича Витковского, бывшего его начальника в повстанческом отряде» (Голенкова, 1980. С. 39). Известно, что Витковский с 1873 года и до отъезда Черского оставался самым близким его товарищем, но ни в биографических очерках и статьях, ни в опубликованной их обшир-

ной переписке нет никаких упоминаний о встрече уроженцев Витебской земли до времени попадания в Иркутск.

Заключение

Ян Черский оказался единственным из ссыльных польских ученых, исследователей Восточной Сибири и озера Байкал, имя которого сохранилось на фризе здания ВСО ИРГО. Второй и последний раз официальная процедура дополнения исходных тридцати вставок шестью новыми именами, к двенадцати помещенным еще при постройке здания, произошла в 1901 году в честь полувекового юбилея СО ИРГО. Имя Черского оказалось в числе таких ученых, как Н.С. Турчанинов, А.Э. Норденшельд, К.И. Максимович, Р.К. Маак и Н.М. Пржевальский. Именно со времени начала прошлого века значение научных исследований, выполненных Яном Черским в Сибири и на Байкале, закрепленное его именем на фризе, стало общепризнанным.

Приведенные в статье проблемные вопросы, связанные с достоверностью биографических описаний появления Яна Черского в Сибири и Иркутске, в свете такого признания являются принципиальными и требующими объективного представления. И если в советский период идеологические штампы с характеристикой Черского, как ученого-революционера и ученого борца с царизмом еще объяснимы, то крайне одиозными до сих пор остаются откровенные домыслы и ложные факты в ряде книг и статей о нем, неприемлемые даже для художественного текста.

Список источников

- Алдан-Семенов А.И. Черский. 1845–1892. М.: Молодая гвардия, 1962. 223 с.
- Голенкова А.И. Пик Яна Черского. Документально-художественная повесть для среднего и старшего школьного возраста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 127 с.
- Гранина А.Н. Исследователь Сибири И.Д. Черский // Новая Сибирь. 1953. Кн. 28. С. 194–210.
- Дневник Дыбовского. Сборник трудов Бенедикта Дыбовского / сост. А.Д. Калихман, Т.П. Калихман. Иркутск: Оттиск, 2020. 575 с.
- Дыбовский, Бенедикт. О Сибири и Камчатке: сборник дневников Бенедикта Дыбовского / Б. Дыбовский; составители: А.Д. Калихман, Т.П. Калихман; перевод с польского А.Д. Калихман; научная редакция и комментарии: Т.П. Калихман, И.В. Фефелов. Иркутск: Оттиск, 2021. 495 с.

References

- Aldan-Semenov A.I. 1962. Chersky. 1845-1892. Moscow: Molodaya gvardiya. 223 p. (In Russ.).
- Golenkova A.I. (1980) The Peak of Jan Chersky. Documentary-fiction story. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 127 p. (In Russ.).
- Granina A.N. (1953) Researcher of Siberia I.D. Chersky. *Novaya Sibir' = New Siberia*. Book 28. P. 194-210. (In Russ.).
- Kalikhman A.D., Kalikhman T.P. (2020) Dybovsky's diary. Collection of works by Benedict Dybovsky. Irkutsk: Ottisk. 575 p. (In Russ.).
- Dybovskii Benedikt (2021) About Siberia and Kamchatka. Collection of works by Benedict Dybovsky. Compiled by A.D. Kalikhman, T.P. Kalikhman. Irkutsk: Ottisk. 495 p. (In Russ.).

История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895 / сост. П.П. Семенов. Ч. II-я. Отдел IV. С.-Петербург, 1896. С. 469–979.

Коваль С.Ф. К биографии Черского И.Д. (новые материалы) // Известия Всесоюзного географического общества. 1960. Т. 92. Вып. 4. С. 377–379.

Мрувчинский Болеслав. Голубой след (отрывок из романа). К столетию польского восстания 1863–1864 гг. // Ангара. 1963. № 3. С. 107–108.

Обручев В.А. Иван Дементьевич Черский: [Некролог] // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1892. Т. XXIII. № 3. С. I–IV.

Обручев С.В. Основные этапы жизни и творчества И.Д. Черского // И.Д. Черский: Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском / редколлегия: С.В. Обручев (отв. редактор), П.П. Силинский, В.Н. Скалон и др. Иркутск : Иркутское книжное изд-во, 1956. С. 9–28.

Поплавская Г.И. Вклад поляков в дело изучения Байкала // Землеведение. 1915. Кн. 3. С. 72–95.

Ревзин Г.И. Подвиг жизни Ивана Черского / предисл. и науч. ред. акад. В.А. Обручева. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1952. 108 с.

Токаржевский Шимон. Сибирское лихолетье. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. 978 с.

Худзиковская Я., Ястер Я. Люди великой отваги: рассказы о польских путешественниках. М.: Географгиз, 1957. 300 с.

Чекановский А.Л. Краткий отчет о результатах исследований в лете 1871 года // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск : Печатная типография Н.Н. Синицына, 1872. Т. II. № 5. С. 16–42.

Чернышев Ф.Н., Никитин С.Н. Иван Дементьевич Черский: [Некролог] // Известия геологического комитета. 1892. Т. 11. С. 1–15.

Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1872а. Т. III. № 3. С. 167–172.

Черский И.Д. Очерк геогностического строения окрестностей г. Омска // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1872б. Т. 3. № 2. С. 110–117.

Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М. : МИК, 2015. 750 с.

Ядринцев Н. Памяти И.Д. Черского // И.Д. Черский: Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском / редколлегия: С.В. Обручев

Semenov P.P. (1896) History of the half-century activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845-1895. Pt. II. Department IV. St. Petersburg. P. 469-979 p. (In Russ.).

Koval' S.F. (1960) To the biography of Chersky I.D. (new materials). *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva = News of the All-Union Geographical Society*. Vol. 92. Iss. 4. P. 377-379. (In Russ.).

Mruvchinsky Boleslav (1963) The blue trail (excerpt from the novel). Towards the Century of the Polish Uprising 1863-1864. *Angara*. No. 3. P. 107-108. (In Russ.).

Obruchev V.A. (1892) Ivan Dementievich Chersky: [Obituary]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO = Izv. East-Sib. otd. IRGO*. Vol. 23. No. 3. P. I-IV. (In Russ.).

Obruchev S.V. (1956) The main stages of the life and work of I.D. Chersky. I.D. Chersky: Unpublished articles, letters and diaries. Articles about I.D. Chersky and A.I. Chersky. Ed. by S.V. Obruchev. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing house. P. 9-28. (In Russ.).

Poplavskaya G.I. (1915) Contribution of Poles to the study of Lake Baikal. *Zemlevedenie*. Book 3. P. 72-95. (In Russ.).

Revzin G.I. (1952) The feat of Ivan Chersky's life. Ed. and with a preface by V.A. Obruchev. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput Publishing House. 108 p. (In Russ.).

Tokarzhevskii Shimon (2007) Siberian hard times. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 978 p. (In Russ.).

Khudzikovskaya Ya., Yaster Ya. (1957) People of great courage: stories about Polish travelers. Moscow: Geografiz. 300 p. (In Russ.).

Chekanovskii A.L. (1872) A brief report on the results of research in the summer of 1871. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of Siberian Dept. of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk: Pechatnaya tipografiya N.N. Sinitsyna. Vol. 2. No. 5. P. 16-42. (In Russ.).

Chernyshev F.N., Nikitin S.N. (1892) Ivan Dementievich Chersky: [Obituary]. *Izvestiya geologicheskogo komiteta = Proceedings of the Geological Committee*. Vol. 11. P. 1-15. (In Russ.).

Cherskii I.D. (1872a) A few words about the Stone Age artifacts excavated in Irkutsk. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of Siberian Dept. of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk. Vol. 3. No. 3. P. 167-172. (In Russ.).

Cherskii I.D. (1872b) An outline of the geognostic structure of the surroundings of Omsk. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of Siberian Dept. of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 3. No. 2. P. 110-117. (In Russ.).

Shostakovich B.S. (2015) The phenomenon of Polish-Siberian history (XVII century - 1917): The main aspects of modern scientific interpretations, results and tasks of further development of the topic. Moscow: MIC. 750 p. (In Russ.).

Yadrintsev N. (1956) In memory of I.D. Chersky. I.D. Chersky: Unpublished articles, letters and diaries. Articles about I. D. Chersky and A.I. Chersky. Ed. by S.V. Obruchev.

Калихман А.Д. Появление Яна Черского в Сибири и Иркутске: обзор и анализ литературных версий
Kalikhman A.D. The appearance of Jan Chersky in Siberia and Irkutsk: review and analysis of literary versions

(отв. редактор), П.П. Силинский, В.Н. Скалон и др. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1956. С. 349–353.

Librowicz Zygmunt. Polacy w Syberji. Kraków: G. Gebethner (Kraków: Wł. L. Anczyc), 1884. 1884. [4], IV, 380 s.

Mrówczyński Bolesław. Błękitny trop. Warszawa : “Nasza Księgarnia”, 1961. 382 s.

Rejchman, Bronisław. Z Dalekiego Wschodu: wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1881 (Warszawa : W. Szulc). 287 s.

Wójcik Zbigniew. Jan Czerski Polski badacz Syberii. Lublin : Wydawnictwo Lubelskie, 1986. 368 s.

Irkutsk: Irkutsk Book Publishing house. P. 349-353. (In Russ.).

Librowicz Zygmunt. Polacy w Syberji. Kraków: G. Gebethner (Kraków: Wł. L. Anczyc), 1884. 1884. [4], IV, 380 s. (In Polish).

Mrówczyński Bolesław. Błękitny trop. Warszawa : “Nasza Księgarnia”, 1961. 382 s. (In Polish).

Rejchman, Bronisław. Z Dalekiego Wschodu: wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1881 (Warszawa : W. Szulc). 287 s. (In Polish).

Wójcik Zbigniew. Jan Czerski Polski badacz Syberii. Lublin : Wydawnictwo Lubelskie, 1986. 368 s. (In Polish).

Информация об авторе

Калихман Аркадий Давидович,
доктор физико-математических наук, профессор,
внештатный сотрудник,
ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»,
664050, г. Иркутск, ул. Байкальская, 291б, Россия,
e-mail: inba@irk.ru

Information about the author

Arkady D. Kalikhman,
Dr. Sci. (Physical and Mathematical), Professor, freelance
employee,
Federal State Budgetary Institution “Zapovednoe Pribaikalie”,
291b, Baikalskaya St., Irkutsk 664050, Russia,
e-mail: inba@irk.ru

Вклад автора

Калихман А.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Kalikhman A.D. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2023 г.; одобрена после рецензирования 26 января 2024 г.; принята к публикации 5 февраля 2024 г.

Article info

The article was submitted September 28, 2023; approved after reviewing January 26, 2024; accepted for publication February 5, 2024.

История

Научная статья
УДК 373.31
EDN: OZWUJX
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-108-120

Преподавание отечественной истории в низшей школе Российской империи в начале XX в.

Е.Д. Твердюкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Внутриполитические события в Российской империи в начале XX в. актуализировали общественные дискуссии о путях развития отечественной системы образования, в том числе о качестве преподавания в низшей школе. На нее возлагались не только функции просвещения народных масс и обучения их элементарным навыкам (умению читать, писать, совершать несложные арифметические действия), но и задачи по формированию мировоззренческих установок у подрастающего поколения. Основные дискуссии велись между сторонниками так называемого антропологического направления педагогики, делавшими акцент на приоритете общечеловеческих ценностей, и теми, кто выступал за усиление национальной составляющей русской школы и признавал правильную (выдержанную в патриотическом ключе) подачу исторических знаний одним из сильнейших факторов формирования детской картины мира. Указанные разногласия обусловили отсутствие в педагогическом дискурсе единого мнения относительно изучения прошлого родной страны в рамках кратковременного пребывания учеников в стенах народной школы. В предлагаемой статье анализируются различные подходы отечественных педагогов к содержанию программ начального обучения (в частности, к вопросу о целесообразности включения в них разделов по истории), к методам и формам преподавания; характеризуются взгляды представителей общественности на учебные книги, употреблявшиеся в качестве пособий к урокам по отечественной истории. Отстаивается тезис, что в отсутствие политического консенсуса в обществе и единой государственной политики в вопросах образования объем и качество преподавания истории всецело зависели от личности народного учителя и присущих ему ценностных ориентиров.

Ключевые слова: российская педагогика, низшее образование, начальная школа, история отечества, объяснительное чтение, хрестоматии, государственная идеология, национальное воспитание, патриотизм

Благодарности: исследование подготовлено при финансовой поддержке Фонда русской цивилизации «Светославь», проект КГРИ № 3/2023 «Воспитание гражданственности у детей и юношества в России начала XX в.: теория и практика государственной политики».

Для цитирования: Твердюкова Е.Д. Преподавание отечественной истории в низшей школе Российской империи в начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 108–120. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-108-120>. EDN: OZWUJX.

History

Original article

Teaching Russian history in primary school of the Russian Empire at the beginning of the 20 century

Elena D. Tverdyukova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. Political events in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century updated public discussions about the ways of development of the education system, including the quality of teaching in a lower school. It was entrusted not only with the functions of educating the masses and teaching them elementary skills (the ability to read, write, perform simple arithmetic operations), but also with the tasks of shaping the world outlook of the younger generation. The main discussions were held

between supporters of the anthropological direction of pedagogy, who emphasized the priority of universal human values, and those who advocated strengthening the national component of the Russian school and recognized the correct (patriotic) presentation of historical knowledge as one of the strongest factors in the formation of the children's picture of the world. These disagreements determined the lack of consensus in public discourse regarding the study of the historical past of the native country as part of the short stay of students in the walls of primary schools. The proposed article analyses various approaches of Russian teachers to the content of education programs, to the methods and forms of teaching; characterizes the views of public representatives on the educational books used as manuals for lessons on national history. The thesis is confirmed that in the absence of a political consensus and the unified state policy on education, the scope and quality of history teaching depended entirely on the personality of the teacher and his worldview.

Keywords: Russian pedagogy, lower education, primary school, history of fatherland, explanatory reading, anthologies, state ideology, national education, patriotism

Acknowledgements: the reported study was funded by Fund of Russian Civilisation "Svetoslav", project № 3/2023 on this topic "Education of patriotism and citizenship among children and youth in Russia in the early twentieth century: theory and practice of state policy".

For citation: Tverdyukova E.D. (2024) Teaching Russian history in primary school of the Russian Empire at the beginning of the 20 century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 108-120. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-108-120>. EDN: OZWUJX.

Историография дореволюционного российского образования имеет богатую исследовательскую традицию. Неоднократно предметом изучения становилось методологическое наследие выдающихся деятелей отечественной педагогики, отмечались принципиальные различия в подходах к процессу обучения со стороны представителей либеральной и консервативной педагогической мысли, анализировались способы репрезентации учебной информации (Баранникова, 2009; Днепров, 2011; Зарубежная и отечественная педагогика..., 2012; Начало учения..., 2014; Сенькина, 2022 и др.). Получил освещение в научной литературе и вопрос об историческом образовании в дореволюционной России, но в подавляющем большинстве работ рассматривались проблемы гимназического курса обучения (Ищенко, 2005; Шапарина, 2012¹; Яковлева, 2006 и др.).

В данной статье анализируются взгляды отечественных педагогов на преподавание истории в низшей школе в начале XX в. Вопрос этот приобрел особенную актуальность в связи с переживаемым страной острым социальным кризисом. Поражение России в войне с Японией, политическая конфронтация, дестабилизация обстановки в ходе революции 1905–1907 гг. актуализировали общественные дискуссии о путях развития отечественной системы общего образования, призванной не только препо-

дать учащимся базовые знания, но и заложить фундамент их ментальной картины мира. В это время активно дебатировались и получали продвижение проекты введения в России всеобщего начального обучения, увеличивалось бюджетное финансирование образовательных учреждений², разрабатывались различные варианты учебных программ для народных школ, явочным порядком массово переходивших с трехлетнего на четырехлетний курс занятий. Одним из самых дискуссионных вопросов являлся вопрос о национальном характере начальной школы.

Даже представители демократического направления российской педагогики, сложившегося в конце XIX в., признавали: «Нигде нет *просто человека* [курсив автора – Е.Т.], так сказать, – человека отвлеченного, изучение которого составляет предмет науки, а есть или русский, или немецкий, или французский, словом сказать, человек *известной народности*. Поэтому немецкая школа готовится к жизни именно немецкого человека,

¹ Шапарина О.Н. Историческое образование в гимназиях России (начало XX века) : учеб. пособие. М. :Изд-во МГОУ, 2012. 125 с.

² По подсчетам Э.Д. Днепров, с 1894 по 1914 гг. число начальных народных школ в Российской империи увеличилось с 81 022 до 122 230, а число обучавшихся в них – с 3 263 286 до 7 541 824 чел. Расходы государственного казначейства на начальные школы возросли с 1894 по 1911 гг. с 3 492 963 до 26 302 252 руб., а расходы земств – с 7 026 637 до 19 509 589 руб. (Днепров, 2011. Т. 2. С. 21, 357).

французская – французского, русская должна приготавливать русского человека»³.

Но систему российского образования, сложившуюся в 1860-е–1870-е гг. не без влияния западной либеральной идеологии, многие называли космополитичной: «Русский народ хотят убедить, что государство российское есть сброд разных национальностей, из которых каждая имеет право на самостоятельное государственное существование, что соединение их в одно целое есть последствие насильственного гнета, что и языка государственного не должно быть» (А.К., 1909. С. 16–17). Школе же следовало противостоять подобным настроениям, прививая детям сознательную любовь к своему отечеству. Заметка⁴ о необходимости военного патриотического воспитания в сельских школах, напечатанная 23 февраля 1911 г. в газете «Русский инвалид», удостоилась благосклонного внимания императора Николая II, он даже собственноручно отметил синим карандашом понравившийся ему отрывок, касавшийся обучения инородцев: «Я буду учить и поляков, и чухон только о великой России, я буду говорить им, что они дети славного и могучего русского государства. Они не должны знать ни Сигизмундов, ни Карлов,

но твердо должны помнить имена Иоанна, Петра, Екатерины. Пора повсюду, из всех учебников, и высших, и низших, вычеркнуть имена Финляндии и Польши; пора всех учить тому, что есть губернии Вазасская, Абосская, Нюландская, Калишская, Петроковская, а что Польша была когда-то, когда было и Хозарское царство, а Финляндия – той никогда не было, а была Швеция» (Журнал заседания Особой междуправительственной комиссии, учрежденной для детальной разработки вопросов о физическом развитии молодежи и обучении ее военному строю, 26 февраля 1911 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 348).

Попечитель Петербургского учебного округа А.А. Мусин-Пушкин, констатировавший, что русское юношество не воспитывается в духе веры, преданности престолу и отечеству, в любви к своей истории, упрекал в этом народного учителя: «Каждый преподаватель, имеющий в виду космополитические идеалы, а не свои родные, национальные, не может не оказывать заметного влияния в этом направлении на своего ученика, а когда в этом космополитическом направлении ведется все преподавание в школе, то в результате и получается космополитическая школа, чуждая родной истории, родному прошлому страны» (Мусин-Пушкин, 1915. С. 5–6). Основоположник российской педагогики П.П. Блонский, с 1908 г. преподававший педагогику и психологию в различных учебных заведениях Москвы, оправдывался тем, что интеллигенция – наименее национальная часть общества: «Что касается меня, то я прямо боюсь, что если я буду пытаться составлять план положительного содержания национального воспитания вот у себя, в кабинете, где почти все книги по педагогике иностранные, то это и выйдет лишь моим, навеянным западноевропейской педагогикой планом, а не народным» (Блонский, 1915. С. 16).

В межреволюционный период российское учительство оказалось перед необходимостью ответить на вопрос: является ли национальное начало пустым и вредным пережитком, тормозом свободы и культуры или же, наоборот, поступательное развитие государства возможно только на родной почве, на основе национального самосознания? Журналист В.Ф. Динзе, выступавший с докладом на первом Всероссийском съезде по семейному вос-

³ Бунаков Н.Ф. Школьное дело. Учебный материал, проработанный на учительских съездах и курсах за тридцать лет (1872–1902). Изд. 3-е. СПб. : Изд. М.М. Гутзаца, 1906. С. 9.

⁴ Заметка была опубликована в серии фельетонов, объединенных общим заглавием «Вторник у генерала Бетрищева», выходивших за подписью Гр.А.Д. Под этим псевдонимом скрывался П.Н. Краснов, который вспоминал позднее о своей работе военного журналиста: «Так установилось, что почти каждую неделю и всегда ночью, в двенадцатом часу, когда генерал Поливанов (помощник военного министра) кончал свои текущие работы, он вызывал меня к себе и указывал, что должен я написать в очередном фельетоне “Русского Инвалида”... В большинстве вопросы, по которым я должен был писать, мне были совершенно неизвестны. Генерал Поливанов давал мне соответствующий материал – книги, “министерские дела”, доклады, иногда сам диктовал мне, что и как я должен был осветить в своем очередном фельетоне... Эта моя работа в “Русском инвалиде” была нужна Военному министерству для подготовки общественного мнения для принятия того или иного предложения министра». См.: Краснов П.Н. На рубеже Китая. Париж : Изд. Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939. С. 11. Таким образом, эта статья не служила выражением частного мнения, а отражала господствовавшие в высших военных кругах воззрения.

питанию в 1912 г., сформулировал «тему дня» следующим образом: «Человек или гражданин должен составлять идеал воспитания? Мир или отечество, вселенская земля или родная почва должны быть положены в его основу?» (Динзе, 1913. С. V). Но его основной тезис, согласно которому защищать национальное воспитание и подчеркивать его обязательность можно лишь при убеждении, что сама национальная идеология не пустой и вредный пережиток, а единственный символ здоровой жизни и развития, не получил поддержки. Все выступавшие в прениях по докладу ораторы отстаивали приоритет общечеловеческих ценностей в программе русской школы, и прежде всего – низшей, единственно доступной для подавляющего большинства населения империи.

К началу Первой мировой войны в систему низшего образования входили несколько типов учебных заведений: 1) высшие начальные (по Положению 25 июня 1912 г.) и городские училища (по Положению 31 мая 1872 г.); 2) уездные училища (по Уставу 8 декабря 1828 г.), городские двухклассные училища (по Положению 26 мая 1869 г.), а также центральные училища в бывших немецких колониях и горские школы с аналогичным курсом; 3) начальные училища, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения, Святейшего Синода, ведомства учреждений императрицы Марии и др. Имелись также частные учебные заведения второго и третьего разрядов (соответствовавшие городским/уездным училищам и начальным училищам)⁵.

В большинстве начальных училищ (так называемых народных школ, в административном отношении подчинявшихся Министерству народного просвещения, но фактически составлявших предмет ведения земских и городских самоуправлений) существовал трехлетний срок обучения. Так, по результатам учительской анкеты 1910 г., трехлетними были 76,4 % одноклассных земских училищ (Акимов, 1916. С. 37, 40). В перечень изучавшихся предметов входили Закон Божий, чтение по-русски и по-славянски, письмо, арифметические действия. Утвержденными 7 февраля 1897 г. Министерством

народного просвещения программами для народных школ еженедельно отводилось 8 часов на русский язык, 6 часов – на уроки по Закону Божьему, 5 часов – на арифметику, 3 часа – на церковнославянскую грамоту, 2 часа – на чистописание (Барышников, 1912. С. 4)⁶. Таким образом, систематическое изложение событий истории программой не предусматривалось. Эти сведения полагалось сообщать детям в ходе объяснительного чтения на уроках русского языка, на которое в целом (включая изучение текстов не только по истории, но и по литературе, географии, естествознанию) в земских школах обращалось внимание в 2,5 раза меньше, чем на грамматику и правописание (Акимов, 1916. С. 44). Не полагалось при этом и специальных учебников⁷, но соответствующие разделы в книгах для классного (объяснительного) чтения имелись далеко не всегда. Так, К.Д. Ушинский в предисловии к первому изданию своего труда «Детский мир» указывал, что использовать для упражнения в чтении можно все; но далеко не все из этого может быть усвоено школьниками и объяснено им учителем с одинаковой пользой: «Рассказы исторические положительно не годятся для этой цели: десятилетнего ребенка нет возможности возвысить до правильного понимания великих исторических личностей и великих исторических событий, а понижать эти личности и события до уровня детского понимания, значит уродовать историю, что не только бесполезно, но положительно вредно»⁸.

⁶ Барышников П.И. Примерные программы предметов 3-годичного курса начальных народных училищ, утвержденные Министерством народного просвещения 7 февраля 1897 г., программа 4-годичного курса начальных училищ в Москве и одобренные для школ учебники и пособия. Изд. 3-е. М. : Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1912. 64 с.

⁷ В качестве примера одного из немногих учебников, предназначенных для низшей ступени образования, можно указать на выдержавшее 19 изданий учебное пособие Н.М. Горбова «Русская история для начальных школ», в котором давалось систематическое изложение курса, начиная от древних славян до эпохи Александра III. Предлагавшиеся тексты были довольно сложны для восприятия, набраны мелким шрифтом, без иллюстраций.

⁸ Ушинский К.Д. Детский мир и хрестоматия, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы (Назначается для детей от 8 до 12 лет). СПб. :Тип. т-ва «Общественная польза», 1861. С. IV.

⁵ Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1913 год. Пг. : тип. Имп. Академии наук, 1916. С. 110–113, 134.

В дальнейшем он скорректировал точку зрения и включил в более поздние издания своей хрестоматии отрывки из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

По данным сотрудников Нижегородской губернской земской управы, в 227 одноклассных школах губернии (что составляло 95,4 % из 238, предоставивших сведения об использовавшихся учебниках) история преподавалась по книгам объяснительного чтения (в том числе в 17 из них статьи для уроков подбирались из двух пособий), в 4 школах – по учебникам русской истории, в 1 школе – со слов учителя, в 6 – по наглядным пособиям. При этом, как следовало из анкетных опросов, свыше 20 % учителей не принимали никакого участия в подборе педагогической литературы. Остальные выбирали книги из присланных уездными земскими управами печатных списков, сформированных училищными советами, не пользуясь правом включить в требование необходимое издание из числа допущенных Министерством народного просвещения (Малиновский, 1912. С. 720, 740).

Выбор методики предоставлялся самому народному учителю. По свидетельству одного из педагогов, в первую же неделю его пребывания в новой школе сами ученики попросили его рассказать о том, как «люди прежде жили»: «Для первого раза я рассказал им об основании Русского государства. Слушали очень внимательно. После этого я решил по субботам предлагать им небольшие рассказы из русской истории. Между прочим, их заинтересовал рассказ о просвещении христианством Руси и о замечавшемся на первых порах двоеверии... ибо пред их глазами происходило почти полное повторение этой картины – среди инородческого населения. После Святков пришлось рассказывать ученикам между прочим об освобождении крестьян от крепостной зависимости: в школе уже существовал обычай 19 февраля являться в церковь для присутствия на панихиде по Царе Освободителе... конечно, было необходимо, чтобы молитва детей была совершенно сознательной» (Год учительства..., 1911. С. 139–140).

Подобная фрагментарность обычно сохранялась и в случаях пользования учителями книгами для объяснительного чтения. Многие педагоги не без основания указывали, что исторический материал подавался в них без плана, без глубокого содержа-

ния, без разъяснений, без знакомства с историей, как предметом, имевшим свои источники и методы исследования (Гуревич, 1915. С. 202). Одним из решений этой проблемы представлялась опора на локальную историю, информацию о которой было легче донести до учащихся в ходе учебного процесса (например, посредством экскурсий). Так, представитель кадетской партии Н.Ф. Езерский, имевший в 1904–1905 гг. опыт работы инспектором народных училищ в Пензенской губернии, считал целесообразным максимально учитывать при преподавании местный фактор. По его мнению, события войны 1812 г. могли лучше запечатлеться в умах жителей Московской губернии, где о ней еще сохранились воспоминания, а Пугачевского бунта – в Саратовской (Езерский, 1911. С. 8). Однако столь выборочная подача материала не способствовала системному усвоению курса.

Пагубной оказывалась и противоположная тенденция – стремление ряда учителей максимально насытить редкие часы занятий информацией: «Мальчугана с первых шагов заставляют зубрить о славянах, древнерусских князьях, как будто они жили только вчера... Не успел ученик как следует разъяснить себе, что за оказия такая “племя”, “славянские городки”, “меновая торговля”, а уже составитель спешит дальше сообщить о первых русских князьях. Много ли вынесет учащийся из такого метода преподавания истории? Не лучше ли начинать с того, что недавно было около ребенка, с описания, когда в деревне сидели с лучиной, жили в курных избах... Мысль детей окрылится, заработает: ребенок самым материалом будет втянут в понимание предмета истории и будет собирать все, что касается деревни. Дальше можно поставить рассказы стариков о крепостном праве... Старинные вещественные памятники дополняют картину: домашняя утварь, наряды, посуда» (Кузнецов, 1915. С. 148). Такой принцип обучения (от простого, знакомого – к сложному и отдаленному во времени) находил все больше приверженцев среди методистов. Но в условиях ограниченности времени занятий подобный подход оборачивался тем, что к изучению прошлого родной страны школьники приступали не ранее третьего года обучения. Это подтверждали и результаты опросов. Так, согласно анкете 1910 г., в подавляющем большинстве 4-летних одноклассных школ Нижегородской гу-

бернии изучение истории начиналось с третьего отделения, в 62 – со второго, в 21 – с четвертого, и лишь в 4 – с первого (Малиновский, 1912. С. 720).

Соглашаясь в целом, что изучение родной истории развивает умственные способности учащихся (логическое мышление, воображение, память) и способствует нравственному развитию детей, педагоги признавали, что систематический курс, со множеством имен собственных, дат, географических названий, представлял для учеников слишком обширный и трудный материал для усвоения. Но, с учетом того что выпускники начальных училищ, как правило, не получали дальнейшего образования, большинство из них все же считали необходимым вводить соответствующие уроки в курс начальной школы. При этом считалось совершенно не нужным и даже вредным сообщать много исторических событий и проследивать прошлое шаг за шагом, по векам. Предлагалось лишь дать ряд последовательных картин быта всех слоев населения в различные эпохи для понимания исторического процесса и уяснения зависимости настоящего от прошлого. Многие считали, что только такая задача может оправдать преподавание истории в начальной школе; если осуществить ее невозможно, то бесполезно и вводить ее в курс обучения.

Для лучшего восприятия материала учениками рекомендовалось употреблять следующие методические приемы: 1) освещать лишь главные события (эпизоды) из курса истории (т. н. эпизодический принцип преподавания); 2) приурочивать эти события к описанию жизнедеятельности выдающихся государственных деятелей (т. н. биографический принцип); 3) события всеобщей истории освещать лишь в контексте истории отечественной (Яблочков, 1895. С. 327).

В церковноприходских школах, для которых Высочайше утвержденными 13 июня 1884 г. Правилами устанавливался курс, рассчитанный на два года, гражданская история преподавалась в связи с историей русской церкви. Не вдаваясь в излишние подробности, следовало так преподносить главные события из жизни русских монархов и их сподвижников, чтобы учащиеся прониклись к ним глубоким интересом и участием и выносили убеждение, что Россия «всегда была сильна своею православною верою и единой державною царской властью, и что только тот будет истинный сын России,

кто свято соблюдает учение Святой церкви православною и верно служит государю, помазаннику Божью» (Яблочков, 1895. С. 329).

Особенно продуктивным при изучении истории признавался наглядный метод преподавания. Так, попечитель Киевского учебного округа, представляя министру народного просвещения Л.А. Кассо экземпляр Инструкции по обучению военному строю и гимнастике в низших учебных заведениях округа, признал необходимым сопровождать соответствующие занятия «производительным чтением и беседами», причем лучшей литературой для этих целей он считал рассказы из героического прошлого страны (с сопровождением туманными картинами патриотического содержания), а также полагал необходимым располагать произведения изобразительного искусства с портретами доблестных слуг царя и родины на стенах школьных классов (Инструкция по обучению военному строю и гимнастике в низших учебных заведениях Киевского учебного округа, 10 июня 1911 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 587. Л. 35). Одними из самых популярных в учительской среде наглядных пособий служили «Картины по русской истории», выпускавшиеся в 1908–1913 гг. московским книгоиздателем И.Н. Кнебелем в сотрудничестве с историком культуры С.А. Князьковым, подготовившим исторические комментарии к иллюстрациям. Репродукции с картин⁹, к созданию которых привлекались известные мастера живописцы (В.М. Васнецов, Б.М. Кустодиев, А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, В.А. Серов и др.) распределялись по четырем разделам: Киевская Русь, Суздальская Русь, Московская Русь, Всероссийская Русь и привлекали внимание учащихся не только сюжетом, но и возможностью дополнять исторические сведения материалом из литературы, географии, естествознания. Например, картина М.В. Добужинского «Город в николаевское время» настолько точно выполняла функцию наглядного пособия, что «ко всякой мелочи можно было

⁹ Помимо репродукций в удобном для классных занятий формате 66 x 88 см, Кнебель выпустил часть из них в виде доступных по цене художественных открыток, что обусловило широкое их распространение в учительской среде.

подыскать у Гоголя соответствующую цитату» (Князьков, 1989. С. 2)¹⁰.

Популяризации сведений по истории отечества призваны были служить и поэтические хрестоматии. Например, в пособии для начальной школы и младших классов средней школы «Родная история в стихотворениях», составленном Ю. Веселовским и В. Улановым, в хронологическом порядке располагались стихи, объединенные в тематические блоки («Славяне», «Варяги», «Приднепровская Русь», «Татарское иго», «Время Петра I» и др.), каждому из которых предшествовало введение, знакомящее учеников с эпохой и содержащее необходимые комментарии к поэтическим текстам; а также содержался перечень туманных и стенных картин, призванных иллюстрировать тот или иной период истории. Существовали и беллетризованные курсы отечественной истории (например, «Моя первая история в рассказах для детей» Н.Н. Головина).

Одним из наиболее дебатированных в педагогической среде вопросов был вопрос о том, должны ли сведения по истории составлять в начальной школе, явочным порядком переходившей к четырехлетнему периоду занятий, самостоятельный предмет для преподавания или по-прежнему входить в курс родного языка в виде уроков объяснительного чтения и наглядных бесед¹¹. В частности, он обсуждался и в ходе Первого общеземского съезда, проходившего в Москве с 16 по 30 августа 1911 г., в постановлениях которого был закреплен принцип обучения с поэтапным переходом к обобщениям и систематизации пройденного, без перегруженности курса материалом. Целью занятий по истории провозглашалась подготовка учеников к пониманию государственного и общественного строя современной России и содействие развитию в детях любви к отечеству. Занятия признавалось желательным вести путем бесед, с дополнением их классным и внеклассным чтением исторических и художественных произведений. Беседы следовало начинать с местных памятников,

или региональных событий, получивших общегосударственное значение, или с биографий выдающихся местных уроженцев. С третьего года обучения предлагалось вести последовательные беседы с целью дать по возможности связную картину развития русского народа и русского государства, останавливаясь лишь на важнейших эпохах и отмечая только небольшое число хронологических дат, характеризуя их «наиболее выпуклыми событиями и яркими личностями». В резолюции съезда отмечалось, что особого учебника по курсу истории быть не должно, а для закрепления пройденного в памяти ученикам рекомендовалось вести конспект в форме кратких вопросов¹².

Соглашаясь с тем, что занятия по истории не должны составлять отдельного предмета, педагоги выступали против «эпизодичности», исходя из необходимости дать ученикам по возможности системное представление об основных событиях прошлого. Так, например, согласно выработанной особым совещанием попечителей и учителей начальных училищ Москвы программе, изучение вопроса о принятии христианства предполагало не только обращение к событиям крещения Руси в 988 г., но и к языческим верованиям, к деятельности первых монастырей и краткому содержанию летописей; при освещении татарского ига следовало уделить внимание образу жизни кочевников, обстоятельствам нашествия Батыя, взаимоотношениям татар с русскими князьями, деятельности Александра Невского; для понимания личности Петра Великого необходимо было обсудить с учениками такие сюжеты как детство царевича, создание потешного войска, начало флота, путешествие за границу, война со Швецией и Полтавская битва, основание Санкт-Петербурга, культурные реформы (Барышников, 1912. С. 46–47)¹³.

¹⁰ Князьков С.А. Картины по русской истории: из издания И. Кнебеля, Москва, 1908–1913 / сост. Л.И. Юниверг. М. : Изобразительное искусство, 1989. 32 л.

¹¹ По данным анкетирования 1910 г., 58 % школ ответили отрицательно на вопрос, выделены ли эти уроки в самостоятельные (Малиновский, 1912. С. 722).

¹² Постановления первого общеземского съезда по народному образованию в Москве 16–30 августа 1911 г. М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. С. 14.

¹³ Барышников П.И. Примерные программы предметов 3-годичного курса начальных народных училищ, утвержденные Министерством народного просвещения 7 февраля 1897 г., программа 4-годичного курса начальных училищ в Москве и одобренные для школ учебники и пособия. Изд. 3-е. М. : Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1912. 64 с.

Актуальной проблемой в условиях отсутствия общественного согласия о путях развития страны и ее народной школы являлась подача исторических сведений в учебной литературе, что также обратило на себя внимание императора, который отчеркнул в газетном фельетоне следующие строки: «В нашей народной школе далеко не все благополучно. Помимо учительского персонала, разве есть у нас учебники географии, истории, хрестоматии со строго выраженным патриотическим направлением?» (Журнал заседания Особой междуведомственной комиссии, учрежденной для детальной разработки вопросов о физическом развитии молодежи и обучении ее военному строю, 26 февраля 1911 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 347 об.). И действительно, одни авторы при подборе текстов для объяснительного чтения руководствовались борьбой с предрассудками и ориентировали школьников на выработку научного мышления, другие считали необходимым акцентировать внимание учащихся на необходимости любви к ближнему, третьи смотрели на образовательный материал исключительно с точки зрения воспитания патриотизма. В результате, как писал учитель С.И. Кудрявцев, издания всех наиболее популярных авторов имели общий и весьма существенный недостаток – одностороннее изложение: «Если, например, в книге Вахтерова “Мир в рассказах” весь свет, что в окне отдела по естествоведению, то в книге Горбунова-Посадова “Золотые колосья” все почти сведено к моралистике, в окраске непротивленства; наоборот, книга Баранова “Наше родное” полным полно историческими войнами, смутами, насилиями, собранными, как в калейдоскопе... чтобы пробудить в детях воинственный патриотизм» (Кудрявцев, 1911. С. 227).

Обсуждение проблемы политизации содержания школьных книг для чтения вышло далеко за рамки земских и городских самоуправлений, с книжных складов которых снабжалась учебниками школа. Так, в марте 1913 г. Государственный совет обсуждал запрос к министру народного просвещения относительно законности и целесообразности допуска в начальные училища руководства по русскому языку «Новь», составители которого (Н.В. Тулупов и П.М. Шестаков), как утверждали авторы запроса, «в высшей степени односторонне и тенденциозно» излагали прошлое отечества:

«Все те страницы, которые могли бы поднять национальную гордость, возбудить в учащихся чувство патриотизма, все эти страницы или обходятся молчанием... или излагаются очень кратко»¹⁴. Беспристрастное и внимательное прочтение соответствующего раздела указанного руководства (как резонно было замечено, отнюдь не являвшегося учебником истории) рассеяло у целого ряда членов высшей палаты российского парламента «страхи» за русскую начальную школу. Однако 32 члена Государственного совета, подписавшие запрос, обратили внимание коллег, что этот, казалось бы, частный вопрос, накануне введения всеобщего начального образования приобретал принципиальное значение в силу громадного разнообразия учебной литературы.

Вот как, например, рассказывалось об удельной Руси в «Букваре» П.Н. Казанцева: «В это время столица России перешла из Киева во Владимир. Киев был разграблен и сожжен русскими же, как чужеземным неприятелем, войсками великого князя Андрея Боголюбского. Во время этой неурядицы между русскими князьями плохо жилось русскому народу, который платил подати для войны и шел сам воевать, чтобы уничтожить свою же родную страну»¹⁵. А вот отрывок из повествования об Иване Грозном: «Иоанн IV решил совершенно уничтожить бояр, бывших советников государя, и окончательно убить в народе всякую самостоятельность. Наступило время ужасных казней. Царь окружил себя отрядом в 6000 человек самых отчаянных разбойников (опричников) и с ними мучил, вешал, травил зверьями всех, на кого делали опричники донос. Русским людям пришлось терпеть насилие, потому что пожаловаться было некому, а самому вступить за себя – ему не приходило в голову»¹⁶. Там же ученики могли прочитать, что для обеспечения хорошего торгового пути к иностранцам, Петр I «отнял у шведов берега Балтийского моря», построил там город Петербург и перенес туда столицу, но «силой навязанные порядки долго не могли привиться к русской жизни»¹⁷.

¹⁴ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 8. Заседания 1–51 (1 ноября 1912–4 июля 1913 г.). СПб. : Гос. тип., 1913. Стб. 975.

¹⁵ Казанцев П.Н. Букварь и первый курс внешкольного образования. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. С. 73.

¹⁶ Там же. С. 79–80.

¹⁷ Там же. С. 81.

Неоднократной критике подвергались книги для классного чтения в начальных училищах «Мир в рассказах для детей». Они предназначались для использования в 1–4 отделениях училищ, и каждая из них ежегодно выходила в свет тиражом до 500 тыс. экземпляров. Их авторы – В.П. Вахтеров и его супруга Э.О. Вахтерова – выступали за естественно-научное направление в образовании. Уже первые издания этой книги вызвали неоднозначную реакцию у педагогической общественности. Так, один из оппонентов считал эту работу «макулатурой», а ее популярность объяснял исключительно репутацией авторов как либеральных педагогов (Яковлев, 1911. С. 331). В.П. Вахтеров, будучи сторонником предметного метода и наглядности в преподавании, был убежден, что история попала в курс начальной школы только из политических соображений, и настаивал, чтобы она уступила место природоведению: «Начать с того, что история оперирует с такими временами, как века и тысячелетия, а дети начальной школы не имеют сколько-нибудь ясных представлений о временах, выходящих за пределы их повседневного опыта... Они не знают, что такое век, но имеют смутное понятие о годе, о полгоде, даже о сутках. Что же может представить себе ребенок, если ему говорят о событии, бывшем сотни лет тому назад... Я не говорю об учебниках, искажающих факты, фальсифицирующих события... Совершенно невозможно провести через цензуру изображение царских и правительственных деяний» (Вахтеров, 1918. С. 28–29). Максимум, что считал полезным Вахтеров, это в третьем отделении начальной школы с помощью наглядных пособий ознакомить учеников с жизнью первобытного человека, его орудиями, жилищем, одеждой, занятиями (охотой, рыболовством, добыванием огня, изготовлением горшков, приручением лошадей): «Мы потому выделяем этот период, что ребенок в возрасте начальной школы по своей психике, по своим играм (тот же лук, та же игра в лошадки и проч.) близок к первобытному человеку... Далее мы ввели бы в этот отдел понятно для детей изложенные биографии хотя бы нескольких лиц, прославившихся полезными изобретениями или открытиями или общественной деятельностью по возможности в связи с жизнью народа. С остальной же историей, если уж она необходима в начальной школе, мы знакомили бы по историческим пове-

стям, романам (в отрывках), стихотворениям, дополняя их необходимыми объяснениями учителя и иллюстрируя картинами» (Вахтеров, 1918. С. 29). Действительно, первая часть хрестоматии Вахтеровых («первой после букваря книги для классного чтения») не содержала никаких сведений по истории. Вынужденные включить исторический раздел в «Мир в рассказах для детей» последующих лет обучения, супруги поместили его в самый конец книги, наполнив отрывками из классических произведений А.С. Пушкина, А.Н. Толстого, А.А. Кизеветтера, Л.Н. Толстого и других известных авторов. При этом подбор материала для детского чтения вызывал удивление у многих современников (прежде всего, конечно, у правоконсервативных политиков), например, отрывок из повести А.К. Толстого «Князь Серебряный», представлявший собою выдержку из главы «Ночное шествие», озаглавленной составителями «Ночной бред Грозного царя»: «Изба наполнилась мертвецами. Все они низко кланялись царю, все говорили:

– Здрав буди, здрав буди, Иване, се кланяемся тебе! Вот поднялись монахи, старцы, иноки, все в черных ризах, все бледные и кровавые. Вот показали воины, бывшие с царем под Казанью. На них зияли страшные раны, но не в бою добытые, а нанесенные палачами. Вот явились девы в растерзанной одежде и молодые жены с грудными младенцами. Дети протягивали к Иоанну окровавленные ручонки и лепетали:

– Здрав буди, здрав буди, Иване, иже погубил еси нас безвинно!»¹⁸.

Содержание исторического раздела книги Вахтеровых в целом зародило подозрения у критиков в том, не введен ли он только лишь для того, чтобы в Ученом комитете Министерства народного просвещения признали «Мир в рассказах для детей» именно за книгу для чтения, а не за «скверную энциклопедию естественных наук» (Школьная подготовка..., 1913. С. 74). Товарищ министра народного просвещения М.А. Таубе подтвердил, что некоторые отрывки из сборника В. и Э. Вахтеровых были «в высшей степени неудобны для книги, пред-

¹⁸ Вахтеровы В. и Э. Мир в рассказах для детей. Книга для классного чтения в начальных училищах. 3-я часть. Для третьего и четвертого годов обучения. М. : Изд. тов-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 543.

лагаемой для детского чтения в качестве руководства в начальных училищах, и нетерпимой в государственной школе»¹⁹.

Использование в учебном процессе подобных учебных книг вызывало возмущение представителей правоконсервативных кругов, которые включились в борьбу за умонастроения молодежи, полагая, что просвещение в России должно основываться на началах религиозных и национальных, что и было зафиксировано в программных документах монархических союзов (Иванов, 2022. С. 455–456; Иванов, 2023. С. 63). Автор одного из очерков, включенного в подготовленный Русским народным союзом имени Михаила Архангела сборник «Школьная подготовка второй русской революции», писал: «Неудивительно, что знакомство с таким “правильным” взглядом на русскую историю приводит к выводу, что все, что делалось на Руси хорошего, делалось или само собой, или по народному требованию, все же худое и тормозившее развитие государства, происходило по инициативе правительства и, главным образом, верховной власти. Неудивительно, что, просветившись при помощи подобных методов, ученик народной школы будет презирать свое отечество, ненавидеть власть и удивляться, чего еще ждет народ и почему он не свергнет царей, чтобы самому воцариться» (Школьная подготовка..., 1913. С. 83). Первые результаты такого обучения современники могли наблюдать воочию. Князь Д.П. Голицын-Муравлин, рассказывая о своем опыте участия в обревизовании школьной сети в должности члена совета министра народного просвещения, приводил следующий пример. В трех министерских учебных заведениях Санкт-Петербурга на вопрос, почему Наполеон, который на Западе одерживал победы, в России потерпел поражение, он получил от учащихся однотипные ответы: «Русский народ был тогда не образован, он не понял, что Наполеон пришел с тем, чтобы дать ему свободу». Публицист скептически замечал: «Выходит так, что Наполеон привез свободу на тех лошадях, которых поставил в Успенском соборе, а мы, русский народ, по неразумению все дело ему испортили»²⁰.

¹⁹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 8. Заседания 1–51 (1 ноября 1912–4 июля 1913 г.). СПб.: Гос. тип., 1913. Стб. 995.

²⁰ Там же. Стб. 1007.

Дискуссия о содержании книг для объяснительного чтения вылилась в обсуждение того, насколько точным и достоверным должно быть отражение исторической действительности в учебной литературе. Так, инспектор народных училищ Херсонской губернии М.В. Лебедев предлагал положить в основу преподавания отечественной истории мысль о даровитости русского народа и его героических усилиях, окончившихся созданием великого государства. Этому должно было способствовать обильное включение в учебные пособия статей с описанием героических подвигов (Рябова, Крючкова, Водяного, Пичугина и т. п.). В результате, по мысли Лебедева, история в начальной школе могла стать «задушевной и любовной повестью» и ни в коем случае не должна была переходить в холодную критику, а тем более в порицание, ибо краснеть за свое прошлое русскому человеку не приходилось, а гордиться им – было за что (Лебедев, 1915. С. 6). Бывший товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко отстаивал точку зрения, что «известному кругу читателей с недостаточно развитым умственным горизонтом» (каковыми, по его разумению, и являлись ученики начальной школ) материал следует подавать избирательно: «Цель у нас одна: поднять в русском народе любовь к своей родине, любовь ко всему его окружающему. Все, что этой цели противоречит, должно быть безусловно исключено из всяких учебников, из всякой книги, имеющей отношение до народных масс»²¹. П.П. Блонский мыслил элементарный курс истории как «биографию» России, почему считал безусловно педагогичным драматизирование русской истории с тем, чтобы учебники начального курса «захватывали» воображение ребенка (Блонский, 1915. С. 32–33).

Градус общественной дискуссии побудил Министерство народного просвещения 9 июня 1914 г. выпустить циркуляр, в котором выбор учебных пособий и руководств для средней и низшей школы дозволялся исключительно из числа тех, что были допущены министерством (и – в надлежащих случаях – духовным ведомством). Кроме того, восставлялось действие циркулярного разъяснения 1899 г., в силу которого разрешение Ученого комитета требовалось для всех изданий допущенной в

²¹ Там же. Стб. 1018–1019.

школы книги. Ведение же преподавания по не прошедшим проверку учебникам признавалось прямым нарушением служебного долга со стороны преподавательского состава и могло повлечь личную дисциплинарную ответственность виновных учителей или их начальства, до увольнения от должности включительно.

Таким образом, реформирование системы низшего образования в Российской империи в начале XX в. являлось предметом острейших социальных разногласий. Отсутствие политического консенсуса не способствовало выработке общепринятых учебных планов и программ. В этих усло-

виях народные учителя знакомили подопечных с историческим материалом по своему усмотрению, исходя из собственных идейных пристрастий, и сами же выбирали методику преподавания. При этом, по отзывам губернских земских управ на анкету 1910 г., в большинстве школ ученикам сообщались лишь краткие сведения по отечественной истории. В результате следования «эпизодическому» принципу родное прошлое в начальной школе преподносилось зачастую как собрание разрозненных фактов и анекдотов, не оставляя никакого следа в умах и настроениях учащихся.

Список источников

А.К. Наша начальная школа. СПб. : Тип. «Сельского вестника», 1909. 47 с.

Акимов В. Постановка учебного дела в земских школах // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Март. С. 33–90.

Баранникова Н.Б. Педагогическое наследие П.Ф. Каптерева: проблема соотношения общечеловеческого и национального в теории, практике и истории образования. М. : Академия социального управления, 2009. 106 с.

Блонский П.П. О национальном воспитании. М. : Типо-лит. И.Н. Кушнерева, 1915. 40 с.

Вахтеров В.О. Предметный метод обучения. Изд. 5-е. М. : Тов-во И.Д. Сытина, 1918. 386 с.

Год учительства в народной школе (воспоминания народного учителя) // Народное образование. 1911. Т. 1. Кн. 2. С. 137–162.

Гуревич Я.Я. История как особый предмет преподавания в начальной школе // Труды первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования. Пг. : тип. В.Д. Смирнова, 1915. Вып. 1. С. 202–205.

Динзе В. О национальном воспитании. Опыт привлечения отечественного внимания к насущному вопросу. СПб. : Изд. О.В. Богдановой, 1913. 90 с.

Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века : в 2 т. М. : Мариос, 2011. Т. 1. 647 с.; Т. 2. 657 с.

Езерский Н.Ф. Чем должна быть народная школа? // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. М. : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. Т. 1. С. 1–17.

Зарубежная и отечественная педагогика второй половины XIX – середины XX века / под ред. Г.Б. Корнетова, А.И. Салова. М. : АСОУ, 2012. 140 с.

Иванов А.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. Т. 1. Консервативные партии. М. : Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.

References

A.K. (1909) Our elementary school. St. Petersburg: Tip. "Sel'skii vestnik". 47 p. (In Russ.).

Akimov V. (1916) Setting of educational affairs in zemstvo schools. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. No. 3. P. 33-90. (In Russ.).

Barannikova N.B. (2009) The pedagogical heritage of P.F. Kapterev: The problem of the correlation of the universal and national components in the theory, practice and history of education. Moscow: Akademiya sotsial'nogo upravleniya. 106 p. (In Russ.).

Blonskii P.P. (1915) On the national education. Moscow: Tipo-lit. I.N. Kushnerova. 40 p. (In Russ.).

Vakhterov V.O. (1918) Subject method of teaching. Moscow: Tov-vo. I.D. Sytina. 386 p. (In Russ.).

(1911) A year of teaching in a national school (memoirs of a national teacher). *Narodnoe obrazovanie = National Education*. Vol. 1. Book 2. P. 137-162. (In Russ.).

Gurevich Ya.Ya. (1915) History as a special subject of teaching in elementary school. *Trudy pervogo Vserossiiskogo s'ezda po voprosam narodnogo obrazovaniya = Proceedings of the First All-Russian Congress on Public Education*. Iss. 1. Petrograd: Tip.V.D. Smirnova. P. 202-205. (In Russ.).

Dinze V (1913) On the national education. Experience of attracting domestic attention to a pressing issue. St. Petersburg: Izd. O.V. Bogdanovoi. 90 p. (In Russ.).

Dneprov E.D. (2011) Russian education in the XIX - early XX century: in 2 vol. Moscow: Marios. Vol. 1. 647 p.; Vol. 2. 657 p. (In Russ.).

Ezerskii N.F. (1911) What should a public school be? *Pervyi obshchezemskii s'ezd po narodnomu obrazovaniyu 1911 g. Doklady = The First All-Zemstvo Congress on Public Education*. 1911. Reports. Moscow: T-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva". Vol. 1. P. 1-17. (In Russ.).

Kornetov G.B., Salov A.I. (2012) Foreign and domestic pedagogy of the second half of XIX - middle of XX century. Moscow: ASOU. 140 p. (In Russ.).

Ivanov A.A. (2022) Political parties of Russia. Late XIX - early XX century. Vol. 1. Conservative parties. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 599 p. (In Russ.).

Иванов А.А. Культурная политика русских правых в начале XX века // Российская история. 2023. № 6. С. 56–71. DOI: 10.31857/S2949124X23060068. EDN: NQKRZW.

Ищенко В.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2005. 382 с.

Кудрявцев С.И. Чему учить детей в начальной школе с повышенным четырехлетним курсом (к вопросу о воспитании в сельских школах) // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. Т. 1. М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. С. 215–235.

Кузнецов Я.О. О приближении учебного материала в начальных сельских школах к жизни учащихся // Труды первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования. Пг. : Тип. В.Д. Смирнова, 1915. Вып. 1. С. 140–152.

Лебедев М.В. К вопросу о национализации начальной школы : Доклад инспектора нар. уч-щ 10 района Херсон. губ. М.В. Лебедева. Одесса : "Славянская" тип. Е. Хрисогелос, 1915. 12 с.

Малиновский Н.А. Коренные нужды современной начальной народной школы // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. Т. 2. М. : Тип. Вильде, 1912. С. 708–760.

Мусин-Пушкин А.А. О необходимости национального направления нашей школы. Петроград : Тип. Главного управления уделов, 1915. 13 с.

Начало учения детям: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры : сборник материалов Международной научной конференции (8–12 октября 2014 года) / редкол.: Н.Б. Баранникова и др.. М. : Канон плюс, 2014. 465 с. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 16).

Сенькина А.А. Школьная книга для чтения в российском парламенте, или Об одном эпизоде из истории цензуры и критики учебной литературы в начале XX века // Детские чтения. 2022. Т. 22. № 2. С. 104–131. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-104-13. EDN: ANOGYY.

Школьная подготовка второй русской революции : [Сб. статей о шк. учеб. и указ. лит.]. Санкт-Петербург : Рус. нар. союз им. Михаила Архангела : электропеч. К.А. Четверикова, 1913. [4], VI, 292 с.

Яблочков М.Т. Русская школа. Наставления директора народных училищ. Тула : Тип. Н.И. Соколова, 1895. 346 с.

Яковлев А. О том, как «известный» педагог В.П. Вахтеров заблудился в дебрях своего собственного «предметного метода» // Народное образование. 1911. Т. 2. Кн. 10. С. 331–347.

Ivanov A.A. (2023) Cultural policy of the Russian Rightists at the beginning of the 20th century. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 6. P. 56-71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2949124X23060068. EDN: NQKRZW.

Ishchenko V.A. (2005) History education in Russia: late XIX - early XXI century. *Stavropol' : Stavropol' State University*. 382 p. (In Russ.).

Kudryavtsev S.I. (1911) What to teach children in elementary school with an increased four-year course (to the question of education in rural schools). *Pervyi obshchezemskii s'ezd po narodnomu obrazovaniyu 1911 g. Doklady = The First All-Zemstvo Congress on Public Education*. 1911. Reports. Moscow: T-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva". Vol. 1. P. 215-235. (In Russ.).

Kuznetsov Ya.O. (1915) On the approach of educational material in primary rural schools to the life of students. *Trudy pervogo Vserossiiskogo s'ezda po voprosam narodnogo obrazovaniya = Proceedings of the First All-Russian Congress on Public Education*. Petrograd: Tip. V.D. Smirnova. Iss. 1. P. 140-152. (In Russ.).

Lebedev M.V. (1915) On the nationalization of elementary school. *Dokl. inspektora nar. uch-shch 10 raiona Kherson. губ. M.V. Lebedeva = Report of the inspector of folk schools of 10th district of Kherson province M.V. Lebedev*. Odessa: "Slavyanskaya" tip. E. Khrisogelos. 12 p. (In Russ.).

Malinovskii N.A. (1912) The Root needs of modern elementary folk school. *Pervyi obshchezemskii s'ezd po narodnomu obrazovaniyu 1911 g. Doklady = First All-Zemstvo Congress on Public Education*. 1911. Reports. Vol. 2. Moscow: Tip. Vil'de. P. 708-760. (In Russ.).

Musin-Pushkin A.A. (1915) On the need for a national direction for our school. *Petrograd: Glavnoe upravleniye udelov*. 13 p. (In Russ.).

Barannikova N. B. (2014) "Beginning to teach children": the role of the elementary school book in the history of education and culture. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8-12 oktyabrya 2014 goda). Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki» = Proceedings of the Seminar «Culture of Childhood: Norms, Values, Practices» (October 8-12, 2014)*. Moscow: Kanon+. Iss. 16. 465 p. (In Russ.).

Sen'kina A.A. (2022) The school reading book in the Russian parliament, or on an episode in the history of censorship and criticism of educational literature in the early twentieth century. *Detskie chteniya = Children's Readings*. Vol. 22. No. 2. P. 104-131. (In Russ.). DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-104-13. EDN: ANOGYY.

(1913) Schooling of the Second Russian Revolution. *St. Petersburg: Elektropech. K.A. Chetverikov*. [4], VI, 292 p. (In Russ.).

Yablochkov M.T. (1895) Russian school. Instructions of the Director of Folk High Schools. *Tula: Tip. P. Sokolova*. 346 p. (In Russ.).

Yakovlev A. (1911) About how the «famous» pedagogue V.P. Vakhterov got lost in the wilds of his own "subject method". *Narodnoe obrazovanie = Public Education*. Vol. 2. Book 10. P. 331-347. (In Russ.).

Яковлева М.К. Государственная политика в области исторического образования в конце XIX – начале XX века: на примере средних учебных заведений Курской губернии. Курск : Изд-во Регионального финансово-экономического института, 2006. 72 с.

Yakovleva M.K. (2006) State policy in the field of historical education in the late XIX - early XX century: on the example of secondary educational institutions of Kursk province. Kursk: Regional Economic and Financial Institute Publishing House. 72 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Твердюкова Елена Дмитриевна,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия,
e-mail: e.tverdyukova@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4415-2279>

Information about the author

Elena D. Tverdyukova,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor, Department of Recent History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University,
St. Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: e.tverdyukova@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4415-2279>

Вклад автора

Твердюкова Е.Д. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Tverdyukova E.D. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2024 г.; одобрена после рецензирования 12 марта 2024 г.; принята к публикации 18 марта 2024 г.

Article info

The article was submitted February 20, 2024; approved after reviewing March 12, 2024; accepted for publication March 18, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(47).084
EDN: PBALEU
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-121-133

Судьба иконы в революционной России: от открытия древнерусской живописи до эпохи «иконоборчества»

П.Г. Рогозный

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В революционное время произошло своеобразное открытие древнерусской живописи. Долгое время старинную икону со временем потускневшую, чтобы она выглядела более ярко и эффектно, подновляли и прописывали. Древнейшая живопись была скрыта под слоем новейших подновлений. Кроме того, древнерусское искусство считали примитивным и грубым. В начале XX века художники-реставраторы начали расчищать такие иконы от старых записей. Удивительно, что именно в эпоху войн и революций произошло своеобразное открытие древней иконописи. Постепенно коллекционировать икону становится модным. Некоторые деятели Православной Церкви считали такое светское отношение к церковному искусству недопустимым. Но часть церковных деятелей и патриарх Тихон поддержали реставраторов. Патриарх даже официально благословил расчистку древних икон. Самые известные иконы, в том числе произведения Андрея Рублева, были именно тогда расчищены от позднейших записей. Тогда же и сложился своеобразный антикварный рынок древнерусских икон. Коллекционеры древнерусской иконы, особенно в период революций, часто пополняли свое собрания явно нечестными путями. Параллельно с открытием древнерусского искусства шло и гонение, а впоследствии и уничтожение многого из того, что имело отношение к Православной Церкви. Свою политику в отношении религиозного искусства большевики именовали «иконоборством». Иконы первоначально снимали с публичных и общественных мест, где они висели. Потом иконы начали сжигать. Реставраторы и ценители древнерусского искусства боялись, что ценные иконы просто уничтожат. Кажется, именно поэтому некоторые, наиболее известные знатоки икон, были не против их продажи за границу. Впоследствии иконопись стали рассматривать как народное творчество. И икона из некогда религиозной реликвии превратилась в один из символов секуляризированной культуры.

Ключевые слова: икона, записи, расчистка, реставрация, Православная Церковь, большевики, новая власть, коллекционирования, «иконоборчество»

Для цитирования: Рогозный П.Г. Судьба иконы в революционной России: от открытия древнерусской живописи до эпохи «иконоборчества» // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 121–133. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-121-133>. EDN: PBALEU.

History

Original article

The fate of the icon in Revolutionary Russia: From the discovery of ancient Russian painting to the era of “iconoclasm”

Pavel G. Rogozny

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. During the revolutionary period, a peculiar discovery of ancient Russian painting took place. For a long time, the ancient icon faded over time, so that it looked more bright and impressive, was renovated and prescribed. The most ancient paintings were hidden under a layer of the latest updates. In addition, ancient Russian art was considered primitive and crude. At the beginning of the 20th century, restoration artists began to clear such icons from old records. It is surprising that it was in the era of wars and revolutions that a peculiar discovery of ancient iconography took place. Gradually, collecting icons is becoming fashionable. Some figures of the Orthodox Church considered such a secular attitude towards church art unacceptable. But some church leaders

and Patriarch Tikhon supported the restorers. The Patriarch even officially blessed the clearing of ancient icons. The most famous icons, including the works of Andrei Rublev, were cleared of later records at that time. At the same time, a kind of antique market of ancient Russian icons was formed. Collectors of ancient Russian icons, especially during the period of revolutions, often replenished their collections in obviously dishonest ways. In parallel with the discovery of ancient Russian art, there was also persecution, and subsequently the destruction of much of what was related to the Orthodox Church. The Bolsheviks called their policy on religious art "iconoclasm". Icons were initially removed from public places where they hung. Then the icons began to burn. Restorers and connoisseurs of ancient Russian art were afraid that valuable icons would simply be destroyed. It seems that this is why some of the most famous icon connoisseurs were not against selling them abroad. Subsequently, icon painting began to be considered as folk art. And the icon turned from a once religious relic into one of the symbols of a secularized culture.

Keywords: icon, records, clearing, restoration, Orthodox Church, Bolsheviks, new government, collectibles, "iconoclasm"

For citation: Rogozny P.G. (2024) The fate of the icon in Revolutionary Russia: From the discovery of ancient Russian painting to the era of "iconoclasm". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 121-133. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-121-133>. EDN: PBALEU.

Революционное время – это своеобразное открытие древнерусской живописи. Выдающийся реставратор и искусствовед Александр Иванович Анисимов спустя 10 лет после революции так оценил это эпоху – «русская революция, коснулась в своем разрушении и памятников старой религиозной культуры, выдвинула на одно из первых мест вопрос об охране древнейших русских икон. Вместе с тем, проводя в жизнь отделение церкви от государства, она дала возможность людям науки подойти к более значительным русским иконам не как к предметам религиозного почитания, оставшимся до сих пор неприкосновенными, а как к объектам научного изучения, подлежащим самому точному археологическому и историко-культурному анализу» (Анисимов, 1983а. С. 275).

В этой объективной оценке расстрелянный в 1937 году церковный реставратор старался показать всю двойственность данного периода.

Конечно, реставрация и часто неумелая расчистка древнерусских икон были и ранее, однако они не имели такого общественного резонанса. Долгое время древнерусская живопись не рассматривалась как произведение искусства. Особенно губительным для нее, как считают специалисты, стал XVIII век. «Люди XVIII века не терпели разностильности окружающей их обстановки и старались все переиначить в духе своего времени» (Вздорнов, 1986. С. 17). Особенно плохо для древнерусской иконописи было, если глава государства возомнил себя большим «знатоком истории», как было с Екатериной II. С ее правлением связаны документально установленные утраты большей части древнерусской иконописи.

Новую художественную культуру часто и справедливо связывают с Петром Великим, как и проводимую им «реформу благочестия», которая коснулась и икон, однако, как пишет Г.И. Вздорнов, «сколько бы ни противилась, явно и тайно, народная масса реформам Петра, сколько бы ни возмущалась нарушениями благочестия и заветов родной старины, естественный ход истории делал свое дело, и при Екатерине II новое отношение к церковному искусству сложилось окончательно» (Вздорнов, 1986. С. 16).

Даже когда в царствование Николая I были отмечены попытки создать «чисто-русскую» живопись, древнерусское искусство представлялось явлением «варварским». Художник и искусствовед А.В. Грищенко в своей книге, изданной в 1917 году, писал, «что националистические тенденции, как всегда бывает, вызвали к жизни многие обратные тенденции» (Грищенко, 2022. С. 11). По его мнению, «русские национальные художники» прошли немецкую школу или римско-болонскую «приправленные казарменной правильностью российской Академии» пытались создать русский стиль в живописи. Причем эту новую иконопись приветствовали не только в правительственных сферах, но и в «славянофильских кругах, в которых считали даже зазорным причислять к русской культуре такое "несовершенное" искусство как икона» (Грищенко, 2022. С. 12).

«Лишенный глубины мир и плоскостное изображение – все это было непонятно и рассматривалось как курьез и упадок на фоне античных образцов. Культура классицизма исключала религиозные образы на досках из сферы высокого искусства» (Тарасов, 2016. С. 120), – пишет современник.

менный автор. В Европе так же пренебрежительно относились к итальянским примитивам, которые сейчас, как и русские иконы, считают шедеврами мирового искусства, и первыми собирателями такой живописи становятся люди духовного звания. В России такими собирателями древней живописи становятся старообрядцы уже в XVIII веке (Тарасов, 2016. С. 120).

Будущему императору Александру III понравился рассказ Н.С. Лескова «Запечатленный ангел», главным героем которого становится древняя икона с изображенным на ней ангелом, которую хранили и почитали старообрядцы. Причем эта любовь к старине носила своеобразный характер, рождая целое направление, названное в культуре псевдорусским стилем. Эта любовь к старой русской жизни сказалась не только в живописи и архитектуре, но и в изменениях в военной форме одежды, где новые веяния чувствовались быстрее всего.

Идеал возвращения к древним живописным образцам видели в религиозной живописи М.В. Нестерова и особенно – В.М. Васнецова. Многие его картины считали возвращением в искусство Древней Руси и ставили в один ряд с Достоевским, Толстым, Соловьевым, называли «русским Рафаэлем». Деятельность Васнецова явно отразила и особенности «официального религиозного возрождения Александра III и Николая II» (Тарасов, 2016. С. 16).

Сам художник по своим политическим взглядам был крайне правым и был близок к «Союзу русского народа». Можно сказать, «что иконы в стиле Васнецова отвечали вкусам императорского двора» (Тарасов, 2016. С. 48). Его пригласили на Поместный Собор, на котором в отделе богослужения был создан подотдел, занимавшийся охраной памятников старины, церковной архитектуры и живописи (Кравецкий, 2022. С. 51). Туда же в этот отдел Собора были также приглашены брат Виктора, тоже известный художник А.М. Васнецов, М.В. Несторов, архитектор А.В. Щусев, знаток древнерусского искусства В.Т. Георгиевский и др.

В.М. Васнецов в ноябре 1917 г. сделал на Соборе несколько докладов, посвящённых русской иконописи. По времени и по тексту докладов понятно, что они совпали с первыми боями Гражданской войны и обстрелом московского Кремля.

«<...> Разгромляют пушками и разрушают дорогое нашей душе достояние не враги внешние, не немцы, не прусаки, не австрийцы, не турки, а наши природные русские солдаты, защитники Родины. Не дай Бог никакому народу пережить такой ужас и позор!...» (Доклады В.М. Васнецова..., 2022. С. 1055).

Специально для Собора по его рисункам была разработана специальная печать, которую ставили на наиболее значимых документах Собора. Правда уже тогда особенно среди некоторых искусствоведов и историков начало утверждаться мнение, что церковные картины Нестерова и Васнецова «решительно ничего общего не имеют с подлинным стилем русской живописи» (Муратов, 2008. С. 395). Такой тонкий знаток древнерусской иконы как Грищенко писал, как раз в революционный период, что «религиозные картинки» Васнецова и Нестерова: «(пускай между ними “громкая разница”)» совсем не похожи на Рублева или Дионисия. Писал исследователь и про «большие истерические глаза» на иконах Васнецова (Грищенко, 2022. С. 14). А в расширенном некрологе в 1926 г. Грабарь писал, что его религиозная живопись имела тысячи подражателей, «<...> пошли все бесчисленные вариации на Васнецовские темы различных “богомазов”, которыми в 1890–1900-х годах были заполнены стены большинства русских церквей, и которые отравили своим ядом и самый прообраз» (Грабарь, 1987. С. 336).

Несмотря на кажущееся возрождение древнерусского искусства, факты вандализма со стороны людей, считающих себя иконописцами по отношению к религиозной живописи, сохранялись, причем изначально они назывались «улучшением» или «подновлениями» увядших со временем красок. Большинство икон и фресок «подновлялись» часто весьма грубо. Потемневшая икона просто записывалась, таким образом древнерусское искусство было почти неизвестно даже специалистам. Термин «подновление» иконы, то есть запись ее «свежими» красками, стал притчей во языцех у любителей церковного искусства. Еще вредней для древнерусского искусства была деятельность так называемых «научных реставраторов» 70–90 годов XIX века. «Можно без малейшего преувеличения сказать, писал П.П. Муратов в 1923 г. в эмиграции, что все что попало в руки ар-

хеологов прошлого столетия в целях реставрации, было испорчено ими или искажено, в некоторых случаях, увы, навеки» (Муратов, 2008. С. 338). Еще раньше Грищенко называл таких реставраторов «могильщиками древних фресок, похоронивших своей безбожной рукой не мало произведений древних художников» (Грищенко, 2022. С. 20).

Вторым рождением древнерусского искусства называли расчистку от позднейших записей, которая по времени совпала с эпохой войн и революций. Эта расчистка была сделана грамотнее, чем более ранние попытки, однако некоторые ее методы могут вызывать сейчас удивление¹.

Широко было распространено и частное коллекционирование, даже можно сказать, что именно оно помогло значительной части икон сохраниться. Такова была судьба икон самой большой частной коллекции Николая Петровича Лихачева. Еще до революции она была приобретена музеем Александра III (будущий Государственный Русский музей) (Пивоварова, 2014). Сохранить церковные древности пытались и в самой Церкви. Так в епархиях открывались древнехранилища. К 1917 г. они действовали в 47 епархиях из 64. Некоторые иконы даже передавали в музеи, с условием предоставить взамен «точные копии» (Бусева-Давыдова, 2021. С. 404–407).

Однако вопросы создания церковных музеев нередко встречали препятствия в лице некоторых иерархов, это вызвало и дискуссию на Поместном Соборе. «Мне кажется, что учреждение музеев может подавать повод к низведению икон как предметов молитвенного почитания на степень простых предметов научного любопытства» (Документы Священного Собора..., 2018. С. 1132), – считал епископ Уральский Тихон (Оболенский). Ему возражал известный ценитель древнерусской иконы князь Е.Н. Трубецкой. Он говорил о том, что старую икону часто складывали на колокольню,

где она портилась, а там были величайшие произведения искусства. «Древнерусская икона, по его словам, способна давать ключ к пониманию христианского православного мировоззрения. Опасения преосвященного Тихона Уральского неосновательны. Древнехранилище не уничтожает, а, наоборот, возвышает древнюю икону научая нас понимать ее» (Документы Священного Собора..., 2018. С. 1132). В целом взгляд на древнерусскую икону, как на образец искусства, который требует исключительно бережного и осторожного отношения, возобладал.

Но и среди иерархов Церкви было немало сторонников бережного отношения к древнерусской культуре. Так епископ Прокопий (Титов) на заседании одного из отделов Поместного Собора заявил, что в целом церковная власть особенно на местах «небрежно» относится к древностям. «Древние иконостасы с художественной резьбой и с высокохудожественными иконами выламывались, сваливались на чердаки и уступали место многоярусным столярным иконостасам, грубо вызолоченным и лишенным всякого вкуса, а древние иконы заменялись ремесленными живописными копиями с немецких гравюр <...>». Епископ прямо назвал такое отношение «варварским» (Доклад епископа..., 2022. С. 1024). Важно отметить, что патриарх Тихон благословил расчистку икон и дал его участникам и руководителю И.Э. Грабарю специальную патриаршую грамоту (Кызласова, 2006).

Параллельно с этим, согласно декрету «об отделении церкви от государства», принятом в январе 1918 года, Церковь лишалась прав юридического лица и все церковное имущество провозглашалось «народным достоянием». Таким образом, формально икона становилась достоянием народа и ее можно было беспрепятственно и реставрировать, и уничтожать, если народ этого «потребовал». Кроме того, любое «религиозное изображение», согласно инструкции к декрету, принятой в августе 1918 года, не должно висеть в общественном месте. Сами большевики свою политику именовали «иконоборчеством» (Рогозный, 2020).

Исследователь древнерусской живописи и одновременно церковный деятель и делопроизводитель Поместного Собора В.Т. Георгиевский писал крупнейшему знатоку церковного искусства

¹ Так, например, некоторые детали дописываются, причем в соответствии с модой и пониманием древнерусской живописи того времени. Композиция такой иконы могла представлять «плод фантазии реставратора». Так была «отреставрирована» знаменитая икона XV века «Чудо Георгия о змее». Был удалён не понравившейся реставратору авторский золотой фон, а некоторые детали композиции реставратор написал сам. См.: (Бобров, 1987. С. 38–39).

Н.П. Кондакову в октябре 1918 года, что его мечты сделать что-либо в «пользу церковного искусства» были благосклонно приняты Поместным Собором и это «могло войти в жизнь, если бы церковь из состояния “терпимой” при либеральном правительстве не очутилась в состоянии “гонимой” при нынешнем революционном периоде правления» (Неотправленное письмо..., 2000. С. 210). Таким образом, писал Георгиевский, он уже потеряв «надежду на какую-либо работу в сфере церковного искусства», неожиданно получил предложение Коллегии при «Комиссариате Просвещения», возглавляемой «самой Троцкой (женой известного премьер-министра военного Комиссариата) и И.Э. Грабарем, энергия которого Вам хорошо известна», принять участие в деятельности реставрации и сохранения памятников русского искусства. Таким образом, мы, «заручившись благословением Патриарха и патриаршей грамотой, открывшей нам двери всех ризниц и храмов, а главное – обильными средствами, щедро отпущенными правительством по ходатайству m-me Троцкой, мы отправились с партиями реставраторов-иконописцев (Чириковы, Тюлины, Юркин и пр.) в гг. Владимир, Боголюбов, Муром, Кириллов, Феррапонтов, Троицко-Сергиево и пр. и приступили к выявлению записанных и замазанных памятников древнего искусства» (Неотправленное письмо..., 2000. С. 211).

Именно в годы Гражданской войны в 1919 году в Ярославле, в кладовой («рухлядной») Спаса-Преображенского собора, экспедицией Государственных реставрационных мастерских была обнаружена икона Богородицы, известная под названием «Ярославская Оранта». Икона XI–XII вв. была записана позднейшей живописью и удивительно хорошо сохранилась. Ранее в 1918 году, согласно легенде, в сарае рядом с Успенским собором в Звенигороде под грудой дров реставраторами были обнаружены иконы знаменитого Звенигородского чина, приписываемые Андрею Рублеву. В том же 1918 году окончательно раскрыли знаменитую Троицу. Реставрация 1905 года, когда с иконы сняли оклад и смыли некоторые записи, не позволила «добраться до оригинала» (Анисимов, 1983b. С. 89–90). Существуют фотографии первой попытки раскрыть Троицу, они существенно отличаются от того произведе-

ния Рублева, что мы видим сейчас (Бобров, 1987. С. 89–95).

Летом 1918 года патриарх и Священный Синод слушали рассказ митрополита Владимирского Сергия (Страгородского) о знаменитой чудотворной иконе Боголюбской Божьей Матери. Икона находилась в Боголюбском монастыре и была осмотрена членами комиссии по реставрации в присутствии настоятеля монастыря и признана находящийся в очень плохом состоянии (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 80. Л. 7). В акте осмотра констатировалось, что доска иконы во многих местах треснула и «червь местами источил доску до трех вершков». Левкас местами осыпался и лики иконы почернели до «полной невозможности рассмотреть изображение». Сам митрополит «со своей стороны» просил разрешения удалить с иконы тяжелый ковчег, в который икона заключена (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 80. Л. 8). Так причт и прихожане одной из церквей Тобольской епархии просили патриарха в начале 1918 года разрешить им «отреставрировать» местный чудотворный «образ-список» иконы Божьей Матери, к данному прошению присоединился и епархиальный епископ. Патриарх и Синод, конечно, реставрацию разрешили с условием, чтобы работа была поручена «опытному реставратору» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 4. Л. 77). Конечно, можно иронизировать по поводу, возможно ли было тогда найти в Тобольске «опытного реставратора», однако одно это замечание отличает церковные власти начала XX века от того варварского отношения к древнерусскому искусству, которое практиковалось ранее. Какова была так называемая «церковная реставрация» в XIX и даже в начале XX века, видимо, понимали и образованные епископы, и священники. По сути, эта «реставрация» была тем же «подновлением» красочного слоя и иногда, с точки зрения современной науки, проводилась варварскими средствами.

А.И. Анисимов в 1919 году говорил и писал, что более точным названием их занятий будет «раскрытие памятников живописи». Мы и сами иногда называем нашу работу реставрацией, «но тотчас спешим поправиться». Анисимов считал, что слово «реставрация» дискредитировали неумелым и даже «варварским» вмешательством в

древнерусскую живопись. Он отвергал ссылку на опыт европейских коллег, когда ему говорят, что «даже Европа доделывает антики». Вот этой-то доделки не допускает наша Комиссия. Она только раскрывает икону и фреску, освобождает их от грязи, копоти, позднейших прописей и всякого рода наслоений» (Анисимов, 1983b. С. 96–97).

Так, в 1924 г. священник одного из сел Московской епархии Василий Максимов сообщал викарию епархии епископу Платону (Рудневу) о росписи местной церкви и подчеркивал, что «иконы промыты, без всякой реставрации» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 255. Л. 11 об.). Приблизительно в то же время местные музейщики на русском Севере продвинули постановление, чтобы «старинные иконы в церквях, иконостасы и храмы не реставрировались» без разрешения Всероссийской коллегии по охране памятников (Каулен, 2002. С. 123).

Этнограф-фольклорист Ю.М. Соколов делился со своим братом тоже этнографом, проживающим в Саратове, впечатлением от выставки древнерусской живописи, открывшейся летом 1920 года в Москве. «Что за чудо! От глаз Богоматери нельзя оторваться. Несколько дней ходил, как загнипнотизированный... На выставке перебивала вся интеллигентная Москва». Отмечал он, что некоторые верующие «украшают чудотворные иконы цветами², многие молятся, один священник как-то читал акафист. Чего-либо смущающего религиозного человека, по-моему нет». Соколов пишет, что встретил на выставке самого Грабаря, который ему «кое-что интересное порассказал» (Ю.М. Соколов – Б.М. Соколову, 2010. С. 370).

Благодаря подвижнической деятельности ценителей живописи, реставраторов и сотрудников музея многие шедевры древнерусской живописи были сохранены. Судьба многих икон во время революции и Гражданской войны всегда трагична. И спасение икон от уничтожения и наполнение музеев происходило именно в смутное время. Конечно, большое значение имело и благословление патриарха Тихона реставраторам живописи. Некоторые из них были люди религиозные и для них такое напутствие и освящение их

работы главою Церкви имело большое значение. «Невероятно – писал, находясь в эмиграции Г.П. Федотов, в стране безбожия существуют иконописные школы и школы реставраторов. Как объяснить это?» Сам Федотов пытался объяснить это «суеверным уважением» марксизма к «памятниками “материальной культуры”» (Федотов, 1991. С. 212).

Некоторые представители музейной среды, казалось, действовали в самый неблагоприятный для церковной среды момент. Так, например, директор Губернского музея города Самары Ф.Т. Яковлев летом 1919 г. написал письмо настоятелю Александро-Свирского монастыря. В данном письме директор спрашивал «высокопочитаемого отца настоятеля» не имеется ли для пополнения церковного отдела музея «пять или шесть статуэток Александра Свирского и Нила Столобенского» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 3. Д. 620. Л. 52). Причем музей был готов заплатить за эти статуэтки «высокую цену», так как «ныне эти предметы ее могут быть дешевыми». Так же директор музея просил выслать «наложным платежом» старинные нательные крестики, медные, бронзовые, деревянные или серебряные <...> разные иконки», а «я постараюсь внести лепту (денежную), для ваших монастырских нужд». Причем директор музея подробно разъяснил как это все упаковать и отправлять по почте. В заключение своего письма он просил прощения, что он «утрудняет» настоятеля своими просьбами и просил верить, что не знает «более к кому обратиться». На это письмо настоятель монастыря сообщал, что в Александро-Свирском монастыре «в октябре в 1918 г. произведена реквизиция и многие вещи реквизированы», вследствие этого он «при всем желании не может удовлетворить просьбу». Кроме того, настоятель сообщал, что «в монастыре никогда Александра Свирского статуэтки не выделялись <...>» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 620. Л. 52–53 об.).

Для обоснования поступления икон в музей в первые годы Советской власти требовали у работника заведения определенной демагогической риторики. Так музейный деятель М.Н. Щекотов, по решению комиссариата Просвещения направленный в 1920 г. в Троицко-Сергиеву лавру, считал, что реставраторы, перенося иконы в музей,

² На выставке под некоторые иконы ставили вазы с цветами.

так борются с «религиозной темнотой». «Вы представьте, – говорил он на заседании комиссии по ликвидации лавры, – что икона, перенесенная в музей, уже теряет свое религиозное обаяние. Многие иконы перенесены в музей. Там они не вызывают такого поклонения». Щекотов считал, что реставрация икон есть своего рода борьба с темнотой. «Так приходилось при некоторых реставрационных работах касаться чудотворных икон, которые на поверку оказывались иногда более позднего происхождения, чем то, которое усваивали [Так П.Р.] этим иконам церковники. Мы тоже в своем роде, таким образом вскрывали “мощи”» (Следственное дело..., 2000. С. 582)³. Несмотря на такую риторику, музеи тогда могли восприниматься как «форма охраны» церковных предметов, которым «грозит полное уничтожение» (Каулен, 2002. С. 131).

О «плодотворной работе» реставраторов по «раскрытию чудотворных икон, бывших ранее малодоступных науке» писал Н.Д. Кондакову В.Т. Георгиевский. Его письмо, написанное в начале 1923 года, рисует жизнь и быт реставраторов и людей, занимавшихся «научными изысканиями» в области древнерусской иконописи. Письмо оставшегося искренне верующим и постоянно ходившим в церковь Георгиевским (служившего в старой России в Синоде и имевшего чин действительного статского советника) написано частично в грустно-ироничном стиле. «Вам гораздо интересней будет знать, что мы сделали в интересах науки с монастырями и церквями, с их ризницами и иконостасами при ликвидации старой веры, т. к. старую религию мы признаем ядом для народа, стараемся заменить ее учением коммунизма, возведенного нами на степень религии <...> Для отвращения народа от старых заблуждений мы закрыли все домовые церкви, вынесли все иконы из публичных мест, закрыли все часовни, оставив пока одну Иверскую (уж очень много незнательных ходит в нее), но для дискредитирования ее, мы крупными буквами написали на здании городской Думы на фасаде, который обращен к

Иверской, один из символов марксистской веры – буквально его изречение: “Религия – опиум для народа” – пусть читают» <...> (Георгиевский В.Т. – Кондакову Н.П., 2000. С. 200). «Ввиду закрытия почти всех монастырей, – продолжал Георгиевский, – некоторые из них мы обратили в музеи – так, Сергиева Лавра – музей, Новодевичий – музей, Новый Иерусалим – музей и другие московские монастыри, а также – Кириллов, Ферапонтов, Тихвин, Соловки, Пафнутиев, Савин Звенигородский и пр.». Писал Георгиевский и об изъятии церковных ценностей, когда вся ценная часть «богослужебной утвари была национализирована». Георгиевский писал, что захват церковного имущества прошел очень «легко». «Пришлось только расстрелять несколько незнатных архиереев, да несколько десятков попов, которых жалеть было нечего, т. к. это очевидные контрреволюционеры, – и все церковные ценности были выданы» (Георгиевский В.Т. – Кондакову Н.П., 2000. С. 204).

В 20-е годы иконы пытались использовать в атеистической пропаганде, одним из инициаторов такого использования живописи был известный партийный работник, ставший этнографом, Н.М. Маторин. Под его руководством была подготовлена специальная выставка «Православное язычество», в основе которой лежала идея о связи православных икон с народными верованиями и практиками, прежде всего, с разными природными культурами: культом воды, деревьев» (Шахнович, 2021. С. 7).

Маторин писал, «что у нас абсолютно нет никакого антирелигиозного истолкования икон». Причем сторонник «классового момента в иконописи», он предлагал дать «решительный отпор носителем пиетистских и патриотических, по существу контрреволюционных тенденций в истолковании религиозных памятников». Маторин писал, что храм Василия Блаженного и «псковские кубические церквушки и рублевские иконы» надо сохранить (Маторин, 1931. С. 45–46).

Уже такая постановка вопроса показывает, почему некоторые реставраторы и искусствоведы были не против продажи иконописи за границу. Они боялись, что русское религиозное искусство просто уничтожат, так как к власти в стране, по их мнению, пришли малограмотные и необразован-

³ Следственное дело Патриарха Тихона : сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т; отв. сост. Н.А. Кривова. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.

ные люди, к тому же агрессивно настроенные к любым проявлениям религиозности. За русскими храмами и монастырями могут последовать и музейные иконы. Так, еще в 1920 г., говоря о большой «массе икон», вышеупомянутый Щекотов, направленный в Троицко-Сергиеву лавру комиссией Наркомпроса, предлагал произвести «сортировку икон», то есть «выделить те, которые могли бы быть переданы общинам верующих», а остальные «так или иначе утилизировать» (Следственное дело..., 2000. С. 576)⁴. Понятно, что хотел сказать Щекотов, однако мрачное слово «утилизация», прозвучавшее и в следующий раз, могло быть использовано в прямом своем значении.

Тема распродажи искусства из музеев Советского Союза была болезненной, она коснулась и древнерусской живописи. «Революция создала предпосылки для государственного иконного бизнеса»⁵, – пишет современная исследовательница (Осокина, 2018. С. 480).

Следует отметить, что в целом для гуманитарной интеллигенции распродажа картин и икон из государственных собраний не была секретом и несмотря на старание властей, о ней знали по дошедшим слухам, иногда преувеличенным⁶.

Еще раньше, в эпоху Гражданской войны, процветал своеобразный «иконный бизнес» и если, чтобы определить древность и ценность

иконы, требовалось специальное образование, то чтобы понять, что драгоценный оклад стоит немалых денег, образования не требовалось. Иногда «ценители» древнерусского искусства проявляли недюжинную сметку и даже своеобразное чувство юмора, как будет показано в дальнейшем. Еще при царском правительстве началась эвакуация ценностей с территорий, которые Российская империя медленно теряла в ходе Первой мировой войны. Так, например, весьма многочисленные колокола с церковью хранили во дворе Харьковско-го рафинадного завода, тут же в Харькове нашли временное пристанище и наиболее ценные эвакуированные иконы. Видимо, когда Украина стала независимой, иконы и колокола было решено перевести в Москву.

В 1918 году члену Высшего Церковного Совета протоиерею А.М. Станиславскому было поручено в Москве встретить отправленные поездом церковные ценности из Харькова. Однако в целости до Москвы груз не дошел, исчезли все иконы и некоторые колокола. Часть колоколов нашли, они доехали до Ржева, их разгрузка и их хранение вызвали массу проблем. Икон было относительно много, хотя вывозили только наиболее ценные, они занимали почти целиком вагонное купе. Выяснилось, что на станции «Нижегородской железной дороги» (Так – П.Р.) иконы были выданы некому Шитикову (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 17. Л. 56).

Кто он такой, а также получивший часть колоколов Куликов, сказать Станиславский не мог. Единственной зацепкой служила фамилия того, кто иконы получал. Шитиков не только расписался в эвакуационных «ведомостях» на иконы, но и написал, что взял иконы «для себя» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 17. Л. 56).

Патриарх и Высший церковный совет рассмотрели это дело в январе 1919 года, причем было поручено «навести справку», кто такие Шитиков и Куликов. Очевидно, пропавшие иконы представляли большую ценность. Через месяц патриарх и Совет снова вернулись к этому, было заслушано объяснение протоиерея А.М. Станиславского, однако выяснить, кто такой Шитиков, забравший иконы, не удалось (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 17. Л. 76).

В условиях Гражданской войны найти пропавшие ценности не представлялось возможным

⁴ Следственное дело Патриарха Тихона : сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Правосл. Свято-Тихоновский богосл. ин-т; отв. сост. Н.А. Кривова. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.

⁵ Можно сделать предположение, что некоторые граждане из творческой интеллигенции активно выступали за продажу икон за границу, так как считали, что лучше они будут в зарубежных коллекциях чем в СССР, где они могут быть просто уничтожены. Так, сидевший в Соловецком лагере вместе с одним из самых известных реставраторов иконописи А.И. Анисимовым Д.С. Лихачев вспоминал его слова: «если страна не ценит своих сокровищ, пусть они уходят из этой страны, но они должны быть проданы в крупные музеи или известным коллекционерам...» (Лихачев, 2021. С. 205).

⁶ «В Берлине сейчас иконная выставка, куда увезли и рублевскую Троицу. Вернется ли она? Уверяют, что вернется, но многое, близкое к ней, конечно, будет продано. Все продадут, гады, если только дадут деньги» (Шитц, 2022. С. 130–131. Запись 26 февраля 1929 г.). Ранее Шитц записал в дневник «Зловещие слухи подтверждаются: из Эрмитажа начали распродавать уже первые номера – продан “Блудный сын” Рембранта» (Шитц, 2022. С. 85).

и дело закрыли, а доклад Станиславского приняли «к сведению». На этом эпизоде воровства икон, заслуживающего пера классика, следует остановиться подробнее. Сразу возникает вопрос – почему ценности отправили без сопровождения? Можно сказать, только то, что иконы охраняли, по-видимому, какие-то железнодорожные служащие, раз они потребовали с Шитикова или того, кто представился Шитиковым, какие-либо объяснения и записали его фамилию. Об этом, безусловно, интересном случае можно судить по экстракту дела, которое присутствует в архиве, но все подробности этого случая мне неизвестны. Можно только констатировать, что Шитиков провернул большую аферу и стал обладателем большой коллекции ценных икон.

Постепенно антиклерикальную пропаганду заменяла атеистическая. Судьба многих икон времени «иконоборчества» большевиков была печальна. Часто последовательность была такая: церковные здания закрывали и там устраивали или клуб, или кинотеатр, или передавали местному колхозу, если церковь находилась в сельской местности. Самые ценные иконы поступали в музей или приехавший «специалист» определял качество икон и пригодность «их для экспорта». Остальные иконы, коих было большинство, просто уничтожались (Пригодина, 2002. С. 63–64). В Ленинграде, например, иконы из закрытой церкви могли предать в действующую. В более позднее время, например, целый иконостас закрытой церкви в деревне Пельгора передали в храм Ленинградской духовной академии. Практика, когда церковная утварь из закрытых церквей свозилась в одну, где перед уничтожением разбирались и музейными работниками, и представителями церквей, видимо, была широко распространена.

Когда в середине 20-х годов в некоторых сельских местах проводилось показательное сжигание икон, крестьяне туда приходили добровольно и вокруг костра из икон устраивали хоровод⁷ (Капков, 2020. С. 100). Вообще сжигание икон

в 30-х годах XX века часто рассматривали как апогей атеистической компании⁸.

Преращение относительно массового производства дешевых икон можно связать с закрытием частных производств эпохи сворачивания НЭПа. «Артельная форма промысла стала невозможной и сменилась надомным нелегальным ремеслом кустарей-одиночек, что постепенно привело к расцвету нового явления – советской иконы». Для изготовления таких икон часто использовали дореволюционные литографии, а после и фотографии икон, которые могли раскрашиваться и обрамляться в фольгу, и украшаться искусственными цветами. Такие народные иконы «функционализовали, прежде всего, в домашнем пространстве» (Антонов, Доронин, 2022. С. 15). Постепенно в антирелигиозной пропаганде агрессивное отношение к иконам заменилось на снисходительное, рассматривавшее икону как часть народного творчества. Таким образом, икона, раньше часто являвшаяся показателем веры, превращалась в элемент культуры, иногда полностью секулярной.

В заключение можно констатировать, что постепенно отношение к иконописи менялось, от высокомерного – до факта признания древнерусских иконописцев гениальными. Такому признанию предшествовало открытие древнерусского искусства, которое по времени совпало с эпохой войн и революций. Это время – не только раскрытия древнерусской живописи, но и массового перемещения икон (эвакуация, реквизиции, национализация), создавало условия для формирования частных и музейных коллекций.

В то же время у части священнослужителей оставалось неоднозначное отношение к музейфикации и реставрации живописи, в ней они видели опасность секуляризации иконописи. Но дискурс

⁷ Описанный случай с хороводом вокруг костра в момент сжигания икон происходил в селе Нагорье Ярославской губернии.

⁸ Византийское иконоборчество, видимо, позднее называли «ересью иконозжигательства» (Лепяхин, 2008. С. 254). Автор утверждает со ссылкой на Успенского, что иконы до большевиков на Руси не сжигали. Однако иконы сжигали, правда, отнюдь не из-за иконоборческих настроений (Бусева-Давыдова, 2021. С. 408). Особенно массово в 2000-х сжигали или утилизировали иконы «советского времени», представляющие в большинстве фотографии, иногда даже не раскрашенные. Часто их для утилизации как «священный мусор» несли в местную церковь (Антонов, 2022. С. 21–23).

научной реставрации или расчистки икон способствовал сохранению их, часть церковных деятелей и патриарх понимали это и шли на сотрудничество с реставраторами и деятелями культуры. Такая деятельность особенное развитие получила в первые годы Советской власти.

Однако постепенно антирелигиозные гонения коснулись не только духовенства и наиболее

активных прихожан, но и культурных работников и реставраторов, и теперь иконе грозило просто физическое уничтожение, только признание религиозного искусства частью народного творчества способствовало сохранению иконы и в культурном, и в народном быту.

Список источников

Анисимов А.И. Домонгольский период древнерусской живописи // О древнерусском искусстве. Сборник статей. М. : Советский художник, 1983а. С. 275–350.

Анисимов А.И. Раскрытие памятников древнерусской живописи // О древнерусском искусстве. Сборник статей. М. : Советский художник, 1983б. С. 81–103.

Антонов Д.И. Священный мусор: практика ритуализированной утилизации в современной церковной традиции // Живая старина. 2022. № 1. С. 21–24. EDN: FIFYVR.

Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. М. : Индрик, 2022. 183 с. EDN: CZPOKG.

Бобров Ю.Г. История реставрации древнерусской живописи. Ленинград : Художник РСФСР, 1987. 162, [2] с.

Бусева-Давыдова И.Л. Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна: поиски сакрального образа. 2-е изд. М. : БуксМАрт, 2021. 475 с.

Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. М. : Искусство, 1986. 382 с.

Георгиевский В.Т. – Н.П. Кондакову 26 марта / 2 апреля 1923 г. // История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси (1920–1930 годы) / И.Л. Кызласова (по материалам архивов). М. : Изд-во Академии горных наук, 2000. С. 198–205.

Грабарь И. В.М. Васнецов (очерк) // Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников. М., 1987. С. 335–337.

Грищенко А.В. Вопросы живописи. Русская икона как искусство живописи. М. : Омега-Л, 2022. 270 с.

Доклад епископа Прокопия (Титова) об иконописании в России. 7 ноября 1917 г. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 15 (Кн. 2). Протоколы заседаний и материалы Отдела о богослужении, проповедничестве и храме и Библейского отдела / составление, подготовка текста, пред-

References

Anisimov A.I. (1983a) The pre-Mongol period of ancient Russian painting. *O drevnerusskom iskusstve. Sbornik statei = About Ancient Russian art. Collection of articles*. Moscow : Soviet Artist. P. 275-350. (In Russ.).

Anisimov A.I. (1983b) Disclosure of monuments of ancient Russian painting. *O drevnerusskom iskusstve. Sbornik statei = About ancient Russian art. Collection of articles*. Moscow : Soviet Artist. P. 81-103. (In Russ.).

Antonov D.I. (2022) Sacred garbage: the practice of ritualized disposal in the modern Church tradition. *Zhivaya starina = Living Antiquity*. No. 1. P. 21-24. (In Russ.). EDN: FIFYVR.

Antonov D.I., Doronin D.Y. (2022) Icons of the Soviet era: faces of tradition. Moscow: Indrik. 183 p. (In Russ.). EDN: CZPOKG.

Bobrov Yu.G. (1987) The history of restoration of ancient Russian painting. Leningrad: Artist of the RSFSR. 162 [2] p. (In Russ.).

Buseva-Davydova I.L. (2021) Russian iconography from the Armory to Modernity: the search for a sacred image. Moscow: BuksMArt. 475 p. (In Russ.).

Vzdornov G.I. (1986) The history of the discovery and study of Russian medieval painting, XIX century. Moscow: Iskusstvo. 382 p. (In Russ.).

Georgievsky V.T. (2000) Letter to N.P. Kondakov, March 26/ April 2, 1923. *Kyzlasova I.L. Istoriya otechestvennoi nauki ob iskusstve Vizantii i Drevnei Rusi (1920–1930 gody). Po materialam arkhivov = Kyzlasova I.L. History of the national science of the art of Byzantium and Ancient Russia (1920-1930). Based on the materials of the archives*. Moscow: Publishing House of the Academy of Mining Sciences. P. 198-205. (In Russ.).

Grabar' I. (1987) V.M. Vasnetsov (essay). *Viktor Mikhailovich Vasnetsov. Pis'ma. Dnevniki. Vospominaniya. Dokumenty. Suzhdeniya sovremennikov = Viktor Mikhailovich Vasnetsov. Letters. The diaries. Memories. Documents. Judgments of contemporaries*. Moscow. P. 335-337. (In Russ.).

Grishchenko A.V. (2022) Questions of painting. The Russian icon as the art of painting. Moscow: Omega-L. 270 p. (In Russ.).

Kravetskii A.G. (2022) A report by Bishop Prokopy (Titov) on icon painting in Russia. November 7, 1917. *Dokumenty Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918. Protokoly zasedanii i materialy Otdela o bogoslužhenii, propovednichestve i khrame i Bibleiskogo otdela = Documents of the Holy Council of the Orthodox Russian*

словие и примечания А.Г. Кравецкого, отв. ред. А.Г. Кравецкий, прот. Николай Балашов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2022. С. 1021–1029.

Доклады В.М. Васнецова «О русской иконописи», «Иконопись в городских и сельских храмах», «По поводу фабричной имитации образов», «Электричество в храмах». 25 ноября 1917 г. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 15 (Кн. 2). Протоколы заседаний и материалы Отдела о богослужении, проповедничестве и храме и Библейского отдела / составление, подготовка текста, предисловие и примечания А.Г. Кравецкого, отв. ред. А.Г. Кравецкий, прот. Николай Балашов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2022. С. 1044–1063.

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Протоиерей Алексей Колчерин. М.: Новоспасский монастырь, 2018. Т. 7. Кн. 2. 1280 с.

Капков К.Г. Тьма. Трагедия. Террор. История разорения Николо-Сольбинского монастыря и судьбы 8 его обитателей, 1918–1938. Проблемы прочтения следственных дел. Николо-Сольбинский женский монастырь (Местечко Сольба, Ярославская обл.). М., 2020. 333 [2] с.

Каулен М.Е. Роль музеев-храмов и музеев-монастырей в сохранении христианского историко-культурного наследия Севера // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002. С. 115–132.

Кравецкий А.Г. Богослужебный уклад Русской Церкви и Священное писание в трудах Поместного Собора 1917–1918 гг. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 15 (Кн. 1). Протоколы заседаний и материалы Отдела о богослужении, проповедничестве и храме и Библейского отдела / составление, подготовка текста, предисловие и примечания А.Г. Кравецкого, отв. ред. А.Г. Кравецкий, прот. Николай Балашов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2022. С. 5–88.

Кызласова И.Л. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История Русской Православной церкви. 2006. № 1 (19). С. 27–33. EDN: JRGZMZ.

Лепяхин В.В. «Золотой век» сказаний о чудотворных иконах. М.: Паломник, 2008. 315 с.

Лихачев Д.С. Воспоминания. М.: ОГИЗ, 2021. 463 с.

Маторин Н.М. Иконопись в антирелигиозной пропаганде // Советский музей. 1931. № 2. С. 45–54.

Church of 1917-1918. Minutes of meetings and materials of the Department on Worship, preaching and the Temple and the Bible Department. Moscow: Publishing House of the Novospassky Monastery. Vol. 15. Book 2. P. 1021-1029. (In Russ.).

Kravetskii A.G. (2022) Reports by V.M. Vasnetsov "On Russian iconography", "Iconography in urban and rural temples", "On factory imitation of images", "Electricity in temples". November 25, 1917. *Dokumenty Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 godov. Protokoly zasedanii i materialy Otdela o bogoslužhenii, propovednichestve i khrame i Bibleiskogo otdela = Documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917-1918. Minutes of meetings and materials of the Department on Worship, preaching and the Temple and the Bible Department.* Moscow: Publishing House of the Novospassky Monastery. Vol. 15. Book 2. P. 1044-1063. (In Russ.).

Kolcherin Aleksii, protoierei (2018) Documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917-1918. Moscow: Novospasskii Monastery. Vol. 7. Book 2. 1280 p. (In Russ.).

Kapkov K.G. (2020) Darkness. Tragedy. Terror. The story of the ruin of the Nikolo-Solbinsky Monastery and the fate of 8 of its inhabitants, 1918-1938. Problems of reading investigative cases. *Nikolo-Solbinsky Convent (The town of Solba, Yaroslavl region).* Moscow. 333 [2] p. (In Russ.).

Kaulen M.E. (2002) The role of temple museums and monastery museums in the preservation of the Christian historical and cultural heritage of the North. *Khristianstvo i Sever. Po materialam VI Kargopol'skoi nauchnoi konferentsii = Christianity and the North. Based on the materials of the VI Kargopol Scientific Conference.* Moscow. P. 115-132. (In Russ.).

Kravetskii A.G. (2022) The liturgical way of the Russian Church and the Holy Scriptures in the works of the Local Council of 1917-1918. *Dokumenty Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 godov. Protokoly zasedanii i materialy Otdela o bogoslužhenii, propovednichestve i khrame i Bibleiskogo otdela = Documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917-1918. Minutes of meetings and materials of the Department on worship, preaching and the Temple and the Bible Department.* Moscow: Publishing house of the Novospassky Monastery. Vol. 15. Book 1. P. 5-88. (In Russ.).

Kyzlasova I.L. (2006) On Patriarch Tikhon's blessing of the works of cultural figures on the preservation and restoration of monuments of ancient painting. *Vestnik PSTGU. Ser. 2. Istorija. Istorija Russkoi Pravoslavnoi tserkvi = Bulletin of the PSU. Episode 2. The Story. The history of the Russian Orthodox Church.* No. 1 (19). P. 27-33. (In Russ.). EDN: JRGZMZ.

Lepakhin V.V. (2008) "The Golden Age" of legends about miraculous icons. Moscow: Pilgrim. 315 p. (In Russ.).

Likhachev D.S. (2021) Memoirs. Moscow: OGIZ. 463 p. (In Russ.).

Matorin N.M. (1931) Iconography in antireligious propaganda. *Sovetskii muzei = Soviet Museum.* No. 2. P. 45-54. (In Russ.).

Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII в.: история открытия и исследования. Санкт-Петербург : ВІВЛІОПОЛІС, 2008. 429 с.

Неотправленное письмо В.Т. Георгиевского Н.П. Кондакову. 25/12 октября 1918 г. // Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси 1920–1930 годы. По материалам архивов. М. : Изд-во Академии горных наук, 2000. С. 209–217.

Осокина Е.А. Небесная голубизна ангельских одежд. Судьбы произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 655 с.

Пивоварова Н.В. Памятники Церковной старины в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М. : БуксМАрт, 2014. 432 с.

Пригодина О.Б. Антирелигиозные гонения на Каргополье // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002. С. 63–66.

Рогозный П.Г. Гражданская война и иконы // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Материалы XI Санкт-Петербургского международного colloквиума по русской истории. Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 года. СПб. : Нестор-История, 2020. С. 193–207. DOI: 10.51255/978-5-4469-1699-3_2020_193. EDN: EKYCHF.

Тарасов О.Ю. Модерн и древние иконы. От святыни к шедевру. Очерк. М. : Индрик, 2016. 283 с.

Федотов Г.П. Новая Россия // Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры) : В 2-х т. СПб. : София, 1991. Т. 1. С. 197–227.

Шахнович М.М. Местночтимые православные святые в России в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам этнографических экспедиций) // Религиоведение. 2021. № 3. С. 5–14. DOI: 10.22250/2072-8662.2021.3.5-14. EDN: WOUUCA.

Шитц И.И. «И страх, страх безумный...». Дневник историка: (март 1928 – август 1931). М. : Терра, 2022. 428 с.

Соколов Ю.М. Письмо Б.М. Соколову 21 июня 1920 г. // Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых) / подгот. текста, вступ. ст., коммент. и указ. В.А. Бахтиной. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 370–376.

Muratov P.P. (2008) Russian painting before the middle of the XVII century: the history of discovery and research. St. Petersburg: BIBLIOPOLIS. 429 p. (In Russ.).

Georgievskii V.T. (2000) An unsent letter from to N.P. Kondakov. October 25/12, 1918. Kyzlasova I.L. *Istoriya otechestvennoi nauki ob iskusstve Vizantii i Drevnei Rusi 1920–1930 gody. Po materialam arkhivov = Kyzlasova I.L. The history of the national science of the art of Byzantium and Ancient Russia 1920-1930. Based on the materials of the archives.* Moscow: Publishing House of the Academy of Mining Sciences. P. 209-217. (In Russ.).

Osokina E.A. (2018) The heavenly blue of angelic robes. The fate of the works of ancient Russian painting, 1920-1930s. Moscow: New Literary Review. 655 p. (In Russ.).

Pivovarova N.V. (2014) Monuments of Church antiquity in St. Petersburg-Petrograd-Leningrad. From the history of the formation of museum collections: the 1850s-1930s. Moscow: BuksMArt. 432 p. (In Russ.).

Prigodina O.B. (2002) Antireligious persecution in Kargopolye. *Christianity and the North. Based on the materials of the VI Kargopol Scientific Conference.* Moscow. P. 63-66. (In Russ.).

Rogoznyi P.G. (2020) Civil War and icons. *Grazhdanskaya voina v Rossii. Zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922. Materialy XI Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kollokviuma po russkoi istorii. Sankt-Peterburg, 10–13 iyunya 2019 goda = Civil War in Russia. Life in the era of social experiments and military trials, 1917-1922. Materials of the XI St. Petersburg International Colloquium on Russian History. St. Petersburg, June 10-13, 2019.* St. Petersburg: Nestor-History. P. 193-207. (In Russ.). DOI: 10.51255/978-5-4469-1699-3_2020_193. EDN: EKYCHF.

Tarasov O.Yu. (2016) Modernity and ancient icons. From a shrine to a masterpiece. Essay. Moscow: Indrik. 283 p. (In Russ.).

Fedotov G.P. (1991) New Russia. *Sud'ba i grekhi Rossii (izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury) = Fate and sins of Russia (selected articles on the philosophy of Russian history and culture.* St. Petersburg: Sofia. In 2 vol. Vol. 1. P. 197-227. (In Russ.).

Shakhnovich M.M. (2021) Locally venerated Orthodox saints in Russia in the end of the 1920s – early 1930s (based on ethnographic expeditions). *Religiovedenie = Religious Studies.* No. 3. P. 5-14. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2021.3.5-14. EDN: WOUUCA.

Shitz I.I. (2022) “And fear, crazy fear...”. The historian's diary : (March 1928 – August 1931). Moscow: Terra. 428 p. (In Russ.).

Sokolov Y.M. (2010) Letter to B.M. Sokolov, on June 21, 1920. *Iz dalekikh dvadtsatykh godov dvadtsatogo veka (ispovedal'naya perepiska fol'kloristov B.M. i Yu.M. Sokolovykh) = From the distant twenties of the twentieth century (confessional correspondence of folklorists B.M. and Y.M. Sokolov).* Moscow: IMLI RAS. P. 370-376. (In Russ.).

Информация об авторе

Рогозный Павел Геннадиевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Санкт-Петербургский институт истории Российской
Академии наук,
197110, г. Санкт Петербург, ул. Петрозаводская, 7, Россия,
e-mail: rorozny@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5263-9170>

Вклад автора

Рогозный П.Г. выполнил исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провел обобщение
и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2023 г.;
одобрена после рецензирования 28 февраля 2024 г.;
принята к публикации 4 марта 2024 г.

Information about the author

Pavel G. Rogozny,
Cand. Sci. (History), Researcher,
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of
Sciences,
7, Petrozavodskaya St., St. Petersburg 197110, Russia,
e-mail: rorozny@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5263-9170>

Contribution of the author

Rogozny P.G. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted December 29, 2023;
approved after reviewing February 28, 2024; accepted for
publication March 4, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(47+57)
EDN: PPIWQQ
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-134-147

**Александр Васильевич Колчак – военный моряк, исследователь Арктики
и «Верховный правитель России»**

К 150-летию со дня рождения А.В. Колчака

И.В. Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена жизни и деятельности вождя Белого движения в период Гражданской войны в России – А.В. Колчака, известного адмирала и исследователя Арктики в связи с предстоящим его юбилеем. В ней кратко освещены основные вехи биографии Колчака, а также приведены сведения о происхождении его рода. В статье раскрыто становление Колчака как ученого-полярника и как военного моряка, ставшего известным флотоводцем, отражен его вклад в исследование арктических морей и в т. ч. в освоение актуального сегодня Северного морского пути, а также вклад в развитие военно-морского дела. В ней показан и непростой путь героя публикации в политическую жизнь страны в период революционных событий 1917–1918 гг., приведший его на самую вершину Белого движения, на пост «Верховного правителя России». Основное внимание в статье уделено анализу основных программных установок «Верховного правителя России» по будущему переустройству России после победы над большевиками в Гражданской войне, которые он пытался использовать для сплочения Белого движения и привлечения симпатий народа на свою сторону. В ней рассмотрены сильные и слабые стороны этих программных установок. В статье освещены и причины полного провала колчаковской программы переустройства России и последовавшего затем краха Белого движения и его сокрушительного поражения в Гражданской войне, обусловившего и трагический бесславный конец неординарного жизненного пути талантливого ученого и флотоводца А.В. Колчака.

Ключевые слова: адмирал, Арктика, белые, большевики, война, диктатура, изучение, мины, морской, флот

Для цитирования: Наумов И.В. Александр Васильевич Колчак – военный моряк, исследователь Арктики и «Верховный правитель России» // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 134–147. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-134-147>. EDN: PPIWQQ.

History

Original article

**Alexander Vasil'evich Kolchak - Marine, Arctic explorer
and "Supreme Ruler of Russia"**

To the 150th anniversary of the birth of A.V. Kolchak

Igor V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the life and activities of Chief of the White Movement during the Russian Civil War - A.V. Kolchak, famous admiral and explorer of the Arctic in connection with his upcoming anniversary. It summarizes the main milestones of Kolchak's biography, as well as the origin of his family. The article reveals the development of Kolchak as a scientist-polarist and as a military sailor, who became a known naval commander, reflects his contribution to the exploration of the Arctic seas including the development of the current Northern Sea Route, as well as contribution to the development of naval affairs. It shows the difficult path of the hero of publication in the political life of the country during the revolutionary events of 1917-1918 leading him to the very top of the White Movement, to the post of «Supreme Ruler of Russia». The article focuses on the analysis of

the main policy guidelines of «Supreme Governor of Russia» on the future reconstruction of Russia after the victory over the Bolsheviks in the Civil War, that he was trying to use to rally the White Movement and to win people's sympathies. It addresses the strengths and weaknesses of these policies. The article also describes the reasons for the complete failure of the Kolchak program of reconstruction of Russia and the subsequent collapse of the White Movement and its crushing defeat in the Civil War, which caused the tragic and inglorious end of the extraordinary life path of A.V. Kolchak, a talented scientist and naval commander.

Keywords: admiral, Arctic, Whites, Bolsheviks, war, dictatorship, study, mines, Navy

For citation: Naumov I.V. (2024) Alexander Vasil'evich Kolchak - Marine, Arctic explorer and "Supreme Ruler of Russia". *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 134-147. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-134-147>. EDN: PPIWQQ.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения одного из самых спорных и неординарных персонажей нашей истории – адмирала А.В. Колчака. В связи с предстоящим юбилеем целесообразно вновь обратиться к освещению его жизни и многообразной деятельности, вспомнить что он сделал для России и, главное, выяснить за что боролся в Гражданской войне и почему потерпел поражение в этой борьбе, что и является целью предлагаемой статьи.

Долгое время это имя было окружено загадкой. В СССР не поощрялось изучение личности Колчака и того режима, который он возглавлял на востоке России в годы Гражданской войны и который получил название «колчаковщины». В книгах по истории Гражданской войны приводились в основном отдельные наиболее известные общие сведения о Колчаке и «колчаковщине», причем упор делался на то, чтобы подчеркнуть кровавый, антинародный характер личности «Верховного правителя» и его режима (Папин, 1957; Иоффе, 1983 и др.). Это создавало одностороннее, превратное представление о Колчаке. После распада СССР и крушения власти коммунистической партии интерес к этой личности возрос. О Колчаке и его борьбе появилось довольно много публикаций, к сожалению, немало из них нередко также страдают односторонностью, но теперь уже как бы с противоположным знаком (где Колчак и «колчаковщина» идеализируются), что также вредит выяснению истины. Однако, по моему мнению, старые стереотипы в массовом сознании еще не преодолены. Об этом ярко свидетельствует периодически вспыхивающая в обществе борьба вокруг увековечивания памяти А.В. Колчака.

Многочисленны и разнообразны по фактическому содержанию издания, посвященные биографии А.В. Колчака (Богданов, 1993; Плотников, 1998;

Синюков, 2004; Кручинин, 2010; Зырянов, 2012; Майорова, 2016; Хандорин, 2022). Примечательны научные публикации в литературных журналах, выход которых сыграл значимую просветительскую роль, содействуя переосмыслению обществом ранее мифологизированных сюжетов (Шишкин, 1993; Наумов, 1999, Новиков, 1999). Содержательна исследовательская литература по проблемам военного строительства и боевым действиям на востоке России (Эйхе, 1931; Воробьев, 1939; Спирин, 1957; Эйхе, 1960; Симонов, 2001; Волков, 2005; Симонов, 2010; Ганин, 2018; Ганин, 2022). Также вполне закономерно, что и советские, и современные исследователи предметно анализировали партизанское движение в тылу Колчака (Эйхе, 1966; Тепляков, 2023). В отдельных монографиях рассмотрены финансовая политика (Рынков, 2006), идеологические аспекты (Хандорин, 2017), весь комплекс социальных решений (Рынков, 2022), в многочисленных статьях – вопросы государственного строительства (Журавлев, 1999 и др.) и т. д. Регулярно проводятся тематические конференции (Гражданская война..., 2019), через издание сборников документов активно вводятся в научный оборот массивы исторических источников (Приветственные послания..., 2012)¹.

Безусловно, сам факт острой борьбы вокруг оценки Колчака, продолжающейся до сих пор, говорит о том, что он являлся выдающейся личностью, человеком интереснейшей, удивительной и в то же время трагической судьбы. Интересно, что его судьба странным образом связана с нашим городом. Здесь он женился, отсюда началась его самая

¹ Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. документов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.

знаменитая полярная экспедиция, именно из Иркутска Колчак отправился в Порт-Артур на Русско-японскую войну к своей военной славе и, наконец, именно здесь бесславно, трагически закончилась его жизнь.

О детстве нашего героя сведений почти нет. Родился 4 ноября 1874 г. на Обуховском сталелитейном заводе под Петербургом. Отец – Колчак Василий Иванович, на момент рождения сына штабс-капитан (37 лет), служил приемщиком морских артиллерийских орудий на Обуховском заводе от военного ведомства. В молодости участвовал в Крымской войне (1853–1855 гг.), защищал знаменитый Малахов курган во время обороны Севастополя, был ранен и попал в плен к французам. После войны закончил Институт горных инженеров и служил приемщиком морской артиллерии, дослужился до чина генерал-майора, в 1889 г. вышел в отставку. Являлся автором ряда книг об артиллерии (считался крупным специалистом в этой области), а также книг о Крымской войне. Умер в 1913 г. Мать – Ольга Ильична, урожденная Посохова, умерла в 1894 г. в возрасте 39 лет. Родила сына и 2-х дочерей – Екатерину и Любовь (умерла в детстве).

Род Колчака имел половецкие корни, затем известен службой Турецкой империи. В 1739 г. во время Русско-турецкой войны предок А.В. Колчака являлся турецким пашей комендантом крепости Хотин в Молдавии. При падении крепости он попал в плен и остался в России (об этом факте упоминается в одной из од М.В. Ломоносова:

*«Коль скоро толь тебя, Колчак,
учит российской вдатся власти,
ключи вручить в подданства знак
и большей избежать напасти?»).*

В 1745 г. в царствование Елизаветы Петровны бывший турецкий паша получил русское подданство, русское дворянство и фамильный герб. С тех пор род Колчаков преданно служил России. Предки по материнской линии – русские дворяне, служившие в армии и ВМФ (среди них были генералы и адмиралы).

Учился Колчак сначала в 6-й Петербургской классической гимназии, а с 1888 г. в Морском кадетском корпусе. Во время учебы педагоги не раз отмечали его склонность к творческому поиску. За успехи в учебе получил престижную кадетскую

премию имени адмирала Рикорда – 300 руб. Он владел тремя языками, знал лоции всех морей. Колчак окончил Морской корпус в 1894 г. вторым в выпуске и получил чин мичмана (младший военно-морской офицерский чин).

Весной 1895 г. он получил назначение на только что построенный крейсер «Рюрик». На этом корабле в качестве помощника вахтенного начальника Колчак участвовал в переходе на Дальний Восток. В 1896–1899 гг. на Дальнем Востоке служил на учебном клипере «Крейсер» (полупарусный корабль). В 1898 г. получил чин лейтенанта.

Во время службы на Дальнем Востоке Колчак увлекся гидрологическими исследованиями. В 1898 г. опубликовал статью «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды», которая привлекла внимание специалистов.

В 1899 г. был переведен в Кронштадт и назначен на броненосец «Петропавловск», но получил предложение Академии наук принять участие в Полярной научной экспедиции барона Э.В. Толля – известного полярного исследователя. Это предложение Колчак с удовольствием принял и был переведен с военной службы в распоряжение Академии наук.

В 1900–1902 гг. он участвовал в экспедиции Э.В. Толля на шхуне «Заря», где являлся руководителем гидрологических исследований. Целью экспедиции – было исследование полуострова Таймыр и поиск загадочной «Земли Санникова» (которую якобы видел в 1811 г. купец Санников, находясь на Новосибирских островах в море Лаптевых). Колчак исследовал совместно с Толлем и один полуостров Таймыр, и прилегающие острова. Весной 1902 г. Э.В. Толль с 3-мя спутниками пешком отправился на поиски «Земли Санникова» с Новосибирских островов, а основная экспедиция прибыла в устье Лены. Оттуда Колчак на пароходе и по железной дороге вернулся в Петербург, где доложил Академии наук об итогах экспедиции и о походе Толля.

Участь Толля обеспокоила руководство Академии и в январе 1903 г. было решено послать поисково-спасательную экспедицию в район Новосибирских островов. Руководителем назначили Колчака, который предложил свой вариант ее проведения, устроивший Академию. Участники этой экс-

педиции прошли пешком и на собаках от устья Яны до Новосибирских островов, затем на вельботе (большая шлюпка), подвергаясь огромному риску, достигли самого северного острова архипелага о. Беннета. Опасное и тяжелое плавание в полярных водах на шлюпке продолжалось 42 дня. Колчак нашел следы Толля (дневники, документы, коллекции), но самого барона и его спутников обнаружить не удалось и экспедиция вернулась в устье Яны в селение Казачье.

Участие в научных экспедициях принесло Колчаку признание как полярному исследователю. За ним даже закрепляется прозвище «Колчак-Полярный». За экспедицию 1903 г. он был награжден орденом Владимира 4-й степени.

Возвращаясь в Петербург, в Якутске 27 января 1904 г. Колчак узнает о начале войны с Японией. На следующий день он по телеграфу обратился с просьбой к президенту Академии наук об отчислении из Академии и возвращении на военную службу. Просьбу удовлетворили и предписали явиться в Порт-Артур в распоряжение командующего Тихоокеанским флотом.

По дороге на войну в Иркутске в жизни Колчака произошло очень значительное событие – 5 марта 1904 г. в Михайло-Архангельской церкви (Харлампиевской) он венчался с Софьей Федоровной Омировой дочерью крупного гражданского чиновника на Украине. С Софьей Омировой Колчак познакомился в Петербурге в 1899 г. незадолго до отъезда в Арктику и вскоре она стала его невестой. Заключение брака было решено осуществить по возвращении Колчака из экспедиции. Софья Оморова (1876 г. рождения) являлась выпускницей Смольного института, знала 7 языков, имела волевой независимый характер. О силе характера говорит тот факт, что в 1903 г. Софья Федоровна из Италии на поездах, пароходах, оленях и собаках приехала к Колчаку в устье Яны в селенье Казачье (поступок весьма неординарный и мужественный для женщины ее круга). Узнав о начале войны и зная, что жених идет на войну, Александр и Софья решили венчаться в Иркутске перед расставанием (он уезжал в Порт-Артур, а она возвращалась в Петербург). Забегая вперед следует сказать, что в 1910 г. у них родился сын Ростислав, но для Колчака брак оказался несчастливым. После революции его семья эмигрировала.

11 марта 1904 г. Колчак прибыл в Порт-Артур. Сначала он служил на крейсере «Аскольд», а 21 апреля был назначен командиром миноносца «Сердитый».

Русско-японская война занимает особое место в истории русского и мирового военно-морского флота. Особое место занимает она и в судьбе нашего героя. Война на море стала первой крупномасштабной войной эпохи парового флота, в которой друг другу противостояли две вооруженные по последнему слову военно-морской техники морские державы. Она стала практической проверкой технических достижений, созданных мировой наукой к началу XX века. Война дала толчок и дальнейшему развитию военно-морской техники и искусства. Ее опыт изучали во всех флотах мира. В этой войне на первое место неожиданно выдвинулось минно-торпедное оружие. Именно этим оружием воюющие стороны нанесли друг другу наибольшие потери на первом этапе войны (во время борьбы за Порт-Артур).

Решающая роль в применении минно-торпедного оружия принадлежала миноносцам. До войны эти корабли предназначались только для нанесения торпедных ударов по крупным кораблям противника. Поэтому миноносцы того времени, например, «Сердитый», имели сравнительно небольшое водоизмещение – 240 т, слабое артиллерийское вооружение – 1 орудие калибром 75 мм и 3 орудия по 47 мм, но зато 2 торпедных аппарата и довольно высокую скорость – 27 узлов (50 км в час). По современным понятиям это были не миноносцы, а очень крупные торпедные катера. Русско-японская война внесла большие коррективы в их использование. И пальма первенства в этом принадлежала именно русским морякам. Помимо торпедных атак миноносцы стали выполнять функции морских тральщиков (поскольку специальных кораблей для этого тогда не существовало), принимая участие в очистке Порт-Артурского рейда от японских мин. Они участвовали в охране крупных кораблей, в боях с японскими миноносцами, в артиллерийской поддержке с моря русских войск, защищавших Порт-Артур, несли дозорную и разведывательную службу. Наконец, именно тогда миноносцы впервые стали использовать для постановки морских мин. Для этого на них уложили рельсы, на которые грузили мины (10–12 штук) и затем сбрасывали в море.

Во всех этих делах самое активное участие принимал и «Сердитый» под командой Колчака. Так, он участвовал в известной операции по постановке мин 1 мая 1904 г., в результате которой погибли 2 японских броненосца и баланс сил на море несколько выправился. В Порт-Артуре Колчак все-таки увлекся минным делом и досконально его изучил. Одним из первых он оборудовал свой миноносец рельсами для постановки мин и с июля «Сердитый» регулярно ставил мины на путях движения японских кораблей. В сентябре на его минах подорвался и погиб японский крейсер «Такасаго». Забегая вперед, следует сказать, что увлечение минным делом прямо сказалось на дальнейшей военной карьере Колчака.

В сентябре 1904 г. Колчака, как и многих других военных моряков, перевели на сухопутный фронт. Его назначили командиром артиллерийской батареи 120-мм морских орудий в районе Скалистых гор. Там он служил до конца обороны крепости, был легко ранен. После капитуляции Колчак вместе со всем гарнизоном попал в плен, где тяжело заболел – сказались купания в ледяной воде во время полярных экспедиций. Японские врачи признали его больным хроническим ревматизмом и весной 1905 г. еще до окончания войны японцы отпустили его в Россию для лечения.

За отличия во время обороны Порт-Артура на море и на суше Колчак был награжден орденами Анны 4-й степени, Станислава 2-й степени с мечами и Золотым оружием (сабля) «За храбрость» – наградой довольно редкой и очень почетной. Позднее, в 1906 г. за Русско-японскую войну он получил мечи и к ордену Владимира 4-й степени.

По возвращении в Россию Колчак получил шестимесячный отпуск для лечения и уехал на юг. В начале 1906 г. он сделал отчет в Академии наук об итогах экспедиции по поискам барона Толля. После чего Академия добилась откомандирования Колчака в свое распоряжение для детального анализа экспедиционных материалов. В том же году он написал и опубликовал статью «Последняя экспедиция на остров Беннета». Научная деятельность Колчака получила высокую оценку. В 1906 г. ИРГО присудило ему свою высшую награду – Большую Константиновскую Золотую медаль за его полярные исследования. В том же году его избрали действительным членом ИРГО. Его именем был назван

остров в Карском море у полуострова Таймыр. И в последующем Колчак не оставлял научной деятельности. В 1909 г. он издал монографию «Лед Карского и Сибирского морей». Это работа получила высокую оценку научной общественности и послужила одной из ступеней в подготовке открытия Северного морского пути, о чем мечтал Колчак.

В середине 1906 г. по окончании срока командировки в распоряжение Академии наук Колчак был назначен начальником статистического отдела Морского генштаба, а впоследствии начальником отдела Балтийского ТВД. В том же году он был произведен в капитан-лейтенанты. Главной задачей Колчака стало изучение и обобщение опыта Русско-японской войны. Он продолжает изучение минного дела и становится авторитетным специалистом в этой области военно-морской науки. В морских журналах публикуются его статьи по данной теме, которые получили большой резонанс. Как минер теоретик и практик Колчак получает широкую известность в военно-морских кругах всех ведущих мировых держав. В 1908 г. его производят в капитаны 2-го ранга.

В 1908–1909 гг. в судьбе Колчака произошел новый поворот. В это время Русское правительство приняло решение об исследовании возможностей использования Северного морского пути. Начальник Главного Гидрографического управления Морского министерства А.И. Вилькицкий пригласил Колчака принять участие в этой работе и его перевели из Морского генштаба в это управление. При подготовке экспедиции Колчак являлся одним из авторов идеи постройки ледокольного судна нового типа – не «ледолома», а «ледодава» Этот проект был одобрен и ему поручили наблюдение за постройкой экспедиционных судов – «Таймыр» и «Вайгач». К концу 1909 г. суда были построены и его назначили командиром ледокольного судна «Вайгач». Под командой Колчака «Вайгач» совместно с «Таймыром» совершил переход с Балтики на Тихий океан. В 1910 г. он участвовал в исследовании Берингова пролива и прилегающего района Северного Ледовитого океана. При этом был впервые сделан полный круг вокруг острова Врангеля и составлена его подробная карта.

Вначале 1911 г. Колчак был вновь отозван в Петербург для службы в Морском генштабе на прежней должности – начальника отдела Балтий-

ского ТВД. В этот период он тесно сотрудничал с новым командующим Балтийским флотом, героем Русско-японской войны адмиралом Н.О. Эссенем. В 1912 г. Эссен предложил Колчаку перейти на Балтийский флот и добился его перевода. В 1912–1913 гг. Колчак командовал миноносцами «Уссуриец» и «Пограничник». В 1913 г. его произвели в капитаны 1-го ранга с формулировкой «за отличие». Весной 1914 г. накануне I-й мировой войны Колчак был назначен на должность флаг-капитана, начальника оперативной части штаба Балтийского флота. Он становится одним из ближайших помощников Эссена.

Накануне I-й мировой войны в жизни Колчака произошло еще одно заметное событие. Весной 1914 г. он познакомился с женой адмирала С.Н. Тимирева – Анной Васильевной Тимиревой (1893 г. рождения). Между ними возникла дружба, переросшая в любовь. Они переписывались всю войну, а после революции Анна Васильевна весной 1918 г. рассталась с мужем, приехала к Колчаку в Харбин и стала его гражданской женой и с этого момента они почти не расставались до самой смерти Колчака.

После начала войны Колчак не отсиживался в штабе, а по существу возглавил минную войну русского флота на Балтике. Лично неоднократно руководил операциями миноносных сил флота. Используя свой богатый опыт и знания он организовал и осуществил ряд блестящих военно-морских операций.

В частности, в феврале 1915 г. 4 миноносца под командой Колчака, искусно маневрируя во льдах, скрытно проникли в Данцигскую бухту и поставили 200 мин, на которых подорвались 4 немецких крейсера, 8 миноносцев и 11 транспортных судов. Из-за больших потерь германское командование на время полностью запретило выход в море своим крупным кораблям. Во время этой операции Колчак удачно применил свою богатую практику арктических плаваний. В мае 1916 г. 3 миноносца под командой Колчака напали на немецкий транспортный конвой с грузом железной руды из Швеции в Германию, неожиданной атакой было уничтожено 3 боевых корабля противника, в т. ч. легкий крейсер и 5 транспортных судов.

За боевые отличия Колчак был награжден орденами Георгия 4-й степени и Владимира 3-й сте-

пени с мечами. Его имя становится известным всей стране как талантливого военачальника и храброго офицера. В декабре 1915 г. он был назначен начальником минной дивизии (фактически командовал ею с сентября) – самого активного соединения Балтийского флота. В апреле 1916 г. Колчака производят в контр-адмиралы, а в июне того же года производят в вице-адмиралы с формулировкой «за отличие» и назначают командующим Черноморским флотом. В 41 год он стал самым молодым в то время командующим флотом.

Черноморский флот в 1916 г. представлял собой грозную силу – более 40 тыс. человек, более 400 кораблей и судов, в т. ч. 7 линкоров, 2 крейсера, 20 миноносцев и 17 подлодок, но боевая мощь этой силы использовалась слабо. Колчак активизировал деятельность флота. Главной проблемой были нападения быстроходных и неуловимых германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» на русское побережье. Колчак успешно решил эту проблему сплошным минированием ближайших подступов к Босфору, где базировались эти корабли. В результате германо-турецкий флот был фактически заблокирован в своей базе и резко снизил активность на Черном море. В конце 1916 г. Черноморский флот под командованием Колчака начал подготовку к крупной Босфорской десантной операции, целью которой являлось выведение Турции из войны и которая была запланирована на март 1917 г., но не была осуществлена из-за революции.

В целом до революции карьера Колчака являлась карьерой очень талантливого морского военачальника и ученого, при этом весьма далекого от политики. Политическим деятелем Колчака сделала революция. Но это произошло не сразу. В течение бурных 1917 и 1918 гг. Колчак постепенно приходит к политической деятельности, венцом которой становится его превращение в «Верховного правителя России». Его путь к креслу диктатора был весьма непрост. До Февральской революции 1917 г. Колчак по его собственному признанию был монархистом, а точнее не задумывался о проблемах государственного устройства России и принимал его как есть. Тем не менее Февральскую революцию, уничтожившую самодержавие, Колчак принял безоговорочно, поскольку считал, что Николай II и его министры неспособны выиграть войну. Свои надежды на это он связал с Временным

правительством. Как известно, Февральская революция унесла жизни многих русских адмиралов, ненавистных матросам (в т. ч. и талантливых флотоводцев, например, героя обороны Порт-Артура Р.И. Вирена), однако Колчак, сумевший завоевать авторитет среди моряков, сохранил свой пост командующего Черноморским флотом. Первые послереволюционные месяцы ему удавалось ценой невероятных усилий поддерживать относительный порядок на этом флоте.

В разгар апрельского политического кризиса Временное правительство вызвало адмирала в Петроград. Обеспокоенное растущей революционностью матросов и нарастанием анархии на флоте, оно предложило Колчаку возглавить Балтийский флот, рассчитывая, что популярный адмирал сможет восстановить порядок и дисциплину. Однако Колчак отказался. Скорее всего, окунувшись в атмосферу революционного Петрограда, он понял, что ему это не удастся. Тем не менее апрельский кризис, несомненно, сказался на дальнейшей судьбе Колчака. Апрельская демонстрация в Петрограде рабочих, солдат и матросов с требованием отставки Временного правительства глубоко потрясла его. Он приходит к выводу, что революция грозит разрушением России, а главное – разрушением столь любимого им флота. В апрельские дни Колчак познакомился с командующим Петроградским гарнизоном генералом Л.Г. Корниловым, который выступал за решительное и беспощадное подавление революционного движения военной силой. Колчак полностью согласился с этой точкой зрения, о чем сам он говорил на допросе в Иркутске в 1920 г. Таким образом, уже в апреле 1917 г. Колчак становится на позицию признания военной диктатуры единственно возможной формой борьбы с революционным движением. В то же время он предпочитал выжидать развития событий.

В июне 1917 г. под давлением Севастопольского совета и убедившись в своем полном бессилии хоть как-то повлиять на развитие политической ситуации на Черноморском флоте, Колчак покинул свой пост. Это был его протест против развала флота. Его уход сопровождался очень эффектным и мужественным жестом (который в тех условиях мог стоить ему жизни). Перед строем возбужденных, враждебно настроенных и не совсем трезвых матросов Колчак в знак протеста сломал и выбросил в

море свою наградную золотую саблю со словами: «Море мне ее дало, морю я ее и отдаю». Этот поступок получил широкий резонанс и придал ему ореол «рыцарства». О нем с восторгом рассказывали в кругах противников революции. Постепенно этот факт, обрастая драматическими подробностями, превратился в настоящую легенду и занял прочное место в символике Белого движения. Он имел и еще одно последствие – способствовал резкому росту личной популярности адмирала в лагере противников революции. Уже летом 1917 г. его имя вместе с Корниловым упоминается в ряду претендентов на роль военного диктатора. Однако сам Колчак предпочел на время уйти в тень.

Летом 1917 г. безработный адмирал как крупный специалист минного дела получил приглашение правительства США консультировать американский ВМФ. США только-только вступили в войну, их ВМФ не имел никакого боевого опыта и остро в нем нуждался. Колчак с согласия Временного правительства уехал в США, но, конечно же, он живо интересовался ситуацией на родине. Получив известие об Октябрьской революции, он решил срочно вернуться в Россию и в конце октября 1917 г. выехал из США в Японию. В Японии Колчака застала весть о перемирии между Германией и Россией и переговорах в Бресте. И он вновь резко меняет свои планы и обращается к английскому правительству с просьбой зачислить его в английский флот, чтобы продолжить участие в войне с Германией. В январе 1918 г. Колчак был принят на английскую службу и получил назначение в Месопотамию.

Однако на войну он не попал. По дороге в Месопотамию в марте 1918 г. Колчак получил приглашение от русских эмигрантов в Китае прибыть в Харбин и принять участие в подготовке к борьбе с большевиками. Он без колебаний согласился. В Харбине его ждало разочарование. Колчак столкнулся с разобщенностью и взаимной грызней в антибольшевистском лагере, в которую активно вмешивались бывшие союзники России и будущие интервенты. Ему поручили формировать Белую армию, но из его попыток ничего не вышло (с большим трудом удалось сформировать отряд численностью в 600 человек). Он столкнулся с амбициями и претензиями на лидерство со стороны есаула Г.М. Семенова, за которым стояла Япония. Японцы

оказали Колчаку активное противодействие, поскольку считали его «человеком Англии». А у них имелись свои «виды» на будущее русского Дальнего Востока.

Убедившись в слабости антибольшевистского лагеря и в тщетности своих попыток быть полезным, разочарованный Колчак в конце мая 1918 г. покинул Харбин и уехал в Японию. Там его застала весть о начале Гражданской войны в России и первых успехах антибольшевистского движения. Тем не менее на этот раз Колчак, наученный горьким опытом, не торопится в Россию.

Что же происходило в России в это время? В стране полыхала Гражданская война. Большевики, оправившись от первых поражений, сумели установить очень жесткую диктатуру и перехватили инициативу. Российские демократы – эсеры и меньшевики, возглавившие первоначально борьбу с большевиками, оказались не в состоянии организовать ее должным образом. К концу лета 1918 г. и интервенты (бывшие союзники России по мировой войне – Англия, Франция, США, Япония и др.), и российские буржуазные круги пришли к выводу о необходимости противопоставить диктатуре большевиков не менее жесткую военную диктатуру. Начинаются поиски всероссийского диктатора. На это роль требовался широко известный человек, обладавший большим авторитетом. Круг претендентов был очень ограничен. С самого начала назывались лишь две фамилии – командующего Добровольческой армией (действовала на юге России) генерала М.В. Алексеева (занимавшего до революции пост начальника штаба Верховного главнокомандующего российских вооруженных сил – т. е. Николая II) и адмирала Колчака.

В октябре 1918 г. Колчак по просьбе англичан, игравших ведущую роль в интервенции и считавших его англофилом, возвращается в Россию и из Владивостока переезжает в Омск, где находилась Директория – Всероссийское временное правительство, олицетворявшее верховную власть на белых территориях. Заочное «соперничество» за лидерство между Колчаком и Алексеевым завершилось само собой. В сентябре 1918 г. глава Добровольческой армии умер после тяжелой болезни (на этом посту его заменил генерал А.И. Деникин) и конкурентов у Колчака не осталось.

На предложение возглавить Белое движение Колчак ответил согласием, и после этого началась подготовка военного переворота. В начале ноября Колчак стал военным и морским министром в правительстве Директории. 18 ноября 1918 г. в Омске, как известно, состоялся военный переворот, когда правительство Директории – Совет министров объявило саму Директорию низложенной, арестовало тех директоров, которые не участвовали в перевороте и их сторонников, и назначило Колчака «Верховным правителем России», наделив его диктаторскими полномочиями и произведя его в полные адмиралы.

Какие же цели по руководству Белым движением и по преобразованию российского государства поставил перед собой Колчак, приняв на себя бремя вождя Белого движения? Иначе говоря, какова же была его Программа, чего он хотел и пытался предложить российскому народу?

Необходимо сразу же оговориться, что какой-либо цельной «Программы» Колчака и его правительства (подобной тем, какие были в советскую эпоху и какие имеют современные политические партии и движения) никогда не существовало. О целях и планах вождя Белого движения приходится судить на основании его указов, воззваний и высказываний в прессе, документов колчаковского правительства и мемуаров ближайших сподвижников Колчака. Тем не менее, если попытаться систематизировать эти разрозненные материалы, то из них вырисовывается вполне конкретная программа действий «Верховного правителя России».

Уже в «Обращении к народу» (первом официальном документе «Верховного правителя России», опубликованном на следующий день после Омского переворота), была ясно и четко сформулирована главная цель – победа над большевизмом и «установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать образ правления, который пожелает» (Заря. Омск. 1918. 19 ноября). Как следует из этой цитаты, свою основную задачу Колчак видел не в том, чтобы определить будущий государственный строй России, а в том, чтобы создать условия для этого (победить большевиков). Решение же вопроса о государственном устройстве он откладывал до окончания Гражданской войны. Лишь после этого можно будет созвать Национальное учредительное собра-

ние. В то же время адмирал достаточно четко обозначил его контуры. «Я, – говорил Колчак, беседа с журналистами 28 ноября 1918 г., – избегаю называть Национальное собрание Учредительным собранием, т. к. последнее слово слишком скомпрометировано... Вместо Учредительного собрания собралось партийное... Повторение такого опыта недопустимо» (Правительственный вестник. Омск. 1918. 30 ноября). Из данного высказывания очевидно, что он желал, чтобы будущее собрание было бы составлено из лиц лояльных Белому движению. Однако, как показала история выборов в первые Государственные думы Российской империи и Учредительного собрания 1917 г., добиться этого можно было только с помощью ограничения избирательных прав большей части населения страны. Поэтому не случайно, члены созданной по приказу Колчака «Подготовительной комиссии по разработке вопросов всероссийского представительного собрания учредительного характера» рекомендовали ему принять именно такой избирательный закон (См.: Иоффе, 1983. С. 172–173), а некоторые ее члены вообще предлагали восстановить избирательный закон 3 июня 1907 г.

На время же Гражданской войны Колчак наделялся диктаторскими полномочиями. Согласно «Положению о временном устройстве государственной власти в России» (принятому Советом министров Омского правительства сразу же после переворота), верховная государственная власть в полном объеме была передана «Верховному правителю России». Собственно и сам Омский переворот был затеян его организаторами, как уже говорилось, для того чтобы диктатуре большевиков противопоставить не менее жесткую военную диктатуру.

Из провозглашенной Колчаком стратегической цели закономерно вытекал ряд взаимосвязанных задач, без решения которых было бы невозможно победить большевиков.

Центральной из них являлась задача создания крупной боеспособной армии. О ее важности говорилось уже в его «Обращении к населению» 19 ноября 1918 г. Надо сказать, что еще до Колчака белые в Сибири восстановили всеобщую воинскую повинность, как основополагающий принцип комплектования армии. «Верховный правитель» продолжил этот курс. Путем мобилизаций в свою ар-

мию городского и сельского населения ему удалось довести численность вооруженных сил до 400 тыс. человек.

Другой важной задачей, которую пытался решить Колчак, стало сплочение Белого движения, координация его действий и признание своей «верховой власти» другими белыми правительствами. Омский переворот, ликвидация Директории, власть которой была официально признана всеми белыми правительствами России, привели к разобщению белого движения. Не все признали новую власть. Для преодоления этой ситуации Колчак уже в «Обращении к населению» декларировал, что он «не пойдет ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности» (Заря. Омск. 1918. 19 ноября). Тем самым он как бы дал понять, что займет промежуточную позицию, встанет над различными течениями и частями Белого движения.

Существовала и еще одна важная проблема, не обозначить пути решения которой Колчак просто не мог. Это национальный вопрос. Как известно, национальный вопрос, постепенно обостряясь, в конце концов способствовал распаду Российской империи во время революции 1917 г. Исход же Гражданской войны в немалой степени зависел от позиции национальных окраин и национальных меньшинств бывшей империи. Большевики, декларировав право наций на самоопределение и равноправие всех народов, смогли обеспечить себе, если не поддержку, то по крайней мере нейтралитет ряда национальных окраин и национальных меньшинств в Гражданской войне. «Верховному правителю России» требовалось найти адекватный ответ. Сложность решения данной задачи заключалась в том, что одним из центральных лозунгов Белого движения являлось восстановление «единой и неделимой России». Поэтому Колчак в национальном вопросе занял уклончивую, противоречивую позицию. С одной стороны, он признал право на автономию национальных меньшинств, право народов Прибалтики и Закавказья на самоопределение, подтвердил независимость Польши. С другой – окончательное решение национального вопроса он предоставил будущему Национальному учредительному собранию России, т. е. отложил до конца Гражданской войны (Вопросы истории общественно-политической жизни..., 1982. С. 126–132).

Что касается внешней политики, то здесь «Верховный правитель» ставил 3 взаимосвязанных задачи: 1) получить международное признание его правительства в качестве всероссийского; 2) сохранить территориальную целостность России; 3) привлечь войска интервентов к борьбе с большевиками.

В экономической сфере ведущим вопросом являлся аграрный. Во время Гражданской войны он занимал центральное место в программных установках противоборствующих сторон, поскольку в крестьянской стране (около 80 % населения России – крестьяне) исход борьбы между белыми и красными в определяющей степени зависел оттого, кого поддержит крестьянство. При этом красные имели явное преимущество перед белыми. В дни Октябрьской революции большевики сделали очень сильный ход, впоследствии во многом обусловивший их победу в Гражданской войне. Знаменитый «Декрет о Земле» выбил почву из под ног Белого движения. Он парализовал любую аграрную политику белого лагеря. Даже при желании дать крестьянам больше, чем дал им «Декрет о Земле» было невозможно. В лучшем случае можно было только подтвердить, «узаконить» его, но политический эффект от этого не мог быть большим, т. к. земля уже находилась в распоряжении крестьян.

Тем не менее Колчаку и его правительству удалось найти неплохой контрход в аграрном вопросе. Колчак понимал, что возврат России к прошлому, к помещичьему землевладению невозможен. Поэтому его главный аграрный документ – «Грамота Верховного правителя о земле» фактически упразднял помещичье землевладение. Помещики, по мнению ее авторов, должны «уступить свое место крестьянину, без опоры на которое немыслимо никакое будущее бытие Российского государства» (Правительственный вестник. Омск. 1919. 8 апреля). Стратегической линией в аграрном вопросе провозглашалось продолжение столыпинской аграрной реформы, передачи земли крестьянам в частную собственность. Идея частной собственности на землю могла привлечь на сторону белых часть крестьян и тем самым ослабить позиции большевиков в деревне. В то же время, и в этом ключевом вопросе Колчак остался верен себе. Окончательное решение аграрного вопроса он предоставил будущему Национальному учредительному собранию. Поэтому крестьяне, фактиче-

ски захватившие помещичьи земли, были объявлены арендаторами этой земли и обязывались платить бывшим помещикам арендную плату (до окончательного решения Национального учредительного собрания).

В промышленности «Верховный правитель» санкционировал продолжение начатой ранее политики денационализации. Вместе с тем (несмотря на то, что для многих деятелей Белого движения слова «рабочий» и «профсоюз» были тождественны слову «большевик»), он декларировал сохранение профсоюзов, 8-часового рабочего дня, страхового законодательства и других социальных завоеваний 1917 г.

Таковы вкратце основные положения «программы» Колчака, которые он предлагал российскому народу и которые намеревался воплотить в жизнь. Следует однозначно признать, что эту «программу» никак нельзя назвать реакционной. По своей сути это была умеренная программа. И она, несомненно, в основном отражала коренные потребности развития страны. Отвечала она и национальным интересам России.

В связи с этим остается ответить на закономерный вопрос – почему же российский народ не поддержал «Верховного правителя» и его программу?

Ответ очень прост. Если говорить коротко, то вся эта программа осталась лишь благим пожеланием «Верховного правителя России». На практике она полностью провалилась. Колчак и его правительство оказались не в состоянии осуществить ее в условиях Гражданской войны. Колчаковские власти, зачастую просто игнорируя указы самого Колчака, в действительности проводили совсем другую, откровенно реакционную политику.

Так, вопреки указам «Верховного правителя» местные власти вместе с предпринимателями обрушили на рабочих (которых они поголовно подозревали в большевизме) драконовские условия труда, каких не было в царской России. Сохранилось множество докладных записок министра труда колчаковского правительства Л.И. Шумиловского в Совет министров, военное министерство, лично Колчаку, которые рисуют яркую картину произвола и бессилия этого министерства хоть как-то помочь рабочим. В конце концов, осенью 1919 г. Л.И. Шумиловский был вынужден констатировать:

«Министерство труда оказалось в положении иностранного тела» (Иоффе, 1983. С. 194). Ответом рабочих стало повсеместное распространение большевизма и скрытое и открытое сопротивление.

Такая же политика проводилась и в аграрном вопросе. На занятых белыми территориях в Европейской России вопреки «Грамоте о земле» и указам Колчака явочным порядком стало восстанавливаться помещичье землевладение. Досталось и сибирскому крестьянству (мобилизации в Белую армию, грабежи и т. п.). Нетрудно догадаться какова была реакция крестьян на эти действия белых. Ответом крестьян на аграрную политику колчаковских властей стало мощное партизанское движение в Сибири (более 100 тыс. человек). Крайне негативная реакция сибирского крестьянства на политику Колчака была связана еще и с тем, что крестьяне не имели почти никакого представления о большевиках и их реальной политике.

В национальном вопросе на практике проводилась великодержавная политика. На белых территориях были фактически уничтожены те права, которыми пользовались национальные меньшинства при Временном правительстве и большевиках. Не поддержали «Верховного правителя» и бывшие национальные окраины империи (Финляндия, Прибалтика и т. д.), опасавшиеся за свою независимость.

Хотя Колчак и сумел создать крупную армию, но ее боеспособность оказалась очень низкой. Мобилизованные в Белую армию по большей части не горели желанием проливать кровь за идеалы Белого движения (Красная Армия также была неустойчивой, но ее численность была выше). Кроме того, непосредственно на фронте удалось использовать не более 150 тыс. солдат. Остальные войска занимались охраной тыла и борьбой с партизанами.

С большими трудностями столкнулся Колчак и при сплочении Белого движения. Его декларации не произвели большого впечатления на другие белые правительства. Многие из них под разными предлогами затягивали его фактическое признание в качестве «Верховного правителя России». Фактически Колчак так и не стал «Верховным правителем» белых территорий в полном смысле слова.

Еще большее фиаско «Верховный правитель» потерпел во внешней политике. Ему не удалось решить ни одну из поставленных задач. За помощь

интервентов пришлось расплачиваться золотым запасом (из страны было вывезено более 1/3 золотого запаса) и национальным унижением России. В результате произошла удивительная метаморфоза. В глазах населения русские патриоты из белого лагеря превратились в предателей Родины, а большевики – сторонники мировой революции и интернационалисты, наоборот, в ее защитников. Многие колчаковские офицеры переходили на сторону красных именно из соображений патриотизма. Интервенция нанесла очень сильный удар по престижу Белого движения в глазах народа. В то же время реальной военной помощи интервенты Колчаку не оказали, избегая под разными предлогами прямого участия в военных действиях.

Наконец, не удалось Колчаку установить и широко обещанные им «законность и правопорядок». В условиях Гражданской войны реальная власть на местах была не у его губернаторов и чиновников, а у военных, обладателей реальной силы. Белую территорию буквально наводнили отряды различных генералов, офицеров и атаманов, которые признавали власть «верховного правителя» только на словах, а фактически зачастую не подчинялись никому. Они повергли белую территорию в хаос и анархию. Если в красной России царил жестокий и систематический «красный террор», но который все же давал человеку шанс на жизнь при беспрекословном подчинении власти, то в белой России царил обстановка полного беспредела, никому ничего не гарантировавшая и толкавшая население на сторону большевиков.

Такая антинародная, антинациональная практическая политика колчаковского режима, заложником которой оказался и сам Колчак (безусловно, честный и искренний человек, но неискушенный в политике) в конце концов и предопределила крах Белого движения и трагический конец его вождя адмирала Колчака.

И последний вопрос, который хотелось бы затронуть: почему же из всех начинаний Колчака ничего не получилось? Белые мемуары рисуют образ благородного рыцаря, которого окружали всякие подонки, пользовавшиеся его расположением и погубившие Белое движение своей безмерной алчностью, корыстолюбием и т. п. В этих утверждениях немало истины. Колчак действительно был лично скромным, честным человеком. Для

себя в своем высоком положении он не искал никакой материальной выгоды. Однако его трагедией стало то, что военная диктатура как магнитом притягивала к себе (и не могла не притягивать) все старое и отжившее. Колчак был вынужден опираться на старый государственный аппарат, еще царский, который уже довел страну до революции. Причем при Колчаке чиновники, чувствуя неустойчивость своего положения, стремились любыми путями нахапать как можно больше. Эта ситуация делала колчаковский режим совершенно одиозным и неприемлимым в глазах населения (даже отрицательно относившегося к большевикам) и объективно толкало его на сторону большевиков. Не случайно в борьбе с колчаковщиной активное участие приняли недавние враги большевиков – российские демократы.

Логическим концом этого положения стало превращение самого Колчака из диктатора в чисто номинальную фигуру, опутанную интригами и лишённую возможности реально влиять на события. Конец такой карьеры был вполне закономерным. Преданный своим правительством и интервентами Колчак 4 января 1920 в Нижнеудинске, где застрел его эшелон, был вынужден отречься от должности

«Верховного правителя России» и передать ее генералу Деникину (политические дни которого также были сочтены). После этого Колчак фактически был арестован (охрана его поезда была заменена на чехословацкую). Официально Колчак вместе с Тимиревой был арестован по прибытии в Иркутск 15 января 1920 г. иркутским эсеровским Политцентром, а затем он попал в руки большевистского ревкома, сменившего Политцентр у власти в Иркутске 21 января. Для его допросов была образована специальная чрезвычайная следственная комиссия. Однако она не успела закончить своей работы. 7 февраля 1920 г. в связи с приближением к городу с запада отступающих колчаковских войск Колчак был расстрелян по личному секретному указанию вождя большевиков В.И. Ленина. По воспоминаниям участников расстрела Александр Васильевич принял смерть мужественно, как и подобает российскому офицеру. Таков был трагический конец наиболее видного деятеля российского Белого движения, талантливого флотоводца и ученого, но наивного и неискушенного политика. Вероятно, имеет смысл посвятить этой исторической личности в связи с 150-летием со дня его рождения осенний номер данного журнала.

Список источников

Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб. : Судостроение, 1993. 304 с.

Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск : Сарма, 2005. 300 с. EDN: WOOF0Z

Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и Гражданской войны : сб. статей / отв. ред. И.М. Разгон. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 1982. 217 с.

Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. М. : Воениздат, 1939. 88 с.

Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М. : Пятый Рим, 2018. 864 с. EDN: LBMEKL

Ганин А.В. История Южной армии Восточного фронта // Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака. Воспоминания, документы и материалы / под науч. ред. А.В. Ганина; вступ. статьи, подготовка текста, комментарии, подбор. ил. А.В. Ганина. М. : Нестор-История, 2022. С. 5–54. EDN: VAFWHY

Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) // Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / редкол.: В.И. Шишкин (отв. ред.), Т.И. Морозова (отв. секр.);

References

Bogdanov K.A. (1993) Admiral Kolchak: Biographical narrative. St. Petersburg: Sudostroenie. 304 p. (In Russ.).

Volkov E.V. (2005) Under the banner of the White admiral. A.V. Kolchak's Officer Corps of armed formations during the Civil War. Irkutsk: Sarma. 300 p. (In Russ.). EDN: WOOF0Z

Razgon I.M. (1982) The history of the socio-political life of Siberia during the October period and the Civil War. Tomsk: Tomsk State University. 217 p. (In Russ.).

Vorob'ev V.F. (1939) Tobolsk-Petropavlovsk operation. Moscow: Voениzdat. 88 p. (In Russ.).

Ganin A.V. (2018) Seven "why" of the Russian Civil War. Moscow: Pyatyi Rim. 864 p. EDN: LBMEKL

Ganin A.V. (2022) History of the Southern Army of the Eastern Front. *Yuzhnaya armiya Vostochnogo fronta admirala Kolchaka. Vospominaniya, dokumenty i materialy = Southern Army of the Eastern Front Admiral Kolchak. Memories, documents and materials*. Moscow: Nestor-Istoriya. P. 5-54. (In Russ.). EDN: VAFWHY

Shishkin V.I., Morozova T.I. (2019) Civil War in the East of Russia (November 1917 - December 1922). *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Collection of materials of the All-Russian scien-*

Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2019. 480 с. EDN: WWGPIX.

Журавлев В.В. К вопросу о характере политического режима на Востоке России в период правления А.В. Колчака // Гражданская война в Сибири : сб. докл. и ст. науч. конф., Красноярск, 01–30 нояб. 1999 г. / отв. ред. М.Д. Северьянов. Красноярск : Изд-во Красноярского государственного университета, 1999. С. 34–41. EDN: VNDIAT.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М. : Молодая гвардия, 2012. 637[3] с.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М. : Мысль, 1983. 294 с.

Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М. : АСТ; Астрель, 2010. 538 с.

Майорова Г.В. Александр Васильевич Колчак: «Нет ничего выше Родины и служения Ей». М. : НП «Посев», 2016. 600 с.

Наумов И.В. За что боролся Верховный Правитель России? // Сибирь. 1999. № 5. С. 100–104.

Новиков П.А. На службе России // Сибирь. 1999. № 5. С. 95–100.

Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М. : Изд-во Московского государственного университета, 1957. 222 с.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 320 с.

Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.): монография. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2006. 211 с. EDN: QQXYHN.

Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на Востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М. : Кучково поле, 2022. 1040 с. EDN: TNWXPX.

Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М.: КноРус, Корвет, 2004. 479 с.

Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина; Новосибирский гос. университет. Новосибирск, 2001. С. 67–86. EDN: XDQVCT.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2010. 610 с. EDN: QPRBZF.

Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М. : Госполитиздат, 1957. 296 с.

Тепляков А.Г. Красные партизаны на Востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 840 с.

tific conference with international participation. Novosibirsk: The Siberian of the Russian Academy of Sciences. 480 p. (In Russ.). EDN: WWGPIX.

Zhuravlev V.V. (1999) K voprosu o kharaktere politicheskogo rezhima na vostoке Rossii v period pravleniya A.V. Kolchaka. On the nature of the political regime in the East of Russia during the reign of A.V. Kolchak. *Grazhdanskaya voina v Sibiri. Sb. dokl. i st. nauch. konf., Krasnoyarsk, 01–30 noyab. 1999 g.* = *The Civil War in Siberia: a collection of reports and articles of the scientific conference, Krasnoyarsk, November 01-30. 1999.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. P. 34-41. (In Russ.). EDN: VNDIAT.

Zyryanov P.N. (2012) Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia. Moscow: Molodaya gvardiya. 637[3] p. (In Russ.).

Ioffe G.Z. (1983) Kolchakov's Adventure and Its Collapse. Moscow: Mysl'. 294 p. (In Russ.).

Kruchinin A.S. (2010) Admiral Kolchak: life, achievement, memory. Moscow: AST; Astrel'. 538 p. (In Russ.).

Maierova G.V. (2016) Alexander Kolchak: «There is nothing above the Motherland and service to Her». Moscow: NP «Posev». 600 p. (In Russ.).

Naumov I.V. (1999) What did the Supreme Ruler of Russia fight for? *Sibir'*. No. 5. P. 100-104. (In Russ.).

Novikov P.A. (1999) In the service of Russia. *Sibir' = Siberia*. No. 5. P. 95-100. (In Russ.).

Papin L.M. (1957) The Collapse of the Kolchak Region and the Formation of the Far Eastern Republic. Moscow: Moscow State University. 222 p. (In Russ.).

Plotnikov I.F. (1998) Alexander Kolchak: life and activity. Rostov n/D: Feniks. 320 p. (In Russ.).

Rynkov V.M. (2006) Financial Policy of the Anti-Bolshevik Governments of the East of Russia (second half of 1918 – beginning of 1920): monograph. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN. 211 p. (In Russ.). EDN: QQXYHN.

Rynkov V.M. (2022) Social policy of anti-Bolshevik governments in the East of Russia: ideology, legislation, practice (June 1918 - October 1922). Moscow: Kuchkovo pole. 1040 p. (In Russ.). EDN: TNWXPX.

Sinyukov V.V. (2004) Alexander Kolchak: from Arctic explorer to Supreme Ruler of Russia. Moscow: KnoRus, Korvet. 479 p. (In Russ.).

Simonov D.G. (2001) On the issue of military construction in the rear districts of the Kolchak Army. *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossii: Problemy istorii. Bakhrushinskije chteniya 2001 g.; Mezhvuz. Sb. nauch. tr.* = *Civil War in the East of Russia: Problems of History: Bahrushinsky Readings 2001. Interuniversity. Collection of Works.* Novosibirsk: Novosibirsk State University. P. 67-86. (In Russ.). EDN: XDQVCT.

Simonov D.G. (2010) White Siberian Army in 1918. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. 610 p. (In Russ.). EDN: QPRBZF.

Spirin L.M. (1957) Defeat of Kolchak's Army. Moscow: Gospolitizdat. 296 p. (In Russ.).

Teplyakov A.G. (2023) Red Partisans in the East of Russia. 1918-1922: deviations, anarchy and terror. Moscow: No-voe literaturnoe obozrenie. 840 p. (In Russ.).

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 640 с. EDN: BXEQWY.

Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: драма Верховного правителя. М. : РОССПЭН, 2022. 526 с.

Шишкин В.И. Как Колчак стал Верховным правителем // Сибирские огни. Новосибирск, 1993. № 5–6. С. 143–148.

Эйхе Г.Х. Тактические поучения Гражданской войны: исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М. : Госвоениздат, 1931. 189 с.

Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. (Март – апрель 1919 г.) : Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М. : Воениздат, 1960. 295 с.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М. : Воениздат, 1966. 384 с.

Khandorin V.G. (2017) National Idea and Admiral Kolchak. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 640 p. (In Russ.). EDN: BXEQWY.

Khandorin V.G. (2022) Admiral Kolchak: the drama of the Supreme Ruler. Moscow: ROSSPEN. 526 p. (In Russ.).

Shishkin V.I. (1993) How Kolchak became Supreme Ruler. *Sibirskie ogni = Siberian Lights*. Novosibirsk. No. 5-6. P. 143-148. (In Russ.).

Eikhe G.Kh. (1931) Tactical Teachings of the Civil War: Study of the Red Army's Tactics against Kolchak and in the Far East. Moscow: Gosvoenizdat. 189 p. (In Russ.).

Eikhe G.Kh. (1960) Ufa adventure of Kolchak. (March - April 1919) Why Kolchak failed to break through to the Volga to join Denikin. Moscow: Voениzdat. 295 p. (In Russ.).

Eikhe G.Kh. (1966) Overturned rear. Moscow: Voениzdat. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Наумов Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: histor@istu.edu

Information about the author

Igor V. Naumov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of
History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: histor@istu.edu

Вклад автора

Наумов И.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Naumov I.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2023 г.; одобрена после рецензирования 27 января 2024 г.; принята к публикации 5 февраля 2024 г.

Article info

The article was submitted December 25, 2023; approved after reviewing January 27, 2024; accepted for publication February 5, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(470)
EDN: RPYJGF
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-148-160

**«В разгар Гражданской войны»:
Опыт реорганизации войск на территории востока России
с осени 1919 г. по конец 1920 г.**

Д.В. Воронцов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Более глубокое научное осмысление истории Гражданской войны возможно через рассмотрение отдельных аспектов, через отделение сведений от интерпретаций. Данная статья призвана сравнить мероприятия противоборствующих сторон Гражданской войны по реорганизации войск с осени 1919 г. по конец 1920 г. на востоке России. Вначале дан краткий обзор событий 1917–1918 гг., когда бои были или хронологически непродолжительны, или территориально ограничены. Антибольшевистские силы востока России были первыми, кто в августе – сентябре 1918 г. призывал все население определенного возраста. Прежде – 29 мая 1918 г. – законодательно предусмотрели всеобщую мобилизацию большевики, но антибольшевистские силы Сибири раньше их осуществили ее на практике. Итоговый триумф большевикам обеспечили такие принципы как системность, масштабность и строгая централизация. Отмечено, что практически во всех операциях на Восточном фронте, начиная с осени 1918 г., красные войска неизменно имели вдвое больше пулеметов и зачастую в полтора раза больше артиллерии. Подробно, вплоть до дивизий, рассмотрена организационная структура противоборствующих сторон по состоянию на лето 1919 г. с указанием реорганизаций этого времени. До 18 стрелковых дивизий одной сквозной нумерации относились к Сибирским и по формированию, происхождение же от Народной армии Самарского Комуча вели еще 14 стрелковых дивизий с волжскими и уральскими названиями с другой (не сибирской) сквозной нумерацией. Рассмотрены ключевые организационные мероприятия на фоне боевых действий в Средней Сибири, в общем, и Восточном Забайкалье, в частности. Введены в научный оборот ранее неиспользовавшиеся исторические источники о планах реорганизации белых войск. В заключение сделаны выводы о значимости военно-организационного опыта.

Ключевые слова: Гражданская война, белые, красные, В.И. Ленин, А.В. Колчак, Сибирь, Забайкалье, войска, дивизии, организационные мероприятия, призывы населения

Для цитирования: Воронцов Д.В. «В разгар Гражданской войны»: Опыт реорганизации войск на территории востока России с осени 1919 г. по конец 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 148–160. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-148-160>. EDN: RPYJGF.

History

Original article

**“In the midst of the Civil War”:
Experience of reorganization of troops in the East of Russia
from the autumn of 1919 to the end of 1920**

Denis V. Vorontsov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. A deeper scientific understanding of the history of the Civil War is possible through the consideration of individual aspects as well as through the separation of information from interpretations. This article is intended to compare the activities of the opposing sides of the Civil War on the reorganization of troops from the autumn of 1919 to the end of 1920 in the East of Russia. First, a brief overview of the events of 1917-1918 is given, when the battles were either chronologically short or geographically

© Воронцов Д.В., 2024

limited. The anti-Bolshevik forces of the East of Russia were the first to call on the entire population of a certain age in August - September 1918. Previously, on May 29, 1918, the Bolsheviks legislatively provided for general mobilization, but the anti-Bolshevik forces of Siberia carried it out in practice before them. The final triumph of the Bolsheviks was ensured by such principles as consistency, scale and strict centralization. It is noted that in almost all operations on the Eastern Front, starting in the autumn of 1918, the Red troops invariably had twice as many machine guns and often one and a half times as much artillery. In detail, down to the divisions, the organizational structure of the warring parties as of the summer of 1919 is considered, indicating the reorganizations of that time. Up to 18 rifle divisions of one through numbering belonged to the Siberian ones and by formation, while 14 more rifle divisions with Volga and Ural names with another (non-Siberian) through numbering were derived from the People's Army of the Samara Komuch. The key organizational measures against the background of the fighting in Central Siberia in general and Eastern Transbaikalia in particular are considered. Previously unused historical sources about the plans for the reorganization of the White troops have been introduced into scientific circulation. Finally, conclusions about the importance of military organizational experience are drawn.

Keywords: Civil War, White, Red, V.I. Lenin, A.V. Kolchak, Siberia, Transbaikalia, troops, divisions, organizational measures, mobilization of the population

For citation: Vorontsov D.V. (2024) "In the midst of the Civil War": Experience of reorganization of troops in the East of Russia from the autumn of 1919 to the end of 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 148-160. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-148-160>. EDN: RPYJGF.

Тема Гражданской войны в России является исключительно обширной и многоплановой. Более глубокое и детальное научное осмысление представляется возможным через предметное рассмотрение отдельных аспектов военно-политического противоборства через более строгий отбор фактического материала, через отделение собственно фактических сведений от их заинтересованных интерпретаций. Влияние последних в условиях именно внутрироссийской схватки «образов будущего» и пропаганды просто невозможно переоценить, но для ряда конкретных аспектов военного строительства требуется выведение «за скобки», тем более что идеологические аспекты широко освещены в историографии. Задел отечественных историков в изучении боевых действий Гражданской войны делает перспективным как свое дальнейшее развитие, так и проверку высказанных авторами в разное время обобщений. Данная статья призвана провести, как нам представляется, продуктивное сопоставление деятельности противоборствующих сторон Гражданской войны по реорганизации войск в насыщенный военно-политическими событиями период с осени 1919 г. по конец 1920 г. на востоке России.

Боевые столкновения 1917–1918 гг. Гражданской войны были или хронологически непродолжительны, или разворачивались на ограниченной территории (Новиков, 2005; Романов, 2013; Хипхенов, 2022). Размах боевых действий в Сибири резко вырос с конца мая 1918 г. после выступления против большевиков Чехословацкого корпуса. Из ра-

нее подпольных офицерских организаций Западной Сибири началось формирование антибольшевистской Сибирской армии, которая первоначально комплектовалась призывом офицерства и набором добровольцев. Армию возглавил генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов, одновременно управлявший и Военным министерством Временного Сибирского правительства. На 15 июня 1918 г. численность составляла около 4000 бойцов, а к 1 сентября свыше 60000 (Новиков, 2005. С. 73). Формирование частей затруднялось хронической нехваткой вооружения и обмундирования.

Временное Сибирское правительство 31 июля 1918 г. объявило мобилизацию русского населения Сибири 1898–1899 гг. рождения, за исключением переселенцев последних 3,5 лет. На долю призванных в пределах Омского и Иркутского военных округов пришлось 138700 человек (Симонов, 2001. С. 67). Данная мобилизация довела численность Сибирской армии до 200000 чел., сделав ее вчетверо многочисленнее Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. На Юге России «Добровольцы» первый масштабный призыв объявили 15 августа 1918 г. в западной половине Ставропольской губернии – в трех уездах, призвав родившихся 1895–1897 гг. В дальнейшем по мере занятия востока Ставрополя мобилизация распространялась и там (Гагкуев, 2012. С. 166). С 12 ноября возрастные рамки призывов Добровольческой армии были увеличены на два года «вниз» и «вверх», что означало призыв родившихся с 1893 по 1899 г.

Противник же – большевики – летом 1918 г. проводили лишь выборочные призывы, предусмотренные постановлением ВЦИК от 29 мая 1918 г.: в течение июня 1918 г. были мобилизованы («принудительно набраны») рабочие и крестьяне (кроме кулаков) 1893–1899 гг. рождения в «угрожаемом» (прифронтовом) 51 уезде Поволжья, Урала, Западной Сибири; рабочие Москвы, Петрограда и их пригородов 1896–1897 гг. рождения (Шатагин, 1954. С. 76). В конце июля 1918 г. красные проводили мобилизации трудящихся от 18 до 40 лет в прифронтовой полосе при обороне Царицына (Шатагин, 1954. С. 89). Таким образом, белые востока России были первыми, кто на практике перешел к мобилизации определенных возрастов на всей подконтрольной территории. Таким образом, законодательно большевики первыми предусмотрели всеобщую мобилизацию, но антибольшевистские силы Сибири существенно раньше осуществили ее на практике.

Военную политику большевиков определял В.И. Ленин, неуклонно стремившийся обеспечить единство политического и военного руководства через Центральный комитет партии большевиков (Наумов, 2019. С. 143). Важнейшим же направлением деятельности коммунистов и главным условием общего успеха он считал организацию партийно-политической работы в вооруженных силах. Такая работа была призвана обеспечить политическое воспитание как военнослужащих, так и всех трудящихся в духе преданности делу коммунизма, социалистическому отечеству, в духе пролетарского интернационализма, постоянной бдительности и высокой сознательной дисциплины. Российские большевики очень гордились своей сплоченностью. Например, занимавшийся политической работой в Красной армии. С.И. Гусев в 1921 г. особо подчеркивал, что в других коммунистических партиях до такой дисциплины еще не дошли: нигде нет партийных мобилизаций, оперативных перебросок коммунистов и комсомольцев на угрожаемые участки, беспрекословного исполнения постановлений Центрального комитета.

По оценке современного исследователя А.В. Ганина, основными принципами, обеспечившими большевикам военный успех, были: системность, масштабность и строгая централизация. Он же выделяет универсальную формулу побед

народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого, озвученную им самим в октябре 1919 г. в письме командующему 7-й армией Д.Н. Надежному: «Как и всегда в подобных случаях, мы и на этот раз достигнем необходимого перелома при помощи мер организационного, агитационного и карательного характера» (Ганин, 2021. С. 403).

В Уфе 22 сентября 1918 г. представители Временного Сибирского правительства и эсеровского Самарского комитета членов Учредительного собрания (далее Комуча) объединились во Временное Всероссийское правительство (Директорию). 18 ноября 1918 г. в Омске в ходе военного переворота Директория была свергнута, а ранее являвшийся в ней военным министром адмирал А.В. Колчак провозглашен Верховным правителем. Главной целью он объявил создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности.

В исторической литературе (Симонов, 2010; Ганин, 2021) достаточно подробно рассмотрен ход боевых действий на Восточном фронте Гражданской войны с поздней осени 1918 г. до середины лета 1919 г. Затрагивались эти сюжеты и автором данной статьи (Воронцов, Дыня, 2022). В качестве главного обобщения следует особо подчеркнуть, что практически во всех операциях от Пермской (29 ноября 1918 г. – 6 января 1919 г.) до Челябинской (17 июля – 4 августа) и Актюбинской (14 августа – 14 сентября 1919 г.) красные неизменно имели вдвое (при обороне Перми – вчетверо) больше пулеметов и зачастую в полтора раза больше артиллерии.

В качестве начальных хронологических рамок для освещения организационной структуры противоборствующих сторон целесообразно избрать именно лето 1919 г., то есть по состоянию непосредственно накануне интересующего нас периода.

Силы красных: К 20 июня 1919 г. войска красного Восточного фронта – 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я армии, еще одна армия – Туркестанская (была сформирована 15 июня) достигли рубежа – Николаевск, Оренбург, Стерлитамак, р. Уфа, Оса, западнее Перми на фронте в 1800 км. Главные силы (5-я, 2-я и 3-я армии) действовали на северном крыле и в центре на фронте в 500 км. Южная группа войск фронта (1-я и 4-я армии) прикрывали на фронте в 1300 км оренбургское и уральское направления.

Перечислим состав «северных и центральных» армий в начале июля 1919 г.: 3-я армия – 29-я, 30-я и 51-я (сформирована с 6 июля по 15 августа на базе четырех полков Особой бригады) (Кесарев, Королев, Пичугов, 1962. С. 182–183) стрелковые дивизии; 2-я армия – 5-я, 7-я, 21-я и 28-я стрелковые дивизии; 5-я армия – 24-я, 26-я, 27-я, 31-я и 35-я стрелковые дивизии. 16 июля 2-я армия расформирована, ее управление переведено на Южный фронт. Туда же к 4 июля переброшена 7-я дивизия, а к 16 августа и 28-я дивизия. 21-я дивизия выведена в резерв Главкома Советской республики и осенью 1919 г. ее бригады действовали на разных фронтах отдельно друг от друга. 5-я дивизия передана в состав 5-й армии.

Силы белых на июнь 1919 г.: Сибирская армия действовала в двух группах – Северной и Южной. Северная группа включала: 1-й Средне-Сибирский корпус из 1-й Сибирской и 2-й Сибирской стрелковых дивизий; 5-й Сибирский корпус из 16-й Сибирской (бывшей 1-й Пермской) стрелковой дивизии и 17-й отдельной Сибирской стрелковой бригады (в середине июля обращена на пополнение 1-й Сибирской дивизии); а также 1-ю Сибирскую штурмовую бригаду. Южная группа включала 3-й Степной Сибирский корпус из 4-й Омской Сибирской и 7-й Тобольской Сибирской стрелковых дивизий; 4-й Сводный Сибирский корпус из 3-й Иркутской Сибирской и 15-й Акмолинской (Омской) Сибирской стрелковых дивизий, Златоустовско-Красноуфимской прифронтовой бригады. 27 июня 1919 г. в составе 3-го Степного Сибирского корпуса образована 18-я Сибирская стрелковая дивизия.

В прямом подчинении штаба Сибирской армии состояли 1-я кавалерийская дивизия, а также формируемые 8-й Камский армейский корпус из 15-й Воткинской и 16-й Сарапульской (Казанской) стрелковых дивизий; и Сводно-ударный корпус из 1-й и 2-й Ударных Сибирских стрелковых дивизий (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–6 об). Формирование этих двух корпусов так и не было завершено: 8-й Камский армейский корпус расформирован в конце июня 1919 г. со сведением в 15-ю Воткинскую стрелковую дивизию. Через месяц упразднен и Сводно-ударный корпус со сведением в 25-ю Екатеринбургскую стрелковую дивизию (Филимонов, 1999. С. 59; Клавинг, 2003. С. 346, 348), по другим

данным, в 1-ю Екатеринбургскую стрелковую дивизию (Симонов, 2012. С. 133). Все дивизии Сибирской армии четырехполкового состава, в каждой стрелковой дивизии кроме стрелковых полков – один-два артдивизиона. Отдельно на Семереченском фронте действовал 2-й отдельный Степной Сибирский корпус, состоявший из 5-й Сибирской стрелковой и Партизанской (атамана Б.В. Анненкова) дивизий.

В то же время Западная армия включала ряд групп, созданных летом 1919 г. из одноименных армейских корпусов. Уфимская группа состояла из 4-й Уфимской, 8-й Камской и 12-й Уральской стрелковых дивизий, Сибирской казачьей дивизии, двух Оренбургских казачьих бригад. Уральская группа включала 6-ю Уральскую, 7-ю Уральскую и 11-ю Уральскую стрелковые дивизии, Уфимскую кавалерийскую дивизию, отдельную Ижевскую стрелковую бригаду. Волжская группа состояла из 1-й Самарской, 3-й Симбирской, 13-й Казанской стрелковых дивизий, двух бригад конницы: Волжской кавалерийской и 4-й Оренбургской отдельной казачьей.

Южная армия объединяла 4-й Оренбургский армейский корпус из 2-й Сызранской и 5-й Оренбургской стрелковых дивизий, 1-ю отдельную Оренбургскую казачью бригаду; 5-й Стерлитамакский армейский корпус из 9-й Стерлитамакской и 10-й Верхне-Уральской (бывшая Сводно-Уральская) дивизий горных стрелков, незакончивший формирование 11-й Яицкий армейский корпус из одной 21-й Яицкой стрелковой дивизии; 1-й Оренбургский казачий корпус из 1-й, 2-й и 4-й Оренбургских казачьих дивизий, Оренбургской казачьей Пластунской дивизии.

Кроме того, правительство Колчака располагало воинскими соединениями в глубоком тылу. С 23 марта 1919 г. велось формирование 11-й, 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий в Омском военном округе (с дислокацией штабов дивизии в Омске, Томске, в Новониколаевске соответственно), 8-й и 14-й Сибирских в Иркутском (в Красноярске и Иркутске). Первые три дивизии в начале июля 1919 г. были отправлены (в трехполковом составе, оставив по одному полку и егерскому батальону в тылу) на разные участки фронта действующей армии. Из оставшихся частей в Омском военном округе сформированы 1-я, 2-я и 3-я Сводные дивизии и отдельная Образцовая Егерская бригада. В

Иркутском военном округе 18 июля 1919 г. из действующего против партизан отряда генерала Розанова образованы отдельная Егерская бригада и 2-я отдельная Особая стрелковая бригада. В августе они были переброшены на фронт против Красной армии (Новиков, 2019а. С. 228; Новиков, 2019b. С. 34–35, 45–46).

В номинальном подчинении А.В. Колчаку из-за конфликта с атаманом Г.М. Семеновым с начала 1919 г. находились войска Приамурского военного округа, включавшие, помимо казачьих и инородческих соединений, 8-ю Сибирскую (повтор нумерации) в Забайкалье и 9-ю Сибирскую (разделенной весной 1919 г. на Амурскую и Уссурийскую отдельные стрелковые бригады) стрелковые дивизии.

Таким образом, до 18 стрелковых дивизий одной сквозной нумерации (от № 1 до 18, но без 10-й) относились к Сибирским и по формированию, первоначальной подчиненности Сибирской армии и официальному наименованию. Происхождение от Народной армии Самарского Комуча вели 14 стрелковых дивизий с волжскими и уральскими названиями с другой (несибирской) сквозной нумерацией от 1 до 13, а также 21-я.

Колчаковские войска потерпели поражение в Златоустовской (24 июня – 13 июля 1919 г.) и Челябинской (17 июля – 4 августа 1919 г.) операциях. К концу июля 1919 г. войска белых отступили за Урал, Западная Сибирь снова (ровно год спустя после августа 1918 г.) стала ареной регулярных боевых операций.

Отметим использование в обиходе белыми летом 1919 г. термина «народная армия» применительно к силам 3-й армии, равно как и бытования понятия «каппелевцы». Примечательны информационные сводки контрразведывательного отделения штаба 3-й армии о настроении войск. В них четко отражено влияние территории и возраста призыва на поведение личного состава:

2-й Уфимский корпус на 8–11 июня 1919 г. – некоторые мобилизованные части разбежались, крайне участились случаи дезертирства и самострелов, особенно среди мобилизованных прежних (Д.В. – старых) сроков службы. Настроения прибывающих пополнений хорошее – особенно молодежи, но обучены мало.

Волжская группа на 1–15 августа 1919 г. – на начало августа пополнена на 900 человек «из сол-

дат призывов 1914–1917 гг. и новобранцев 1921–1922 гг.» (Фронт и тыл..., 2019. С. 17, 36–39, 52–56)¹ (иначе говоря, из фронтовиков 1893–1896 гг. рождения и молодежи 1900–1901 гг. рождения) из жителей Петропавловского, Кокчетавского и Кустанайского уездов Акмолинской области, а частью из мусульман Уфимской губернии.

12-я Уральская стрелковая дивизия (выведена в тыл, ранее действовала в составе Волжской группы) на 1–15 августа 1919 г. – стрелки из Пермской губернии настроены хорошо, от пополнения Акмолинской и Тургайской областей большинство уже перешли к красным, оставшиеся – ненадежны. Если будут (боевые) удачи, то и стрелки будут хороши (Фронт и тыл..., 2019. С. 33)².

Уфимская группа на 1–15 августа – настроение солдат угрюмое. Недовольны Сибирскими частями (13-й Сибирской дивизией), переходящими иногда целыми ротами к красным. Пополнение Златоустовского уезда доказало свою боеспособность, сдач не было.

Оставив арьергарды к востоку от р. Тобол, белые отвели на восток на 200–250 км к р. Ишим более половины боевых сил 3-й армии, планируя с 1 сентября провести контрнаступление. 20 августа красные форсировали Тобол и развернули наступление на восток. Так началась 1-я Петропавловская (Тобольско-Петропавловская) операция (20 августа – 13 октября 1919 г.) – сначала наступление красных, а со 2 сентября контрнаступление белых, отбросивших противника ко 2 октября за Тобол. Из-за быстрого продвижения красных контрнаступление белых началось не из движения вперед, а с оборонительных боев, что ослабило намеченный удар. Тем не менее в начале сентября из Волжской группы сообщалось, что наступление и боевые успехи подняли дух стрелков. Многие, занимавшие выжидательную позицию, становятся на сторону колчаковского правительства. Забранные в Красную армию оставались при отступлении красных в своих деревнях и записывались в пришедшие белые части. С обратным выходом в начале октября 1919 г. белых к Тоболу фронт временно стабилизировался.

¹ Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.). : сб. док. / сост. М.И. Вебер. Екатеринбург : УрО РАН, 2019. 272 с.

² Там же.

При этом в Уфимской группе малочисленность частей и неподача пополнений подрывала уверенность в скором развитии ранее одержанных успехов. В Уральской группе стрелки проявляли большой интерес к белым газетам и пропагандистской литературе, особенно информации о наступлении войск Деникина на Москву.

14 октября 1919 г. красные войска снова форсировали Тобол, начав 2-ю Петропавловскую (Тобольско-Петропавловскую) операцию. К 18 октября 1919 г. сопротивление белых войск было сломлено. Началось все более ускоряющееся отступление белых на восток, сначала до Омска (оставлен 14 ноября), а затем все дальше и дальше на восток. Крупных контрударов по Красной Армии отходящие деморализованные белые войска не наносили (Шубин, 2022; Шубин, 2023), при необходимости успешно пробиваясь через заслоны партизан и перешедших (об этом ниже) на красную сторону белых частей – под Красноярском, Нижнеудинском, станцией Зима и т. д.

25 октября белое командование принимает решение вывести в тыл штаб и соединения 1-й армии. Трех дивизиям и двум бригадам в начале ноября предстояло сняться с фронта и передислоцироваться по железной дороге в определенный город для пополнения. Пункты назначения: Омск, Новониколаевск, Барнаул, Томск, Мариинск, Красноярск, Канск. При этом в Красноярск убывал штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса и 4-й Енисейский стрелковый полк, в Канск – 1-я Сибирская егерская бригада (Воробьев, 1939. С. 67). Перечисленные соединения и части рассчитывали пополнить за счет личного состава войск Иркутского военного округа, о чем велась интенсивная предметная переписка.

2-я армия генерал-лейтенанта Войцеховского отходила на восток по Сибирскому тракту, а ее Южная группа отступала на участке между железнодорожной магистралью и Сибирским трактом; 3-я армия генерал-лейтенанта В.О. Каппеля (Сибирская казачья, Волжская, Уфимская группы) действовала к югу от железной дороги в районе с крайне скудными дорогами. Общее количество дивизий и бригад в составе 2-й и 3-й армий достигало 36 (запомним эту цифру), но они были крайне малочисленны.

Зимой 1919–1920 гг. трудности отступающих колчаковских войск многократно усиливали руководимые эсерами восстания в тыловых гарнизонах, в том числе в выведенных на пополнение соединениях и частях 1-й армии генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева. Антиколчаковские выступления произошли в Новониколаевске 7 декабря 1919 г. (подавлено), и завершившиеся успехом в Красноярске 23 декабря, в Иркутске 24 декабря – 5 января разрушили последние надежды белых на перелом в боевых действиях. В Иркутске в итоге на сторону эсеров перешел практически весь гарнизон – около 4000 человек и именно эти, бывшие колчаковские военнослужащие, составили основу Народно-революционной армии Политцентра под началом Н.С. Калашникова. С переходом же власти к большевистскому Ревкому 23 января 1920 г. она была преобразована в Восточно-Сибирскую Советскую армию (ВССА) во главе с Д.Е. Зверевым. В нее же были влиты партизанские отряды, сведенные в три дивизии: 1-ю Балаганскую, 2-ю Братскую и 3-ю Ленскую. Однако уже 26 февраля предписано все части ВССА свести в одну Иркутскую стрелковую дивизию.

Встречи сибирских партизан с Красной армией начались с осени 1919 г. Крайняя идейно-политическая и социальная неоднородность партизанского движения создавала предпосылки для различных конфликтов при решительном стремлении большевиков не допустить в Сибири повторения «махновщины». Реввоенсовет РСФСР приказом от 11 декабря 1919 г. запретил существование партизанских отрядов как самостоятельных боевых единиц.

Но вернемся к судьбе белых. В Новониколаевской операции с 20 ноября по 16 декабря 1919 г. 40000 красных преследовали 18000 белых, которые поспешно отходили, не оказывая серьезного сопротивления.

Итогом следующей, Красноярской операции 2–7 января 1920 г. стало пленение до 50000 белых (включавших как отступающие части, так и тыловые гарнизоны) и прорывом оставшихся 25000 чел. во главе с генералом В.О. Каппелем на восток.

Приказы войскам Восточного фронта № 12 от 12 февраля 1920 г. и № 24 от 16 февраля 1920 г. позволяют установить, что при отступлении белых от Красноярска до Читы существование четырех

колонн: «генерала Сахарова» (части 3-й армии и Степной корпус), «генерала Вержбицкого» (Южная и Тобольская группа 2-й армии), «генерала Бангерского» (Уфимская группа) и Штаба фронта (не боевой элемент) и следующих отрядов: Ижевский, Егерский, полковника Ярцева, «Волжский генерала Каппеля», Уральский, полковника Енборисова при штабе 3-й армии, а также нескольких Оренбургских казачьих бригад (Новиков, 2005. С. 333; Государственный архив Забайкальского края. Ф. 329. Оп. 1. Д. 65. Л. 1).

В приказе Главнокомандующего Вооруженными силами Российской Восточной окраины № 261 от 2 апреля 1920 г. последовательно упоминались следующие объединения и соединения каппелевцев: 2-я армия, Тобольская группа, 3-я Иркутская дивизия, 15-я Воткинская дивизия, Южная группа, Морская стрелковая дивизия, 18-я стрелковая дивизия, Сводная Сибирская казачья группа, Добровольческая дивизия, 3-я армия, Волжский отряд, Уральский отряд, 1-я кавалерийская дивизия, Сводная Оренбургская казачья бригада, Уфимская группа, 4-я Уфимская дивизия, Уфимская кавалерийская дивизия, Оренбургская казачья бригада, Особый отряд, 8-я Камская дивизия, 12-я Уральская дивизия, 13-я Сибирская дивизия, Уфимский кавалерийский отряд (РГАВА. Ф. 39892. Оп. 1. Д. 49. Л. 6–8).

Начиная с 22 февраля 1920 г., вышедшие в Забайкалье колонны и отряды каппелевцев за март – апрель были переформированы в два стрелковых корпуса: 2-й составили Иркутская (в нее вошли остатки 15-й Воткинской, 3-й и 7-й Сибирских дивизий) и Омская (бывшая 4-я Сибирская и вышедший отдельным маршрутом по северу Восточной Сибири 3-й Барнаульский стрелковый полк) стрелковые дивизии, Добровольческая бригада; 3-й – Уфимская (остатки 4-й Уфимской, 8-й Камской, 12-я Уральской стрелковых и 2-й Уфимской кавалерийской дивизий) и Сводная (остатки Ижевской, 11-й Уральской дивизий и Егерского отряда) дивизии, Волжская сводная имени генерала Каппеля бригада (остатки 1-й Самарской, 3-й Симбирской, 13-й Казанской и 13-й Сибирской дивизий, Волжской кавалерийской бригады), Енисейская казачья и Оренбургская казачья бригады (Симонов, 2015. С. 93–95). Таким образом, из 36 колчаковских соединений на фронте в ноябре 1919 г. после потерь

и переформирований к апрелю 1920 г. созданы четыре дивизии и четыре бригады. Ранее (еще в 1919 г.) дислоцировавшиеся в Забайкалье части объединены в 1-й Сводный (с 27 апреля 1-й Забайкальский корпус: Забайкальская казачья дивизия, отдельная Забайкальская казачья бригада и Сводная Маньчжурская атамана Семенова дивизия (Симонов, 2015. С. 87, 91–92). Азиатская конная дивизия 7 августа 1920 г. переформирована в партизанский отряд.

Успешное и стремительное наступление Красной армии в Сибири наряду с занятием Кубани к весне 1920 г. стало крупнейшим военным достижением большевиков. Вместе с тем победа в Сибири таила для большевиков и серьезную опасность. Продвижение 5-й армии на восток от Иркутска грозило войной с Японией. Опасность побудила руководство большевиков к поиску «непрямых» путей решения «японского вопроса», отказавшись от отвлечения сил Советской России восточнее Иркутска.

Большевики вынуждено проявили большую гибкость, решив провозгласить на востоке России формально независимое и демократическое «буферное государство» – Дальневосточную республику (ДВР) с сохранением ненавистного большевикам свободного рынка. На ДВР возложена миссия «изжить» японскую интервенцию и ликвидировать антибольшевистские формирования, не привлекая к этому силы Красной армии. Требовалось быстро создать боеспособные вооруженные силы ДВР, способные разгромить белых. Личный состав состоял преимущественно из бывших военнослужащих Колчака, перешедших на сторону красных в Иркутске и бывших восточно-сибирских и западно-забайкальских партизан. 10 марта 1920 г. Восточно-Сибирская Советская армия была переименована в Народно-революционную армию Прибайкалья, которую 18 марта возглавил Г.Х. Эйхе. 18 апреля в названии Прибайкалье заменено на Забайкалье, а 12 мая – на Дальневосточную республику. Общий ход событий освещен в отечественной историографии, причем на основе разных ценностных, методологических и концептуальных подходов (Шишкин, 1957; Василевский, 2000; Савченко, 2000; Новиков, 2005. С. 209–235; Ципкин, 2022. С. 315–363).

Первое наступление Народно-революционной армии (далее НРА) на Читу состоялось 10–13 апре-

ля 1920 г. Красное командование пыталось, но не смогло обеспечить численный перевес над белыми частями, оборонявшими столицу Восточного Забайкалья. Не оправдался расчет на быстрый успех с повтором быстрого продвижения на восток зимой 1919/1920 гг., хотя под Читой противникам «народноармейцев» преимущественно являлись именно отступившие из Западной Сибири белогвардейцы. Фактором морально-психологического дискомфорта для красного командования и рядовых бойцов являлось предписание избегать столкновения с японцами.

Особо отметим, что одновременно с отражением атак красных на Читу, белые были вынуждены вести крупномасштабные бои с восточно-забайкальскими партизанами в 350–400 км восточнее. С 7 по 27 апреля 1920 г. 3-й стрелковый корпус белых, ряд казачьих частей и японский пехотный полк продвигались с боями от Казаковского промысла в направлении станицы Жидка и от города Сретенска на село Копунь.

Исход первого наступления на Читу учитывался обеими противоборствующими сторонами. Не сумев уничтожить партизан, белые не могли рассчитывать на усиление фронта против НРА и поэтому предприняли следующую превентивную меру – была сокращена протяженность фронта юго-западнее Читы. Для этого белые покинули ранее занимавшиеся ими позиции в верховьях р. Ингоды, отведя войска из района Татаурово-Черемхово.

Более масштабные организационные мероприятия предприняло командование НРА. Войска на фронте усилены свежими частями – в структуре сил дополнительно мощная южная группа для действий в долины Ингоды, частично оставленной белыми. Главным же мероприятием, безусловно, следует считать смену принципа комплектования НРА от набора добровольцев к обязательному призыву. По представлению Г.Х. Эйхе и Военного совета НРА 18 апреля 1920 г. была объявлена мобилизация 14 возрастов населения Прибайкалья, а 28 апреля – еще четырех возрастов. Однако до реального пополнения войск требовалось не менее 1–1,5 месяцев, поскольку органы призыва сами еще создавались.

26 апреля 1920 г. на второй день 2-го наступления красных на Читу была образована 2-я Иркутская стрелковая дивизия. Ее 1-й бригадой стала 3-я

бригада Иркутской стрелковой дивизии, 2-й – малочисленная Забайкальская дивизия, включавшая Кударинский, Тарбагатайский и Гашейский полки. В ходе 2-й Читинской операции 2-я Иркутская дивизия была разгромлена белыми и «панически» отошла, а ее начальник К.А. Нейман 8 мая был отстранен от командования. К 11 мая соединение насчитывало 5916 человек. 8 ноября 1920 г. дивизия переименована во 2-ю Верхнеудинскую, в июле 1921 г. свернута в одноименную отдельную стрелковую бригаду

Два весенних наступления НРА на Читу показали, что, несмотря на военно-техническую помощь Советской России, части ДВР не смогут разгромить режим Семенова пока его поддерживают войска Японии. Поэтому власти ДВР взяли до октября 1920 г. паузу, ведя переговоры с японцами об их выводе из Забайкалья и одновременно активно занимаясь организационным и военно-техническим усилением партизан. В конце июля состоялся 3-й фронтовой съезд восточно-забайкальских партизан, который постановил преобразовать отряды в части НРА (Вележев, 1989). По выючной тропе от Телембы через с. Бургень на станцию Зилово перебрасывался командный состав и боеприпасы. На восток Забайкалья стягивались и красные войска Амурской области (Вележев, 1989. С. 216–219). Такое смещение усилий, позволяло нарастить численность бойцов, усилить давление на японцев, вынуждая их к выводу войск. С 25 июля по 15 октября 1920 г. японские войска покинули Забайкалье. Длительная (с июня по сентябрь) подготовка к уничтожению «Читинской пробки» на этот раз завершилась полным успехом НРА в ходе 3-й Читинской операции 1–31 октября 1920 г. Белые с боями отходили на юго-восток, и к 21 ноября 1920 г. в полном составе ушли в Китай.

Начальник штаба Дальневосточной армии генерал-лейтенант К.К. Акинтьевский в ноябре 1920 г. предоставил Командующему Дальневосточной армией генерал-лейтенанту Вержбицкому записку следующего содержания:

В силу различных причин Дальневосточная армия в ее настоящем состоянии страдает многими недостатками, из коих главнейшими я считаю:

1) Бессистемность организации как отдельных частей, так и более крупных войсковых соединений;

2) Излишнее развитие штабов и тыловых учреждений за счет боевой численности. Как следствие этих двух важнейших причин является трудноуправляемость армии, ее недостаточная гибкость, малая, сравнительно с числом ртов, боевая численность и отсутствие поучительности в занятиях, особенно мелких войсковых частей.

Считаю необходимым теперь же приступить к реорганизации Дальневосточной армии, ибо исправить ошибки никогда не поздно.

Поэтому предлагаю начать объединение мелких разрозненных войсковых групп в более боеспособные и прочные войсковые соединения, уменьшить число отдельных частей, но зато дать им численность, достаточную для выполнения возлагаемых на них боевых задач. Это можно выполнить немедленно соединением 2, или даже 3 полков в один. При соединении нескольких полков в один по возможности проводить это внутри одной дивизии и одного корпуса и подбирать для соединения полки, имеющие общую историю и близкие друг другу по месту первоначального формирования.

Ввиду избытка офицеров в частях Дальневосточной армии, наполняющих главным образом хозяйственные части и тыловые учреждения, при переформировании полков в новых частях пулеметные команды и команды связи иметь исключительно офицерские, как службы, где требуются большее умственное развитие и более ответственная работа. Самый строй насытить офицерами до

предела, поставив в пехоте офицеров даже отделенным начальником, а в коннице право и левофланговыми во взводах. Нестроевые и хозяйственные части полков уменьшить до норм, указанных в штатах, объявленных приказом по военному ведомству 1919 г. № 178.

Всем господам офицерам, оставшимся свободными от назначения, представляется право вступить в свои части рядовым бойцом, или же поступить в специальные офицерские части, кадры которых уже имеются.

Решительно сократить число лошадей в пехотных частях, ограничившись самым необходимым обозом, памятуя что накопление лошадей, неизбежно влечет за собой увеличение числа вестовых для ухода за ними, чем ослабляется боевая численность. Всех излишних лошадей в дивизиях взять на учет и немедленно изъять из полков в дивизионные обозы, а затем они будут переданы по особому распоряжению в конные части.

Распоряжением Комкоров (командиров корпусов) по мере сведения полков, сокращать штабы дивизий и корпусов, со всеми освободившимися чинами поступать как указано для полков.

Штаб армии сократить до штатов управления отдельного корпуса, согласно приказа Главнокомандующего войсками Российской Восточной Окraiны 1920 г. № 118. Полагаю, что, не нарушая оперативных распоряжений, теперь же можно приступить к реорганизации армии по прилагаемой схеме (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–10):

Схема сведения частей Дальневосточной армии The scheme of joining parts of the Far East Army

Наименование существующей части	Наименование новой сведенной части	Наименование дивизии	Примечания
А 1) 4-й Уфимский стрелковый имени генерала Корнилова полк	1) Уфимско-Камский имени генерала Корнилова полк	Отдельная стрелковая имени адмирала Колчака дивизия	Все мелкие части, не перечисленные в ведомости, расформировать и влить в свои полки При дивизии: 1) Трехбатарейный артдивизион 2) Егерский батальон 3) Инженерная рота 4) Дивизионный обоз 5) Дивизионный транспорт 6) Артиллерийский парк
2) 8-й Камский стрелковый имени адмирала Колчака полк			
3) Волжский стрелковый имени генерала Каппеля полк	2) Волжско-Уральский имени генерала Каппеля полк		
4) Уральский стрелковый полк			
5) Ижевский стрелковый полк	3) Ижевско-Воткинский стрелковый полк		
6) Воткинский стрелковый полк			
7) Ижевский конный дивизион	4) Конный полк имени адмирала Колчака		
8) Волжский конный полк			

9) Уральский конный дивизион			
Б	Сибирский стрелковый полк	Отдельная Сибирская стрелковая дивизия	
1) Иркутский стрелковый полк			
2) Тобольский стрелковый полк			
3) Омский стрелковый полк	Омско-Ишимский стрелковый полк		
4) Ишимский стрелковый полк			
5) Барнаульский стрелковый полк	Барнаульский стрелковый полк		
6) 1-й Добровольческий стрелковый полк			
7) 3-й Добровольческий стрелковый полк			
8) Конно-Егерский дивизион Омской дивизии	Конный полк отдельной Сибирской стрелковой бригады		
9) Петропавловский конный дивизион Иркутской дивизии			
10) Конный дивизион Добровольческой бригады			
В	1) Маньчжурский стрелковый атамана Семенова полк	Кавалерийская дивизия	При дивизии: 1) конно-артиллерийский дивизион из двух батарей 2) Дивизионный обоз
1) 1-й стрелковый Маньчжурский атамана Семенова полк			
2) 2-й стрелковый Маньчжурский атамана Семенова полк			
3) 1-й конный атамана Семенова полк	2) 1-й конный атамана Семенова полк		
4) Драгунский казачий дивизион			
5) Симбирский уланский дивизион			
6) Екатеринбургский уланский дивизион	3) Волжско-Уральский конный полк		
7) Уфимский конный полк	4) Уфимский конный дивизион		
8) Алтайский конный дивизион			
Г	1-й Забайкальский казачий полк	Забайкальская казачья дивизия	
1) 1-й Забайкальский казачий полк			
2) 2-й Забайкальский казачий полк			
3) 3-й Забайкальский казачий полк	2-й Забайкальский казачий полк		
4) 4-й Забайкальский казачий полк			
5) 5-й Забайкальский казачий полк	3-й Забайкальский казачий полк		
6) 6-й Забайкальский казачий полк			
Д	Сводный Оренбургский казачий полк		
1) 1-й Сводный Оренбургский казачий полк			
2) 2-й Сводный Оренбургский казачий полк			
3) 11-й Оренбургский казачий полк	11-й Оренбургский казачий полк		

4) Пеший Оренбургский дивизион пополнения			
5) Сибирский казачий полк	Сибирский казачий полк		
6) 1-й Енисейский казачий полк	Енисейский казачий полк		
7) 2-й Енисейский казачий полк			

* * * * *

Реконструкция исторических деталей позволяет преодолеть навязывавшийся советской пропагандой и отчасти сохранившийся в современной историографии тезис о предопределенности конечной победы большевиков, убедительно показать, что каждое управленческое или организационное решение способно изменить финал. Велико теоретическое и практическое значение военного опыта продолжительного отступления белых и синхронного их стратегического преследования красными на востоке России с весны 1919 г. по весну 1920 г.

Оба противоборствующих лагеря сохраняли управляемость, принимали рациональные реше-

ния, инициировали как боевые действия, так и «непрямые» разновидности борьбы и подключение временных союзников (эсеры, японцы). Стороны допускали стратегические ошибки и просчеты. Примененная большевиками комбинация военных усилий и дипломатических маневров позволила им за 1920 г. установить полный контроль над Восточным Забайкальем. Целесообразно и в дальнейшем подробнее сравнивать усилия противоборствующих сторон по комплектованию войск, выступавших основой для динамично менявшейся численности и боеспособности войск, которые в свою очередь и предопределяли собственно ход боевых действий определенных контингентов на определенной территории.

Список источников

Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Краткие очерки истории. Чита : Поиск, 2000. 180 с.

Вележев С.Г. Из истории Восточного (Хабаровского), Восточно-Забайкальского и Амурского фронтов Дальнего Востока в 1920 г. // За Советский Дальний Восток. Вып. 4. Очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Владивосток : Дальневосточное кн. изд-во, 1989. С. 212–226.

Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция 1919 г. М. : Воениздат, 1939. 88 с.

Воронцов Д.В., Дыня А.А. «От Перми до Перми»: обзор боевых действий на Восточном фронте гражданской войны с ноября 1918 г. по июль 1919 г. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2022. № 4 (36). С. 13–23. DOI: 10.52782/KRIL.2022.4.36.003. EDN: KJWTTO.

Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М. : Посев, 2012. 703 с. EDN: QPXB XV.

Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. 2-е изд. М. : Изд-во «Пятый Рим», 2021. 864 с.

Кесарев С.П., Королев А.Н., Пичугов С.Г. Особая бригада. Исторический очерк. М. : Воениздат, 1962. 243 с.

Клавинг В.В. Гражданская война в России: Белые армии. М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 637 с.

References

Vasilevskii V.I. (2000) Trans-Baikal White statehood. *Kratkie ocherki istorii = Brief Sketches of the History*. Chita: Search. 180 p. (In Russ.).

Velezhev S.G. (1989) From the history of the Eastern (Khabarovsk), East Trans-Baikal and Amur fronts of the Far East in 1920. *Za Sovetskii Dal'nii Vostok. Vyp. 4. Ocherki i vospominaniya o Grazhdanskoi voine na Dal'nem Vostoke = For the Soviet Far East. Iss. 4. Essays and memoirs about the Civil War in the Far East*. Vladivostok: Far Eastern Publishing House. P. 212-226. (In Russ.).

Vorob'ev V.F. (1939) Tobolsk-Petropavlovsk operation 1919. Moscow: Voениzdat. 88 p. (In Russ.).

Vorontsov D.V., Dynya A.A. (2022) "From Perm to Perm": Overview of the fighting on the eastern front during the civil war from November 1918 to July 1919. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific Review of Sayano-Altai*. No. 4 (36). P. 13-23. (In Russ.). DOI: 10.52782/KRIL.2022.4.36.003. EDN: KJWTTO.

Gagkuev R.G. (2012) The White movement in the South of Russia. Military construction, sources of recruitment, social composition, 1917-1920. Moscow: Sowing. 703 p. (In Russ.). EDN: QPXB XV.

Ganin A.V. (2021) Seven "why" of the Russian Civil War. Moscow: Publishing house "Fifth Rome". 864 p. (In Russ.).

Kesarev S.P., Korolev A.N., Pichugov S.G. (1962) Special brigade. Historical essay. Moscow: Voениzdat. 243 p. (In Russ.).

Klavning V.V. (2003) The Civil War in Russia: White Armies. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica. 637 p. (In Russ.).

Наумов И.В. В.И. Ленин и военная политика российских коммунистов // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 141–152. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-141-152. EDN: QXNUIP.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с. EDN: QPALYX.

Новиков П.А. Организационные мероприятия в вооруженных силах А.В. Колчака (август 1919 – январь 1920 г.) // Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием Новосибирск, 18–20 ноября 2019 года / редкол.: В.И. Шишкин (отв. ред.), Т.И. Морозова (отв. секр.); Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019а. С. 224–232. DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-224-232. EDN: LPHZJF.

Новиков П.А. От целого к деталям в мозаичной панораме Гражданской войны: пополнение и настроение войск А.В. Колчака осенью 1919 г. // Белая армия. Белое дело. 2019b. № 26. С. 27–59.

Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова: монография / науч. ред. И.В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 307 с.

Савченко С.Н. Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 – февраль 1920) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.): сб. науч. ст. Вып. 2. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им Н.Н. Гродекова, 2000. С. 36–69.

Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на Востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001. Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2001. С. 67–86. EDN: XDQVCT.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск, 2010. 610 с. EDN: QPRBZF.

Симонов Д.Г. К истории Отдельной Сибирской армии (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сборник научных статей. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. Вып. 3. С. 112–135. EDN: TMCMYF.

Симонов Д.Г. Антибольшевистские Вооруженные силы Российской восточной окраины (1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 83–105. EDN: UVQPEX.

Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М.: Рейтар, 1999. 144 с.

Naumov I.V. (2019) V.I. Lenin and the military policy of the Russian Communists. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 4 (33). P. 141-152. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-141-152. EDN: QXNUIP.

Novikov P.A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.). EDN: QPALYX.

Novikov P.A. (2019a) Organizational measures in the armed forces of A.V. Kolchak (August 1919 – January 1920). *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.): sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk, 18–20 noyabrya 2019 = Civil War in Eastern Russia (November 1917 – December 1922). Collection of Materials from the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Novosibirsk, 18-20 November 2019)*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (In Russ.). DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-224-232. EDN: LPHZJF.

Novikov P.A. (2019b) From the whole to the details in the mosaic panorama of the Civil War: replenishment and mood of the troops of A.V. Kolchak in the autumn of 1919. *Belaya armiya. Beloe delo = White Army. A White Matter*. No. 26. P. 27-59. (In Russ.).

Romanov A.M. (2013) The Special Manchurian detachment of ataman Semenov: monograph. Irkutsk: Imprint. 307 p. (In Russ.).

Savchenko S.N. (2000) The White Army in the Far East: the emergence and structure (September 1918- February 1920). *Iz istorii grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke (1918-1922 gg.). Sb. nauch. st. = From the history of the Civil war in the Far East (1918-1922). Collection of scientific articles*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. Iss. 2. P. 36-69. (In Russ.).

Simonov D.G. (2001) On the issue of military construction in the rear districts of Kolchak's army in 1919. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii: Problemy istorii: Bakhrushinskije chteniya 2001. Mezhvuz. Sb. nauch. tr. = Civil War in the East of Russia: Problems of History: Bakhrushin Readings 2001. Interuniversity collection of scientific works*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. P. 67-86. (In Russ.). EDN: XDQVCT.

Simonov D.G. (2010) White Siberian Army in 1918: monograph. Novosibirsk. 610 p. (In Russ.). EDN: QPRBZF.

Simonov D.G. (2012) On the history of the Separate Siberian Army (December 1918 - July 1919). *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statei = Power and society in Siberia in the XX century. Collection of scientific articles*. Novosibirsk: Parallel'. Iss. 3. P. 112-135. (In Russ.). EDN: TMCMYF.

Simonov D.G. (2015) Anti-Bolshevist fighting forces of the Russian East Outskirts (1920 year). *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke: sb. nauch. st. = Power and society in Siberia in the twentieth century. Collection of scientific articles*. Novosibirsk: Parallel'. Iss. 6. P. 83-105. (In Russ.). EDN: UVQPEX.

Filimonov B.B. (1999) The White army of Admiral Kolchak. Moscow: Reitar. 144 p. (In Russ.).

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири : монография. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2022. 611 с.

Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.). 5-е изд. М. : Пятый Рим, 2022. 540 с.

Шатагин Н.И. Организация и строительство Советской Армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.) М. : Воениздат, 1954. 248 с.

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. М. : Воениздат, 1957. 268 с.

Шубин А.О. Об управлении армиями Белого Восточного фронта в Великом Сибирском походе на пути от Омска до Красноярска // Белая армия. Белое дело. 2022. № 29. С. 27–68.

Шубин А.О. Об управлении армиями Белого Восточного фронта в Великом Сибирском походе на пути от Омска до Красноярска (окончание) // Белая армия. Белое дело. 2023. № 30. С. 49–100.

Информация об авторе

Воронцов Денис Владиславович,
соискатель кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: denis081997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3414-5887>

Вклад автора

Воронцов Д.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 7 февраля 2024 г.; принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Khipkhenov G.I. (2022) Crush of Centrosibir: a monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 P. (In Russ.).

Tsipkin Yu.N. (2022) White Movement in the Far East Russia (1918-1922). Moscow: Fifth Rome. 540 p. (In Russ.).

Shatagin N.I. (1954) Organization and construction of the Soviet Army during the period of Foreign Military Intervention and Civil War (1918-1920). Moscow : Voenizdat. 248 p. (In Russ.).

Shishkin S.N. (1957) Civil War in the Far East 1918-1922. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense. 268 p. (In Russ.).

Shubin A.O. (2022) On the management of the armies of the White Eastern Front in the Great Siberian Campaign on the way from Omsk to Krasnoyarsk. *Belaya armiya. Beloe delo = The White Army. A White Matter*. No. 29. P. 27-68. (In Russ.).

Shubin A.O. (2023) On the management of the armies of the White Eastern Front in the Great Siberian Campaign on the way from Omsk to Krasnoyarsk (end). *Belaya armiya. Beloe delo = The White Army. A White Matter*. No. 30. P. 49-100. (In Russ.).

Information about the author

Denis V. Vorontsov,
Candidate of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: denis081997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3414-5887>

Contribution of the author

Vorontsov D.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 12, 2024; approved after reviewing February 7, 2024; accepted for publication February 19, 2024.

История

Научная статья
УДК 355/359
EDN: UMXPOM
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-161-170

**«Содержательность обсуждения текущего положения»:
Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.)**

А.И. Бакшеев¹, А.Г. Рогачев²

¹ Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Красноярск, Россия

² Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация. Стенограммы Первого краевого съезда Советов Сибири, состоявшегося в декабре 1925 г., являются важным историческим источником. В 1993 г. они были подготовлены к печати и опубликованы под редакцией И.А. Молетотова. Данная статья посвящена сравнению видения и оценок хозяйственных перспектив, высказывавшихся на краевом, окружном и районном уровнях управления Сибирью в период Новой экономической политики. При подготовке учитывались сведения справочно-статистических изданий и сборников документов. Дана общая оценка историографической ситуации, подчеркнута, что в исторической литературе представлены аргументированные обобщения, разные концепции и трактовки. У широкой общественности России сохраняется значительный интерес к истории НЭПа, выразившийся в выходе работ научно-публицистического характера. Открывая заседание Первого краевого съезда Советов Сибири, председатель Сибревкома М.М. Лашевич подчеркнул, что в крае установился прочный мир, что Сибирь в основном восстановлена и твердо идет по социалистическому пути. Был кратко охарактеризован состав делегатов и ход работы съезда, который прошел весьма успешно. На съезде избрали Краевой исполнительный комитет (Сибкрайисполком) во главе с Г.Х. Эйхе в составе 81 человека, а еще 27 стали кандидатами. Съезд переименовал Новониколаевск в Новосибирск. Для примера подходов властных структур к решению проблем сельского хозяйства приведена документация Тулуновского окружного земельного управления на 1926/1927 гг., содержащая как ретроспективные данные, так и развернутую характеристику перспектив. Сделан вывод, что в хозяйственном планировании учитывались географические особенности территории, а дальнейшая рационализация аграрного сектора виделась в развитии наметившихся экономических тенденций. В это время в отличие от последующего периода насильственной коллективизации рассчитывали мотивировать крестьян на повышение хозяйственной производительности преимущественно рыночными методами.

Ключевые слова: Первый краевой съезд Советов Сибири, Сибревком, новая экономическая политика, М.М. Лашевич, Р.И. Эйхе, Сибкрайисполком, Сибирский край, Тулуновский (Тулунский) округ, районы, хозяйственные перспективы, крестьяне, И.А. Молетотов

Для цитирования: Бакшеев А.И., Рогачев А.Г. «Содержательность обсуждения текущего положения»: Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 161–170. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-161-170>. EDN: UMXPOM.

History

Original article

**«The content of the discussion of the current situation»:
First Congress of Siberian Soviets (December, 3-9, 1925)**

Andrey I. Baksheev¹, Alexander G. Rogachev²

¹ Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia

² Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The transcripts of the First Regional Congress of Soviets of Siberia, held in December 1925, are an important historical source. In 1993, they were prepared for publication and published under the editorship of I.A. Moletotov. This article is devoted to comparing the vision and assessments of economic prospects expressed at the regional, district and district levels of government in Siberia during the period of the New Economic Policy. Information from reference and statistical publications and collections of documents were taken into account during the preparation. A general assessment of the historiographical situation is given, it is emphasized that reasoned generalizations, different concepts and interpretations are presented in the historical literature. The general public of Russia retains a significant interest in the history of the NEP, expressed in the publication of works of a scientific and journalistic nature. Opening the work of the First Regional Congress of Soviets of Siberia, Chairman of the Sibrevkom M.M. Lashevich stressed that lasting peace had been established in the region, that Siberia had been mostly restored and was firmly following the socialist path. The composition of the delegates and the work of the congress are briefly described. It was very successful, the Regional Executive Committee (Sibkray Executive Committee) was elected, headed by G.H. Eikhe, consisting of 81 people, and 27 more became candidates. The Congress renamed Novonikolaevsk to Novosibirsk. For an example of authoritative approaches to agriculture, the documentation of the Tulun District Land Administration for 1926/1927 is given, containing both retrospective data and a detailed description of the prospects. It is concluded that the geographical features of the territory were taken into account in economic planning, and further rationalization of the agricultural sector was seen in the development of emerging economic trends. At this time, unlike the subsequent period of forced collectivization, it was hoped to motivate peasants to increase economic productivity mainly by market methods.

Keywords: the first regional Congress of Soviets of Siberia, Sibrevkom, new economic policy, M.M. Lashevich, R.I. Eikhe, Sibkray Executive Committee, Siberian Territory, Tulunovsky (Tulunsky) district, districts, economic prospects, peasants, I.A. Moletotov

For citation: Baksheev A.I., Rogachev A.G. (2024) «The content of the discussion of the current situation»: First Congress of Siberian Soviets (December, 3-9, 1925). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 161-170. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-161-170>. EDN: UMXPOM.

Стенограммы Первого краевого съезда Советов Сибири, проходившего 3–9 декабря 1925 г., ныне хранятся в Государственном архиве Новосибирской области. Они являются очень ценным историческим источником. Летом 1993 г. сотрудники архива совместно с Новосибирским государственным университетом подготовили стенограммы к печати. Издание подписано в печать 16 июня 1993 г. и опубликовано в двух частях тиражом 320 экземпляров (Первый краевой..., 1993)¹. Руководителем проекта, составителем и научным редактором публикации стал профессор, доктор исторических наук Иван Афанасьевич Молетотов. Будучи директором Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук, он проводил огромную работу по модернизации преподавания истории и других гуманитарных дисциплин в вузах и в колледжах Сибири.

С большим уважением вспоминая И.А. Молетотова, воспользуемся результатами его

добросовестного редакторского труда. Поскольку авторы данной статьи давно занимаются изучением различных аспектов Новой экономической политики (Рогачев, 2008; Бакшеев, 2013; Бакшеев, 2020; Бакшеев, 2021; Рогачев, Бакшеев, 2021), они посчитали целесообразным сопоставить общую «атмосферу» Первого краевого съезда Советов Сибири с хозяйственной обстановкой «на местах», иначе говоря, сравнить видение и оценку перспектив на краевом и окружном уровне. В качестве образца был выбран Тулуновский – по написанию 1920-х годов (или Тулунский по современной орфографии) округ. В этой связи особый методологический и концептуальный интерес для нас представляли синхронные Новой экономической политике справочно-статистические издания (Отчет Тулуновского..., 1928)² и изданные в последующие годы сборники документов (Иркутская партийная..., 1960)³.

¹ Первый краевой съезд Советов Сибири. 3–9 декабря 1925 г. Стенографический отчет. Ч. I. / сост. и науч. ред. профессор И.А. Молетотов. Новосибирск, 1993. 221 с.; Первый краевой съезд Советов Сибири. 3–9 декабря 1925 г. Стенографический отчет. Ч. II. / сост. и науч. ред. профессор И.А. Молетотов. Новосибирск, 1993. 274 с.

² Отчет Тулуновского Окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1926/1927 г. Тулун : Издание Тулуновского Окрисполкома, 1928. 110 с.

³ Иркутская партийная организация в восстановительный период (1920–1926 гг.) : Документы и материалы / под ред. И.А. Воржева. Иркутск : Кн. изд-во, 1960. 314 с.

Исследовательские приоритеты в изучении НЭПа претерпели существенную эволюцию (Потапов, 1949; Трифонов, 1960; Зыков, 1961; Выборов, 1965; Гришаев, 1987; Северьянов, 1991; Ильиных, 1992; Россия неповская, 2002; Гимпельсон, 2004). К настоящему времени в отечественной исторической литературе представлены глубокие аргументированные обобщения (Ильиных, 2005; Ильиных, 2015), за рубежом также выдвинуты разные концепции и трактовки (Шанин, 2020; Грациози, 2001). При этом примечательно, что у широкой общественности России сохраняется значительный интерес к истории НЭПа, свидетельством чему является сравнительно недавний выход из печати работ как научно-обобщающего характера (Давыдов, 2021), так и научно-публицистического (Верхотуров, 2017; Верхотуров, 2019; Миркин, 2020).

Работу Первого краевого съезда Советов Сибири 3 декабря 1925 г. открыл председатель Сибревкома М.М. Лашевича. Он подчеркнул, что в крае установился прочный мир, и Сибирь в основном восстановлена и твердо идет по социалистическому пути. Председатель мандатной комиссии съезда А.М. Певзнер сообщил делегатам, что сибирские города послали на краевой советский форум одного представителя от 4 тыс. избирателей, а сельчане – одного от 20 тыс. Всего было избрано 484 делегата с правом решающего голоса, из которых прибыло 476 человек.

Согласно представленным в стенограмме съезда материалам с решающим голосом на съезд прибыли 474 делегата. Из них 428 мужчин (90,3 %) и 46 женщин (9,7 %). Молодежь до 30 лет представляли 163 участника съезда (34,4 %). В возрасте от 31 до 40 лет было 220 делегатов (46,4 %), от 41 до 60 – 89 (18,8 %). Рабочих от станка – 54 (11,4 %), крестьян от сохи – 187 (39,6 %), советских и партийных работников, служащих – 223 (47 %). По социальному происхождению среди делегатов было: рабочих – 142 (29,6 %), крестьян – 285 (60,1 %), интеллигенции – 47 (10,3 %). По образованию – с высшим и средним – 75 человек (15,8 %), с низшим – 323 (68,2 %), малограмотных самоучек – 76 (16 %). Членов РКП(б) – 266 (56,1 %), кандидатов в члены РКП(б) – 28 (5,9 %), членов РЛКСМ – 9 (1,9 %), беспартийных – 171 (36,1 %).

Анализ этих статистических данных позволяет сделать определенные выводы. Ясно, что собра-

лись в основном молодые, социально активные мужчины (от 31 до 40 лет, что составляло 46,4 % делегатов), победители в Гражданской войне, теперь уже (в 1925 г.), ставшие партийно-советскими руководителями – совслужащими. Очень мало среди делегатов встречалось женщин – всего 9,7 %. Даже по меркам того времени их все равно немного. Хорошо была представлена молодежь до 30 лет – 34,4 %. Комсомольцев – фактически единицы, но, видимо, многие комсомольские руководители прошли учет на съезде как члены РКП(б).

Очевидно, сильно «хромала» образованность, даже элементарная грамотность делегатов. По оценкам В.И. Ленина, Сибирь отставала по уровню культуры от европейской части страны. В Сибирском регионе требовалась настоящая культурная революция. Не случайно один из старейших делегатов от Хакасского округа Константин Николаевич Потанин (64 года) на съезде заявил, что деревню может поднять только внедрение культуры в самом широком смысле слова.

Авторы считают возможным напомнить, что российская революция 1917 г. вызвала даже в сибирской глубинке мощные социальные, поистине тектонические сдвиги. Так, например, в женской среде началось настоящее восстание снох против свекровей. Молодые снохи со своими мужьями ушли от свекровей и создали свои самостоятельные хозяйства. Правда, здесь была ещё одна причина: крупные семейные объединения, традиционные для Сибири, походили по количеству лошадей, другого скота, земли на капиталистические предприятия (плюс институты примачества). Красные активисты постоянно стремились их «раскулачить». Поэтому крестьяне стали делить такие патриархальные семьи на более мелкие, которые по количественным характеристикам не подлежали экспроприации в сибревкомовской Сибири. К 1925 г. молодежная группа (до 25 лет) среди населения региона достигла 80 %. Ее необходимо было срочно образовывать и социализировать.

Стенограмма съезда зафиксировала показательный диалог. Секретарь Центрального исполнительного комитета СССР А.С. Енукидзе, находясь в президиуме собрания, бросил реплику «Климат здесь (в Сибири) здоровый». М.М. Лашевич поясняюще ответил: «Климат здоровый, это правда, но болезней кругом сколько угодно. Поэтому наряду с

вопросом народного образования, стоит вопрос и о нашей медицине, здравоохранении... В Сибири только переселенческие больницы, ибо здесь никакого земства не было, а потому и в области народной медицины дело всегда обстояло хуже, чем в других местностях. Сейчас приходится колоссальнейшее количество населения на одну койку, такое количество, что больницы ни в какой мере удовлетворить этой нужды не могут, медицинского персонала в достаточной степени нет, медикаментами мы не удовлетворяем и половины потребностей» (Первый краевой..., 1993. Ч. I. С. 87)⁴. Особо острая ситуация со здоровьем и бытом сложилась в Туве (союзной территории), Хакасии, у шорцев, среди 15 тыс. коренного населения огромного Туруханского края и в других районах. Здесь в некоторых местах, подчеркнул в отчетном докладе Лашевич, до 80 % населения оказались заражены бытовым сифилисом. Присутствовала абсолютная неграмотность, первобытный способ ведения хозяйства. Там стреляли дедовскими ружьями, а бытовая культура, являлась весьма отсталой и примитивной.

В целом работа Первого краевого съезда Советов Сибири прошла успешно и эффективно. Съезд принял все соответствующие резолюции по докладам и другим важным вопросам. Он избрал Краевой исполнительный комитет (Сибкрайисполком) в составе 81 человека, а 27 стали кандидатами в его состав. Крайисполком руководил Сибирью между съездами. Первым председателем Сибкрайисполкома стал Р.И. Эйхе. Решением Съезда г. Новониколаевск был переименован в г. Новосибирск.

Новая экономическая политика, проводимая Сибревкомом, постепенно вывела Сибирь из пропасти Гражданской войны, но не сразу. В 1921–1922 гг. Сибирь продолжающейся продразверсткой спасала от голода «пролетарский центр» Советской России. Платой за успехи перераспределения стало снижение в Сибири мотивации к продуктивному труду и падение производства. Уполномоченный центра по Сибирскому краю А.Я. Голышев отмечал в своем докладе на Первом краевом съезде Советов Сибири 6 декабря 1925 г., что к 1922/23 г. по-

⁴ Первый краевой съезд Советов Сибири. 3–9 декабря 1925 г. Стенографический отчет. Ч. I. / сост. и науч. ред. профессор И.А. Молетотов. Новосибирск, 1993. 221 с.

севная площадь упала в регионе до 66 % от уровня 1 января 1920 г. К 1924/25 г. посевная площадь поднялась до уровня 86 % от 1920 г.

Для примера подходов властных структур к решению проблем сельского хозяйства рассмотрим документацию, составленную заведующим Тулуновским окружным земельным управлением Болдаковым⁵ в 1926/1927 гг., и дающую среди прочего обширные ретроспективные данные. Составитель использовал такие понятия как «предварительная наметка», «основные установки по плану», «условия экономического и естественно-исторического характера», «рентабельность».

Определены главные задачи улучшения сельского хозяйства: 1) Добиться очистки 100 % семян; 2) Расширить запасы полей рядовыми сеялками; 3) Способствовать распространению более рентабельных культур, таких как лен, конопля; 4) Углублять работу по правильному содержанию и кормлению скота и приобретению и выращиванию хороших производителей; 5) Решительнее провести работу по развитию маслоделия в округе.

Как водится, есть и жалобы, что «в результате весеннего заморозка произошло снижение общего урожая на 15–20 % по округу. Недостаточно посевных орудий у крестьянства. По животноводству главные недочеты – это неправильное содержание и кормление скота, отчего продукция его довольно не качественная, наблюдается недостаток хороших производителей, что также отражается на продукции животноводства» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф-271. Оп. 1. Д. 308. Л. 2).

Некоторые планы предвосхищают будущие амбиции предстоящей коллективизации: Шебартинский сельскохозяйственный комбинат будет вмещать в себя развитие основных отраслей сельского хозяйства, а именно маслоделия и развития технических культур, в связи с чем намечается построить маслозавод и пункт льнообделочный, рас-

⁵ К сожалению, в изученных нами документах инициалы не указаны, но, вероятно, это Иван Алексеевич Болдаков, родившийся в 1888 г. в д. Кудара Забайкальской области, в 1930-х гг. работавший начальником отдела в Заготзерно г. Иркутска, член ВКП(б). Он был арестован 22 апреля 1938 г., приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 14 октября 1938 г. по статьям 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР осужден к расстрелу. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 24 октября 1957 г.

ширить имеющуюся шебартинскую паровую мельницу. Средства потребуются большие: первая мукомольная мельница небольшой производительности потребует кредит в 5000 руб. сроком до 6 лет. Переселенческая партия на развитие технических культур может выделить долгосрочный и льготный кредит на 10 лет, таким образом этот вопрос считается решенным, только необходимо приложить усилия местным организациям, а кредит использовать строго по назначению.

Выводы: 1) Экономика сельского хозяйства округа растет, основное внимание должно быть уделено наиболее выгодным отраслям сельского хозяйства, в частности маслоделию; 2) Рост коллективов и кооперативов не интенсивный, нет сведений о состоянии их экономики, кто объединен в эти коллективы; 3) Роль коммунистов в развитие сельского хозяйства незначительная, мало состоящих их членами на опытной станции, через которую возможно развитие сельского хозяйства в данном районе; 4) Машинизация сельского хозяйства в округе имеет место. Машины распространяются довольно в больших размерах, особенно почвообрабатывающие и уборочные, даже по некоторым спрос не удовлетворяется; 5) Кредиты выделяются до сих пор без согласия с округом, в результате чего мы не имели возможности посредством его способствовать развитию сельского хозяйства теперь с организацией в округе сельсоюза этот вопрос разрешается. Необходимо увеличение доли долгосрочного кредита, а также кредита до пределов необходимых округу; 6) Землеустройство, особенно внутриселенное без проведения которого нельзя в основном переустроить сельское хозяйство, должно получить дальнейшее развитие. В будущем при построении плана должен быть взят принцип группового землеустройства, с тем, что бы больше площади эксплуатировалось и в первую очередь там, где установлены гнезда и вокруг них. Партийцы должны провести работы по проведению землеустройства; 7) Переход на развитие сельского хозяйства гнездовым методом достигнет своей цели тогда, когда внимание партийных органов будет соответствующим образом уделяться на все и намеченные мероприятия будут проводиться полностью в жизнь с обеспечением их соответствующими кредитами.

В общем, предварительные установки, намеченные для Тулуновского округа по перспективному плану, исходя из всех отдельных моментов и факторов в развитии сельского хозяйства округа, весьма близки к средним установкам 5-летнего Сибирского плана: 1) по полеводству: рост посевных площадей принят на 33,17 % или среднегодовой 8,26 % , по Сибири установка дана 35 % или в среднем до 7 % в год; 2) по скотскому стаду по Сибири дана установка на 22 % или среднегодовой 4,4 %, по Тулуновскому округу взята установка больше до 30 % за пять лет, в среднем 6 % в год, или на 24 % за год, считая 1928 г. началом пятилетки.

Общая экономическая характеристика. Отсталость Тулуновского округа в развитии сельского хозяйства от средних норм Сибири потребует в пятилетие (1928–1932 гг.) «большого напряжения сил и средств для подтягивания и повышения удельного веса округа в экономике края». Развитие отдельных отраслей народного хозяйства (Тулуновского) округа идет не одинаковым темпом, большой рост дает сельское хозяйство, занимая в то же время основное положение по своему удельному весу, в среднем за год оно имеет более 70 % в общем доходе от народного хозяйства. Кроме сельского хозяйства значительный удельный вес около 20 % имеет лесное хозяйство и лесопромышленность, которые имеют тесную связь по своему экономическому влиянию на развитие производительных сил округа, давая значительную поддержку сельскому населению, особенно в колонизируемых районах. Принятый рост населения может повыситься в зависимости от объективных условий, если в округе будет предусмотрено в эту пятилетку развитие промышленности и разрешится вопрос с проектируемой постройкой железной дороги на Лену к Усть-Куту, что также повысит темп колонизации.

Поскольку в (Тулуновском) округе не имеется развитой промышленности других видов (между тем к этому имеются богатые перспективы: железные руды, кварциты и кварцевые пески, и другие ископаемые), постольку положение сельского хозяйства в экономике народного хозяйства даст округу характер сельскохозяйственного района и оно требует особого внимания к его дальнейшему укреплению и развитию. Поднятие доходности

сельского хозяйства в значительной степени тормозилось отсутствием развития сельскохозяйственной индустриализации и развитие его пока шло экстенсивными путями как и отрасли в полеводстве, так и животноводства.

В настоящее время дальнейшее укрепление и экономический подъем крестьянского хозяйства не мыслимы без перехода на новое направление – на травопольную систему и животноводческий уклон, что диктуется как экономическими, так и более климатическими условиями округа и требованиями агрономической науки для поднятия урожая и придания устойчивости крестьянскому хозяйству в капризных условиях окружающей природы (ГАИО. Ф-271. Оп. 1. Д. 308. Л. 22).

Динамика по посевам: Посевная площадь по материалам, полученным с мест и скорректированным данным статистического бюро, определяется на 1926/27 год в 140142 дес. Увеличение в среднем по Тулуновскому округу, по отношению к прошлому (1925/26) году намечено в 10,3 %. Этот процент увеличения взят как средний, применительно к росту посевных площадей за прошлые годы, но сам рост идет в одинаковом проценте по всем культурам. Некоторые более рентабельные культуры в основном росте идут далеко вперед, чем менее рентабельные. Так, например, площадь пшеницы увеличилась с 35 794 дес. до 39 123 дес; овса с 27567 дес. до 30488 дес., и т. д. Менее ценные культуры, например, яровая рожь и ячмень имеют незначительное повышение.

Растет площадь и под посевами сельскохозяйственных семян. В прошлом году всего было отпущено семян 2000 пудов, которыми засеяна была площадь в 161 десятина. В текущем году намечено к распределению 6100 пудов, которыми можно обсеменить площадь в 540 десятин.

Расширяется также площадь под посевами трав и корнеплодами. В прошлом году семян трав и корнеплодов было отпущено на 300 руб. В текущем году есть заявка на 579 пудов.

Очистка и протравливание семян идет более успешным темпом, чем остальные мероприятия. Если в 25/26 гг. сортированием было охвачено 40 %, то в этом году % сортирования будет доведен до 50 %. В 1925/1926 году было протравлено зерна по Округу 184532 пуда. В текущем намечено протравить 250 000 или 55 % всего намеченного мате-

риала, зараженного головней. Спрос на сельскохозяйственные машины из года в год повышается, особенно повышение спроса наблюдается на машины и орудия обработки. В 1926/1927 году 2400 плугов, плужная вспашка под посевы будет проведена на площади в 88200 дес. Сеялок рядовых сошниковых и дисковых предположено распространить 460 шт. В 1925/1926 году было распространено 303 шт. Борьба с кобылкой (саранчой) намечена на площади 10 960 дес., с сусликами – на 4750 дес. От удачного проведения всех перечисленных мероприятий, по мнению Болдакова, «будет зависеть, до некоторой степени повышение урожая, а отсюда и увеличение товарных излишков в хозяйстве» (ГАИО. Ф-271. Оп. 1. Д. 308. Л. 7).

Примечательны посевная динамика Тулуновского округа 1917–1928 гг. и комментарии Болдакова к ним:

«Следует отметить резкое падение за революционный период с 1917 г. и усиление темпа в восстановительный период нархозайства. В среднем за последнее десятилетие годовой прирост дает около 7%; ежегодный прирост за последнее 3-летие дает 11,30 % и за 11-летний период ежегодный прирост (по Тулуновскому округу) имеем 4,33 %, значительно больше, чем средний по Сибири в 2,54. Резкое повышение дает 1928 год – 15,34 %, здесь помимо естественного роста имеем повышение процента вследствие более точного учета и выявления объектов обложения. Удельный вес (Тулуновского) округа по посевной составляет в 1917 г. – 1,69 %, в 26 г. – 2,53 % и в 1928 г. 2,16 %. Падение удельного веса против 1926 года объясняется более быстрым темпом роста площади посева по Сибири, чем в округе в последнее пятилетие. (По намеченным планам – авторы) и в 1932 году удельный вес (Тулуновского округа в Сибири в целом) почти не повышается.

По перспективной установке за пятилетие (абсолютный) прирост посевной площади намечается на 33,18 % при среднем годовом росте не менее 8,7 %. Посевная площадь должна возрасти с 159400 десятин до 212300 десятин, но при условии намеченной пятилетнем планом колонизации округа в количестве от 8000 до 9000 переселенческих хозяйств к концу 1932 года (планом включая 1928 год намечалось 10270 хозяйств при 56700 едоках), но темп переселения сильно замедлился, всего за 3

года водворено 3411 хозяйств с 15700 едоками, а за 1-й год пятилетия, т. е. с 1928 г. всего водворено 1332 хозяйств с 6269 едоками. Намеченный темп роста в среднем 8,27 % в год, несколько расходится в среднем пятилетнем 7 % роста восстановительного периода и около 4 % превышает дореволюционный. Таковы оптимистичные расчеты в период прямо накануне коллективизации.

Обеспеченность посевом одного хозяйства по Тулуновскому округу: в 1926 г. – 3,88 десятин, в 1927 г. – 4,00, в 1928 г. – 4,40 и намечается в 1932 г. – до 4,51. Норма посева на 1 едока должна увеличиться с 0,80 дес. в 1928 г. до 0,84 дес. В 1932 г.: среднесибирская установка к концу пятилетия – 0,95 дес. против 0,93 в 1928 г. Значительное расхождение норм обеспеченности зависит от различия условий экономического и естественно-исторического характера, и кроме того, переселенческие хозяйства снижают среднюю норму по округу при слабом развитии в первые 5–10 лет заселения, особенно при колонизации таежных пространств.

Вывод: Повышение темпа прироста (посевных площадей Тулуновского округа) при капризном климате в наших таежно-лесистых условиях, при колонизации в начатом переустройстве системы крестьянского хозяйства, переходом от зерновой трехпольной к паротравопольной, при массовом переустройстве земельной территории, – вряд ли может иметь место в первую пятилетку, пока реконструктивные процессы не будут закончены в значительной части крестьянских хозяйств, и кроме этого, значительная перегрузка хозяйства обрабатываемой посевной площади может отрицательно повлиять на повышение качественных процессов при разрешении вопросов о поднятии урожайности через применение целого ряда агрокультурных приемов. Аграрное планирование должно идти в направлении основных задач, поставленных пятилетним планом, во-первых, способствовать укреплению зернового баланса Сибири, усилению товарности сельского хозяйства через производство более ценных культур, способствовать разрешению кормового вопроса развитию животноводства, и во-вторых, в целом соответствовать более быстрому и безболезненному переходу со старой системы крестьянского хозяйства – трехпольной и парозалежной зерновой на травопольную.

Сотрудники Тулуновского окружного земельного управления хорошо представляли общий контекст. Анализ роста «скотского стада» по Сибири в интервале 1913 г. по 1928 г., по их мнению, показывал следующие закономерности: 1913 г. 14,6 млн голов, 1917 г. – 17,2, 1920 г. – 15,5, 1922 г. – 12,7, 1926 г. – 21,5, 1928 г. – 23,7. С 1913 г. по 1917 гг. среднегодовой прирост стада составил 4,52 %, при росте посевов только на 2,54 %. За период с 1917–1928 гг. показан среднегодовой прирост стада в 3,7 %, а посевов 1,4 %, причем последние четыре года прирост стада идет значительно (в 2,5 раза) интенсивнее и дает среднегодовой 9,41 %. Итого за 1920–1928 гг. среднегодовой прирост поголовья 7,84 %, а по посевной площади лишь примерно 2 %. Очевидно, что поголовье скота росло в целом по Сибири быстрее посевной площади, особенно с 1924 г.» (ГАИО. Ф-271. Оп. 1. Д. 308. Л. 14). Удельный вес рассматриваемого Тулуновского округа в общем стаде Сибири на 1928 г. – 2,40 %, запланировано на 1932 г. – 2,43 %.

По Тулуновскому округу рост стада показал следующую динамику: на 1920 г. – 266000 голов, на 1924 г. – 402000 голов, на 1925 г. – 468000 голов, на 1926 г. – 477000, на 1927 г. – 489000, на 1928 г. – 575000, и намечалось на 1932 г. – 713000. Из данных движения количества всего скотского стада по округу по отдельным периодам прирост стада выражается: за период с 20 по 29 гг. в 216 % или ежегодный в среднем 27 %, а посевная площадь дает общий рост за этот период 185 %, или в среднем за год 23 % т. е. скотское стадо росло заметно быстрее. По Сибири прирост составлял за этот период 153 % или ежегодный 21,8 %. Наиболее быстрый темп роста по Тулуновскому округу отмечен с 1920 по 1925 гг. – средний ежегодный 12,78 %, а в период последних 5 лет средний годовой имеем 10,76 %; восстановление шло главным образом за счет мелкого скота – овец и свиней.

Упор на прирост стада планировалось сделать на молочное скотоводство для повышения доходности крестьянского хозяйства и развития промышленного маслоделия, а главным образом за данное пятилетие должен быть сдвиг на животноводческий уклон, причем форсирование доходности его должно быть направлено на поднятие качественной стороны дела через интенсификацию развития. Опасение, что при неблагополучии

чий в полеводстве может обостриться кормовой кризис.

Спустимся на административный уровень ниже, к районам: По культивируемым культурам «по предварительным наметкам» пшеничными районами намечались: Кимильтейский, Братский, Куйтунский, Зиминский, они же выделялись по удельному весу овса. По ржи: Нижнеудинский и Тулуновский, занимая большой процент по удельному весу овса, чем средний процент ржи по округу. По техническим культурам, особенно по льну: Зиминский, Тулуновский, Нижнеудинский, а Кимельтейский и Куйтунский по конопле. По пропашным: картофелю и корнеплодам наиболее – Зиминский и Нижнеудинский, так как они «более переселенческие и менее обеспеченные в кормовом отношении», они при недостатке пахотных угодий не могли бы значительно расширить зерновые культуры.

Наибольшее повышение удельного веса посева пшеницы ставится в связи с развитием полутоварного мукомолья с выработкой стандартных сортов пшеничной муки, а также отрубей, необходи-

мых для молочного скотоводства при развитии промышленного маслоделия. Снижение ржи идет как за счет яровой, так и озимой, особенно по Тулуновскому и частично по Нижнеудинскому районам, где она занимала более 40 % удельного веса и должна дать место другим, более ценным культурам: льну, конопле, кормовым, а в некоторых частях этих районов даже пшенице и овсу. Овес ставится с повышением по большинству районов как наиболее выгодный и необходимый для рынка и потребностей округа фураж-хлеб, менее требовательный и менее дающий убытка при захвате посевов его заморозками, так как дает корм в виде зелени.

Таким образом, в хозяйственном планировании окружного и районного уровней вполне учитывались географические особенности конкретной территории, рационализация аграрного сектора намечалась на базе развития имевшихся тенденций, а мотивировать крестьян на повышение производительности их хозяйства предполагалось преимущественно рыночными методами.

Список источников

Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск : Сибирский Федеральный университет, 2013. 345 с. EDN: RWKGWR.

Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны : монография / науч. ред. П.А. Новиков. Красноярск : КрасГМУ, 2020. 145 с. EDN: YCGXCC.

Бакшеев А.И. Большевицкая доктрина и аграрное производство в Сибири (1921–1929 гг.) : монография. Красноярск : КрасГМУ, 2021. 288 с. EDN: BOWJRY.

Верхотуров Д.Н. Сталинская индустриализация. М. : Вече, 2017. 462 с.

Верхотуров Д.Н. Сталинская коллективизация. Борьба за хлеб. М. : Вече, 2019. 397 с.

Выборов М.М. Регулирование социально-экономических отношений в сибирской деревне в восстановительный период (по материалам Иркутской губернии) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1965. Вып. 5. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. С. 39–58.

Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20 гг. XX в.). М. : Собрание, 2004. 303 с.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. Л.Ю. Панфиной. М. : Росспэн, 2001. 95 с.

References

Baksheev A.I. (2013) Problems of Soviet statehood in Siberia during the NEP period. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 345 p. (In Russ.). EDN: RWKGWR.

Baksheev A.I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and the logic of war: monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.). EDN: YCGXCC.

Baksheev A.I. (2021) Bolshevik doctrine and agrarian production in Siberia (1921–1929): monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. 288 p. (In Russ.). EDN: BOWJRY.

Verkhoturov D.N. (2017) Stalinist industrialization. Moscow: Veche. 462 p. (In Russ.).

Verkhoturov D.N. (2019) Stalinist collectivization. The struggle for bread. Moscow: Veche. 397 p. (In Russ.).

Vyborov M.M. (1965) Regulation of socio-economic relations in the Siberian village during the restoration period (based on the materials of the Irkutsk province). *Sibir' v period stroitel'stva sotsializma i perekhoda k kommunizmu = Siberia during the construction of socialism and the transition to communism*. Iss. 5. *Krest'yanstvo i sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1917-1961 gg. = Peasantry and agriculture in Siberia*. Novosibirsk. P. 39-58. (In Russ.).

Gimpel'son E.G. (2004) NEP. The New Economic Policy of Lenin-Stalin. Problems and lessons (20s XX century). Moscow: Sbranie. 303 p. (In Russ.).

Graziosi A. (2001) The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917-1933. (Russ. ed.: *Velikaya krest'yanskaya voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917-1933*. Moscow: Rosspan, 2001. 95 p.).

- Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск : Книжное издательство, 1987. 166 с.
- Давыдов А.Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929 гг.). СПб. : Евразия, 2021. 320 с. EDN: KSKOPH.
- Зыков А.Н. Иркутские коммунисты в борьбе за осуществление ленинского кооперативного плана (1921–1925 гг.). Иркутск : Книжное издательство, 1961. 144 с.
- Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях НЭПа. 1921–1927 гг.) / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск : Наука, 1992. 224 с. EDN: UAEKKZ.
- Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПа (1921–1928 гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 282 с. EDN: TZUNKR.
- Ильиных В.А. Глава 8. Чаяновская альтернатива (Перспективный план развития сельского хозяйства Сибири 1926 г.) // Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В.А., Андреевков С.Н., Рынков В.М. и др. Новосибирск : Сибпринт, 2015. С. 131–151.
- Миркин Я. Тоска по новому: Почему и спустя столетие так актуальны уроки новой экономической политики большевиков // Родина. 2020. № 1. С. 22–28.
- Потапов М.Ф. Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства: 1921–1925 гг. Иркутск : ОГИЗ, 1949. 168 с.
- Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е гг.) / 2 изд., перераб. и доп. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2008. 171 с. EDN: QPIBSB.
- Рогачев А.Г., Бакшеев А.И. Особенности новой экономической политики (НЭП) в «Сибревкомовской Сибири» (1921–1925 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2 (39). С. 208–218. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-208-218. EDN: HPHQLF.
- Россия нэповская / С.А. Павлюченков, Д.А. Аманжолова, В.П. Булдаков и др. М. : Новый хронограф, 2002. 468 с. EDN: UFHEAD.
- Северьянов М.Д. НЭП и современность. Polemические заметки. Красноярск : Изд-во Красноярского государственного университета, 1991. 318 с. EDN: YTSAEI.
- Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М. : Госполитиздат, 1960. 279 с.
- Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / перевод с англ. А.В. Соловьева; под науч. ред. А.М. Никулина. М. : Дело, 2020. 404 с.
- Grishaev V.V. (1987) Communards of Siberia. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo. 166 p. (In Russ.).
- Davydov A.Yu. (2021) New Economic Policy: power, people, economy in post-revolutionary Russia (1921-1929). St. Petersburg: Eurasia. 320 p. (In Russ.). EDN: KSKOPH.
- Zykov A.N. (1961) Irkutsk Communists in the struggle for the implementation of the Lenin cooperative plan (1921-1925). Irkutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. 144 p. (In Russ.).
- Il'inykh V.A. (1992) Commerce on the grain front (State regulation of the grain market in the conditions of the NEP. 1921-1927). Novosibirsk: Nauka. 224 p. (In Russ.). EDN: UAEKKZ.
- Il'inykh V.A. (2005) State regulation of the Siberian agricultural market in the conditions of the NEP (1921-1928). Novosibirsk: SO RAN. 282 p. (In Russ.). EDN: TZUNKR.
- Il'inykh V.A. (2015) Chayanov's alternative (Perspective plan for the development of agriculture in Siberia in 1926). *Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX v.: vybor putei i metodov modernizatsii = Projects for the transformation of the agrarian system of Siberia in the XX century: choosing ways and methods of modernization*. Novosibirsk: Sibprint. P. 131-151. (In Russ.).
- Mirkin Ya. (2020) NEP. Longing for a new one. Why are the lessons of the new economic policy of the Bolsheviks so relevant a century later. *Rodina = Homeland*. No. 1. P. 22-28. (In Russ.).
- Potapov M.F. (1949) Irkutsk Bolsheviks in the campaign for the restoration of the economy: 1921-1925. Irkutsk: OGIZ. 168 p. (In Russ.).
- Rogachev A.G. (2008) Alternatives to Russian modernization: the Siberian aspect (1917-1925-ies). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agricultural University. 171 p. (In Russ.). EDN: QPIBSB.
- Rogachev A.G., Baksheev A.I. (2021) Features of the new economic policy (NEP) in "Sibrevkom Siberia" (1921–1925). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 208-218. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-208-218. EDN: HPHQLF.
- Pavlyuchenkov S.A. (2002) NEP Russia. Moscow: Novyi khronograf. 468 p. (In Russ.). EDN: UFHEAD.
- Sever'yanov M.D. (1991) NEP and modernity. Polemical notes. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 318 p. (In Russ.). EDN: YTSAEI.
- Trifonov I.Ya. (1960) Essays on the history of the class struggle in the USSR during the NEP years (1921-1937). Moscow: Gospolitizdat. 279 p. (In Russ.).
- Shanin T. (2020) The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910-1925. (Russ. ed.: Neudobnyi klass: politicheskaya sotsiologiya krest'yanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925. Moscow: Delo, 2020. 404 p.)

Информация об авторах

Бакшеев Андрей Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой философии и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства
здравоохранения Российской Федерации,
660022, Красноярск, Красноярский край, ул. Партизана
Железняка, 1, Россия,
e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Рогачев Александр Георгиевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и
политологии,
Красноярский государственный аграрный университет,
660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90, Россия,
e-mail: kaf.history@mail.ru

Information about the authors

Andrey I. Baksheev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the
Department of Philosophy and Social Sciences and
Humanities,
Krasnoyarsk State Medical University named after Professor
V.F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian
Federation,
1, Partizan Zheleznyak St., Krasnoyarsk 660022, Russia,
e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Alexander G. Rogachev,
Dr. Sci (History), Professor of the Department of History and
Political Science,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia,
e-mail: kaf.history@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подго-
товку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интере-
сов.

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный
вариант рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 октября 2023 г.;
одобрена после рецензирования 30 января 2024 г.;
принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

**The authors have read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted October 1, 2023; approved
after reviewing January 30, 2024; accepted for publication
February 19, 2024.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(47).084
EDN: WDBBOU
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-171-175

Проблемы российской цензуры

***Цензура в России: история и современность : сб. научных трудов. СПб. :
Российская национальная библиотека, 2021. Вып. 10. Ч. 1. 442 с.; Ч. 2.
422 с.; СПб. : Российская национальная библиотека, 2023. Вып. 11. 655 с.***

В.С. Измозик

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рецензируемые сборники посвящены истории цензуры в России на протяжении многих десятилетий. Здесь анализируются вопросы формирования «информационного общества» и проблемы доступа к информации; конкретные ситуации взаимоотношений цензуры с российскими писателями, издательствами, газетами и журналами, театрами; цензура корреспонденции военнопленных в годы Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания; публикуются воспоминания издателей газет; документы и справочные материалы из истории цензуры; рецензии на книги и обзоры различных мероприятий по проблемам цензуры.

Ключевые слова: история цензуры, публикации, обзоры, библиография и справочные материалы, воспоминания, Ad Memoriam, рецензии

Для цитирования: Измозик В.С. Проблемы российской цензуры: рецензия на сборники научных трудов «Цензура в России: история и современность» (Вып. 10, 2021. Ч. 1. Ч. 2. Вып. 11, 2023) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 171–175. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-171-175>. EDN: WDBBOU.

Review

Review

Problems of Russian Censorship

***Censorship in Russia: History and the Present. Collected papers. Iss. 10.
St. Petersburg: Russian State Library, 2021. Pt. 1. 442 p.; Pt. 2. 422 p.; Iss. 11.
St. Petersburg: Russian State Library, 2023. 655 p. (In Russ.).***

Vladlen S. Izmozik

Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications. St. Petersburg, Russia

Abstract. Peer-reviewed collections are devoted to the history of censorship in Russia for many decades. It analyzes the formation of the “information society” and the problems of access to information; specific situations of censorship relations with Russian writers, publishing houses, newspapers and magazines, theaters; censorship of correspondence from prisoners of war during the Great Patriotic War and in the first years after its end. Memoirs of newspaper publishers as well as the documents, book reviews and reviews of various events on censorship issues and reference materials from the history of censorship are published.

Keywords: history of censorship, publications, reviews, bibliography and reference materials, memories, Ad Memoriam

For citation: Izmozik V.S. (2024) Problems of Russian Censorship: Review of Scientific Works “Censorship in Russia: History and the Present”. Collected papers (Iss. 10, 2021. Pt. 1; Pt. 2; Iss. 11, 2023). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of*

Вновь на моем письменном столе лежат три сборника, посвященных российской цензуре. Я тружусь над четвертой по счету рецензией на них. Эти труды выходят уже 22 года, с 2001 г. В этом, конечно, прежде всего, заслуга доктора философских наук В.Р. Фирсова, доктора философских наук М.Б. Конашева и доктора исторических наук Н.Г. Патрушевой, а также редакторов М.А. Бениной и Г.А. Мамонтовой, издателей этих сборников, которым удается их выпускать на весьма достойном уровне.

Перейдем теперь непосредственно к обзору последних сборников. Все они отличаются солидным объемом. Содержанию каждого сборника предшествует обращение «От составителей», содержащее обычно краткую его аннотацию. Исключением стало обращение к 1-й части 10-го сборника, поскольку это было связано с 20-летием его существования. Здесь были приведены отрывки из писем ряда читателей: профессора Оксфордского университета И.П. Фута, доцента Л.К. Старковой и доктора филологических наук В.В. Прозорова (Саратовский университет), доктора филологических наук Л.И. Вольперт, Т.К. Шор (Национальный архив Эстонии), Я. Костэчки (Национальная библиотека в Варшаве), привлекающие внимание к данному изданию (Цензура..., 2021а. С. 11–21).

Мы провели небольшой анализ авторской активности за все годы. Оказалось, что всего в 12 книгах (с учетом двух частей 10-го выпуска) были помещены работы 123 авторов. Правда, 73 из них публиковались лишь единожды. Зато за эти годы образовалась группа весьма активных авторов. Это, прежде всего, Н.Г. Патрушева, М.Б. Конашев, Н.А. Гринченко, М.В. Зеленев, Д.А. Бадалян, Г.В. Жирков. В 10-м и 11-м выпусках «чемпионами» по количеству публикаций стали доктор исторических наук Н.Г. Патрушева (9 публикаций) и редактор РНБ Г.А. Мамонтова (5 публикаций). (В дальнейшем подсчеты везде наши – В.И.). Вместе с тем ряды «старожилов» пополняются новыми исследователями. Впервые в последних выпусках приняли участие 10 человек (Подсчет наш – В.И.). Будем надеяться, что на этом они не остановятся.

Сборники имеют и устоявшиеся международные связи. Среди авторов – ученые из Великобритании, Греции, Франции, Сербии, США. До конца жизни направлял в сборники свои работы профессор Оксфордского университета И.П. Фут (1926–2011).

Пора перейти к характеристике материалов в двух последних сборниках – в десятом и одиннадцатом. Очень трудно в небольшой рецензии рассмотреть хотя бы наиболее интересные, запоминающиеся статьи. Поэтому пусть не обидятся на меня авторы, которых не упомяну. В разделе «Формирование «информационного общества» и проблемы доступа к информации» (вып. 10, ч. 1) помещены пять статей. Рассмотрев спектр федерального законодательства до 2020 г., К.А. Алексеев приходит к выводу, что «принятые меры отражали основные направления и задачи государственной власти по обеспечению национальной безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий. При этом они ... в значительной мере были направлены на оптимизацию административного управления внутри

страны» (Цензура..., 2021а. С. 22–44). В свою очередь И.А. Трушина анализирует проблемы современной профессиональной библиотечной этики, связанные с освоением информационно-коммуникационных технологий (Цензура..., 2021а. С. 45–62).

Второй раздел «История цензуры» столь обширен (45 % всех материалов), что выделить что-то крайне сложно. Из 26 публикаций в этих выпусках 21 посвящена цензуре в дореволюционной России и одна – цензуре французской в XVIII–XIX вв. Здесь поднимаются проблемы цензуры в некоторых регионах Российской империи по отношению к отдельным писателям; к конкретным театральным деятелям, к массовой печати и т. д. История советской цензуры представлена четырьмя публикациями. Выделю здесь статью Е.К. Соколинского «Русская, зарубежная классика и театральная цензура», занимающую 2 печатных листа (Цензура..., 2021а. С. 130–162). Евгений Кириллович, зав. сектором Российской национальной библиотеки, доктор педагогических наук, подчеркивает, прежде всего, для современных читателей, что цензура в те времена зависела от политической ситуации. При осуществлении цензуры драмы В. Шекспира «Гамлет» (перевод П.П. Гнедича) цензор потребовал убрать фразу «Дания-тюрьма», поскольку супруга Александра III Мария Федоровна – урожденная датчанка (Цензура..., 2021а. С. 131). Произведения не должны были оскорблять чувства тех или иных сословий, профессий; задевать религиозные и нравственные чувства. В драматическом театре российских властителей можно было показывать лишь до династии Романовых. Естественно, на сцене не могли появляться лица с коммунистическими, социалистическими и тому подобными взглядами (Цензура..., 2021а. С. 131–132). Далее автор статьи демонстрирует, как проходили через цензуру драматические произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и др. Из множества запрещений, вычеркиваний, придинок приведу лишь пару примеров. Относительно пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся» цензор подчеркнул: «Пьеса – обида для русского купечества», а Николай I заметил: «И напечатана пьеса напрасно» (Цензура..., 2021а. С. 143). Пьеса «Нахлебник» была

написана И.С. Тургеневым в 1848 г. для бенефиса знаменитого актера М.С. Щепкина, но сыграть в ней он смог лишь в 1862 г., затем пьеса снова была запрещена. В 1889 г. был поставлен 1-й акт для бенефиса В.Н. Давыдова. Но за время запрещения автор внес 250 изменений. В итоге автор статьи замечает: «Стало быть, запрещение в то же время способствовало отделке произведения» (Цензура..., 2021а. С. 141–142). Добавим: главное, чтобы автор жил долго!

Цензуре советского времени посвящен ряд публикаций. Например, в статье полковника в отставке, члена Союза писателей П.П. Лаврука «Цензура писем немецких военнопленных и заключенных межсоюзнической тюрьмы Шпандау. 1939–1987 гг.» (Цензура..., 2021а. С. 366–388) говорится: «Право военнопленных на переписку на деле ограничивалось фразой из отчетов: «Письма отрицательного характера цензорскими пунктами конфискованы» (Цензура..., 2021а. С. 368). Вместе с тем «наиболее характерные и откровенные письма пленных были использованы в устной пропаганде» (Цензура..., 2021а. С. 373).

Безусловно представляет большой интерес статья кандидата филологических наук В.В. Битюцкой «Цензурные ограничения и особенности работы с информацией в редакциях и бюро ТАСС во второй половине XX века» (Цензура..., 2021а. С. 389–404). Валерия Вячеславовна раскрывает почти неизвестную «кухню» деятельности сотрудников Телеграфного агентства Советского Союза. Любопытна статья М.Б. Конашева «О цензуре в переписке и дневнике Ф.Г. Добржанского» (Цензура..., 2023. С. 155–165). Один из создателей «Синтетической теории эволюции» Ф.Г. Добржанский (1900–1975), находясь в США с 1931 г., стал «невозвращенцем». Михаил Борисович анализирует его переписку и дневниковые записи 1934–1975 гг., и делает вывод: «Очевидно, есть и объективная необходимость в запрете на определенную информацию, в том числе на слова и тексты, как на уровне повседневной жизни, так и на уровне общества и государства» (Цензура..., 2023. С. 158). Отметим также статью кандидата исторических наук, доцента Пекинского университета Чжуан Юй «Репертуарная цензурная политика и театральная жизнь Ленинграда в 1953–1964 гг.» (Цензура..., 2021а. С. 405–421).

Раздел третий «Публикации» охватывает время с первой четверти XIX в. до 1970-х годов. Н.Г. Патрушева представила библиографический обзор исследований по истории дореволюционной цензуры в России за 2010–2020 гг. (Цензура..., 2021b. С. 14–72). Доктор исторических наук М.В. Зеленов и кандидат исторических наук Н.Ю. Пивоваров поместили со всеми необходимыми комментариями «Положение о Главлите 1974 г.» (Цензура..., 2021b. С. 179–249). Думаю, что читателю будет любопытно сравнить отчеты Ленинградского Гублита за вторую половину 1925 г. и Ленинградского Облгорлита за 1966 г. (публикация М.В. Зеленова) (Цензура..., 2023. С. 259–326). Об истории появления печально знаменитых «спецхранов» повествуяют документы, опубликованные главным библиографом РГБИ (Москва) А.И. Рейтблатом (Цензура..., 2023. С. 327–337). Кандидат исторических наук, научный сотрудник СПб. Института истории РАН Ф.К. Ярмолич извлек из архива ЦГАИПД СПб. часть материалов из проведенного в 1970 г. социологического исследования, касающуюся отношения ленинградцев к средствам массовой информации (Цензура..., 2023. С. 338–370).

Также следует, на наш взгляд, выделить «Записку А.В. Никитенко об Уставе о цензуре 1828 г.» (публикация кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Российской национальной библиотеки Н.А. Гринченко) (Цензура..., 2021b. С. 73–124). Известный и уважаемый деятель цензурного ведомства Александр Василье-

вич Никитенко подготовил записку в 1845 г. по указанию председателя СПб. цензурного комитета Г.П. Волконского, сделав вывод, что «изменение нынешнего цензурного устава не составляет ни потребности времени, ни потребности обстоятельство» (Цензура..., 2021b. С. 108).

В разделе «Библиография и справочные материалы» читатель найдет «Хронологический и Предметно-тематический указатели законов о печати, типографиях и библиотеках Российской империи XVIII – начала XX века» (Н.А. Гринченко, Г.А. Мамонтова, Н.Г. Патрушева, Г.А. Фафурин, И.П. Фут) (Цензура..., 2023. С. 371–551); Цензура в России (конец XVIII – начало XX века): авторефераты диссертаций, 2005–2020» (Г.А. Мамонтова, Н.Г. Патрушева) (Цензура..., 2021b. С. 268–275) и т. д.

Раздел «Воспоминания» представляет очерк Гарлиба Гельвига Меркеля (1769–1850) «История моих лифляндских периодических изданий».

Раздел «Ad Memoriam» посвящен доктору исторических наук, главному научному сотруднику СПб. института истории РАН В.Г. Чернухе (1930–2014) (Цензура..., 2021b. С. 382–393) и российскому литературоведу С.А. Макашину, прежде всего, исследователю творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина (Цензура..., 2023. С. 621–631). Обширен и содержателен раздел «Рецензии и обзоры».

В заключение желаю составителям и научным редакторам продолжать их трудоемкую плодотворную работу, привлекать новых авторов, сделать постоянным раздел «Воспоминания».

Список источников

Цензура в России: история и современность : сб. научных трудов. СПб. : Российская национальная библиотека, 2021a. Вып. 10. Ч. 1. Статьи. 442 с.

Цензура в России: история и современность : сб. научных трудов. СПб. : Российская национальная библиотека, 2021b. Вып. 10. Ч. 2. Публикации, обзоры, рецензии. 422 с.

Цензура в России: история и современность : сб. научных трудов. СПб. : Российская национальная библиотека, 2023. Вып. 11. 655 с.

Информация об авторе

Измозик Владлен Семенович,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,

References

(2021a) Censorship in Russia: History and the Present. Collected papers. St. Petersburg: Russian State Library. Iss. 10. Pt. 1. 442 p. (In Russ.).

(2021b) Censorship in Russia: History and the Present. Collected papers. St. Petersburg: Russian State Library. Iss. 10. Pt. 2. 422 p. (In Russ.).

(2023) Censorship in Russia: History and the Present. Collected papers. St. Petersburg: Russian State Library. Iss. 11. 655 p. (In Russ.).

Information about the author

Vladlen S. Izmozik,
Dr. Sci. (History), Professor at the Department of History and Regional Studies,
Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications,

193232, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, Россия,
e-mail: izmozik@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7879-251X>

22, Bolshevnikov Avenue, St. Petersburg 193232, Russia,
e-mail: izmozik@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7879-251X>

Вклад автора

Измозик В.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Izmozik V.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 2 февраля 2024 г.; принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Article info

The article was submitted January 14, 2024; approved after reviewing February 2, 2024; accepted for publication February 19, 2024.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(470.342)«1917–1922»
EDN: YLCTJP
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-176-179

Рожденные революцией

Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров : Кросс Ком, 2018. 320 с.

А.С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В 2018 г. вышла монография А.С. Поздняковой «Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти». В данной работе подробно изучены чрезвычайные органы управления в различных сферах жизни общества в сложный для страны период. В рецензии резюмируются основные выводы автора. Тема исследования действительно актуальна как в научном, так и в социально-политическом аспектах для современного общества, что в полной мере обосновано автором. Одной из сильных сторон монографии является обширная источниковая база исследования, включающая в себя несколько видов источников. По мнению автора, данная монография отчасти позволяет ответить на вопрос, каким образом большевики сумели удержать власть в регионе и в целом в стране.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, большевики, причины победы, чрезвычайные органы советской власти, система управления, Вятская губерния, историография

Для цитирования: Пученков А.С. Рожденные революцией: рецензия на монографию А.С. Позднякова «Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти» // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 176–179. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-176-179>. EDN: YLCTJP.

Review

Review

Born by revolution

Pozdnyakova A.S. (2018) Vyatka Province during the Civil War: emergency authorities. Kirov: LLC “Cross Com”. 320 p. (In Russ.)

Aleksandr S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. In 2018 A.S. Pozdnyakova's monograph “Vyatka Province during the Civil War: Emergency Authorities” was published. In this paper, emergency management bodies in various spheres of society in a difficult period for the country are studied in detail. The review summarizes the main conclusions of the author. The research topic is really relevant both in scientific and socio-political aspects for modern society, which is fully justified by the author. One of the strengths of the monograph is an extensive source base of research, which includes several types of sources. In conclusion, it is emphasized that this monograph partly allows us to answer the question of how the Bolsheviks managed to retain power in the region and in the country as a whole.

Keywords: Civil War, Eastern Front, Bolsheviks, reasons for victory, Soviet emergency authorities, management system, Vyatka province, historiography

For citation: Puchenkov A.S. (2024) Born by revolution: a review of the by Pozdnyakova's monograph “Vyatka Province during the Civil War: Emergency Authorities”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 176-179. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-176-179>. EDN: YLCTJP.

Рецензируемая книга – первая монография Анастасии Сергеевны Поздняковой, на основе обширного выявленного в архивах материала подготовившей и защитившей кандидатскую диссертацию¹. Спустя три года после защиты, А.С. Позднякова на ее основе подготовила к публикации книгу (Позднякова, 2018). Для автора «изучение чрезвычайных органов – попытка объяснить, с помощью каких методов большевики удержались у власти и создали государство», а проведенное ею исследование в конечном итоге сводится к осмыслению большой человеческой драмы, в центре книги – судьбы людей на сломе эпох (Позднякова, 2018. С. 5). К сожалению, книга не была замечена в 2018-м и в последующие годы широким научным сообществом – вряд ли это может свидетельствовать о ее недостатках: одной из печальных примет нашего времени стали небольшие тиражи солидных академических изданий; выход же хорошего исследования на периферии нередко обрекает его уже в силу этого обстоятельства на безызвестность – важная во всех отношениях монография А.С. Поздняковой, увы, не стала исключением – автор этих строк узнал о ее существовании лишь недавно, поэтому рецензия подготовлена только сейчас.

Подчеркивая важность расширения знаний об истории российских регионов в период Гражданской войны, А.С. Позднякова рассматривает процессы в многонациональной Вятской губернии – второй по численности населения в дореволюционной России – после Киевской. Последовательно рассмотрена деятельность пяти органов, носивших названия «Вятские»: революционного трибунала, отделения чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте, военно-революционного комитета, комиссии по борьбе с дезертирством и Вятской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом. Все они кроме отделения имели статус губернских.

В историографическом обзоре А.С. Позднякова отмечает, что в работах советских историков 1930-х – 1980-х гг. на первом плане был анализ

¹ Позднякова А.С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. 199 с.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

формально-юридических аспектов функционирования чрезвычайных органов, а их деятельность рассматривалась как вынужденная мера в условиях Гражданской войны (Позднякова, 2018. С. 12). После распада Советского Союза, в области изучения истории Гражданской войны произошел настоящий историографический бум, при этом в трудах специалистов вот уже более тридцати лет преобладает проблематика истории Белого движения; работы, посвященные большевистскому лагерю, публикуются значительно реже.

Рассуждая о постсоветской историографии, А.С. Позднякова констатирует, что произошла идеализация белогвардейцев. Причем эта тенденция дополняется очернением всего советского, большевистского: абсолютизация «красного террора», демонизация органов ВЧК и представление коммунистов как грязных пьяных матросов. При таком подходе, как ответить на вопрос, почему большевики выстояли в Гражданской войне?

Констатируя, что приход к власти большевиков в обстановке тяжелейшего кризиса, переживаемого Россией, проявлениями которого были неоконченная Первая мировая война, продовольственный кризис, недовольство рабочих и крестьян

– груз проблем, унаследованных Лениным от царского и Временного правительств, был действительно тяжким, А.С. Позднякова перечисляет и факторы еще большего усложнения обстановки для большевиков в 1918 и 1919 г. – саботаж чиновников и деятельность антибольшевистского движения. Впрочем, за скобками анализа остался сюжет, что из вышеперечисленного досаждало и белым силам, действовавшим преимущественно на малоразвитых окраинах.

Исследователь подчеркивает, что именно в 1919 г. были разбиты армии А.И. Деникина и А.В. Колчака, а к весне следующего, 1920 г., белые удерживали в европейской части России лишь полуостров Крым; советская власть восстанавливалась в Сибири, на Урале. Как же это было возможно в условиях эпидемий тифа и холеры, голода и всеобщей разрухи? Для автора монографии очевидно, что большевики создали целую систему органов, способных быстро решать поставленные задачи.

Рассказывая о работе Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг., автор подчеркивает его зависимость от целой массы различных факторов. «С обострением ситуации на фронтах Гражданской войны расширялась подсудность (дезертирские дела, борьба с пьянством, переход на сторону врага), происходило увеличение его прав, упрощение порядка деятельности», при этом высшая мера наказания применялась только в случаях злостного дезертирства, организации восстаний, бандитизма, тяжких должностных преступлений (Позднякова, 2018. С. 57–58). Типичным членом или следователем трибунала был «мужчина около 30 лет, крестьянского или рабочего происхождения, имеющий среднее или низшее образование и партийный стаж» (Позднякова, 2018. С. 67–68). Основным видом уголовных дел, возбужденных за контрреволюционную деятельность, была агитация против советской власти. В большинстве случаев приговор был сравнительно мягкий – лишение свободы сроком до 3 лет (Позднякова, 2018. С. 78).

Деятельность Вятского отделения ЧК на Чехословацком фронте была неоднозначна: были ликвидированы представители открытых антисоветских групп, чем была снижена потенциальная волна выступлений против большевиков, но производ

комиссаров, продрозверстка и пьянство совработников подорвали позиции советской власти в регионе (Позднякова, 2018. С. 123–124).

Губернский военно-революционный комитет обладал главенством в регионе: ему подчинялась даже губЧК. «Вопрос об эффективности губернского ревкома достаточно спорен, – пишет А.С. Позднякова, – С одной стороны, задачей было не допустить противника в Вятку, создать крепкий тыл ... С другой стороны, ревком провозгласил борьбу с должностными преступлениями. Здесь наблюдалась непоследовательность, так как “кадровый голод” пугал власть. Все это привело к росту коррупции в 1920–1922 гг. и появлению крупномасштабных “дел”» (Позднякова, 2018. С. 150, 152).

Добросовестно изучив деятельность губернской комиссии по борьбе с дезертирством и отметив, что дела комиссии фиксируют разделение на «злостных» и «незлостных» дезертиров, А.С. Позднякова пришла к выводу, что в большинстве случаев красноармеец оставлял расположение части не только из опасения быть убитым, но и из-за желания помочь семье с уборкой урожая, недостаточного продовольственного снабжения, отсутствия теплого обмундирования. Самым распространенным наказанием для дезертиров была повторная отправка на фронт. Когда победа Красной армии в Гражданской войне стала очевидной, число дезертиров пошло на убыль. Свою роль сыграли и мероприятия по конфискации имущества у семей дезертиров (Позднякова, 2018. С. 212–214). Интересны и наблюдения автора о деятельности сотрудников губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом.

В заключение автор правомерно отмечает, что большевики смогли создать уникальную систему управления, которая включала новые для страны партийные и чрезвычайные органы. И изучение этих органов дает возможность оценить эффективность управления страной не только в Москве и Петрограде, но и в провинции (Позднякова, 2018. С. 250).

Итоги Гражданской войны доказали, что к принятию решительных и во всех отношениях *чрезвычайных мер* большевики оказались готовы в несоизмеримо более высокой степени, чем их противники. Советская государственность рождалась не только на полях сражений, но и в тылу, где эф-

фактивная и результативная практика реализации чрезвычайных мер, оправдала себя: победы Красной армии в немалой степени могут быть объяснимы той поддержкой, которую ей оказывал тыл. Создать такой тыл белогвардейские политические режимы нигде не смогли. А вот чрезвычайные органы большевиков напротив, доказали свою эффективность.

Монография А.С. Поздняковой – исключительно квалифицированное и добросовестное исследование Гражданской войны, проведенное на

примере важного региона. Безусловно, что перед нами серьезная монография, которая уже оставила свой след в историографии Гражданской войны. Возможно, что в дальнейшем автору следует попытаться перекинуть мостик от сугубо региональной проблематики – к общероссийской. Убежден, что в рамках подготовки докторской диссертации необходимо также расширить число исследуемых регионов, сравнив Вятскую губернию с другими прифронтовыми губерниями. Это сделает работу еще интереснее.

Информация об авторе

Пученков Александр Сергеевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России,

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров,

Менделеевская линия, 5, Россия,

e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Information about the author

Aleksandr S. Puchenkov,

Dr. Sci. (History), Professor of the Department of the Modern history of Russia,

St. Petersburg State University,

5, Mendeleevskaya Line, Vasilyevsky Island, St. Petersburg

199034, Russia,

e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9016-3991>

Вклад автора

Пученков А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Puchenkov A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 24 октября 2023 г.; одобрена после рецензирования 26 декабря 2023 г.; принята к публикации 11 января 2024 г.

Article info

The article was submitted October 24, 2023; approved after reviewing December 26, 2023; accepted for publication January 11, 2024.

Персоналия

Персоналия
УДК 929
EDN: ZTELGB
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-180-188

Мудрый руководитель, талантливый историк, прекрасный человек Впечатления ровесников и учеников о И.В. Наумове

П.А. Новиков¹, Л.В. Корчевина¹, Ю.А. Петрушин²

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Профессору кафедры истории и философии, заслуженному профессору Иркутского национального исследовательского технического университета, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору исторических наук Игорю Владимировичу Наумову 29 января 2024 г. исполнилось 70 лет. С 1977 года по настоящее время он трудится в Иркутском Политехническом, в том числе с 1993 по 2016 г. в качестве заведующего кафедрой истории России, пройдя путь от лаборанта до профессора. В статье представлены наиболее яркие и систематизированные впечатления о юбиларе его ровесников Ю.А. Петрушина и Л.В. Корчевиной, и одного из многочисленных учеников – П.А. Новикова, его приемника в должности заведующего кафедрой. Перечислены основные вехи трудовой и научной биографии, детально указаны главные достижения и наименования научных работ. Отмечено, что уже в студенчестве И.В. Наумов обладал хорошей начитанностью и своенравным характером. Через всю жизнь юбилар пронес страсть к туризму, к путешествиям, к познанию окружающего мира, природы, исторических достопримечательностей России. На подвижнической ниве преподавания в высшей школе он проявил себя замечательным человеком, блестящим историком, прекрасным педагогом, стратегически мыслящим организатором и руководителем, продуктивным научным наставником. Свою главную задачу Игорь Владимирович видел в пробуждении интереса студенчества к истории. Педагогический дар, научно-исследовательское трудолюбие, принципиальность и прямота снискали заслуженный авторитет и всеобщее уважение. Он показал редкое умение искренне радоваться успехам подчиненных, не жалел сил для формирования благоприятного психологического климата на кафедре, организуя праздничные и досуговые мероприятия, выезды коллег на природу. И.В. Наумов воплощает идеал всесторонне развитой личности.

Ключевые слова: Игорь Владимирович Наумов, научная биография, трудовая деятельность, диссертации, историография Гражданской войны, история советских органов государственной безопасности, воспоминания, заведование кафедрой, человеческие и деловые качества, Иркутск

Для цитирования: Новиков П.А., Корчевина Л.В. Петрушин Ю.А. Мудрый руководитель, талантливый историк, прекрасный человек. Впечатления ровесников и учеников о И.В. Наумове // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 180–188. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-180-188>. EDN: ZTELGB.

Personalia

Personalia

A wise leader, a talented historian, a wonderful person Impressions of peers and students about I.V. Naumov

Pavel A. Novikov¹, Larisa V. Korchevina¹, Yurii A. Petrushin²

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract. Igor Vladimirovich Naumov, Professor of the Department of History and Philosophy, Honored Professor of the Irkutsk National Research Technical University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, turned 70 on January 29, 2024. From 1977 to the present he has been working at Irkutsk Polytechnic, including from 1993

© Новиков П.А., Корчевина Л.В., Петрушин Ю.А., 2024

to 2016 as head of the Department of Russian History, having worked his way up from a laboratory assistant to a professor. The article presents the most vivid and systematic impressions of the hero of the day of his peers Yu.A. Petrushin and L.V. Korchevina, and one of the many students – P.A. Novikov, his successor as head. The main milestones of the labor and scientific biography are listed, the main achievements and titles of scientific works are indicated in detail. It is noted that already as a student I.V. Naumov had good reading and a wayward character. Throughout his life, the hero of the day carried a passion for tourism, for traveling, for learning about the world around him, nature, and historical sights of Russia. In the ascetic field of teaching in higher education, he proved himself to be a wonderful person, a brilliant historian, an excellent teacher, a strategically thinking organizer and leader, a productive scientific supervisor. Igor Vladimirovich saw his main task in awakening the interest of students in history. Pedagogical gift, scientific and research diligence, integrity and directness have earned well-deserved authority and universal respect. He showed a rare ability to sincerely rejoice in the successes of subordinates, spared no effort to create a favorable psychological climate at the department, organizing festive and leisure events, trips of colleagues to nature. I.V. Naumov embodies the ideal of a comprehensively developed personality.

Keywords: Igor Vladimirovich Naumov, scientific biography, labor activity, dissertations, historiography of the Civil War, history of Soviet state security agencies, memoirs, head of the department, human and business qualities, Irkutsk

For citation: Novikov P.A., Korchevina L.V., Petrushin Yu.A. (2024) A wise leader, a talented historian, a wonderful person. Impressions of peers and students about I.V. Naumov. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 180-188. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-180-188>. EDN: ZTELGB.

Каждому человеку невероятно дороги и полезны его воспоминания, в детстве и юности они отражают формирование личности, в зрелости – ее дальнейшее непрерывное развитие. Ядром этих личных впечатлений и персональных осмыслений является родной уголок нашей большой страны, России – город, улица, дом. Но подлинную ценность этому ядру придают близкие и дорогие нам люди: родственники, друзья, одноклассники и однокурсники, коллеги-сотрудники-соратники, учителя-наставники. Именно они обозначили верные вехи, указали правильный путь, показали личный пример, оставили след в сердце, объединили общими интересами, раскрыли новые горизонты, любезно, а порой самоотверженно наполнив наше сознание положительным духовным и визуальным содержанием. Россия – это, прежде всего, дух, созданный многолетней совместной работой и жизнью, взаимным доверием и уважением. Лучшие фразы, которыми можно обменяться: «Вы дали мне добрый совет», «Хороший выбор и сделан вовремя», «Так держать», «Я знаю его».

Игорю Владимировичу Наумову 29 января 2024 г. исполнилось 70 лет. В 1976 г. он окончил исторический факультет Иркутского государственного университета имени А.А. Жданова, получив диплом историка, преподавателя истории и обществоведения. Предоставим возможность высказаться его однокурснику по 1971–1976 учебным годам – **Юрию Александровичу Петрушину**, ныне доктору исторических наук, профессору Иркутского государственного университета путей сообщения:

Рис. 1. Игорь Владимирович Наумов
Fig. 1. Igor Vladimirovich Naumov

«Игоря Владимировича Наумова я знаю с 1971 г. вот уже более 50 лет. Мы познакомились в 1971 г., когда поступили на исторический факультет Иркутского госуниверситета. Конкурс в ту пору был семь человек на место. На факультет пришла креативная весьма подготовленная молодежь. Среди абитуриентов были и вчерашние ученики иркутских школ, и бывшие воины. Игорь Наумов – выпускник одной из иркутских школ – отличался эрудицией, серьезными глубокими знаниями истории и литературы, превышающими те, что даются в средней школе, хорошо поставленной речью, благодаря разностороннему домашнему воспитанию. Отец Игоря, В. Наумов в ту пору был известным

ученым геологом, преподавателем ИГУ, даже внешне представлял солидного мужчину, заметно выделявшегося в научной университетской среде. Все эти качества проявлялись в студенте – Игоре Наумове, который быстро вошел в «ядро» студенческой молодежи первого курса исторического факультета. При этом он обладал не только хорошей начитанностью, но и своенравным характером, ходил только на занятия, которые были ему интересны. Мне, как старосте группы, стоило немало труда и усилий, чтобы не обострять отношений столь оригинального студента с деканатом. В тот период я не мог предположить, что эта черта Игоря Наумова сыграет положительную роль в его упорном, целеустремленном научном поиске, формировании историографической культуры будущего исследователя. С годами убеждаешься, что стойкий характер имеет немалое значение в достижении научных результатов.

Отнюдь не пренебрегая товарищескими отношениями с однокурсниками, постоянно обсуждались спортивные и иные новости, Игорь дружил со старшекурсником-интеллектуалом Олегом Ворониным, занимался экзотическим в ту пору видом спорта – туристическим скалолазанием. Мы, однокурсники, с удивлением вслушивались в произносимые Игорем, неизвестные нам термины, рассуждения о том, как вязать узлы, канаты, о методике восхождения и т. п. Эта страсть к позна-

нию окружающего мира, природы, достопримечательностей сохранилась у Игоря Владимировича до сих пор. Только теперь профессор И.В. Наумов путешествует на собственном автомобиле, исколесив полстраны. В нем сегодня соединились две противоположные страсти: он – неугомонный путешественник вместе со своей супругой Ольгой Ефимовной и одновременно «шаманский» отшельник, живет за городом в деревянном доме на природе. Если вы встретите профессора И.В. Наумова в поселке Шаманка, с первого взгляда можете не узнать в нем маститого учено-историографа, специалиста по Гражданской войне. Здесь он преобразуется в добропорядочного поселянина, озабоченного сохранением природы, заготовкой дров, весенними посадками. Приезжая в город только на работу, отводит душу с любимым коллективом и студентами и возвращается в свою естественную среду обитания. Двое детей, четверо внуков, любимая жена, друзья, коллеги, работа, что еще нужно, чтобы встретить новый этап в жизни профессору И.В. Наумову.

Поблагодарив Ю.А. Петрушина за яркие и рельефные оценки, вернемся к биографии юбиляра. Игорь Владимирович прошел большой и достойный трудовой и научный путь. Сразу после выпуска (1976–1977-й учебный год) И.В. Наумов работал учителем средней школы № 66 г. Иркутска, ведя историю в 5, 6, 7 и 8-х классах. В октябре 1977 г.

Рис. 2. И.В. Наумов с учениками средней школы № 66 г. Иркутска (1976–1977-й учебный год)
Fig. 2. I.V. Naumov with pupils of the school 66, Irkutsk (1976-1977 academic year)

был принят на должность заведующего методическим кабинетом кафедры истории КПСС Иркутского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института. Оставаясь беспартийным, прошел на «идеологической» кафедре путь от лаборанта, ассистента с февраля 1983 г. до доцента с января 1985 г., а в феврале 1992 г. он был избран заведующим преобразованной из нее кафедры истории России, которой руководил без малого четверть века, сохранив в коллективе атмосферу ответственности и доброжелательности, несмотря на непростой, переломный период.

Игорь Владимирович сделал все возможное для многопланового роста и развития преподавательского состава кафедры, подготовке им диссертаций (остепененность кафедры быстро достигла 100 %), приложил значительные и продуктивные усилия для совершенствования преподавания гуманитарных дисциплин. В 2000 г. в состав кафедры истории влились преподаватели кафедры политологии и культуры, в 2010 г. – преподавательский состав кафедры философии.

Успешно развивалась и его собственная научная деятельность. С ноября 1979 г. по декабрь 1982 г. Игорь Владимирович обучался в целевой аспирантуре при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, где в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию «Советская историография борьбы коммунистической партии против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.)». С началом перестройки и объявлением гласности возрос общественный интерес к малоизвестным или «запретным» страницам советской истории. По просьбе областных властей

И.В. Наумов в 1990–1991 гг. подготовил и опубликовал просветительские работы «Анархизм в России: Политические претензии и уроки», «Лев Троцкий: Жизнь и судьба», «Политические портреты лидеров контрреволюции (В.М. Чернов, А.В. Колчак, Г.М. Семенов)». Выступал с лекциями на те же темы в г. Байкальске и поселке Ново-Нукутском. И.В. Наумов представил анализ политической программы Верховного Правителя А.В. Колчака 21 ноября 1998 г. на общественных «Колчаковских чтениях» в Иркутске, а исторический портрет адмирала изложен в его статье, помещенной в сегодняшнем номере журнала. В 1993 г. в диссертационном совете Иркутского государственного университета И.В. Наумов защитил докторскую диссертацию: «Отечественная историография гражданской войны на Дальнем Востоке 1918–1922 гг.».

Игорь Владимирович – автор множества глубоких научных и оригинальных учебно-методических работ, в числе которых три учебника «История Сибири. Курс лекций» (Иркутск, 2002, 2-е изд. – 2003), «История России» (Иркутск, 2022, в соавторстве с П.А. Новиковым) и пять монографий: «Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-х – середины 1980-х годов» (Иркутск, 1991), «У истоков: изучение истории гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы» (Иркутск, 1993), «Иркутская таможня» (Иркутск, 2002, в соавторстве с С.И. Кузнецовым), «The History of Siberia» (London and New York, 2006); «Позывной «Байкал»: к 100-летию органов безопасности в Иркутской области 1918–2018» (Иркутск, 2017, в соавторстве). Широко известен цикл научных статей по истории органов государственной безопасности в Сибири.

Рис. 3. Научные и учебные труды И.В. Наумова
Fig. 3. Scientific and educational works of I.V. Naumov

*Рис. 4. Коллектив кафедры истории ИрГТУ, май 2007 г.
Fig. 4. The staff of the Department of History of ISTU, May 2007.*

В сфере историографии Гражданской войны не утратил актуальности финальный вывод монографии «У истоков», сделанный три десятилетия назад: «И советские, и белоэмигрантские авторы совсем не случайно добились наиболее ощутимых результатов при освещении действий той стороны, которую они представляли. Поскольку и те, и другие не считали законченным противостояние 1918–1922 гг., то они стремились в первую очередь извлечь практические уроки из опыта гражданской войны и с этой целью дать объективный анализ допущенных в ходе войны ошибок и просчетов. В этом плане советская и белоэмигрантская историографии во многом схожи критическим настроением, даже какой-то беспощадностью по отношению к недостаткам того политического лагеря, к которому принадлежали авторы. И это выгодно отличает, прежде всего, советскую историографию 1920-х – начала 1930-х гг. от историографии последующих периодов, когда появилась тенденция к лакировке действительности, к затушевыванию ошибок. Именно этот критический настрой и позволил ряду историков ярко и объективно осветить многие события, происходившие на Дальнем Востоке в 1918–

1922 гг. Лучшие труды того времени не утратили своего научного значения и поныне».

В 1997 г. И.В. Наумов организовал и руководил работой российской научной конференции «Исторические судьбы православия в Сибири», а в 1998 и 2000 г. организовал и руководил работой международных научных конференций «Сибирь в истории и культуре народов зарубежных стран». Конференции получили гранты Минобразования РФ. В 1997–2000 гг. возглавлял работу авторского коллектива по созданию серии мультимедийных учебных пособий на компакт-дисках по истории России общим объемом более 1 Gb.

Неоднократно выступал с докладами на сторонних научных конференциях, в т. ч. на международных: «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки» (г. Владивосток, 1992), «Сибирь в истории и культуре народов зарубежных стран» (г. Иркутск, 1998, 2000, 2003), «Международная Байкальская конференция» (г. Шневердинген, Германия, 1999), «Мир Центральной Азии» (г. Улан-Удэ, 2002), «Этноистория и археология Северной Азии» (г. Иркутск, 2007) и других. В 2003 г. в составе авторского коллектива стал лауреатом

Премии губернатора Иркутской области за книгу «Иркутск в панораме веков: очерки истории города». В 2011 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Игорь Владимирович зарекомендовал себя замечательным человеком, блестящим историком, прекрасным педагогом, стратегически мыслящим организатором и руководителем. Исследовательский и педагогический талант, научное трудолюбие, принципиальность и прямота, другие качества снискали заслуженный авторитет и глубокое уважение коллег и студентов. Очевидно, самым ценным качеством Игоря Владимировича как человека и руководителя является умение искренне радоваться успехам подчиненных, не бояться здорового соперничества и конкуренции. Его отличает редко встречающееся в социуме и историческом сообществе стремление сделать так, чтобы коллеги получили честный шанс превзойти и «шагнуть дальше и выше».

По отношению к студентам, большинство из которых обучались по инженерно-техническим специальностям, свою главную задачу Игорь Владимирович видел в пробуждении интереса молодежи к истории, в выработке стремления в после-

дующем самим интересоваться отечественным прошлым.

Предоставим возможность высказаться **Ларисе Владимировне Корчевиной**, кандидату филологических наук, доценту ИРНИТУ:

«Двадцать лет после очередного объединения кафедр мне повезло работать в коллективе под руководством Игоря Владимировича Наумова. Все эти годы можно считать периодом моего «включенного наблюдения» за осуществлением заведующим кафедрой управленческих функций. Не будет преувеличением сказать, что личность Игоря Владимировича во многом являет собой образец руководителя научно-педагогического коллектива в высшей школе. Такая оценка не является исключительно субъективной: она основывается на теоретических представлениях об оптимальном стиле руководства, соответствующем определенному типу организации, а они, в свою очередь, опираются на мощный эмпирический фундамент социологии и социальной психологии.

Здесь будет нелишним вспомнить о том, что в рамках названных наук широким фронтом разрабатывались до 90-х годов XX века исследования реальных социальных групп на микро- и мезоуровнях, результаты которых и сейчас не утратили сво-

*Рис. 5. Сотрудники кафедры на оз. Байкал, июнь 1999 г.
Fig. 5. Employees of the department on the lake Baikal*

ей значимости. Не случайно они, подобно ремейкам, встречаются теперь в современных публикациях и по другим дисциплинам, которые появились вследствие корректировки номенклатуры научных специальностей. Естественно, что в изменившихся политических и социально-экономических условиях актуализировалась иная тематика и обновилась терминология, освободившись от идеологизмов ушедшей эпохи. Но заметим, что в действительности иногда терминология только и обновилась, да и она, зачастую, при изложении основного содержания работ осталась прежней. Взять хотя бы слово *тимбилдинг* (да, совершенно новое) и активно используемый сейчас его русский «громоздкий» аналог — *командообразование* (относительно новое). При этом встречается удивительно знакомое изложение характеристик команд, технологий реализации их целей и задач, принципов управления, путей оптимизации разного рода, способов сплочения и т. д. Складывается порой впечатление, что читаешь фрагменты текстов 60–80-х годов, с которыми приходилось знакомиться, когда надо было погружаться в проблематику малых групп, трудовых коллективов, лидерства и проводить собственные исследования. Понятно, что научная лексика, особенно касающаяся изучения человека и общества, наполнилась многочисленными иностранными заимствованиями с безусловным доминированием англицизмов в необычайно короткий срок в результате быстрой коренной трансформации политической системы российского общества, повлекшей за собой изменения и в других системах. Но какой бы эта лексика ни была, положительный личностный образ Игоря Владимировича представить позволяет. Например, о нем можно сказать «успешный руководитель», а можно – и «эффективный менеджер».

Примечательно, что ровно две половины жизненного пути юбиляра пришлись на кардинально различающиеся этапы российской истории, разграничительным рубежом которых стала «перестройка». Процесс первичной социализация И.В. Наумова протекал в русле советской системы воспитания и образования, обеспечив прочное усвоение им гуманистических и высоконравственных ценностей, норм, образцов поведения, что позволило в дальнейшем в полной мере проявить себя человеком добропорядочным, трудолюбивым, ответственным.

Как мудрый руководитель он смог находить оптимальные формы взаимодействия с подчиненными с учетом специфики профессиональной деятельности, хорошо зная как деловые, так и личностные их качества. Последнее он старался максимальным образом выявить еще до приёма на работу. Мотивация его управленческих решений была понятна, тем более, что он часто апеллировал к мнению коллектива и не исключал важности придерживаться принципа справедливости.

Игорь Владимирович использовал все возможности для формирования благоприятного социально-психологического климата и поддержания на кафедре комфортной «среды обитания», включая и её культурно-эстетическую составляющую. Он сам организовывал праздничные и досуговые мероприятия, инициирует и сейчас выезды своих коллег на природу. Несомненно, что он принадлежит к тому типу людей, которые во многом воплощают собой идеал всесторонне развитой личности. Достаточно в подтверждение этого сказать о нем лишь следующее: спортивный (байдарочник, лыжник), эрудированный, скромный, тактичный, принципиальный, умный, трудолюбивый, умелый, целеустремленный, заботливый, доброжелательный. И добавить: Игорь Владимирович и продуктивный ученый с внутренней мотивацией и неугасающим познавательным интересом, и талантливый преподаватель, читающий великолепно живые устные лекции, и в целом такой человек, которого называют просто – очень хороший.

Добросовестно проработав 20 лет в составе диссертационного совета Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Игорь Владимирович внес огромный вклад в подготовку научных кадров высочайшей квалификации в Байкальском регионе. Более 30 раз выступал официальным оппонентом при защите докторских и кандидатских диссертаций.

С особой благодарностью научное наставничество и плодотворное руководство юбиляра вспоминают многочисленные ученики-исследователи, рассмотревшие в своих работах широчайший спектр тем и проблем. Игорь Владимирович подготовил 14 аспирантов и соискателей, защитивших 10 кандидатских диссертаций:

Мильбах Владимир Спартакович «Политические репрессии комначсостава Забайкальского во-

енного округа и 57-го особого корпуса в 1937–1938 гг.» – 2001;

Уварова Ольга Аверьяновна «Реконструкция и техническое перевооружение тяжелой промышленности Восточной Сибири в 1971–1980 гг.: исторический опыт и проблемы» – 2002;

Новиков Павел Александрович «Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области (декабрь 1917 г. – август 1921 г.)» – 2002;

Скорикова Наталья Александровна «Организация и деятельность Иркутской губернской администрации (июль 1918 – декабрь 1919 гг.)» – 2004;

Михайлова Марина Владимировна «Государственная политика в области культуры (на материалах Восточной Сибири 1960-х – 1980-х гг.): опыт и проблемы» – 2005;

Гусева Ирина Александровна «Отечественная историография российско-монгольских отношений первой четверти XX века» – 2006;

Пименова Ирина Александровна «Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (1851–1918 гг.)» – 2009;

Оболкин Евгений Сергеевич «Социальный протест работников образования и здравоохранения Иркутской области в конце XX века» – 2010;

Желновакова Маргарита Федоровна «Протестантские конфессии в Иркутском регионе в середине XIX – начале XXI в.» – 2011;

Информация об авторах

Новиков Павел Александрович,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: novikov710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Корчевина Лариса Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: larisa.kortshevina@hotmail.com

Петрушин Юрий Александрович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,

Романов Александр Михайлович «Особый Маньчжурский отряд атамана Г.М.Семенова в Гражданской войне в Забайкалье в 1918–1920 годах» – 2011;

и подготовивших 4 докторские диссертации:

Меерович Марк Григорьевич «Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.)» – 2004;

Кузин Андрей Васильевич «Военное строительство на Дальнем Востоке СССР (1922–1941 гг.)» – 2004;

Мильбах Владимир Спартакович «Политические репрессии командно-начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флота на Востоке страны в 1936–1939 гг.» – 2005;

Новиков Павел Александрович «Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX века» – 2009.

Очень надеемся, что и в дальнейшем любимая работа будет неизменно приносить юбиляру радость, признание и удовлетворение!

Примите, дорогой Игорь Владимирович, самые искренние пожелания крепкого здоровья, долгих лет жизни, счастья и благополучия! От имени всех коллег – большое человеческое СПАСИБО!

Information about the authors

Pavel A. Novikov,

Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: novikov710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Larisa V. Korchevina,

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: larisa.kortshevina@hotmail.com

Yurii. A. Petrushin,

Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Irkutsk State Transport University, 15, Chernyshevsky St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: yurypetrushin@mail.ru,

e-mail: yurypetrushin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3993-5498>

<https://orcid.org/0000-0003-3993-5498>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 12 февраля 2024 г.; принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 30, 2024; approved after reviewing February 12, 2024; accepted for publication February 19, 2024.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами:** иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 1 (50) 2024

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 25.03.24. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 24,75.
Тираж 500 экз. Заказ 12. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А